

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 9

Январь – Июнь

2019

CHAYKA – ALMANAC n 9

January 2019 – June 2019

Copyright © 2019 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Layout: Alex Marin

Printed in the United States of America

Lulu Press, Inc., Morrisville, NC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-0-359-84402-9

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 9
январь – июнь
2019

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

Предисловие редактора	7
<i>Лариса Миллер.</i> А лучшие из лучших полегли	10
ЧАСТЬ 1. Посвящается Александру Сергеевичу Пушкину. К 220-летию со дня рождения.....	11
<i>Юрий Хейфец.</i> К Пушкину.....	12
<i>Алекс Клевицкий.</i> Талисман Поэта.....	14
<i>Соня Тучинская.</i> В хорошей компании: Пушкин, Вересаев, Эпштейн	19
<i>Ирина Чайковская.</i> Встреча	27
ЧАСТЬ 2. Наш Мемориал	29
<i>Семен Резник.</i> Борис Кушнер – математик, поэт, публицист	30
<i>Валерий Скобло.</i> Память. Дело Зильберберга	48
<i>Александр Сиротин.</i> Польша и евреи. Впечатления и размышления	50
<i>Лев Гуревич.</i> Двойной портрет в интерьере российской и немецкой словесности. Дитмар Розенталь и Марсель Райх-Раницкий	59
<i>Виталий Шрайбер.</i> 27 декабря 1979 года в Кабуле. Рассказ доктора Алексеева	71
<i>Анатолий Петрушин.</i> Явка с повинной (дебют).....	83
ЧАСТЬ 3. Воспоминания	91
<i>Сергей Линков.</i> Человек весны. О Марлене Хуциеве	92
<i>Лейла Александер-Гарретт.</i> Марлен Хуциев в Лондоне	95
<i>Ирина Роскина.</i> НЕ воспоминания	103
ЧАСТЬ 4. Политика	115
<i>Григорий Писаревский.</i> Парад любителей, или кто хочет стать Президентом.....	116
<i>Роман Солодов.</i> Тектонические перемены. Расстановка сил.....	122
<i>Элиэзер Рабинович.</i> Колыма как родина страха. Комментарий к фильму Юрия Дудя.....	128
ЧАСТЬ 5. История и География	137
<i>Александр Булгаков.</i> Рубка леса. По следам Русско-Кавказской войны	138
<i>Лев Бердников.</i> Загадка автографа. Владимир Бурцев	145
<i>Лев Гуревич.</i> Казус Лиона Фейхтвангера.....	153
<i>Семен Белкин.</i> Полярный детектив	163

<i>Ксения Кривошеина. О книге «Золотые купола над Парижем»</i>	171
<i>Сергей Голлербах. Путевые заметки. Флоренция глазами русского</i>	174
<i>Борис Левит-Броун. Итальянские записки. Извлечения</i>	178
<i>Элеонора Мандалян. Гавайи – огненный рай на Земле</i>	191
ЧАСТЬ 6. Наука	199
<i>Генрих Голин. Рождение науки. Жизнь и наследие Аристотеля</i>	200
<i>Элеонора Мандалян. Животные наоборот. Разум растений</i>	205
<i>Александр Рабинович. Древние затмения и загадки астрономии</i>	212
ЧАСТЬ 7. Наши интервью	219
<i>Евсей Цейтлин. Судьба и выбор. Из цикла «Откуда и куда». Евсей Цейтлин – Лев Бердников</i>	220
<i>Ирина Чайковская. Интервью с Анатолием Валюженичем – исследователем жизни и творчества Лили и Осипа Бриков</i>	229
<i>Ирина Чайковская. Переплетение реального и фантазийного. О книге «Анекдоты из пушкинских времен». Интервью с писательницей и искусствоведом Верой Чайковской</i>	241
<i>Евгения Народицкая. «Психотерапия помогает при всех заболеваниях, связанных с хроническим стрессом». Интервью с психотерапевтом Иваном Кирилловым</i>	245
<i>Ольга Соловьева. Интервью с Онегиным. Василий Туркин на сцене Ленинградского Дворца Молодежи. Из записок на коленке</i>	256
<i>Даша Кашина. Будущее Украины – какое оно? Интервью с Артемом Афяном</i>	263
ЧАСТЬ 8. Литература, живопись, музыка	271
<i>Михаил Синельников. О первых двух томах десяти томной антологии русской поэзии. От составителя</i>	272
<i>Анатолий Валюженич. «Пиратская баллада» Лили Брик. Из цикла «Штрихи феномена»</i>	275
<i>Валентина Агафонова. Москва – Портбоу. Художник Наталья Веселовская</i>	283
<i>Игорь Волошин. Скульптор Милтон Хорн. Биографический очерк</i>	289
<i>Илья Марин. Фестивальные страсти: Сан-Ремо</i>	300
ЧАСТЬ 9. Театр	303
<i>Борис Голубицкий. Письмо Актрисе</i>	304
<i>Анна Филиппова. Старая новая «Матросская тишина»</i>	308

<i>Нина Аловерт. Юрский – чтец. Отрывок из воспоминаний</i>	314
<i>Зарина Кушельман. Моноспектакль «В городе Бердичеве» в исполнении Бориса Казинца</i>	318
ЧАСТЬ 10. Проза	325
<i>Вера Чайковская. Женская натура</i>	326
<i>Яков Фрейдин. Машинка с ушами. Из серии «Приключения изобретателя»</i>	338
<i>Геннадий Разумов. Время назад</i>	343
<i>Зоя Мастер. Зазеркалье</i>	348
<i>Михаил Гаузнер. Когда мы были молодые...</i>	358
<i>Кира Белостоцкая. Два рассказа про С. П. Королева</i>	363
<i>Наталья Замулка-Дюбуше. Воспитание мужа картофельным пирогом</i> ... 367	
ЧАСТЬ 11. Поэзия	371
<i>Михаил Рахунов. Поэзия</i>	372
<i>Марина Мичурина. Стихи рождаются в душе</i>	373
<i>Виктор Райзман. Нотр-Дам</i>	374
<i>Саша Зеленская. Не снимай пальто (дебют)</i>	376
<i>Людмила Свирская. В Лондоне. Я не сильная женщина</i>	377
<i>Татьяна Белянчикова. Ну, бывает. Поиграл и бросил</i>	379
<i>Татьяна Парсанова. Не цветами – лебедой. Выключаю разум</i>	380
<i>Ушанги Рижинашвили. Большое Яблоко</i>	382
<i>Владимир Спектор. Среди забытых басен и былин</i>	383
<i>Зоя Бобкова. Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек</i>	384
<i>Лариса Миллер. Я знаю всё про тут</i>	385
<i>Михаил Синельников. Серебряный век</i>	386
ЧАСТЬ 12. Детский альбом	387
<i>Вадим Чирков. Три коротких сказки</i>	388
<i>Александр Ралот. Тарелочки</i>	390
ЧАСТЬ 13. Юмор	395
<i>Олег Пряничников. Договор</i>	396
<i>Евгений Обухов. Страшное существо</i>	397
<i>Александр Матлин. Культурное ущелье</i>	399
<i>Григорий Яблонский. К телу</i>	404
Сведения об авторах	406

Предисловие редактора

Дорогие читатели, в нашем очередном Альманахе ЧАЙКА № 9 участвуют 65 авторов из 11 стран.

Вот они: Америка, Россия, Израиль, Англия, Франция, Италия, Испания, Германия, Чехия, Украина и Казахстан. Почти половина авторов – из Америки, почти треть из России. Что до читателей, то судя по ГУГЛУ, нас читают по всему миру.

Наш новый Альманах посвящен Пушкину, 220-летие которого отмечалось в 2019 году. Поиски картинки для обложки были долгими. Хотелось, чтобы портрет поэта был написан непрофессиональной детской рукой. В результате изображение молодого Пушкина мы взяли у Нади Рушевой, гениальной художницы, умершей в 17 лет.

Как всегда Альманах имеет эпиграф. На этот раз это стихотворение Ларисы Миллер «А лучшие из лучших полегли». Поэтесса констатирует общее положение дел на нашей родине, где талантам, людям выдающимся живется, пожалуй, тяжелее, чем остальным.

С эпиграфом перекликаются многие материалы и главное – стихотворение Юрия Хейфеца из первой части АЛЬМАНАХА «Посвящается А. С. Пушкину». Оно называется «К Пушкину», в нем автор проводит мысль, что Пушкин стремился к смерти и сознательно шел на скандал, чтобы направить на себя пулю Дантеса.

Всего в Альманахе 13 частей. Многие из них традиционны. В этот раз обычный для Альманаха раздел «Война и террор» приобрел название «Наш Мемориал», а часть «Путешествия» была нами расширена и названа «История и География». Такой же расширенной, объединившей три искусства, стала часть «Литература, живопись, музыка». Остались без изменения названия части «Воспоминания», «Наука», «Проза», «Поэзия», «Детский альбом», «Юмор». Новый альманах впервые включил такие части, как «Политика» и «Наши интервью», причем о последнем разделе нужно сказать особо.

Полугодие оказалось урожайным на интервью – с людьми интересными, яркими, имеющими, что сказать читателю. Это первое. И второе: некоторые интервью нашли продолжение в дальнейших публикациях. Так, интервью писателя из Чикаго Евсея Цейтлина с писателем, автором книг на исторические темы Львом Бердниковым, хорошо дополняется статьей последнего «Загадка автографа. Владимир Бурцев» о судьбе замечательного, не слишком известного деятеля русской культуры.

А взятые мною интервью у «бриковеда» Анатолия Валюженича и писательницы и искусствоведа Веры Чайковской служат прологом к публикациям обоих (статьи «Пиратская Баллада» Лили Брик» Анатолия Валюженича и рассказа «Женская натура» из новой книги Веры Чайковской «Анекдоты из пушкинских времен»).

Кроме хорошо известных нашим читателям имен – уже названного мною Всея Цейтлина, Элеоноры Мандалян, Ларисы Миллер, Михаила Синельникова, Александра Сиротина, Семена Резника, Якова Фрейдина, Романа Солодова, Григория Писаревского, Льва Гуревича, Лейлы Александер-Гарретт, Ксении Кривошеиной, Нины Аловерт, Сергея Голлербаха, Ирины Роскиной, Григория Яблонского, Сони Тучинской, Игоря Волошина, Веры Чайковской, Генриха Голина, Александра Рабиновича, Виталия Шрайбера, Александра Ралота, Вадима Чиркова, Ольги Соловьевой, Даши Кашиной, Евгении Народицкой, поэтов Владимира Спектора, Юрия Хейфеца, Зои Бобковой, Виктора Райзмана, Татьяны Белянчиковой, – в Альманахе присутствуют и новые имена.

В этом году нашим автором стал Элизер Рабинович, чьи статьи на общественные и политические темы не могут не обратить на себя внимания. Не так часто балует нас рассказами Зоя Мастер, а статьями - кинорежиссер Сергей Линков из Бостона и театральный режиссер из Санкт-Петербурга Борис Голубицкий.

Уникальный материал о пушкинском кольце-талисмানে прислал нам житель Массачусетса Алекс Клевицкий.

К новым у нас, но весьма профессиональным авторам принадлежат морской историк, житель Мэриленда Семен Белкин, Александр Булгаков из Челябинска, живущий в Италии поэт Борис Левит-Броун, поэт из Чикаго Михаил Рахунов, нью-йоркский поэт Ушанги Рижинашвили.

Приветствуем в нашем Альманахе двух подруг, живущих в разных местах, списавшихся с нашим журналом и начавшим с ним активно сотрудничать. Говорю о жительнице Франции Наталии Замулка-Дюбуше и авторе из Каталонии Валентине Агафоновой. Содержательную статью о моноспектакле народного артиста Грузии Бориса Казинца «В городе Бердичеве» написала Зарина Кушельман из Мэриленда.

Рады присутствию в Альманахе недавно начавшего сотрудничество с журналом, но быстро ставшего его постоянным автором (и комментатором) Михаила Гаузнера из Одессы. В разделе поэзии в Альманахе дебютировали Марина Мичурина из Америки, Людмила Свирская из Чехии, Татьяна Парсанова из России.

А поэтесса Саша Зеленская из Франции, журналист Анна Филиппова из Москвы, написавшая о спектакле по пьесе Галича «Матросская тишина», и автор очерка о музыкальном фестивале в Сан-Ремо Илья Марин из Америки только-только начали свой путь в русскоязычных изданиях. Желаем им успеха на этом пути! Есть у нас и поздний дебют, имею в виду питерца Анатолия Петрушина с его глубоким, имеющим двойное дно рассказом «Явка с повинной».

И в конце скажу о наших «юмористах». Труднейший жанр. Кроме уже названного Григория Яблонского, он представлен в нашем альманахе маститым юмористом-сатириком, нью-йоркцем Александром Матлиным и россиянами Евгением Обуховым и Олегом Пряничниковым.

Огромная благодарность тем, кто помогал в создании Альманаха № 9. Это неизменный помощник Александр Марин, сделавший всю полиграфическую и дизайнерскую работу, а также члены редколлегии – Элеонора Мандалян, Евсей Цейтлин, Александр Сиротин, Николай Боков, Сергей Бычков, его первые читатели и критики. Особая благодарность Евсею Цейтлину, издателю чикагского ежемесячника «Шалом», за бесценные советы. Благодарю Марка Мейтина, обеспечивающего техническую работу сайта.

Спасибо авторам и читателям нашего журнала, без их моральной поддержки мы не смогли бы работать.

Альманах вышел из печати – и летит к вам, дорогие читатели. Ловите!

Ирина Чайковская

Большой Вашингтон,
Июль 2019 года

Лариса Миллер

Москва, Россия

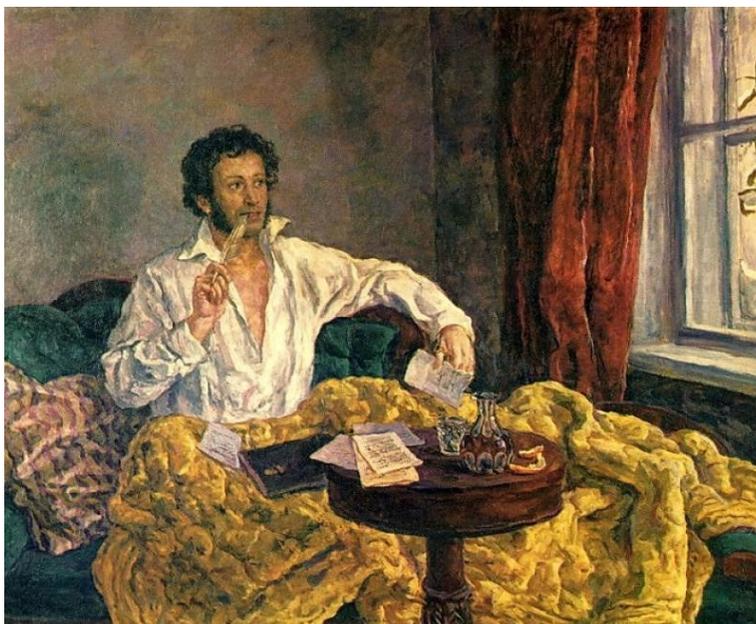
А лучшие из лучших полегли

А лучшие из лучших полегли.
Причём не сами. Им здесь помогли.
Им в сих краях охотно помогают.
Здесь лучших ни за что не проморгают.
На лучших у России острый нюх,
Не переносит Родина на дух
Особо одарённых, окрылённых,
Неведомо за что в неё влюблённых,
И, не желая с ними вместе жить,
Торопится на месте уложить.

2017

Часть 1

Посвящается Александру
Сергеевичу Пушкину. К 220-летию
со дня рождения

Петр Кончаловский. Пушкин в Михайловском (1940)

Юрий Хейфец

Москва, Россия

К Пушкину

...и всё, и ни о чём не гредишь,
И сам себе – вполне вандал,
И, так как в петлю не полезешь,
Нарваться надо на скандал:
Любой годится повод, чтобы
Тупой спесивый идиот
Вогнал во тьму твоей утробы
Одну из тех свинцовых нот,
Что входит важным элементом
В тягучий траурный напев –
Не медли, пользуйся моментом,
Ты пил вино, амурил дев,
Умел дружить и делать ставки,
Которых выше в мире нет
И строк точёные булавки
Втыкать в расплывчатый предмет,
Что называется Вселенной –
Теперь пора. Ты так устал,
Что даже скукою нетленной
Вдруг упиваться перестал –
Пошёл, ямщик! Гони по встрече!
Посторонитесь, господа,
Покуда воды Чёрной речки
Не покраснели от стыда –
Мне недостойным быть негоже
Пути прямого своего!

Народ безмолвствует? – Так что же? –
Я не в ответе за него!

06.06.19.

Алекс Клевицкий
Массачусетс, США

Талисман Поэта

Напомним читателям, что перстень-талисман, подаренный Пушкину Елизаветой Воронцовой, после смерти поэта перешел к Василию Андреевичу Жуковскому, а затем – через его сына Павла Жуковского – оказался у Ивана Сергеевича Тургенева. После смерти Тургенева Полина Виардо передала перстень-талисман в Пушкинский Лицей. После революции он бесследно исчез. Ниже мы публикуем материал, любезно присланный в ЧАЙКУ Алексом Клевицким.

Воспитанник, позднее преподаватель Императорского Александровского лицея действительный статский советник Аркадий Николаевич Яхонтов (18.09.1876, Санкт-Петербург – 29.09.1938)

Ницца) написал публикуемый очерк в Каннах 27 мая 1938 за несколько месяцев до кончины. До революции Аркадий Николаевич служил в Канцелярии совета министров, был личным секретарем П.А. Столыпина; позднее начальником отдела управления финансов правительства Юга России при генерале Врангеле. Эмигрировал в 1920 году.

Аркадий Николаевич Яхонтов. 1928 год

В Александровском лицее А.Н. Яхонтов вместе с бывшим однокурсником, С.М. Аснашем составил «Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея», где в приложении были даны оттиски подлинного (во избежание возможной огласки) Пушкинского перстня-Талисмана – кольца с сердоликом, подаренного Пушкину в Одессе Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой. В то время подлинный перстень был уже из музея украден и заменен подделкой.

Об истории Пушкинского перстня-Талисмана написано немало, во многом противоречивого. Воспоминания А.Н. Яхонтова, датированные и подписанные им, особенно ценны тем, что дополняют ранее опубликованные документы. Упомяну лишь визитную карточку Ильи Александровича Шляпкина, [1] хранящуюся в Рукописном

отделе Пушкинского дома о похищении подлинного перстня: «Оттиск с перстня Пушкина, хранящегося в Лицейском музее Пушкина».

«Сегодня 19 мая 1897 г. я слышал вместе с В.А. Шильдером рассказ Дорспрунг-Целицы о покраже этого перстня старшим дядькой при бароне Врангеле. Настоящий перстень пропал, и это только копия, сделанная на память. И. Шляпкин» [2].

Кто был этот старший дядька, нам оставалось бы только гадать, если бы А.Н. Яхонтов в своём очерке не назвал имена предполагаемых похитителей.

Публикуется с сохранением орфографии оригинала.

Въ книгѣ Н. Ашукина «Живой Пушкинъ» /Московское Т-во Писателей 1934/ имѣются слѣдующія строки по поводу знаменитаго перстня /«Талисмана»/ Пушкина, который былъ пожертвовано г-жею Віардо въ Пушкинскій Лицейскій Музей въ 1887 году:

«Изъ лицейскаго музея въ концѣ девяностыхъ годовъ перстень былъ украденъ музейнымъ сторожемъ и проданъ одному изъ петербургскихъ антикваровъ. Когда кража была обнаружена и сторожъ сознался, администрація музея бросилась въ поиски за перстнемъ, но найти его не удалось. Пропажу перстня рѣшено было скрыть. По фотографіямъ и отпечаткамъ исчезнувшаго перстня была сдѣлана копія, но и она была украдена изъ музея въ 1917 году.»

Свѣдѣнія эти не вполне точны.

Въ связи со столѣтіемъ рожденія Пушкина, 55 курсъ учредилъ два генеральства для завѣдыванія Пушкинскимъ Музеемъ съ возложеніемъ на новыхъ генераловъ /С.М. Аснашъ и А.Н. Яхонтовъ/ составленіе описанія Музея, которое было закончено и издано в Маѣ 1899 года.

В лицейскихъ кругахъ давно ходили смутные слухи о приводимой г. Ашукинымъ исторіи. Назывались имена завѣдывавшаго Пушкиніаной /так назывались до 1899 года собранія/, Библіотекаря и Воспитателя Лицея Я.Г. Сѣверскаго и старшаго дядьки Хочева. Между темъ, въ соотвѣтствующей витринѣ перстень лежалъ въ старомъ футлярѣ съ приложенной к нему запиской г-жи Віардо и считался одною изъ главнѣйшихъ реликвій Музея.

Принявъ на свою отвѣтственность храненіе Музея, С.М. Аснашъ и А.Н. Яхонтовъ сочли первымъ своимъ долгомъ провѣрить указанные слухи.

Изъ разспросовъ старыхъ лицейскихъ служащихъ выяснилось, что дѣйствительно въ началѣ 1890-хъ годовъ въ Лицеѣ упорно говорили о

пропажѣ подлиннаго перстня. Хочевъ былъ уволенъ, а Сѣверскій вслѣдъ за нимъ вынужденъ былъ подать въ отставку. Оба эти лица весьма подозрительны: первый – отличался взиманіемъ взятокъ съ подвѣдомственныхъ ему младшихъ дядекъ и вообще неуваженіемъ къ частной собственности; второй – пользовался и среди сослуживцевъ и среди воспитанниковъ настолько плохую репутаціей, что по увольненіи изъ Лицея не могъ нигдѣ получить казѣннаго мѣста и занимался различными сомнительными дѣлами и профессіями до метръ-д-отеля въ подозрительномъ увеселительномъ мѣстѣ. По общему мнѣнію, оба эти субъекта были вполне способны на совершеніе приписываемаго имъ дѣянія. Къ сожалѣнію, б. Директоръ Лицея баронъ Ф.Ф. Врангель былъ серьезно боленъ, когда производилось разслѣдованіе, и отъ него не удалось получить свѣдѣній.

Вопреки утверженію г. Ашукина, перстень не исчезъ, а былъ замѣненъ поддѣлкою. Поэтому сначала никто не обратилъ вниманія на слухи и полиція не была привлечена къ разслѣдованію. Такимъ образомъ, свѣдѣнія г. Ашукина о поискахъ администраціи и о заказѣ начальствомъ Лицея новаго перстня не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

С.М. Аснашъ и А.Н. Яхонтовъ обнаружили въ архивѣ Музея сургучные снимки съ подлиннаго перстня, сдѣланные при полученіи его отъ г-жи Віардо. Сдѣлавъ такіе же оттиски съ находившагося въ витринѣ перстня и сравнивъ его съ прежними, они пришли къ заключенію, что между тѣми и другими есть несомнѣнная разница: на первыхъ – вырѣзанные знаки и края гораздо менѣе рѣзки и опредѣленны, чѣмъ на вторыхъ. Собранный матеріалъ былъ переданъ отцу лицеиста 56 курса г. Иванову, состоявшему въ вѣдомствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстному ориенталисту и знатоку древне-еврейскаго языка, на которомъ была изображена надпись на перстнѣ. Въ письменномъ заключеніи г. Ивановъ согласился с мнѣніемъ С.М. Аснаша и А.Н. Яхонтова о поддѣлкѣ перстня. При этомъ, он указалъ, что поддѣлка исключительно хорошо выполнена, надпись воспроизведена безукоризненно и самое кольцо сдѣлано съ большимъ искусствомъ. Такая работа требовала крупныхъ денегъ и могла быть выполнена лишь спеціалистомъ или, во всякомъ случаѣ, под наблюденіемъ лица, глубоко освѣдомленнаго в древне-еврейской транскрипціи.

Приведенныя данныя заставили предположить, что въ разсматриваемомъ случаѣ дѣло идѣтъ не о простой кражѣ, а о подмѣнѣ перстня какимъ-либо маниакомъ-коллекціонеромъ, не

остановившимся передъ значительными затратами на поддѣлку кольца и на подкупъ сообщниковъ.

К сожалѣнію, предпріятыя С.М. Аснашемъ и А.Н. Яхонтовымъ мѣры къ собиранію свѣдений объ извѣстныхъ собирателяхъ рѣдкостей и пушкинѣианцахъ, у которыхъ могъ бы находиться перстень, не привели къ желательнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ судьба окружѣннаго таинственнымъ ореоломъ «Талисмана» остаѣтся до сихъ поръ таинственной.

Что же касается самой копіи перстня, хранившейся въ Музеѣ до революціи, то въ приложенной къ Памятной Книжкѣ Лицея 1929 г. статьѣ «Конецъ ИМПЕРАТОРСКАГО Александровскаго Лицея» читаемъ слѣдующее:

Въ первые дни революціоннаго переворота «большую тревогу внушала вопросъ о сохранности богатаго лицейскаго имущества и, въ частности, Пушкинскаго Музея съ его цѣнными рукописями и разными медалями и реликвіями. Попытка снести съ Государственной Думой не увѣнчалась успѣхомъ, и А.А. Повержо [3] рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ воспитателемъ Н.А. К-вымъ въ мѣстный, только что образовавшійся, комиссаріатъ. Послѣдній помѣщался въ зданіи кинематографа на углу Большаго проспекта. Комиссаромъ оказался А.В. Пѣшехоновъ, который, выслушавъ А.А. Повержо, поручилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ, д-ру Найменову, принять мѣры къ охранѣ Лицея. Тотъ захватилъ съ собою 8-10 солдатъ, одѣтыхъ в форму Гренадерскаго полка, и отправился тотчасъ въ Лицей. Войдя въ вестибюль, д-ръ Найменовъ забѣжал на несколько ступенекъ впередъ и съ театральнымъ жестомъ спросилъ солдатъ, знают-ли они, куда они пришли – «Здѣсь воспитывался величайшій поэтъ Земли Русской А.С. Пушкин.» / Маленькая неточность, в данной обстановкѣ впрочемъ, простительная/. На солдатъ эти слова, однако, не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія. Послѣ этого были расставлены часовые въ главныхъ пунктахъ Лицея, и отведено помѣщение для караула. Защитники оказались, однако, ненадежными. На утро караулъ исчезъ, остался только один часовой, и тотъ не зналъ, какого полка были остальные, приведенные съ нимъ д-ромъ Найменовымъ. Но оказалось, что взломанъ стѣнной желѣзный шкафъ въ квартирѣ Директора, гдѣ хранились цѣнности Пушкинскаго Музея, и что исчезло нѣсколько медалей, золотое перо, Пушкинское кольцо, талисманъ поэта, пуля... Бросились въ казармы Гренадерскаго полка, но тамъ о лицейскомъ караулѣ не имѣли никакого понятія. На новообразованную милицію рассчитывать не приходилось, и вещи пропали безвозвратно.»

Арк. Яхонтов
Cannes, 27 мая 1938 г.
Примечания

1. Илья Александрович Шляпкин (09.05.1858 – 29.04.1918) – заведующий кафедрой русской словесности в Александровском лицее и куратор Пушкинского музея. Музей находился в ведении воспитанников выпускного класса.

2. Т. И. Краснобородько. «Жаль Кольца» (Невостребованный документ о судьбе Пушкинского перстня-талисмана). Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. Санкт Петербург, 2012.

3. Повержо, Александр Александрович (1870? – после 1922)— действительный статский советник в звании камергера. Окончил Императорский Александровский лицей в 1891 году. Последний инспектор воспитанников Александровского лицея. В эмиграции жил в Польше.

Публикация, вступление и комментарии Алекса Клевицкого

Соня Тучинская
Сан-Франциско, США

В хорошей компании: Пушкин, Вересаев, Эштейн

Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады.

Пушкин

Нынешней весной коротаю вечера с «Пушкин в жизни. Спутники Пушкина» Вересаева. Читаю беспорядочно, с конца наперед, с

середины, потом опять с начала. Когда-то эта книга помогала, хотя бы на время, забыть о смердящем мире «узаконенного абсурда», в котором мы жили в эпоху «развитого социализма». Парадоксальным образом, ровно для этих же целей – «уколоться и забыться» – ее можно использовать и сегодня. А ведь уже чуть не три десятилетия прожито в самом что ни на есть оплоте «развитого капитализма», а значит, под сенью непреходящих западных ценностей. Однако, когда эти ценности на твоих глазах по требованию политкорректной инквизиции вырождаются в полную свою противоположность, медленно подбираясь к тому, от чего мы бежали, невольно приходишь к печальному заключению: нынче, по части «узаконенного абсурда» приютившая меня страна ничуть не уступает моему социалистическому отечеству.

Вот поэтому и антидот можно не менять.

«Пушкин в жизни», за исключением предисловия, не содержит авторской речи. Вересаев взял на себя титанический труд собрать в хронологическом порядке сотни документальных свидетельств жизни Пушкина, от метрической записи Богоявленской Елоховской церкви о его рождении до воспоминаний очевидцев последних часов его земной жизни в доме на Мойке 12.

Не читать подряд, а спорадически припадать к наугад открытой странице вересаевского сборника – занятие не только увлекательное, но и необычайно утешительное. Ну вот, скажем, откроется он на донесении старшего врача полиции Иоделича о том, что «первый из стрелявшихся ранен пулею в нижнюю часть брюха...», и от этой печальной для всех, кто знает русский алфавит даты, как бы назло непреложному факту, можно опять перенестись в лицейские года Пушкина. Там, среди прочих воспоминаний о его царкосельском отрочестве, есть изумительно интересное свидетельство Ивана Пуцина, того самого, который потом будет награжден титулом «мой первый друг, мой друг бесценный»:

«Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чём-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся, однако, в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами: «От всенощной вечер идя домой...» (и т. д.). «Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», — сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило

меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов (лицейский профессор исторических наук. — Т. Ц.), мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ. Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее».

Двое подростков наблюдают в окно заурядную уличную сценку. Один вглядывается в нее продолжительней другого, который бросает в окно лишь короткий насмешливый взгляд. На следующее утро второй вручает первому озвученную реконструкцию увиденной ими обоими сцены:

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
— Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает:
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой п..де соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

Звонкое русское слово, употребленное в проказливом моралите финала не умаляет, а, напротив, подчеркивает шаловливое изящество сей поэтической шутки, написанной той же юношеской рукой, что и первые любовные стихи того же лицейского периода.

В книге «Записи для себя» Вересаев писал:

«Пушкин до конца жизни изумлял знавших его большим цинизмом в отношении к женщинам, — а в творчестве своем давно уже дошел до чистейшего целомудрия, какое редко можно встретить у какого-нибудь другого художника. Это, конечно, не притворство было и не подделка, — на высотах творчества для него органически противны были всякое любострастие и цинизм...»

Сходу напрашивающийся пример — «Я помню чудное мгновенье», хрестоматийно известное любому российскому школьнику. Через три

года после написания этого общепризнанного шедевра любовной лирики имя героини, подвигнувшей Пушкина на его создание, упоминается им в письме близкому другу следующим образом:

Пушкин – Соболевскому

Вторая половина февраля 1828 г. Из Петербурга в Москву

Безалаберный!

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь мне о М-ме Керн, которую с помощью божией я на днях <у.б>...

Однако, Вересаев в качестве иллюстрации своей мысли приводит не расхожее «Я помню чудное мгновенье», а «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением», не сравнимое с первым по психологической глубине и художественному совершенству. Оно дошло до нас в нескольких списках, помеченных разными датами, от 1830-го до 1832-го года. Автограф его утерян. Пушкинисты ведут бесконечный спор об имени той, кем навеян этот, возможно, самый сокровенный образец русской любовной лирики. В адресатке этого поэтического послания подозревают нескольких женщин в широком диапазоне от юной жены поэта до его тригорской приятельницы Аннеты Вульф.

Но для нас это большого значения не имеет. Истинная поэзия – самодостаточна. Она сама создает новую реальность.

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаёшься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

Вересаев, врач по профессии, сказал по поводу этих строк поразительные слова:

«В сущности, это подробнейшее чисто физиологическое описание двух половых актов, – с страстной женщиной и с женщиной холодной. И какая при этом целомудренная красота, какая чистота!»

Но куда дальше пошел в оценке пушкинского шедевра Михаил Эпштейн – «новый Бахтин», культуролог, философ, эссеист, представитель блестящего поколения филологов и лингвистов далеких 70-х:

«... Такое противопоставление богатой и бедной, оргиастической и заторможенной эротике проводится в стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением... » Максимальная эротика требует крупных и быстрых телодвижений («Когда, вивясь в моих объятиях змеей, Порывом пылких ласк и язвою лобзаний Она торопит миг последних содроганий!»), тогда как бедная почти неподвижна, но, создавая барьер на пути инстинкта, тем более чувствительна к саднящей неге его преодоления («Стыдливо-холодна, восторгу моему Едва отвечаешь, не внемлешь ничему И оживляешься потом все боле, боле – И делишь, наконец, мой пламень поневоле!»). Вот это «поневоле» и есть пик и контраст сладострастия, когда огонь растопляет лед, а не лижет жадным языком другой огонь.

Несколько лет назад в Атланте, куда я часто летаю, чтобы свидеться со старыми и новыми друзьями, мне совершенно случайно выпала удача провести несколько часов в обществе автора вышеприведённого текста. Михаил Эпштейн служил тогда профессором на кафедре славистики Emory University в Атланте, и у него в тот год вышла новая книга «Любовь в пяти измерениях». О ней мы и говорили в его служебном кабинете, прежде, чем он мне ее подписал. Видимо, подробное знакомство с его очаровательно-эпатажной книгой придало мне смелости и мы «болтали свободно и раскованно» как раз на те рискованные темы, которые он столь скрупулёзно, и вместе с тем, столь артистично в ней исследует. Через каких-то пять минут разговор наш принял характер, совершенно непредставимый для первой встречи доселе незнакомых, к тому же, разнополых людей.

Он спросил меня, когда и при каких обстоятельствах я узнала, откуда берутся дети.

Вопрос этот ничуть не показался мне странным, и я поведала ему, что мое детство и отрочество прошли на рабочей окраине Ленинграда. Что про «это» окружающие меня малолетки говорили между собой с циническим откровением, делясь друг с другом сакральными знаниями, добытыми в скотских условиях проживания в одной

комнате с не старыми еще родителями. Я сама, вполне сложившийся продукт окружающей меня среды, лет восьми от роду с упоением, помню, повторяла похабнейшую считалку в формате таблицы умножения: одиножды один – шел гражданин, одиножды два – шла его жена, ну, и так далее, вплоть до вполне жеребьячьего «описания полового акта» к концу таблицы. «Грязная» тайна рождения и все, что ей предшествует, была мне к тому времени хорошо известна. Полученная напрямую из уст соседского мальчиaka, главного дворового авторитета в вопросе про "это", она вызывала у меня странную смесь жгучего любопытства и отвращения. В последнем был элемент,...э-э, как бы это поточнее выразиться, – претензии к Создателю, что ли. Зачем Он устроил так, чтобы «любовь» осуществлялась через органы выделения? Такими эвфемизмами, как и понятием «Создатель», я тогда оперировать, разумеется, не могла, а думала об этом простыми, привычно грубыми словами. В сухом остатке думы мои сводились к следующему: ну, неужели нельзя было использовать другие места, ну, скажем, ухо или подмышку. Таким образом, первое, и довольно фундаментальное разочарование в человеческой природе настигло меня в самом нежном возрасте.

Мой высокий собеседник, в свою очередь, поделился собственным опытом познания тайны тайн. Его история была куда короче. Семья его жила в собственном домике, во дворе которого главным другом игр маленького Миши Эпштейна был его родной дедушка. Будучи, вследствие этого, ненормально долго огражден от любых нечистот жизни, будущий знаменитый лингвист и культуролог пребывал в счастливом неведении чуть ли не до 14-ти лет, греша, правда, не на ухо или подмышку, а на пупок...

Несмотря на такое позднее вхождение в тему, книгу «Любовь в пяти измерениях» написал он, а не я.

Он спросил меня, как я справилась тогда со всем этим с раннего детства налипшим на душу «знанием». И не удивился, когда услышал, что единственное, что отличало меня от моих brutальных сверстников, хотя наши отцы вкалывали простыми работягами на одном и том же заводе, – это запойное чтение хороших книг. Сначала я доставала их из объемистого чрева дивана, на котором спала и который, таким образом, служил мне одновременно и книжным шкафом и оттоманкой. Чесала подряд целыми собраниями сочинений. Чехова, Куприна, Гоголя... А потом отец стал брать для меня книги в заводской библиотеке. Вслед за временем, на которое пришлось декларирование непечатной «таблицы умножения», настала пора, когда без книг, написанных «лучшими из мертвых», жить было уже

как бы совершенно непредставимо. А когда в ход пошли «Темные аллеи» Бунина, любовная лирика Державина, Пушкина, Тютчева, Блока, Маяковского (с его «Лиличка!», как ни странно, все и началось) – мир внутри меня сказочно преобразился, хотя вокруг меня он оставался тем же. Понимание того, что любовь – это не комбинация поз и телодвижений, а нечто мучительное и блаженное, что единственно подымает человека над гнусной обыденностью, медленно просачивалось в порченный «улицей» взгляд на «это».

Позже, с другими книгами, пришло осознание двойственной природы человека, его пугающе равной предрасположенности к добру и злу, самопожертвованию и эгоизму, милосердию и жестокости. По юношеской дерзости и недомыслию, я думала, что эта неочевидная и сокрытая от других истина, случайно приоткрылась именно мне. Ведь в школе мне не сказали, что об амбивалентной природе человека люди догадывались за тысячу лет до моего рождения:

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир – многолик.
Он ничтожен – и все же безмерно велик!

Ну, в общем, понятно, что все это отличало меня от моих сверстников более даже, чем вызывающе еврейская внешность и фамилия. К позднему отрочеству книжные семена "разумного, доброго, вечного" так глубоко и надежно проросли в моей отзывчивой на слово душе, что без боязни нанести ей ущерб, меня уже можно было оставлять в этой жизни без чьего-либо присмотра.

Профессор Эпштейн рассказал мне, как учит русской литературе своих американских студентов, и я от души позавидовала этим оболтусам, в точности, как тем счастливым, кого в 50-х в Корнельском Университете обучал этому же предмету Набоков. Просто я еще до встречи с Михаилом Эпштейном знала, что на кириллице ТАК, как это делает он, не пишет сегодня никто в мире. Ну, вот навскидку, не хотите читать его большие тексты, как-то: побахтински гениальное предисловие к собранию сочинений Венички Ерофеева илибту же «Любовь в пяти измерениях», прочтите короткое на Снобе, ну вот хоть – «Тайна обаяния». Прочтите – и поймете, что я ничуть не преувеличиваю.

В конце он подписал мне свою книгу каким-то трогательно несовместимым с его высокоинтеллектуальным статусом детски-ученическим почерком: «Соне, от почитателя ее читательского дара».

Рядом с ним никем, кроме более или менее подготовленного читателя, я себя, разумеется, ощущать не могла. Так что для меня это была не только честь, но и повод через полчаса похвалиться этой подписью перед своими атлантскими друзьями.

Вы скажете, что в разговорах о себе любимой я забыла о Пушкине, о его дивных стихах. Нет, не забыла. Это все было о них, как об одном из проявлений божественной сути искусства. И о благотворном влиянии последнего на формирование человеческой души. Именно об этом — с первого до последнего слова.

Постскрипtum:

6 июня 1999-го года «русский мир» отмечал 200 лет со дня рождения величайшего своего поэта. Эти дни совпали с моим очередным приездом в родной город. Так что свидетельствую лично, что в тот год Петербург в первую неделю лета был погружен в грандиозное безумие общероссийской день-рожденческой гулянки в честь Пушкина. «Наше все» [1] – тогда, кажется, и возник этот знаменитый эвфемизм пушкинскому имени. Все, на что мог упасть человеческий взгляд, было посвящено Пушкину: от бутылок водки, замысловато отлитых в форме человеческой фигуры с пробкой в виде пушкинского цилиндра, до очаровательных костюмированных представлений, стилизованных под пушкинское время и разыгрываемых в декорациях белых ночей прямо на питерских улицах и площадях.

Так вот, в один из таких дней еду я в метро, и вдруг, ни с чего, а просто, видимо, до самых селезенок пропитавшись вместе со своими бывшими соотечественниками Пушкиным, начинаю бормотать: она была не тороплива не холодна не говорлива без взора наглого для всех без притязаний на успех без этих маленьких ужимок.... А дальше, хоть убей, не могу вспомнить следующую строку, и пытаюсь ее тихонько как бы «подобрать». В эту минуту, сидящая рядом со мной женщина, отрывает глаза от толстого журнала (тогда их еще жадно читали), и буднично, без выражения продолжает с того места, где я споткнулась: без подражательных затей всё тихо просто было в ней. Женщина, между прочим, как женщина. Милое, немного измученное, без следа косметики лицо. Времена тогда были все еще непростые для выживания, даже и в Питере.

Друзья, когда я поведала им эту прелестную питерскую историйку, не поверили мне. А я думаю, что скоро, в дни стоящего уже на пороге 220-летия Пушкина, этот опыт можно будет в питерском метро легко воспроизвести.

И во все последующие пушкинские юбилеи так будет, до самого конца времен, пока в мире будут жить люди, говорящие по-русски.

Впрочем, пророческую уверенность в собственном бессмертии с великолепной нескромностью выражает сам Пушкин в его известном поголовно всем, вплоть до последнего питерского алкаша, «Eхegi monumentum».

[1] Фраза «Пушкин – наше все» принадлежит Аполлону Григорьеву и произнесена в 1859 году (прим. ред.)

Ирина Чайковская

Б.Вашингтон, США

Встреча

Я шла за ним, стараясь не отставать. После прошлогоднего падения это было трудновато, я просто выбивалась из сил.

А он не шёл – летел, в руках он держал трость, довольно тяжёлую на вид. И время от времени подкидывал ее вверх и ловко ловил как жонглёр. Нет, она ему была нужна не для ходьбы.

Глядя на жонглирование тростью, я думала, что сейчас мне не помешала бы моя палочка, с которой я ходила совсем недавно. Сейчас было бы проще догонять незнакомца. Ну да, незнакомца. Он подошёл ко мне на входе в наш парк так неожиданно, что я едва не вскрикнула. Он спросил меня о чем-то.

Я даже сразу не поняла, что он говорит по-английски. Почему-то это было для меня странным, хотя на каком языке должны говорить в

Америке? Но он мне страшно напоминал кого-то с родины. Невысокого роста, курчавый, с тросточкой в костистых пальцах.

Я смешалась, ответила с запинкой и невпопад. Только когда он отошел, усмехнувшись и сверкнув белками, я поняла его вопрос. Он спрашивал, как называется этот ручей, а вовсе не как меня зовут. Странно, что название ручья было ему неизвестно. Так называется и здешнее метро, и площадь.

Он удалялся, быстро шагая вдоль ручья, а я ковыляла за ним, крича ему вслед что-то вроде Scusi, singore! Не знаю, почему с губ срывались итальянские слова.

В его внешности было что-то итальянское. Да и одет он был карнавалом, в черный крылатый плащ, словно только что пришёл с венецианского карнавала и не успел переодеться. Наконец, видимо, услышав мои крики, он оглянулся.

Стоял и ждал, пока я приближусь. Я показала рукой на ручей и произнесла на какой-то смеси языков: «Questo e' Twinbrook. Близнецовый ручей». Не знаю, почему мне виделся в нем соотечественник. Он кивнул и широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. «Близнецовый, – произнёс нараспев. – Карашо. Вери гуд. Мерси». И махнул мне рукой на прощанье.

Удалялся он так быстро, словно хотел убежать от преследования. Мне его было не догнать. Когда я дошла до конца тропы, его уже на ней не было. Его уже не было нигде – я напрасно озиралась, ища его взглядом. Невысокого роста, курчавый, с толстой тростью в руке.

Кого-то он мне страшно напоминал, словно был с одного со мной московского двора, где в детстве я играла в песочнице. И где кудрявый замурзанный Сашка отнимал у меня ведерко.

Часть 2. Наш Мемориал

Карл Брюллов. Последний день Помпеи (фрагмент). 1833

Семен Резник
Вашингтон, США

Борис Кушнер – математик, поэт, публицист

Культуру России, русского зарубежья и русско-еврейскую культуру постигла тяжелая утрата. В Питтсбурге, на 78-м году жизни, скончался крупный математик, выдающийся поэт, яркий публицист, человек безукоризненной честности, широты взглядов и большой душевной тонкости — Борис Абрамович Кушнер.

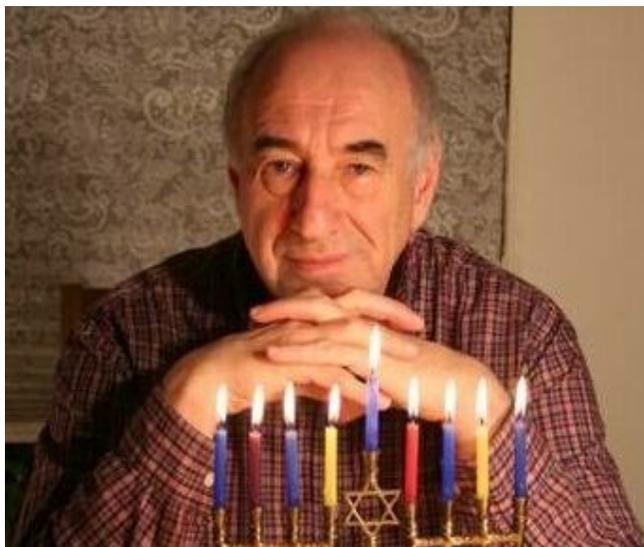
Последние годы Борис тяжело болел, но сила духа его была такова, что мы надеялись: и это он одолеет. Не одолел... Хотя продолжал писать замечательные стихи.

Моя дружба с Борисом – сперва заочная – началась в начале 90-х годов, а лично познакомиться и подружиться с ним довелось вскоре после этого, в один из его приездов в Вашингтон. Приезды эти были не частыми, но тем более знаменательными. Останавливался он обычно у своего друга и коллеги-математика Михаила Якобсона, по поводу чего гостеприимные хозяева Миша и Лена устраивали веселый сабантуй. Большую часть вечера Борис сидел у пианино, и гости, под его музыкальное сопровождение пели веселые песни.

Музыке Борис никогда не учился, был одарен музыкальностью, так сказать, от Бога. Музыка занимала очень большое место в его душевном хозяйстве, это ярко проявлялось в его поэзии. Да и в историко-документальной прозе.

10 лет назад я написал эссе о Борисе Кушнере, оно было опубликовано в сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» и

вошло в мою книгу «Сквозь чад и фимиам», изданную в Москве в 2010 году.

Здесь уместно добавить, что Борис Кушнер был одним из тех, кто стоял у истоков журнала «Чайка». В интернет-архиве журнала можно найти его публикации в «Чайке», начиная с первого номера (Май 2001 года), в котором опубликовано его большое пронзительное стихотворение «Памяти погибших 18 мая 1935 г.».

Палитра творческих интересов Бориса Кушнера была необычайно широка, но об этом рассказано в эссе, написанном, когда Борис был в полном расцвете своих необъятных творческих сил. Публикуется с сокращениями.

С.Р.

1.

Имя математика Бориса Кушнера впервые попало мне на глаза – и тотчас запомнилось – в январе 1993 года, когда в нью-йоркской газете «Новое русское слово» было опубликовано его второе «Открытое письмо» Игорю Шафаревичу. Я хорошо помнил и первое письмо – с жесткой критикой скандально знаменитой «Русофобии», появившееся тремя годами раньше.

Оба «Открытых письма» были выдержаны в корректном тоне и, вместе с тем, пронизаны чувством собственного и национального достоинства. Кушнер говорил с Шафаревичем именно так, как, по моему представлению, и должен еврей говорить с антисемитом. Он спокойно и уверенно отвергал само его право что-то истолковывать в чуждой и непонятной ему культуре.

«Открытые письма» Кушнера удивляли полной обособленностью от всего, что было опубликовано по поводу «Русофобии» со времени ее публикации в 1989 году. Но ничего удивительного в этом не было. Первое письмо было написано, когда «Русофобия» еще ходила в самиздате в Москве, а в зарубежье не была известна. То был, по-видимому, первый общественно значимый отклик на книгу Шафаревича. Вот как о появлении этой работы рассказал позднее сам Кушнер в своем «Опыте литературной автобиографии»:

«С Верой [Свечинской]^[1] же связано моё первое публицистическое выступление. Весною 1988 года у неё в руках оказался список «Русофобии». Я уже кое-что слышал об этой книге Шафаревича, отзывы были резкими и, признаться, я им не очень верил. Шафаревича я, хоть и не близко, но всё же хорошо знал. Один семестр он читал нашему курсу лекции по высшей алгебре (помнится, речь шла о жордановой нормальной форме) и это было событием. Затем многие годы я встречал его в библиотеке Математического института АН СССР, располагавшегося по соседству с ВЦ. Мы раскланивались. Вежливость его была впечатляющей, даже несколько неожиданной по тогдашним российским стандартам. И вот «Русофобия». Читаю потрёпанную подслеповатую машинопись, явно побывавшую во многих руках. Большого впечатления книга на меня не произвела – ни концепцией, ни стилем. Математик-Шафаревич был много интереснее. Конечно, огорчила явная антиеврейская направленность, это было неожиданно, печально. Но душевное моё равновесие не было нарушено. Я отложил стопку серой бумаги в сторону и занялся другими делами. Иное дело Вера. Она просто задыхалась от возмущения. И последовало неизбежное: «Ты должен написать ответ!». Я возмутился этим «должен». Почему должен и зачем? Знал бы я сколько раз это «зачем» в самых разных исполнениях ко мне вернётся!

Вера настаивала, я отказывался. Ситуация разрешилась неожиданно – с Верой вместе работал талантливый программист Серёжа. Однажды Вера позвонила мне и сказала: «Серёжа сегодня спросил, – неужели Боря ему не ответит?». Я понял, что от судьбы не уйти, и в

тот же вечер написал Открытое письмо Шафаревичу. Письмо это стало циркулировать в Самиздате, а во время моего странствия в США через Австрию и Италию оно было опубликовано в нескольких западных русскоязычных журналах и по ряду свидетельств неоднократно читалось на радио «Свобода»^[2]. Впоследствии мне часто приходилось удивляться, встречая людей, которые помнили это письмо спустя много лет».^[3]

Прочитав второе «Открытое письмо» в НРС, я подумал, что хорошо было бы познакомиться с автором. И вдруг я получил от него письмо! Он слышал о моей статье в том же «Новом русском слове», посвященной истории кровавого навета,^[4] но сам ее пропустил и просил прислать копию.

Так завязалась наша переписка, быстро перешедшая в дружбу, длящуюся уже полтора десятка лет. И все эти годы Борис раскрывается передо мной новыми и новыми гранями своей личности и своих разнообразных талантов.

Одной из первых работ, присланных мне Борисом, было эссе о двух выдающихся математиках: русском ученом А.А. Маркове (младшем), который был учителем Бориса в Московском университете, и американце Бишопе.^[5] Работа рассчитана на специалистов, иные места для меня были трудными и даже вообще непонятными. Но образ Андрея Андреевича Маркова выписан в ней с большим литературным мастерством. А как раз в тот момент, когда я приступил к написанию этого очерка, в сетевом журнале «Еврейская старина» появилась новая редакция работы Бориса Кушнера о А.А. Маркове (младшем) – в связи со столетием со дня его рождения.^[6] Большое эссе выходит далеко за рамки юбилейного очерка. Это удивительно богатое по содержанию и эмоциональному настрою повествование о времени и о себе. В «Гостевой книге» вскоре портала появился отзыв:

«Замечательная повесть о крупном ученом и необыкновенном человеке, его предшественниках и учениках, о духе того времени. Заодно это и яркий портрет самого автора – ученого, поэта, знатока и любителя музыки. Особенно привлекает попытка, на мой взгляд удачная... рассказать «простыми словами» о сути математики, ее связи с мировоззрением... Я разослал эту публикацию полудюжине знакомых в Израиле и России, которые не читают этот портал систематически, и получил благодарственные ответы. Заслуживает одобрение решение редактора опубликовать эти мемуары. Подтверждается, что это – на века самый популярный жанр. Яков Сосновский, экономист. г. Нетания, Израиль».

2.

Борис Абрамович Кушнер родился 10 декабря 1941 года. Он коренной москвич, хотя появился на свет в Красноуральске, куда семья эвакуировалась, когда гитлеровские полчища вплотную придвинулись к Москве. Можно лишь догадываться о том, как Абраму Исааковичу Кушнеру удалось вывезти беременную жену и двух детей ^[7] из полуокруженной столицы. По состоянию здоровья он не подлежал мобилизации, но, устроив семью, пошел в военкомат и настоял на отправке на фронт. Погиб под Сталинградом в тот самый день, когда мальчику исполнился годик. Борису известно, что «хоронил его – соратник, боевой русский офицер, ставший впоследствии другом нашей семьи», как он упомянул в эссе «Больше чем ответ»,^[8] а в одном частном письме уточнял: «Кстати, о руке. Именно руку моего отца, узнанную по часам, и хоронили в декабре 1942-го под Сталинградом. Больше ничего не осталось».^[9] Еще одно упоминание о гибели отца – в его втором Открытом письме к Шафаревичу. «Братская могила, в которой он остался, покоится под волнами Сталинградского Моря».^[10]

Однако этими краткими сведениями отношения Бориса Кушнера с отцом, которого, по воле судьбы, он не знал, не исчерпываются. Через много лет, давно уже живя в США, свой день рождения, совпадающий с днем гибели отца, Борис отметил поразительными по богатству мыслей, чувств и ассоциаций строками:

В декабре темнеет рано
В ледяном Его дворце... –
Мой Танах раскрыт пространно –
Все страницы об Отце.
Ночь плывет печальной птицей,
В черном – крылья, два плеча... –
Научи меня молиться,
Плач души моей, свеча...
Нет конца потерям, бедам,
Всё – на крови, всё – в крови... –
Скудным словом заповедан
Осененный мир Любви...
Озаренный мастер лепит
Хрупкий Логос дел и слов... –
Вдохновенья острый трепет –
И Адам любить готов!
И восставшее Творенье,
Поборов начальный страх,

Тоже ищет озаренья
На запутанных путях.
Распахнулся мир бескрайний
Остр, опасен, дивно свеж –
Как влечение Тайны к Тайне
В окружении Надежд!

.....

Оба равnoneизвестны
Два Отца во мне, со мной –
Грозный мой Отец небесный
И прощающий земной.
10 декабря, 1995 г., Johnstown.^[11]

В 1943-м семья вернулась в Москву, где Борис и прожил все годы до эмиграции. Безотцовское детство, выпавшее на его долю, типично для его (нашего с ним!) поколения. Знаю по своему двору и своему классу: отцов не было у большинства моих сверстников, так что я отчетливо помню подспудное чувство вины за то, что у меня есть отец, тогда как у них – нет.

Борис принадлежал к сиротскому большинству. Мать должна была «подымать» троих детей и не могла сколько-нибудь серьезно заниматься воспитанием мальчика. К счастью, с ними жила бабушка, Софья Моисеевна Меерович (урожденная Гинзбург), которой он позднее посвятит много проникновенных строк в стихах и прозе. Вот одно из посвященных ей стихотворений:

Соединение времен
В моих воспоминаньях,
Клаксоны, карканье ворон,
Тоска метелей ранних.
Сквозь чавканье галошных жиж,
Сквозь нищету сиротства
Ты говорила про Париж,
Про честь, про донкихотство.
И про свирепости царя,
Охранку, что хватала,
Но граммофонам Ноября
Уже я верил мало.
А время ускоряло бег,
И я менял соседства,
И тихо кончился Твой век,

Звезда и счастье детства.
И вот исход, и вот черта, –
Чиновники, овиры. –
В Москве – могильная плита,
В Москве – Твои клавиры.
И тридцать лет, как вздох один,
И сам я дед сварливый... –
Вернулась Ты. В венце седин
Ко мне склонилась ивой.
28 октября 1999 г., Johnstown^[12]

Софья Моисеевна (1882-1970) была внучкой четвёртого Любавического Ребе Шмуэля Шнеерсона. Борис всегда знал об этом родстве, а в 2003 году получил тому официальное подтверждение – в письме исполнительного директора Федерации еврейских общин СНГ Аврама Берковича:

«Уверен, что Вам интересно узнать, кто были ваши предки. Ваша бабушка Софья была дочерью Моше и Деборы Гинзбург из Витебска. Дебора была дочерью знаменитого Раввина Шмуэля Шнеерсона из Любавичей, четвертого Любавического Ребе».^[13]

Бабушка открыла перед мальчиком широкий мир культуры, и особенно – бесценные сокровища музыки, привила к ней любовь, которая во многом определяет характер поэзии и всей личности Бориса Кушнера. Не раз наблюдавший за тем, как уверенно он садится за пианино, как свободно и легко музицирует, я полагал, что он долго и упорно учился музыке. Каково же было мое изумление, когда на вопрос о музыкальном образовании он ответил: «Музыке я вообще никогда не учился».

Значительную часть поэтического творчества Бориса Кушнера *непосредственно* посвящена музыкальной тематике, в других музыка присутствует явно или неявно. Вот один из выразительных примеров:

Леты течение,
Как чтение
Данте –
Andante,
С вознесением заживо –
В *Adagio*.
Любви высокая тактика –
Плывёт Корабль-Галактика,

Мы – бессмертное карго, –
В звёздное *Largo*.
12 августа 2001 г., Pittsburgh^[14]

Замечательный музыковед Владимир Зак писал об этом коротком стихотворении: «Не знаю, как Вы, дорогой читатель, но лично я такой красоты разъяснения привычных мне музыкальных терминов никогда раньше не встречал. И думается, что подобного рода стихотворная «педагогика» сразу привораживает всех нас к таинству Музыки и, прежде всего, – Музыки Слова. И не в этом ли магия самого искусства стихосложения?!»^[15]

В эссе об Учителе, А.А. Маркове, Борис посвящает несколько страниц Математике (с большой буквы), раскрывая «невероятную красоту некоторых математических открытий, настоящих жемчужин нашего Духа». Страницы эти написаны столь вдохновенно, что невозможно не услышать в них музыкальных аккордов.

3.

По словам Бориса любовь к математике ему привил школьный учитель, а путь в технику ему был заказан из-за полной неспособности к черчению, о чем он вспоминает с большим юмором. Гуманитарная стезя тоже его не привлекала: неосознанно он чувствовал, что на этой стезе неизбежно попадешь под каток идеологической цензуры. Маленький опыт столкновения с ней у него уже был. За пару лет до окончания школы Борис с приятелем-одноклассником сделали «самовольную» стенгазету, состоявшую из карикатур приятеля и забавных стишков Бориса. Никакой крамолы в их шаржах, конечно, не было, школьники и учителя дружно смеялись, но «самовольство» требовалось пресечь, потому газету со стены удалили. Борису этот эпизод тоже облегчил выбор дальнейшего пути: он понес документы на мехмат МГУ. Здесь ему снова повезло – уже не только с учителями, но и с самой эпохой, на которую пришлось «его университеты».

В очерке об Андрее Андреевиче Маркове-младшем Борис рассказывает и об его отце, Андрее Андреевиче Маркове-старшем, великом ученом с активной гражданской позицией. Я с большим интересом узнал, что в феврале 1912 года, протестуя против полицейско-церковного произвола, захлестнувшего высшую школу, А.А. Марков-старший подал официальное заявление с требованием отлучить его от церкви. Демарш, чрезвычайно редкий даже в те времена острого противостояния интеллигенции и власти.

А.А. Марков активно протестовал против антисемитской вакханалии вокруг Дела Бейлиса (1911-1913), возвысил свой протестующий голос в связи с появлением особых «еврейских» задач на вступительных экзаменах с целью завалить даже наиболее способных абитуриентов-евреев.

История, как известно, повторяется, и не всегда в виде фарса. Вспоминаю острый разговор о «еврейских» задачах на Сахаровских Слушаниях в Лиссабоне в 1983 году, где было засвидетельствовано, что на мехмате МГУ абитуриентов-евреев выделяли в особую группу, которую экзаменовал специально подобранный (и, очевидно, проинструктированный) экзаменатор, предлагавший задачи, которые невозможно было решить, и, таким образом, их заваливали.^[16] На вопрос, не довелось ли Борису столкнуться с чем-то подобным, он ответил:

«Мне повезло, поступал я в довольно вегетарианский период и трудностей с «[пятым] пунктом» не заметил. Диссертация моя также прошла благополучно, думаю, что авторитет Маркова сыграл свою роль. Да и атмосфера в 1967-м ещё не накалилась».

Последние годы хрущевской оттепели и – по инерции – первые годы после его отстранения от власти, можно считать эпохой наименьшей дискриминации евреев за весь советский период. Я поступал в вуз на три года раньше Бориса и отчетливо помню гнетущую атмосферу. Хотя в том году прошел XX съезд партии, официально осудивший «культ личности Сталина», но ядовитый туман «борьбы с космополитизмом» и «дела врачей» еще не рассеялся. Было известно, что в наиболее престижные вузы евреев не берут. Но с каждым годом грозная атмосфера разряжалась, а вновь стала сгущаться после подавления «Пражской весны», когда был взят курс на рестаблинизацию, национал-патриотизм и «разоблачение международного сионизма». Студенческие и аспирантские годы Бориса уложились в период самого либерального десятилетия. Хотя это был «либерализм» в большевистской системе координат.

О том, что он собой представлял, говорит опубликованная уже в постсоветское время секретная записка в ЦК КПСС Зав. отделом науки, вузов и школ В. Кириллина, в которой Борис Кушнер с изумлением обнаружил свое имя. «Речь шла о политических брожениях на мехмате МГУ в октябре-ноябре 1961 г. Я почему-то удостоился не слишком заслуженной чести считаться одним из главных смутьянов. В те годы секретный донос был, естественно, мне неизвестен. Некоторым эхом оказался отказ оставить меня на мехмате после окончания аспирантуры в 1967 году. А.А. Марков в частной

беседе сказал тогда, что "это из-за Вашего участия в деле Лейкина". Академик А.А. Дородницын, директор Вычислительного центра АН СССР, тоже упоминал эту историю, но всё же по просьбе Маркова взял меня на работу в свой институт, и я благополучно проработал там до самой эмиграции в 1989 году. Стоит ли говорить, что бы случилось со мною, случись всё это, скажем, в 1937 или в 1948 году?». ^[17]

Да, 1960 годы были почти вегетарианскими по сравнению с людоедством предыдущей эпохи, но язык надо было держать за зубами. «Брожение» на мехмате началось с того, что один из студентов, по фамилии Лейкин, непочтительно отозвался о Н.С. Хрущеве, а другой студент на него донес. Требовалось принять меры, причем руками самих студентов. Собрали комсомольское собрание, которое должно было исторгнуть «врага народа» из сомкнутых рядов – с последующим исключением из университета. Но вышла осечка: Борис Кушнер и другие студенты, выступившие на собрании, говорили о том, что споткнувшегося товарища добивать не следует; достаточно ему объявить выговор, строгий выговор, дабы впредь не болтал лишнего, но не калечить ему жизнь. Лейкина, конечно, исключили, но заставить студентов участвовать в избиении товарища не удалось. Это и припомнили Борису Кушнеру через много лет.

Пройдя школу у одного из крупнейших математиков, А.А. Маркова, Борис уверенно вошел в науку. На его счету девяносто научных публикаций, в том числе монография «Лекции по конструктивному математическому анализу». По словам коллеги Бориса, профессора Нью-Йоркского университета Елены Юрьевны Ногиной, этот труд «оказал исключительное влияние на все дальнейшее развитие конструктивной математики». «Впоследствии был осуществлен перевод монографии на английский язык, книга была издана Американским Математическим Обществом и принесла ее автору, в ту пору уже состоявшемуся, признанному ученому, воистину всемирную известность». ^[18]

«Эта книга создавалась на моих глазах, – продолжает Е. Ногина, – В ту пору мы делили с Борей офис в Вычислительном центре Академии наук СССР. К тому времени я уже хорошо знала, что Борис творит вдохновенно (вообще, если бы меня попросили охарактеризовать Бориса одним единственным словом, я бы употребила слово «вдохновенный».) Но оказалось, что он еще и умеет работать истово, по многу часов в день, каждый день в течение многих месяцев. Думаю, что эта удивительная по глубине, охвату материала и поразительному

для математического труда великолепному русскому языку монография была написана в рекордно короткие сроки».

4.

В студенческие и аспирантские годы шло формирование «еврейского самосознания» Бориса (если можно так выразиться). Оно шлифовалось в постоянных, порой очень острых спорах с друзьями.

«Довольно часто, – вспоминает Борис, – мои оппоненты, защищая вроде бы общечеловеческие ценности против моего «узкого национализма», обнаруживали несомненные признаки великодержавного русского мышления, подсознательного пренебрежения к своеобразию и культурным ценностям малых наций. Яркий образчик подобного умонастроения можно найти в интервью 1998 года Е.Б. Пастернака журналу «Вестник». Отвечая на довольно неудобный вопрос об отношении своего отца к еврейскому народу, Е.Б. Пастернак сказал: «Мой отец, никогда не отрекавшийся от народа, к которому принадлежал, всю жизнь преодолевал племенную узость. Преодолевал настолько, что с полным правом считал себя русским писателем». Само собой разумелось, что уж русский-то писатель, в отличие от какого-то там еврейского, никак не может страдать пороком «племенной узости...». Поразительна поистине детская, святая невинность, с которой произносятся подобные слова».^[19]

С возрастающей остротой чувствуя свою принадлежность к еврейскому народу, его традициям и ценностям, Борис, естественно, не мог не мечтать об эмиграции из страны, которая на протяжении столетий была злой мачехой для народа-изгоя. Когда началось движение за эмиграцию, и тысячи евреев – часто после жесткой и опасной борьбы с властями – уезжали в Израиль или в США или в другую страну свободного мира, мечта стала вполне осязаемой. Однако Борис не спешил нести документы в ОВИР. Объяснил он мне это просто: «Думал очень давно об отъезде, да духу не хватало».^[20]

Я думаю, что ему не столько не доставало духу, сколько доставало здравого смысла. Система произвола была устроена таким образом, чтобы никто из подающих на выезд не мог заранее знать, откроется для него щелочка в железном занавесе, или нет. Но одно было хорошо известно: чем выше образование и социальный статус желающего покинуть социалистический рай, тем меньше у него шансов. Вероятность отказа для «костепенного» ученого, работающего в Вычислительном Центре Академии Наук, была близка к ста

процентам, а участь отказника была хорошо известна: изгнание с работы, лишение всяких средств к существованию, преследования за «тунеядство», издевательские придирки по любым поводам – словом, превращение в парию из париев. Борис «собрался с духом» тогда, когда рухнул железный занавес – после визита М.С. Горбачева в США в 1988 году. В канун визита в Вашингтоне состоялась мощная демонстрация протеста под лозунгом «Отпусти этот народ». Участники – числом в 200 или 300 тысяч человек – съехались со всей страны. В США была в разгаре избирательная кампания, и все кандидаты в президенты выступили на демонстрации в поддержку свободы эмиграции из СССР. Если еще за два-три года до этого Горбачев демагогически заявлял, что антисемитизма в Советском Союзе нет и что евреев, желающих эмигрировать, тоже нет (те, кто хотел, уехали, а остающиеся живут припеваючи), то после американского визита он понял, что играть в такие игры больше нельзя: надо либо принять действенные меры против национальной нетерпимости, либо открыть ворота.

Сделать, конечно, следовало и то, и другое, но для этого требовался лидер иного калибра. Я глубоко убежден, что если бы у Горбачева и его окружения хватило политической воли и мудрости решительно противостоять антисемитизму, шовинизму и всякой национальной нетерпимости, то у меньшинств не было бы такого активного стремления разбегаться в разные стороны; Советский Союз сохранился бы как единое целое, и планомерные демократические преобразования имели бы хороший шанс на успех. Этого не произошло. Открыть ворота было проще, чем пресечь беснование общества «Память», которое прямо или косвенно поддерживала значительная часть партаппарата, карательные органы, значительная часть становившейся все более свободной печати, многие интеллектуалы, писатели, иерархи православной церкви, чья роль в обществе быстро росла. В воздухе пахло погромами. Неудивительно, что в открывшиеся ворота хлынул бурный поток: в 1989-90 годах из Советского Союза выехало около полутора миллиона евреев.

В этом потоке семья Бориса Кушнера была одной из первых...

Я участвовал в той памятной демонстрации на вашингтонском молу, скандировал вместе со всеми: «Let these people go»; мне радостно сознавать, что в содействии выезду Бориса есть микроскопическая доля моего участия.

В мае 1989 года Кушнеры прибыли в Питтсбург, где им оказала приют местная еврейская община. Борис сравнительно быстро получил место профессора математики в Питтсбургском университете

в Джонстауне (в прошлом крупный центр сталелитейной индустрии), а его жена Марина Каменева, окончившая мехмат на четыре года позже Бориса, стала профессором и заведующим гемореологической лабораторией того же университета, но в самом Питтсбурге, где она проводит исследования на стыке математики, биологии и медицины.

С тех пор Борис живет в этих двух городах, немало времени проводит в автомобиле, на соединяющем их шоссе. Он полюбил Питтсбург, полюбил Джонстаун и даже автомагистраль, занимающие большое место в его поэтическом мире. В университет он ходит пешком – через небольшое поле и перелесок; и здесь, как и в излюбленных местах прогулок, по его словам, «кажется, у каждого куста, дерева, камня, есть свое стихотворение (и не одно)».

Однако не надо думать, что Кушнер «описывает» эти кусты, деревья и вообще то, что привлекает его внимание в тот или иной момент. Внешнее впечатление служит ему только толчком, вызывающим цепь самых неожиданных ассоциаций, в которых причудливо переплетаются воспоминания о прошлом, раздумья о прочитанном, о любимых музыкальных произведениях, о смысле жизни и неизбежности ее конца, о дорогих ему людях, о судьбе своего народа, о драмах мировой истории, о Вечной Книге, служащей для него неиссякаемым источником вдохновения.

Сочиняет он обычно не за письменным столом, как большинство пишущих, а почти всегда на ходу: стихи «приходят» к нему во время прогулок, в машине, в самолете... «Приходят» с поразительным постоянством. Муза его никогда не спит. Почти каждый день она нашептывает ему одно, два, порой три новых стихотворения. Каждые полгода он имеет обыкновение печатать написанные за этот период стихи на принтере в небольшом количестве экземпляров, одевать скромным переплетом и рассылать друзьям. За годы дружбы с Борисом я получил более двух десятков таких «самиздатских» сборников – по 150-200 и более страниц большого формата в каждом. В шесть поэтических сборников, изданных до сих пор Борисом Кушнером, вошла лишь небольшая часть этого обширнейшего поэтического хозяйства. Я убежден, что он один из крупнейших современных поэтов, пишущих на русском языке, а из тех немногих, кто по своему творческому самочувствию (а не только «по паспорту») является русско-еврейским поэтом, он, на мой взгляд, самый крупный.

В такой оценке поэтического творчества Бориса Кушнера я отнюдь не одинок [21].

Стихи Борис Кушнер начал сочинять еще в детском саду, где они спасали его от пыток обязательного послеобеденного «мертвого часа» (как потом и в пионерских лагерях). В студенческие и аспирантские годы он был «широко известен в узких кругах» своих товарищей и коллег как веселый версификатор. Без его стихотворных шаржей не обходились товарищеские вечеринки, собиравшиеся по поводу праздников, дней рождения или вовсе без повода. Сочинял он легко и быстро, со скоростью записывания, но никакого значения этому своему дару не придавал.

Перелом произошел в 1984-85 годах, когда Борис познакомился и сдружился с Верой Свечинской, женой его однокурсника и друга Аркадия Шапиро. Аркадий вскоре умер, и Борис посвятил стихотворение его памяти. На Веру оно произвело сильное впечатление, она поверила в литературный талант Бориса и заставила поверить его самого.

«Ее реакция на мои стихи была непредсказуемой, простираясь от негодования до восторга. Не было лишь равнодушия. Вера также вовлекла меня в чтение Пастернака, Ахматовой, Цветаевой – до той поры я обращался к этим поэтам (да и к другим тоже) лишь эпизодически».^[22]

По совету и настоянию Веры Борис взялся за переводы сонетов Шекспира – сперва знаменитого 66-го, затем и других. Прочитав 66-й сонет в оригинале, Борис посчитал просто невозможным уместить его содержание в 14 строк русского пятистопного ямба, но – принял вызов! После нескольких дней вживания в шекспировский текст сонет неожиданно «перевелся»:

Душой устав, я плачу о кончине.
Нет силы видеть муки нищеты,
И пустоту в ликующей личине,
И совершенство – жертвой клеветы,
И девственность, что продана разврату,
И простоту, что превратили в срам,
И веры повсеместную утрату,
И неуместной славы фимиам,
И глупость, поучающую вечно,
И власть, остановившую перо,
И мощь в плену у мерзкого увечья,
И злом порабощённое добро.

Душой устав, уснул бы я совсем,
Но как Тебя оставить с этим всем?
22 апреля 1987 г. Москва.^[23]

«Это чувство – невозможно! – неизменно возникало у меня и во всех последующих переводческих усилиях. Именно с него, с его преодоления начиналась работа. Обычно день-два я вживался в мир сонета, в его звучание, затем внешне быстро появлялся перевод... Так по Вериным «заказам– с апреля по октябрь [1987 года] появились переводы 12 избранных (Верой) сонетов».

Переводы шекспировских сонетов – важнейшая веха в творческом становлении Бориса Кушнера. Борис досконально изучил все прежние переводы. Сопоставление их с оригиналами показали ему, что не боги горшки обжигают. Он обнаружил, что даже «классические» переводы Пастернака и Маршака грешат существенными недостатками и далеко не всегда адекватны оригиналу. Не буду углубляться в эту интереснейшую тему – Борис посвятил ей блестящую статью, к которой и отсылаю читателя.^[24] Исследование проблемы переводов Шекспира, проводившееся параллельно с собственными переводами, помогло Борису отточить свое мастерство. Сонет стал одной из любимых им поэтических форм, но не это главное. Важнее то, что почти все его стихи, как правило, отличаются «сонетной» отточенностью мысли и чувства, богатством образов, аллитераций – при поразительной экономности словесного материала.

Первый поэтический сборник Бориса Кушнера, под названием «Стихи и переводы», был издан в Москве в 1993 году – без его прямого участия. Его составили и издали старшие друзья Бориса И.И. Воробьева и В.В. Малиновский, родственники его жены Марины, с которыми он сошелся с первых дней знакомства – «по душе, а не по крови».

Следующие пять сборников были изданы в Балтиморе издательством VIA Press – «Причина печали» (1998), «Бессонница солнца» (2000), «Иней времени» (2001), «Эхо эпохи» (2002), «Причал вечности» (2006). Все они с большим вкусом оформлены дочерью поэта Юлией, очень талантливым художником-графиком. Стихи Бориса широко публикуются в газетах и журналах русского зарубежья, в сетевых изданиях; большие подборки печатались в московском литературном альманахе «Кольцо А» и других российских изданиях.

Поэт Борис Кушнер – по преимуществу лирик, фиксирующий тончайшие переживания человеческой души, отзывчивой на красоту

и безобразии окружающего мира, сознающей неизбежность смерти и воспаряющей к высшим силам в надежде ее преодолеть. Так называемые «гражданские» мотивы занимают в его поэтическом хозяйстве относительно небольшое место. Но каждое такое стихотворение гремит набатом. Наибольшее впечатление лично на меня произвело в свое время стихотворение «Памяти Еврейского Антифашистского Комитета» (Другое название: «Памяти замученных большевистским режимом»). Оно было написано для спектакля «С памятью об убитых», посвященного трагической судьбе советских евреев. Сценарием стала композиция из стихов лучших советских поэтов, которые смело можно считать классикой: Эдуарда Багрицкого, Михаила Светлова, Бориса Слуцкого, Евгения Евтушенко и ряда других. Однако кульминацией спектакля стало стихотворение Бориса Кушнера: оно как бы цементировало весь разнообразный материал. Его антисталинская направленность органически сочетается с мотивами библейской скорби.

6.

В русском зарубежье Борис Кушнер известен также как публицист и прозаик-документалист. Палитра его историко-документальных произведений столь же широка, как и поэзии. Мы уже говорили о двух его «Открытых письмах» И. Шафаревичу и об эссе-воспоминании об А.А. Маркове. Эти работы можно считать двумя полюсами публицистики Кушнера. В историко-публицистической прозе, как и в поэзии, ему никогда не изменяет вкус, чувство меры и тонкое чувство языка.

«Прошлое чем-то напоминает ночное небо, – пишет Кушнер в небольшом очерке о композиторе Жорже Бизе.– Мы видим только отдельные яркие звезды в нём, довольно искусственно объединяя их в созвездия. В реальности звёзды разных созвездий могут быть связаны гораздо сильнее, чем в нашей зрительной геометрии. И ещё важнее: когда вглядываешься в прошлое пристальнее, вооружая взгляд книгами, документами, свидетельствами участников событий, появляется множество меньших светил, в окружении которых жили и действовали наши герои. Проявляется их художественная, физическая, эмоциональная среда. И такая «астрономия» Прошлого ничуть не уступает в увлекательности астрономии настоящей. У меня при этом рождается также и сильнейшее чувство *единства культуры*, в конечном счёте, преодолевающего любые границы – национальные, религиозные, государственные, политические, духовные».^[25]

Отдавая, естественно, пальму первенства звездам первой величины на небосводе культуры, Борис Кушнер с особенным вниманием относится к менее ярким звездам. Его чувство справедливости протестует против того, что «чернорабочие» культуры остаются в тени, а порой становятся жертвами злого навета, перед чем они оказываются беззащитными. Таковы, на мой взгляд, побуждения, заставившие его изучить прижизненную и посмертную биографию Антонио Сальери, видного, хотя и не гениального музыкального деятеля своего времени. В большом историко-биографическом эссе^[26] Кушнер доказал, что легенда об отравлении Моцарта якобы завидовавшим его таланту Сальери не имеет под собой никаких оснований. Она выросла из злой сплетни, пущенной личными врагами Сальери. Она вдохновила Пушкина на создание своей маленькой трагедии; с легкой руки поэта имя Сальери стало символом коварного злодейства. В наше время эта легенда снова ожила в фильме Формана.

Для Бориса Кушнера Антонио Сальери – не символ, а реальный человек, оклеветанный молвой и преданный проклятью на веки веков.

Борис Кушнер не пожалел времени и сил на то, чтобы вступить за Антонио Сальери. В повести рассказано о многосторонней деятельности Сальери, детально прослежены его взаимоотношения с Моцартом, воссоздан сложный характер героя. Но больше всего в ней подкупает основной ее пафос: стремление к правде, к разоблачению клеветы, восстановлению исторической справедливости.

Понятно, что Борис не может пройти мимо клеветы на народ, к которому принадлежит. Антисемитские мифы особенно стойки и долговечны, они переходят из века в век, из страны в страну, из культуры в культуру, слегка адаптируясь к новой среде, но по сути почти не изменяясь. Борис Кушнер это показывает в ряде работ, перебрасывая мостик от раннего христианства (Иоанн Златоуст) до современных российских «национал-патриотов». Начав почти двадцать лет назад сражение с ними Открытым Письмом своему старшему коллеге-математику Игорю Шафаревичу, Борис должен был возвращаться к этому именитому автору, для которого крестовый поход против евреев стал на склоне лет основным смыслом существования. В «эпохальном» труде «Трехтысячелетняя загадка» бывший математик перепахивает чуть ли ни всю мировую историю – с единственной целью: приписать все беды человечества козням евреев. В превосходной аналитической статье под названием «Одна, но пламенная страсть»,^[27] публиковавшейся в США, Германии, Израиле и России, Кушнер показывает, насколько убога аргументация академика. Он обнажает те жульнические приемы, к которым тот

должен был прибегать, чтобы его псевдоизыскания могли обрести какую-то видимость правдоподобия.

Наиболее крупномасштабная работа Кушнера в этом ряду – эссе «Больше чем ответ», в котором дается анализ печально-знаменитого двухтомника А.И. Солженицына «Двести лет вместе». Эссе задумывалось как рецензия на мою книгу «Вместе или врозь?», но переросло в самостоятельное произведение. [28] В нем используется большой дополнительный материал, обнаруженный и изученный самим автором.

Находясь в расцвете творческих сил, Борис Кушнер продолжает творить. Он читает лекции в университете, выступает на конференциях, выступает в печати как публицист и документалист, и каждый день заносит на бумагу новые стихи, которые ему нашептывает его никогда не дремлющая Муза...

Примечания

[1] Вера Свечинская (1939-1996) – приятельница Б. Кушнера, вдова его однокурсника Аркадия Шаapiro. Она активно поощряла литературную деятельность Бориса.

[2] На интернете Открытое письмо Шафаревичу можно найти по адресу: <http://berkovich-zametki.com/Nomer44/Kushner1.htm> . (Прим. Б. Кушнера)

[3] Цит. по рукописи, любезно представленной автором. В дальнейшем ссылки на нее не оговариваются.

[4] Семен Резник. Средневековье на пороге XXI века. Заметки о кровавом навете. НРС, 18-6-1993, с. 12, 19-20 июня 1993 г., с. 7.

[5] «Вопросы Истории Естествознания и Техники», 1992, № 1, с. 70-81, История информатики в России, Учёные и их школы, Наука, Москва 2003, с. 110-126. Англ. версия: *B.A. Kushner. Markov and Bishop // Golden Years of Moscow Mathematics / S. Zdravkovska, P. Duren, AMS-LMS, Providence, Rhode Island, 179-197, 1993.*

[6] <http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer5/Kushner1.htm>

[7] Старший брат Бориса Леонид, 1928 года рождения, и сестра Галина, 1932-го – сейчас оба пенсионеры, живут в Москве.

[8] «Вестник», 2004, 4 февраля, № 4 (340).

[9] Письмо в архиве автора.

[10] <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer1/Kushner1.htm>

[11] Борис Кушнер. Причина печали. Избранные стихи 1993-1996. VIA Press, Baltimore, MD, 1999, с. 148-149.

[12] Борис Кушнер. Иней времени. Избранные стихи. Июль 1998—декабрь, VIA Press, Baltimore, 1999, с. 173-174.

[13] Привожу в переводе с английского.

[14] Борис Кушнер. Эхо Эпохи. Избранные стихи. 2000–2001, VIA Press, Baltimore, 2002, с.268.

[15] <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer4/Zak1.htm>

- [16] «Сахаровские слушания. Четвертая сессия. Лиссабон. Октябрь 1983». Редактор-составитель С. Резник, ОРІ, London, 1985, с. 182-187
- [17] Борис Кушнер. Об ушедших друзьях. «Еврейская старина», № 4 (28), апрель 2005. <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer4/Kushner1.htm>
- [18] Из письма Е. Ногиной автору этого очерка.
- [19] Борис Кушнер. Об ушедших друзьях. «Еврейская старина», № 4 (28), апрель 2005. <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer4/Kushner1.htm>
- [20] Письмо Б. Кушнера автору.
- [21] В полном варианте этого эссе приводится целый ряд высказываний о поэзии Б. Кушнера, которые здесь опущены.
- [22] Борис Кушнер. Об ушедших друзьях. «Еврейская старина», № 4 (28), апрель 2005. <http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer4/Kushner1.htm>
- [23] <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer15/Kushner1.htm>
- [24] <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer15/Kushner1.htm>
- [25] Борис Кушнер. Рекомендательное письмо. Страница из жизни Бизе. <http://berkovich-zametki.com/2005/Zametki/Nomer3/Kushner1.htm>
- [26] Б Кушнер. В защиту Антонио Сальери. «Вестник», 1999 № 14-19
- [27] <http://www.vestnik.com/issues/2003/0219/win/kushner.htm#@P16>
- [28] «Вестник», 2003, № 26 – 2004, №№ 1-4; «Заметки по еврейской истории», 2006, №№ 3(64)-5(66)

Валерий Скобло

С.-Петербург, Россия

Память. Дело Зильберберга

Зильберберг Л.Я. Род. 7.10.1901, г.Аккерман, еврей, б/п, обр.высшее, инженер з-да «Электроприбор». Арест. 1.11.1933. Приговорен 28.02.1934 по обв. в шпионаже к ВМН. Расстрелян 19.04.1934. Реабилитирован 6.03.1957.

Вот коротко о деле Зильберберга.
Такой мужик работал в той конторе,

Где я служил (но через сорок лет).
Потом его убили – расстреляли:
Сказали, что шпион – и пулю в череп.
А правых нет... и виноватых нет.

Похитил, вроде, он чертеж секретный...
И сигуранцей или дефензивой
Был завербован, среди прочих лиц.
Все это вскрылось: органы не дремлют,
Не дремлют, не дремали и не будут...
Ежовых не снимают рукавиц!

Он был еврей, но вряд ли это важно,
В крутой разборке все быстрее крутились
Такие жернова... Игра в лото.
Кем сам себя он числил, я не знаю,
Но, видимо, как все, перед расстрелом
Об этом вспомнил. Ну и что?.. И что?..

Все это с ним случилось в 33-м,
А приговор... расстрел – в 34-м,
Весной, в апреле... Солнце... благодать...
Еще до выселений и Ежова...
До кировского дела и "потоков"...
И лучше бы мне этого не знать.

А был бы он немножко поумнее,
И выгадал бы лет семь-восемь жизни...
И чем ему наскучил Аккерман?
А, может, обошлось бы... Все бывает.
Глядел бы он на солнышко и море.
Я там бывал... О, как хорош лиман!

Потом в 40-м и в той же фирме
Служил отец мой... Боже! с ним случилась
Такая же история... Чертеж!
Но суд советский и нарком Лаврентий
Его простили... и чертеж нашелся...
И скажет кто: Где правда здесь, где ложь?

Отец покойный не любил про это:

Репрессии, войну, космополитов -
Про все эти прошедшие года...
А если бы другой достался номер
Ему в лото кровавой мясорубки,
Кто эти строчки бы писал тогда?

А Зильберберг прощен был много позже,
В ту «оттепель»... Ошибка, значит, вышла...
Ягода, Сталин... прочая фигня.
Все умерли. Но если бы я думал,
Что смерть равняет правых и виновных,
Не прожил бы на свете даже дня.

Передо мной – сухие документы,
Промокшие от слез и чьей-то крови,
Их уберу пока что от внучат.
И что сказать, по совести – не знаю.
Удачливые менеджеры знают.
Они об этом знают... Но молчат.

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Польша и евреи. Впечатления и размышления

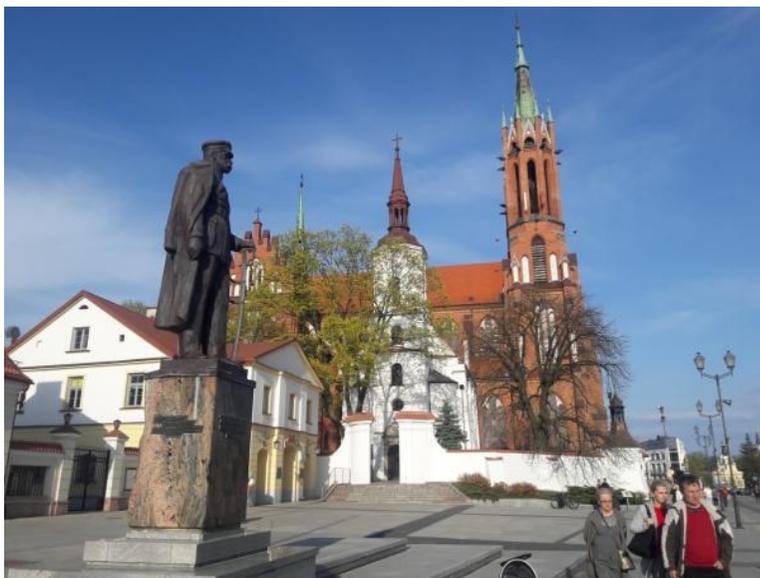
Как писал немец Карл Маркс, человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым. Но Германия расстаётся со своим прошлым не

смеясь. Над чем смеяться? Над жизнью при нацистах, а затем при коммунистах?

Примеры того, как Германия сожалеет о своём прошлом, я видел там буквально на каждом шагу. И в этом примере Германии должны бы последовать многие страны. Но, увы...

Поскольку в августе 2019 года исполняется 80 лет германо-советскому соглашению о ненападении («Пакт Молотова – Риббентропа»), приведшему к разделу Польши и трагической судьбе польских евреев, я решил отправиться в Польшу и Германию, чтобы посмотреть, как сегодня относятся эти страны к страшным страницам своей, в общем, не очень давней истории.

Вблизи границы с Белоруссией есть город Белосток, в котором, были времена, еврейское население насчитывало более 60 тысяч, а количество синагог доходило до сотни. История этого города, то российского, то польско-литовского, то советского, то немецкого, то белорусского, то опять польского, неразрывно связана с историей европейского еврейства, как ортодоксального, так и светского. История моей семьи также пересеклась с этим городом.

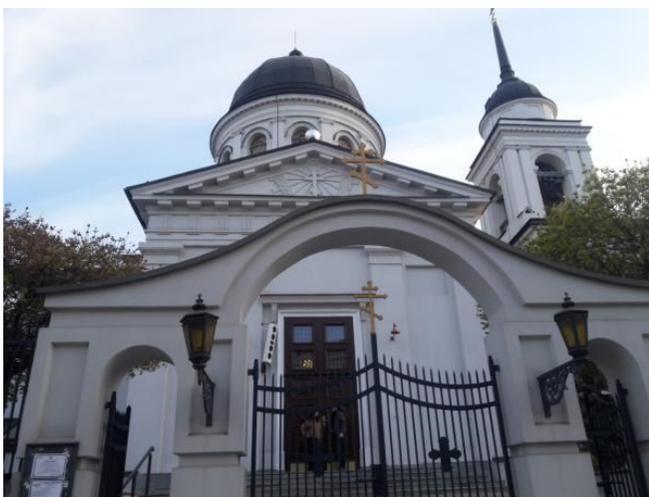
Центральная площадь Белостока с памятником маршалу Пилсудскому и кафедральным собором Девы Марии

Одна из сестёр моей бабушки, вопреки воле родителей, вышла замуж за поляка, перешла в католичество и уехала из белорусского местечка к мужу в Белосток. Там она стала Марией Отта. В 1939 году, после раздела Польши, Белосток отошёл к СССР и в город вошла Красная Армия. На работу в Белосток был отправлен и брат моей мамы Лев Сиротин, который отвечал за снабжение советских солдат и офицеров продовольствием и одеждой. Он разыскал дом, где жили супруги Отта. Мария к тому времени уже умерла, и её муж-вдовец показал, где она похоронена. Лев Сиротин сфотографировал могилу с надгробием, но фотография с годами затерялась.

Мои попытки узнать о захоронении оказались безуспешными. Я помню, как дядя Лёва рассказывал, что на улицах Белостока он часто слышал еврейскую речь. На идише говорили и местные евреи, и еврейские беженцы из западных областей Польши, оккупированных Германией. Многих из них вместе с поляками советские энкавэдэшники арестовывали и отправляли в Сибирь или в степи Казахстана. Поскольку польские власти с начала 30-х годов всё больше ограничивали евреев в правах, белостокские евреи сначала даже радовались советской оккупации. Тем более, что среди нового начальства было немало евреев-коммунистов. Это вызывало неприязнь местного польского населения.

Хотя всё это, можно сказать, давняя история, но отголоски её слышны и сегодня во взаимных обвинениях сторон. Очень жаль, что нынешнему росту антисемитизма в Польше не препятствует, а косвенно даже способствует находящаяся у власти политическая партия «Право и справедливость» во главе с Ярославом Качиньским. А тут ещё российская пропаганда подбрасывает поленья в польско-еврейский конфликт.

Однако правительства приходят и уходят, а народы остаются. Надо разговаривать, дебатировать, выяснять исторические причины конфликтов, искать точки соприкосновения, общие интересы, возможности сотрудничества в противостоянии общему противнику. Мне лично кажется, что за польским антисемитизмом прячется сознательный и подсознательный страх перед евреями: «Они вернуться и потребуют обратно отобранное у них имущество – принадлежавшие им дома, земельные участки, фабрики. А мы куда?» Вот и пытаются отрицать факты участия поляков в убийствах евреев, в экспроприации их имущества. Не хотят платить за свои преступления. Так турки отрицают геноцид армян, чтобы не платить компенсацию. Так Россия отрицает факт голодомора в Украине. Творят преступления, но не хотят за них расплачиваться. Это свойственно многим...

Православный Свято-Николаевский кафедральный собор

...В Белостоке родовой дворец Браницких, костёлы, как старинные, вроде Кафедрального собора Успения Пресвятой Девы Марии, построенного в 17 веке, так и нового времени, а также православные храмы, начиная от Свято-Николаевского кафедрального собора, в очень хорошем состоянии, чего нельзя сказать о памятниках еврейской религиозной жизни и вообще еврейского присутствия в городе. Конечно, исчезновение синагог и других еврейских объектов – результат Второй мировой войны. Но уже прошло много лет. Что-то можно было восстановить, а восстановленное передать еврейской общине. Впрочем, такой общины в Белостоке больше нет и нет в городе ни одной действующей синагоги.

Нет евреев в 300-тысячном городе. Что говорить о Белостоке, если во всей стране, которая в 1939 году насчитывала 3,5 миллиона евреев, осталось... не известно сколько: по одним данным, 30 тысяч, по другим, 10, а по некоторым, не более 5 тысяч евреев. Тем не менее, миру известен такой феномен как «антисемитизм без евреев». Только теперь это всё чаще называют «антисионизмом».

В поисках каких-то следов еврейской жизни я наткнулся только на таблички, вроде «Здесь была синагога Шмуэля», «Здесь был еврейский роддом», «Здесь была еврейская гимназия», в которой учились создатель языка эсперанто Людвик Заменгоф, актёр и драматург Осип Дымов, «Здесь был еврейский театр»... Именно в

Белостокском еврейском театре в 1912 году Наум Цемах собрал любительскую труппу, игравшую на древнееврейском языке и названную «Габима».

Первая мировая война прервала развитие «Габимы». Цемах переехал в Москву и там, по рекомендации Станиславского, за возрождение «Габимы» взялся Вахтангов. А вот ещё табличка: «На этом месте стоял дом семьи Заменгоф». Людвик Заменгоф мечтал о мире без войн, о мире, где все едины и равны, и первым шагом к осуществлению этой мечты стал созданный им международный язык эсперанто, на котором бы говорили и который бы понимали все люди планеты. Хотя этот язык не получил большого распространения, но эсперантистов можно встретить во многих странах. В декабре 2019 года будет отмечаться 160-летие со дня рождения этого выдающегося человека. Он похоронен на еврейском кладбище в Варшаве.

Мои горькие чувства по поводу исчезнувшей еврейской общины Белостока не вызвали у меня желания обвинить нынешнюю Польшу в антисемитизме. Он был, он есть и, к сожалению, будет всегда в той или иной форме. Но ни в Белостоке, ни в других городах страны, ни тем более в Варшаве я не встречал попыток вычеркнуть из истории Польши роль польских евреев. В Белостоке хотя бы таблички сохранились. Есть бронзовая скульптура юному Людвику (Лазарю) Заменгофу. Мальчик с тетрадками идёт в гимназию, а вокруг него вбиты в мостовую буквы из латинского и еврейского алфавита. Никто не замалчивает прошлое присутствие здесь евреев. А то, что их больше нет в Белостоке, – объективная истина. Так сложилось...

В Белосток я отправился не один. Ко мне присоединились мой сын, живущий сейчас в Варшаве, и мой племянник, приехавший на своей машине из Минска. Мы сняли на одну ночь номера в отеле «Браницки». Зашли в милый ресторанчик, где в меню я увидел кошерные вина из Израиля, да не просто из еврейского государства, а из винодельни на Голанских высотах. Не боятся в Белостоке истеричных сторонников бойкота израильской продукции с «территорий»!

Мы с радостью взяли бутылку красного «Гора Хермон» и сделали лехаим. В первый день обошли Белосток, а на второй день отправились в посёлок Едвабне, который обрёл печальную мировую известность после выхода в 2000-м году книги американского историка Яна Томаша Гросса «Соседи». История такова: как только Красная армия под натиском наступающих немцев бежала из Восточной Польши, польские жители Едвабне и окрестных сёл

учинили погром. Сначала зверски убивали евреев поодиночке – забивали палками, отрубали головы, издевались над трупами, а потом загнали в овин всех оставшихся евреев, заперли и подожгли. Это пришло 10 июля 1941 года. По одним данным, было убито и заживо сожжено более полутора тысяч евреев, по другим, меньше, но в данном случае дело не в цифрах. До выхода книги утверждалось, что евреев Едвабне убили немцы. Истина оказалась настоящим шоком для польской общественности. В погроме, как выяснилось, участвовали не только пьяные крестьяне и лавочники, но и руководство посёлка.

Путешествуя по Германии, я пришёл к выводу, что, благодаря покаянию, признанию немецким народом собственной вины за Вторую мировую войну, за геноцид евреев и цыган, за истребление гомосексуалистов, инвалидов, иеговистов и так далее, у немцев выработан иммунитет к возрождению нацизма. Им стыдно за своё прошлое. К большому сожалению, примеру Германии не последовали другие страны, граждане которых тоже принимали участие в геноциде.

В том, что помогали гитлеровской Германии, не раскаялись страны Европы – ни Восточной, ни Центральной, ни Западной. Я не помню, чтобы, например, США официально извинились перед евреями за действия президента Франклина Рузвельта и тогдашнего Конгресса, которые отказывали в помощи еврейским беженцам от нацизма. Да и сами американские евреи, обожавшие Рузвельта и мало что сделавшие для своих европейских братьев, не разорвали на себе одежды в знак раскаяния. А Польша... В мае 1949 года в Ломже всё-таки судили участников убийства в Едвабне. Признанные виновными получили тюремные сроки от 8 до 15 лет. Но процесс прошёл без освещения в прессе. Коммунистическая власть, учитывая общее антисемитское настроение, идущее на этот раз не из Берлина, а из Москвы, не хотела привлекать внимание к еврейской трагедии.

Были среди поляков и те, кто попросил прощения у евреев: это президент Польши Александр Квасневский, это кардинал Йозеф Глемп, глава польской католической церкви, и это Папа Римский Иоанн Павел Второй, который извинился за все страдания, которые Католическая церковь причинила евреям. В истории польско-еврейских отношений далеко не всё так просто.

Я не могу согласиться с утверждением одного высокопоставленного члена правительства Израиля, заявившего, что поляки всосали антисемитизм с молоком матери. Вот что писал российский историк и

политолог Яков Этингер в статье «Парадоксы польско-еврейских отношений»:

Оставшийся с начала прошлого века деревянный дом еврейской бедноты

...«Но сказать только о том, что какая-то часть поляков виновна в истреблении евреев в Польше в годы войны, это значит сказать не всю правду о польско-еврейских отношениях. Польша была первой страной в Европе, оказавшей вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на стороне Германии. Польша была единственной оккупированной нацистами европейской страной, в которой не было марионеточного правительства. Поляки сражались в армиях антигитлеровской коалиции, а в самой стране существовало широкое движение сопротивления, активно действовало вооруженное подполье.

Все польские политические силы – от правых до левых – вели упорную борьбу против нацистов. Польские правые организации, в отличие от большинства стран Европы, не встали на путь сотрудничества с нацистами, несмотря на существование в Польше довольно стойкой антиеврейской традиции». «Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них даже участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть, – подчеркивает известный польский публицист и политолог еврейского происхождения, главный редактор «Газеты выборчей» Адам Михник,

– так возник специфический польский парадокс: на оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев».

«Среди Праведников народов мира – это почетное звание присваивается Национальным институтом памяти Катастрофы и Героизма Яд-Вашем в Иерусалиме лицам, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации, – поляки занимают первое место». ...И нельзя не согласиться со словами Адама Михника, что «тот, кто пытается вырвать преступление в Едвабне из контекста эпохи и построить на нем некое обобщение, тот, кто утверждает, что так вели себя только поляки и все поляки, – тот насаждает ложь такую же мерзкую, как многолетнее вранье о преступлении в Едвабне».

...Мы вышли на главную площадь Едвабне – посёлка, в котором сейчас около 2 тысяч жителей. На площади перед костёлом – небольшой парк. В центре парка – высокий крест и памятник местным жителям, которые были угнаны в Сибирь и в Казахстан. В 1941 году здесь стояла корчма, из которой толпа двинулась громить евреев. Справа – двухэтажный дом с балконом. До лета 1941 года в этом доме находился штаб НКВД. Говорят, что некоторые энкавэдэшники, не успевшие сбежать, перешли на сторону немцев.

На домах, где раньше жили евреи, я не увидел никаких табличек типа «Последний адрес». Мы поехали к тому месту, где был овин, в котором сожгли людей. Это рядом со старым еврейским кладбищем, при входе на которое стоит глыба из серого камня – памяти замученных евреев Едвабне. На камне красно-белая лента цвета польского национального флага от президента Польской республики. На камне выбиты надписи на польском и на иврите.

За кладбищенской оградой, на месте овина тоже памятник, из бетона, в который вбит большой кусок чёрной, сгоревшей стены деревянного сарая. Надпись на польском и иврите гласит: «Памяти евреев Едвабне, мужчин, женщин, детей, которые были гражданами этой страны и которых убили, сожгли заживо 10 июля 1941 года». Этот памятник был установлен 10 июля 2001 года, в 60-ю годовщину со дня трагедии. У подножия, на чёрной мраморной плите, – шестиконечная звезда, много польских поминальных светильников и еврейских свечей «йорцайт»...

В тот день было довольно холодно, временами шёл дождь. Но кроме нас подъехали к мемориалу ещё три человека.

Памятник убитым и сожжённым евреям Едвабне

После посещения Едвабне мы долго *молчали*. *Не хотелось говорить*. Было воскресенье. В Польше всё закрыто. Доехали до города Ломжа, нашли единственную открытую корчму. Пообедали и разъехались: племянник Женя – в Минск, а я с сыном – в Варшаву. Во внутреннем монологе и в диалоге с сыном я спрашивал: почему какая-то часть жителей Польши, страны, оккупированной немцами, страны, граждан которой нацисты не считали за людей, угоняли в рабство, заключали в концлагеря, убивали сотнями тысяч (почти 3 миллиона поляков погибло), почему, страдая сами, они заставляли страдать, унижали и убивали ещё более беззащитных?

По логике, казалось бы, у обоих народов был тогда единый враг – гитлеровская Германия, оккупанты. Борьба общими усилиями была бы результативнее, не так ли? Впрочем, даже среди самих поляков не было единства – Армия людова против Армии краёвой. Даже в лагерях смерти были межнациональные конфликты. Это отражено в документах таких мемориалов, как Бухенвальд, Заксенхаузен, Равенсбрюк. Об этих ставших музеями лагерях, в которых я считал своим долгом побывать, и о чувствах и мыслях, которые там у меня возникли, рассказ ещё предстоит.

Лев Гуревич
Германия

Двойной портрет в интерьере российской и немецкой словесности. Дитмар Розенталь и Марсель Райх-Раницкий

Как же должны были сойтись звёзды на небе, чтобы два еврейских мальчика Дитмар Розенталь и Марсель Райх с западной окраины Российской империи – Польши, не погибли в двух мировых войнах, в погромах Гражданской войны, не были уничтожены в Гулаге и огне Холокоста. Один из них – Дитмар Розенталь стал выдающимся знатоком русского языка, а другой – Марсель Райх-Раницкий – знаменитым немецким литературным критиком.

Дитмар Эльяшевич Розенталь родился 19 декабря 1900 года в крупном промышленном центре Царства Польского – городе Лодзь, в семье домохозяйки Иды Осиповны и небогатого предпринимателя Зигмунда Моисеевича Розенталя.

Замечательный польский поэт еврейского происхождения Юлиан Тувим так писал о Лодзи начала XX века:

«Тон и облик придала городу фабрика, основной колорит создавали клубы дыма...

Город труб и грязи, дворцов и маленьких деревянных домишек, нищеты и миллионов, город тяжкой чёрной работы и пресыщения, земля обетованная для сотни и недобрый город для пятисот тысяч...». (Речь идёт о знаменитой на всю Европу ткацкой фабрике текстильного

магната Израиля Познанского, уделявшего большое внимание благотворительной деятельности среди еврейского населения.)

В семье господина Розенталя было двое детей – старший брат Оскар и младший брат Дитмар. Читателей, возможно, удивят весьма необычные для еврейской семьи имена детей. Дело в том, что Зигмунд Розенталь, как многие образованные евреи того времени, был страстным германофилом и в семье он говорил по-немецки. Ида Розенталь свободно говорила на трёх языках: с супругом – по-немецки, с детьми – по-польски, а на улице – по-русски. Дитмар, как и его старший брат Оскар, учился в гимназии, где изучение русского языка было обязательным.

Грянула Первая мировая война – и город Лодзь оказался в эпицентре военных действий. Германский план окружения русских армий в районе Лодзи провалился, и одно из крупнейших сражений 1914 года закончилось победой России.

Из-за сложившей обстановки семья Розенталь перебралась в Москву, где жили их родственники. Дитмар продолжил учёбу в 5-м классе 15-й гимназии, эвакуированной в начале войны из Варшавы. Позднее на вопрос о том, были ли у него трудности с русским языком в этой гимназии, Розенталь ответил: «Я всегда был патологически грамотным».

В 1918 году, после окончания гимназии, Дитмар Розенталь поступил, а в 1923 году окончил историко-филологический факультет 1-го Московского университета (такое название носил Московский

университет с 1918 по 1930 год). Одновременно с обучением в университете Дитмар поступил и в 1924 году окончил экономический факультет Московского коммерческого института (ныне – Российская экономическая академия им Г.В. Плеханова). Вторую специальность Дитмар получил, скорее всего, под влиянием отца и брата-экономиста. Видимо, «в вихре борьбы и буден» филология представлялось Дитмару и его семье не очень надёжным занятием, и он решил «подстраховаться».

Пришедшие к власти после Октябрьского переворота большевики главным врагом считали интеллигенцию, что подтверждается общеизвестным высказыванием Ленина: «Интеллигенция – не мозг нации, а говно». Было принято решение все гуманитарные академические институты объединить под общим руководством марксиста-историка Михаила Покровского – заместителя наркома просвещения РСФСР, отвечавшего за сферу науки и высшего образования.

Именно по предложению Покровского, в 1924 году была создана вначале при МГУ Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, а затем в 1926 году в качестве самостоятельной организации – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), куда вошёл и Институт языка и истории литературы. С 1924 года Дитмар Розенталь учился в аспирантуре РАНИОН. Окончив её, он стал научным сотрудником этого учреждения. Одновременно молодой учёный работал учителем в школе и преподавателем на одном из рабфаков Москвы.

Во время учёбы в аспирантуре Розенталь был направлен в Италию на стажировку, во время которой он изучал местные диалекты. Именно в Италии впервые проявилась склонность Дитмара к учебно-методической деятельности и разработке дидактических материалов. По итогам стажировки Розенталь написал учебник итальянского языка для вузов и составил итальянско-русский и русско-итальянский словари.

В 1927 году молодой учёный был приглашён в 1-й Московский университет преподавать полонистику – область филологии, изучающую польский язык, литературу, фольклор и культуру польского народа. Детство и отрочество, проведённые Дитмаром в польской среде, безусловно, явились благоприятным обстоятельством для успешной работы над самоучителем польского языка, русско-польским и польско-русским словарями.

Одновременно Розенталь начал работать в области русского языка. И настолько успешно, что в 1936 году стал членом редколлегии, а в

1938-м – заместителем главного редактора журнала «Русский язык в школе», оставаясь на этом посту до 1962 года. Он также вошел в состав Орфографической комиссии Института русского языка АН СССР, осуществлял научное редактирование методических пособий, учебников и словарей.

В чём же заключался секрет успеха столь плодотворно работающего учёного-филолога? По-видимому, в его умении классифицировать и анализировать изучаемый материал, отыскивать и систематизировать корпус слов – основных структурных единиц языка, осуществлять подбор примеров, как сейчас бы сказали, «по оптимальным алгоритмам». При этом, прошу заметить, – никаких компьютеров и интернета не было и в помине, а весь собранный материал систематизировался на библиотечных карточках. Ну и, безусловно, уникальная человеческая память, которая не подводила Дитмара Розенталя на протяжении всей его долгой жизни.

В 1950-е годы Дитмар Розенталь вплотную занялся практической стилистикой русского языка: он анализирует его закономерности, уместность использования слов, оборотов, грамматических форм и конструкций. Эта отрасль лингвистики позволяет, подобно пушкинскому Сальери, «поверить алгеброй гармонию» языка, чтобы сделать речь или текст более осмысленным и выразительным. В 1957 году Розенталь издаёт сразу две книги на эту тему: «Практическую стилистику современного русского языка» (в соавторстве с В.А. Мамоновым) и «Литературное редактирование» – в соавторстве с проф. В.К. Былинским. Именно с ним Розенталь делит честь быть родоначальником практической стилистики как раздела лингвистики.

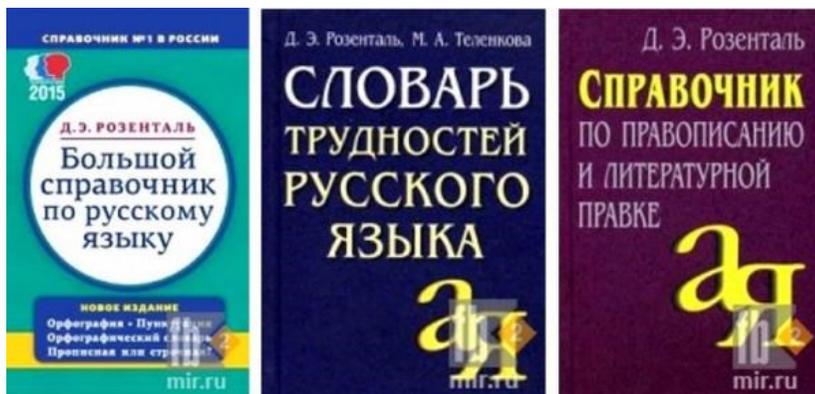
С позиции сегодняшнего дня кажется, что занятия филологией и лингвистикой не сулили никаких опасностей. Однако, вспоминая события, происходившие в языкознании в 40-х и 50-х годах XX века, можно считать, что Дитмару Розенталю повезло уцелеть на «минном поле» словесности. Достаточно вспомнить Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», затронувшее судьбы этих журналов и способствовавшее исключению Анны Ахматовой и Михаила Зощенко из Союза писателей СССР, разгромное собрание в апреле 1949 года в Ленинградском государственном университете, после которого с филологического факультета были уволены четыре профессора, составлявшие славу университета – Борис Эйхенбаум, Григорий Гуковский, Марк Азадовский и Виктор Жирмунский, и, наконец, развёрнутая Сталиным в 1950 году дискуссия о языкознании, осуждавшая «Новое

учение о языке» Н. Марра и даже нашедшая отражение в известной сатирической песне Юза Алешковского:

«Товарищ Сталин, вы большой учёный
— В языкознании знаете вы толк,
А я простой советский заключённый,
И мне товарищ — серый брянский волк».

В 1961 году Розенталь получил звание профессора. В 1962 году он создал на факультете журналистики МГУ кафедру практической стилистики русского языка, где и проработал до 1986 года, а профессором-консультантом оставался на этой кафедре до конца жизни.

Научный авторитет Дитмара Эльяшевича Розенталя (хотя его отец и называл себя Зигмундом, сын в качестве отчества взял еврейское имя отца) был необычайно высок, а представить его в качестве диссидента никому не могло прийти в голову. В 1962 году Розенталь возглавил на филологическом факультете МГУ кабинет «Русский язык за рубежом». Дитмар Эльяшевич преподавал русский язык и выступал на конференциях в Италии, Германии, Польше, Австрии и других странах и, конечно, на международных семинарах в МГУ.

За свою продолжительную научную жизнь Розенталь написал более 150 учебников и пособий, а всего вместе со статьями более 400 работ. Невозможно представить себе педагогов русского языка, издательских работников, писателей, журналистов, дикторов радио и телевидения, абитуриентов и студентов, а также иностранцев, изучающих русский язык, без справочников, пособий, словарей, практических руководств, на которых бы не стояло имя этого замечательного учёного-филолога.

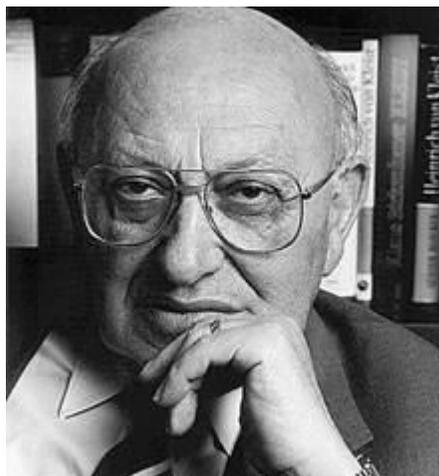
В жизни Дитмар Эльяшевич был скромнейшим человеком, избегавшим всякой публичности. Лишь незадолго до своей кончины Розенталь дал единственное интервью. В нём он кратко рассказал о своей жизни и чуть пространнее – о своей работе. Несмотря на то, что он уже с трудом передвигался по квартире, – прославленному лингвисту в это время было 93 года, – это не мешало ему каждый день скрупулёзно помечать ошибки в газетах.

Дитмар Эльяшевич Розенталь ушёл из жизни 29 июля 1994 года. Его многочисленные книги о том, как правильно писать и говорить по-русски, продолжают жить на всё ещё огромных просторах бывшей империи.

Жива людская память о выдающемся учёном. Так например, в интернет-сообществе для носителей и знатоков русского языка существует «Группа памяти Дитмара Эльяшевича Розенталя, или как много он для нас сделал» (vk.com/club6029786)...

Обратимся к личности другого героя очерка – Марселя Райха-Раницкого, детство, отрочество и юность которого прошли в относительно благополучной, как писала советская пропаганда и историография, «панской Польше».

(После войны, служа консулом в Лондоне, Марсель Райх заменил свою фамилию на Раницкий. Позже, работая в ФРГ литературным критиком, он публиковался и выступал на телевидении под фамилией Райх-Раницкий.)

Марсель Райх родился 2 июня 1920 года в небольшом городке Влоцлавек, расположенном на реке Висле в 200 километрах от Варшавы.

В 20-е годы во Влоцлавеке жили около 60 тысяч человек, и среди них примерно четверть составляли евреи. В городе имелось четыре католические церкви, одна евангелическая, две синагоги, много фабрик, в том числе самая старая и крупная бумажная фабрика Польши. Было также три кинотеатра, но при этом, ни театра, ни оркестра. Важнейшей достопримечательностью Влоцлавека являлся, построенный в XIV веке готический храм. Среди питомцев духовной семинарии, находящейся неподалеку от собора, в 1489–1491 годах был молодой человек из Торуни по имени Николай Коперник...

Помимо Марселя, в семье были старшая сестра Герда и старший брат Герберт, которым мать, не мыслящая себя вне немецкой культуры, дала немецкие имена, из-за чего дети часто становились объектами издевательств на улице и в школе.

Самые большие впечатления детства у Марселя были связаны с музыкой. Во-первых, сестра играла на фортепьяно, а, во-вторых, в доме был граммофон и много пластинок, которые выбирал отец, куда более музыкальный, чем мать.

В 1929 году грянул мировой экономический кризис, жертвой которого, в числе миллионов других, стал Давид Райх. После разорения семья переезжает в Берлин и оказывается на иждивении богатых родственников.

С приходом в 1933 году к власти нацистов в Германии начались гонения на евреев. После окончания в 1937 году гимназии Марсель подал заявление на поступление в Берлинский Университет, однако последовал отказ из-за его еврейского происхождения, и поэтому пришлось устраиваться на какую-то малооплачиваемую работу.

«Ранним утром 28 октября 1938 года, когда еще не было 7 часов, меня самым энергичным образом разбудил полицейский... Досконально проверив паспорт, он вручил мне документ, из которого я узнал о своей высылке из пределов Германской империи в Польшу. Полицейский распорядился, чтобы я быстро оделся и следовал за ним. Разрешалось взять лишь пять марок и портфель..

Что было мне делать в стране с совершенно чужим для меня языком, которой я хотя и понимал, но говорить на котором мог с трудом? Но я в эту поездку захватил и кое-что еще, правда, невидимое. Об этом я не думал в холодном поезде для депортированных из Германии. Нельзя было и представить себе, какую роль в моей будущей жизни сыграет этот незримый и, как я опасался, бесполезный и лишний багаж. Из

страны, из которой меня изгнали, я увез ее язык и ее литературу» (М. Р.-Р. «Моя жизнь»).

К этому времени вся семья Марселя уже находилась в Варшаве. Сам он немного подрабатывал уроками немецкого, но, в основном, семью обеспечивала зубоврачебная практика брата.

1 сентября 1939 года Гитлер вероломно напал на Польшу – началась Вторая мировая война. Как только немцы захватывали крупные и средние города, сёла и местечки тут же начинались грабежи и убийства еврейского населения, в которых на равных участвовали германские солдаты и поляки. В своей книге «Моя жизнь» Марсель Райх-Раницкий подробно описывает издевательства над евреями, о которых невозможно читать без содрогания и чувства ужаса.

В октябре 1940 года решением генерал-губернатора Польши Франка на территории Варшавы было организовано еврейское гетто, которое фактически являлось первым этапом на пути евреев в лагеря смерти. Первоначально выход из гетто без разрешения наказывался тюремным заключением на 9 месяцев. С ноября 1941 года стала применяться смертная казнь, а с 16 ноября гетто было огорожено стеной. Вопросы внутри гетто регулировались «Юденратом» – еврейским советом, который находился под контролем немецких властей. Для поддержания порядка в гетто была создана еврейская полиция.

«Для проведения переписи, занявшей около двух недель, потребовались сотни конторских служащих, в том числе и владевших немецким языком. Я последовал совету знакомых и подал заявление о приеме на работу... Моя проверка длилась не более минуты — меня приняли, но только на две недели. Несколько позже, однако, моя работа стала постоянной. «Юденрат» принял меня на службу для ведения корреспонденции на немецком языке...»

Меня, самого младшего, на десять-пятнадцать лет моложе остальных, назначили руководителем бюро, прежде всего, конечно же, потому, что я владел немецким языком лучше, чем те, кто стали вдруг моими подчиненными.

Совершенно неожиданно у меня появилось постоянное место работы с ежемесячным жалованьем...и теперь я мог вносить свою лепту в содержание семьи» (М. Р.-Р. «Моя жизнь»).

Жилья в гетто катастрофически не хватало, в обычной двухкомнатной квартире порой проживало до 50 человек. Еды и питьевой воды было слишком мало. Повсюду царил антисанитария, трупы не убрали неделями. Бесперывно устраивались облавы, во время которых немцы безнаказанно грабили и убивали евреев.

21 января 1940 года произошло событие, в корне изменившее дальнейшую жизнь Марселя – при трагических обстоятельствах он познакомился с девушкой, которая впоследствии стала его женой.

«Мать позвала меня в кухню. Она выглядывала из окна и была явно обеспокоена... Похоже, произошло что-то тревожное. Кто-то позвонил в дверь нашей квартиры со словами: пусть доктор сейчас же придет, господин Лангнас повесился, но, может быть, что-то можно сделать. Брата, однако, не было дома. Прежде чем я успел хотя бы минуту подумать о том, что следовало делать, мать сказала: «Сейчас же иди туда, у Лангнаса есть дочь, и о ней надо позаботиться». Уже идя по лестнице, я слышал голос матери: «Позаботься о девочке!» Эти слова, это напоминание — «Позаботься о девочке!» — я слышу и сегодня, я никогда их не забывал...

Тотчас я увидел прислонившуюся к стене девятнадцатилетнюю девушку... Мы уже знали друг друга, правда бегло. Звали её Теофила Лангнас, но она предпочитала своему немного претенциозно звучащему имени простое уменьшительное Тося» (М. Р.-Р. «Моя жизнь»).

Довольно быстро отношения Марселя и Тоси перешли из платонических в интимную близость.

«Евреи в Варшавском гетто подвергались истязаниям. С ними происходило ужасное, но иногда случалось и нечто прекрасное и чудесное. Они страдали, но и любили. Вот только любовь была тогда особой. Над любовью в гетто ежедневно и ежечасно нависал вопрос о том, будем ли мы еще живы завтра

Мы рассказывали друг другу о своей жизни, и, хотя нам было едва по двадцать лет, могли друг другу кое-что поведать, читали стихи Мицкевича и Тувима, Гёте и Гейне... Не зная Фрейда, мы постигали «полярность любви и смерти», слияние счастья и несчастья. Любовь была наркотиком, которым мы заглушали свой страх — страх перед немцами» (М. Р.-Р. «Моя жизнь»).

В двадцатых числах июля 1942 года началась ликвидация гетто. Было объявлено, что все евреи, за исключением работающих на немецких предприятиях, работников госпиталей, членов «Юденрата» и их семей, членов еврейской полиции в гетто и их семей будут депортированы на восток. Ежедневно в гетто проводились так называемые «селекции». Людей загоняли на погрузочную платформу, заталкивали в вагоны для скота, формировали эшелоны и отправляли в Освенцим и Трешлинку. К 30 июля 1942 года из гетто было вывезено около 60000, а с августа по сентябрь – более 300000 человек.

Солдаты СС выводят евреев Варшавского гетто, обнаруженных в укрытии

Стало ясно, что Тося в любой момент могла оказаться в эшелоне, отправляющемся в лагерь смерти.

«...Густаве Ярецкой (польская писательница еврейского происхождения) я диктовал 22 июля 1941 года смертный приговор, который СС вынесли евреям Варшавы. Когда, перечисляя группы, которые должны быть исключены из «переселения», я дошел до предложения о том, что это положение касается и жен, Густава прервала печатание польского текста и быстро и тихо сказала, не отрывая взгляда от машинки: «Ты сегодня же должен жениться на Тосе».

Сразу же по окончании диктовки я послал к Тосе курьера, прося немедленно прийти ко мне и захватить свидетельство о рождении. Она пришла очень быстро, явно взволнованная, так как паника на улицах действовала заразительно. Когда я сказал Тосе, что мы сейчас женимся, она удивилась лишь немного и кивнула, соглашаясь.

Теолог, имевший право исполнять обязанности раввина, не создавал никаких затруднений, двое чиновников, работавших в соседней комнате, стали свидетелями, церемония длилась недолго, и вскоре мы держали в руках свидетельство, согласно которому вступили в брак еще 7 марта» (М. Р-Р. «Моя жизнь»).

Каждый день шансов выжить в гетто становилось всё меньше и меньше, а риск быть отправленным в лагеря уничтожения возрастал,

поэтому Марсель и Тося приняли решение бежать из гетто в «арийскую» часть Варшавы.

«18 января 1943 года в шесть с небольшим утра нас разбудил шум на улице. С лестничной клетки я слышал громкие, резкие команды. Я понял, что все те, кто сейчас же не выйдут из своих квартир на улицу, будут расстреляны на месте. Мы оделись со всей возможной быстротой и выбежали на улицу. Колонна перед нашим домом, ни начала, ни конца которой мы не видели, охранялась значительно большим количеством жандармов, чем раньше..

Через несколько минут колонна двинулась. Мы не сомневались, что путь наш вел к «пересадочной площадке» – загаженный зал ожидания, предназначенный для пассажиров, конечная цель пути которых – газовая камера. Так как «пересадочная площадка» находилась совсем близко, то побег из колонны мог удаться нам только теперь или никогда...

В тех, кто теперь выскакивал из колонны, стреляли сразу же, и немало осталось лежать на мостовой. Но с таким риском приходилось смириться. Я уже собирался бежать, но колебался еще какой-то миг, боясь смертельного выстрела. Но вот Тося с силой выдернула меня из ряда, и мы кинулись в ворота дома, разрушенного еще в сентябре 1939 года, а оттуда в подвал... Здесь не было слышно ни криков, ни выстрелов, здесь было совсем тихо» (М. Р.-Р. «Моя жизнь»).

Этот удавшийся побег был, по-видимому, одной из самых редких удач, случившейся в жизни молодых людей, буквально стоявших на самом краю гибели...

Сразу после окончания войны в народной Польше у евреев был свободный доступ к высоким политическим, административным и хозяйственным постам. Много евреев служило в органах госбезопасности. Однако, начиная с 1949 года, в столицах государств Восточного блока под влиянием советского руководства начались политические процессы с явным антисемитским уклоном. У Марселя Раницкого были серьезные причины опасаться оказаться в числе «космополитов» – бранное слово, которым коммунистическая печать награждала интеллигентов, в основном, еврейского происхождения. В ноябре 1949 года Раницкого уволили из МИДа, а вскоре арестовали.

Через две недели его освободили, но исключили из партии. Устроиться куда-либо с такой анкетой было делом безнадёжным, но в который раз спас немецкий язык – удалось найти работу в издательстве, выпускающем немецкую литературу. В 1953 году

Марсель Раницкий вступил в Союз писателей Польши и всецело занялся литературной работой.

К 1956 году, в связи с приходом к власти коммунистического лидера Гомулки, обстановка в Польше становилась все тревожнее, особенно для евреев.

«Я спрашивал себя, чего было еще искать в этой стране, где я, правда, родился, но куда вернулся не по доброй воле... Сколько бы ни публиковал я на польском языке, – конечно же, всегда только о немецкой литературе, – Польша оставалась мне все-таки чужой. Да и была ли она когда-нибудь моей родиной? В коммунизм я давно уже не верил. Так имело ли еще смысл жить здесь?» (М. Р-Р. «Моя жизнь»).

Отъезд за рубеж семьи Раницких состоялся летом 1958 года при драматических обстоятельствах. После того как Марсель получил заграничный паспорт для поездки в Федеративную Республику Германии, Тося с сыном Анджеем улетела к родственникам в Лондон. Марсель запер квартиру со всем имуществом и, прихватив чемодан, в котором находилась дорожная пишущая машинка «Триумф», сел в поезд, следующий в ФРГ. Уже на следующий день знакомые встречали его в Кёльне.

«У меня снова не было ничего, совсем ничего, только, как когда-то, незримый багаж – литература, особенно немецкая» (М. Р-Р. «Моя жизнь»).

Вся последующая деятельность Марселя Райх-Раницкого, такой псевдоним он взял по совету редактора одной из немецких газет, была связана с немецкой литературой.

Полностью статью можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9799>

Виталий Шрайбер

Калифорния, США

27 декабря 1979 года в Кабуле. Рассказ доктора Алексева

В последние месяцы тема войны СССР в Афганистане вновь оказалась в фокусе внимания российских и западных средств массовой информации. Дело в том, что на 2019 год приходится две круглые даты: 15 февраля – исполнилось 30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана, а 27 декабря исполнится 40 лет с момента ввода войск и начала войны. В преддверии этих дат, в конце ноября 2018 года, Государственная Дума Российской Федерации провела парламентские слушания, посвященные оценке, а точнее переоценке решения о вводе советских войск в Афганистан, принятого советским руководством в 1979 году.

В 1989 году съезд народных депутатов СССР под председательством М. С. Горбачева постановил, что это решение было ошибочным и заслуживающим «морального и политического осуждения». Теперь же Государственная Дума приняла проект постановления, отменяющего постановление 1989 года. В этом проекте утверждается, что решение о вводе войск принималось «в полном соответствии с нормами международного права» и с учетом неоднократно поступавших просьб афганского руководства. А потому постановление 1989 года не соответствует «принципам исторической справедливости» и его следует признать «несостоятельным и утратившим силу».

Проект постановления был встречен аплодисментами значительной части думских парламентариев. Было решено представить его на утверждение

Федерального Собрания 15-го февраля 2019 г, то есть в день 30-летия вывода войск из Афганистана.

Естественно предполагать, что и содержание проекта, и дата утверждения были согласованы, если не с самим президентом Путиным, то с его администрацией. Тем не менее, в намеченную дату – 15 февраля – заседание, посвященное этому вопросу, не состоялось. Почему – неизвестно. Видимо, президент передумал или решил повременить. Между тем, в устных и письменных выступлениях многие российские политики и публицисты продолжают заявлять о несогласии с постановлением 1989 года и вновь, как и 40 лет назад, настаивают, что ввод войск в Афганистан был оправдан военно-стратегическими интересами СССР. Как заклинание повторяют, что ввод «ограниченного контингента» был предпринят по просьбе **законного** правительства Афганистана.

Оживление интереса к событиям советско-афганской войны и их оценке подтолкнуло меня предложить вниманию читателей фрагмент из книги воспоминаний о моем отце, которую я писал в 2005 – 2006 годах. Для данной публикации я добавил кое-какие факты, ставшие известными лишь в самое последнее время.

1.

В начале шестидесятых моего отца, гражданского хирурга, пригласили на работу в Ленинградскую Военно-Медицинскую Академию на должность профессора кафедры военно-полевой

хирургии (ВПХ). Пригласили, имея в виду, в первую очередь, его обширные познания в общей хирургии и педагогическое мастерство, но учитывали и то, что с военной хирургией он был хорошо знаком со времени Великой Отечественной Войны. Должность его в Академии была вольнонаемная, он оставался человеком штатским, погоны не носил. Тем не менее, успешно встроился в коллектив военных медиков и проработал в Академии больше пятнадцати лет.

Часть врачей клиники ВПХ постоянно находилась в заграничных командировках. Иногда это были длительные и спокойные командировки, например, их посылали служить в госпитале в Западной Группе Советских Войск в Германии или Чехословакии. Нередко, однако, выпадали командировки в беспокойные и опасные регионы, где в военных конфликтах прямо или косвенно был замешан СССР, находились советские военные подразделения или хотя бы советники. Китай, Корея, Вьетнам, Куба, Ангола, Ближний Восток – во всех этих горячих точках не обошлось без участия папиных коллег по клинике ВПХ. Посылали их и в районы стихийных бедствий. В этих командировках они добывали себе очередные воинские звания, иногда правительственные награды, но, вместе с тем, и нервные стрессы, экзотические инфекционные заболевания, ранние инфаркты, а иной раз и вовсе возвращались домой в гробу. Об одной такой драматической истории я и хочу рассказать. Правда, в годы горбачевской перестройки эта история стала известной, но я узнал о ней гораздо раньше – от человека, который был непосредственным ее участником, и с подробностями, о которых мало кто знает до сих пор.

2.

Одним из более молодых коллег в клинике ВПХ, с кем у моего отца сложились дружеские отношения, был Анатолий Владимирович Алексеев. Отец называл его запросто Толей. Он ценил Алексеева не только как умелого хирурга, но и как вдумчивого и внимательного к больным доктора. Алексеев не раз бывал у нас дома. У него была приятная манера поведения – очень спокойная, выдержанная, доброжелательная. Папа говорил, что на Алексеева в любом деле можно положиться. По-видимому, это качество Алексеева было хорошо известно также его военному начальству. А потому его часто направляли в весьма опасные и трудные командировки. Он вывозил каких-то раненых из Анголы, участвовал в спасении пострадавших от землетрясения в Перу.

Летом 1977 года мой отец неожиданно умер, и в эти тяжелые для меня дни Анатолий Владимирович оказал мне такую дружескую поддержку, которую я никогда не забуду. Вскоре после этого Алексеев надолго уехал в Афганистан. Через некоторое время после возвращения он однажды зашел к нам проведать маму. И тут, слово за слово, вдруг стал рассказывать о своей последней командировке.

3.

Он служил в военном госпитале в Кабуле. В конце 1979 года он уже имел звание полковника и занимал в этом госпитале должность старшего советника. В один далеко не самый прекрасный день – 27-го декабря 1979 года – ему приказали срочно отправиться во дворец Тадж-Бек – резиденцию тогдашнего президента Афганистана Хафизуллы Амина. Алексееву было сказано, что Амин чем-то отравился. А надо заметить, что Амин, как и его предшественник Тараки, свергнутый и убитый Амином, не доверял своим врачам и предпочитал пользоваться услугами советских [1]. Алексеев вместе с коллегой-терапевтом Виктором Кузнеченковым (тоже полковником и тоже из Ленинградской Военно-Медицинской Академии, из клиники военно-полевой терапии) и женщиной-медсестрой отправились во дворец.

Прибыв во дворец, они обнаружили очень мрачную картину. Там был банкет или какое-то многолюдное застолье, и все его участники, включая Амина, лежали полутрусами с явными признаками отравления. Среди отравленных были женщины и дети. Алексеев с коллегами, как им и было велено, занялись лично Амином; делали ему многократные промывания желудка, капельницы, инъекции, еще что-то. В конце концов им удалось привести его в сознание, хотя его состояние оставалось тяжелым. Для дальнейшего лечения крайне желательно было определить, чем именно Амин и другие были отравлены. Алексеев отправил медсестру с пробами желудочного содержимого обратно в госпиталь с тем, чтобы там сделали необходимые анализы, а сами они с Кузнеченковым остались во дворце ждать ответа из госпиталя. Прождав какое-то время, Алексеев с разрешения охраны Амина, позвонил в госпиталь. В ответ на его вопрос о результатах анализов некто неизвестный ему сказал: це-о. Алексеев не понял, попросил повторить, ему снова несколько раз сказали «це-о, це-о» и повесили трубку. Наконец, до него дошло, что сказанное надо понимать как химическую формулу «СО», то есть окись углерода, или, попросту говоря, угарный газ.

Что за ерунда? – думали Алексеев и Кузнеченков – Какая окись углерода, какой угарный газ? Нет никаких сомнений, что отравление желудочное. Их размышления были прерваны странными и тревожными событиями. Снаружи, за стенами резиденции, раздался взрыв, затем выстрелы, крики, шум. Внутри началась суета, по коридорам забегали вооруженные люди. Выбежал в коридор полуодетый, еще толком не очухавшийся Амин, шатаясь и держа в руках банки с капельницами, все еще соединенными с иглами в его венах. Алексеев помог ему вытащить иглы и отсоединить капельницы. Затем погас свет. Алексеев с коллегой заскочили в какую-то пустую комнату, ломая голову над тем, что же это творится. Поначалу они думали, что, вероятно, это какие-то внутриафганские разборки.

Откуда Алексееву и его товарищу было знать, что на этот день был назначен штурм резиденции главы Афганистана советским спецназом?! Никто их не предупредил, а может быть, их непосредственные начальники об этом тоже не знали. Хотя тот, кто выдавал им по телефону бредовую версию причины отравления, видимо, был в курсе. Звуки выстрелов приближались. Через несколько мгновений в проеме двери появилась темная фигура человека с автоматом, который начал поливать комнату очередями. Вспыхнула штора на окне; вскрикнув, упал Виктор, и Алексеев бросился к нему. Человек с автоматом замешкался и сказал что-то вроде: счастье твое, что я твой погон увидел. То есть в момент, когда Алексеев наклонился к своему товарищу, свет горячей шторы упал на его погон, спецназовец понял, что перед ним советский офицер, и не нажал на спусковой крючок. «А вообще-то я должен был бы и тебя тоже ... У меня приказ... , » – сказал он и побежал дальше, оставив потрясенного Алексеева с умирающим Кузнеченковым. Через несколько минут был убит и Хафизула Амин.

Когда перестрелка затихла, Анатолий Владимирович, с трудом тащивший на себе тяжелое тело Виктора, вышел из дворца и увидел несколько машин, подъехавших, чтобы забрать раненых для отправки в госпиталь. Он подошел к одной из машин, но люди, занимавшиеся погрузкой, не хотели брать тело Кузнеченкова, сказав, что он все равно мертв, а у них приказ срочно отвозить именно раненых. И Алексееву пришлось соврать, что Кузнеченков еще жив и его нужно срочно везти в госпиталь, где Алексеев будет его оперировать. Из дворца он уехал в госпиталь вместе с ранеными и телом Виктора Кузнеченкова, а потом до утра, до изнеможения стоял у операционного стола, спасая тех, кого еще можно было спасти – и своих, и афганцев.

Домой Алексеев вернулся с гробом товарища. Кузнеченкова похоронили на Богословском кладбище, на той же академической площадке, где похоронен и мой отец.

4.

Таким мне запомнился рассказ Алексеева, хотя, может быть, что-то я передаю не совсем точно.

Я, разумеется, не был столь наивным, чтобы верить тому, как освещались ввод войск и дальнейшие события в Афганистане советскими средствами массовой информации. Впрочем, слово «наивный» – слишком мягкое, ибо надо было быть просто недоумком, чтобы купиться на неуклюжее лукавство формулировок типа «выполнение интернационального долга» или «ограниченный воинский контингент». (Можно подумать, что воинский контингент может быть неограниченным!). Да и «забугорное» радио все-таки работало и, несмотря на глушилки, доносило до нас кое-какую реальную информацию. О том, например, что в Афганистане воюет стотысячная армия, что есть тысячи убитых советских военнослужащих и бог знает сколько афганцев.

И все же рассказ очевидца, к тому же человека, которого мы хорошо знали, произвел сильное впечатление. В действиях организаторов атаки на резиденцию Амина поражало какое-то сочетание вероломства, жестокости и идиотизма. Ведь Амин, какой бы он там мерзавец ни был, все же, как следовало из рассказа Алексеева, доверял советским дипломатам, военным специалистам и врачам, обращался к ним за помощью. И ведь именно обращениями руководства Афганистана, то есть Амина и его предшественника, за помощью к советскому руководству объясняли ввод советских войск в Афганистан. Ничего себе помощь: первым делом пристрелили того, кто просил о помощи. Ситуация же с отравлением Амина и отправкой во дворец Алексеева и его товарищей вообще не лезет ни в какие ворота. Сначала Амина отравили, потом допустили, чтобы свои же врачи поехали и ценой огромных усилий спасли отравленного, можно сказать, вернули с того света. Затем спасенного пристрелили, а заодно мимоходом и одного из врачей угрохали. Причем, из рассказа следовало, что не Кузнеченков погиб случайно, а случайно жив остался Алексеев.

Прошло несколько лет. Завеса официального молчания и вранья вокруг афганских событий была прорвана во время Горбачевской перестройки. Всем, конечно, памятно выступление Сахарова на

первом съезде народных депутатов СССР в 1989 году и яростное неприятие этого выступления многими депутатами. Особое негодование вызвали слова Сахарова о том, что ему сообщали о случаях, когда советские военнослужащие вели огонь по своим. На голову Сахарова посыпались проклятия. И все же съезд в итоге принял вышеупомянутое постановление, осуждающее решение о вводе войск. Произошло изменение отношения общества к афганской эпохе, стали допустимыми критические высказывания в адрес высших партийных руководителей и в связи некоторыми другими событиями советской истории.

Где-то в начале 90-х годов Алексеев был приглашен на одну из передач Ленинградского (а может быть уже Санкт-Петербургского) телевидения. Он повторил там свой рассказ, хотя более лаконично и с меньшими подробностями, чем это было у нас дома. Вероятно, впервые широкой огласке была предана история гибели Виктора Кузнеченкова.

5.

В 2006 году, включив рассказ Алексеева в свои записки, я обследовал Интернет в поисках фактов, дополняющих или уточняющих этот рассказ. То же сделал и сейчас при подготовке данной публикации. В настоящее время общее количество опубликованных материалов об Афганской войне возросло многократно[2]. Часть материалов не имеет прямого отношения к обстоятельствам штурма резиденции главы Афганистана. Некоторые материалы имеют отношение, но не очень интересны, поскольку в них преобладает не критическое отношение к действиям советского руководства и восхваление героизма участников штурма дворца Тадж Бек при полном игнорировании моральной стороны, да и просто целесообразности этих действий. Но есть и честные и более или менее объективные описания событий. Ниже кратко изложено то, что показалось мне существенным и уместным в настоящей публикации.

Я выяснил, что и у нас дома, и в телевизионном интервью Алексеев не захотел, не решился или не мог рассказать все, что знал и видел, опустив ряд подробностей, которые делают картину происшедшего 27 декабря 1977 года в Кабуле еще более мрачной и трагичной. Вот эти подробности.

Во-первых, оказывается банкет во дворце был устроен Амином на радостях, потому что ему сообщили, что советское руководство, идя навстречу его настойчивым просьбам, наконец-то приняло решение

вести войска в Кабул. Приближенные Амина и министры правительства явились на банкет с женами.

Во-вторых, отравление участников банкета было делом рук повара, работавшего на советскую разведку.

В-третьих, Хафизулла Амин был убит не случайно и не потому что его охрана оказала сопротивление, а потому что перед нападавшими именно такая задача была поставлена и о ее выполнении они должны были первым делом доложить. Сейчас в Интернете можно найти тексты постановлений Политбюро ЦК КПСС и другие документы, из которых однозначно видно, что штурм дворца Тадж-Бек, собственно говоря, был предпринят с единственной целью – ликвидации тогдашнего руководителя Афганистана для последующей замены его другим человеком, в лояльности которого руководство СССР было бы больше уверено[3].

В-четвертых, во дворце находилось много родственников Амина, в том числе его жена и дети. Сколько всего там было детей – я не знаю, но во всех источниках упоминаются, по крайней мере, маленький сын и более взрослая дочь. По ряду свидетельств, Алексеев и Кузнеченков в какой-то момент вместе с Амином прятались в баре. И в этот момент откуда-то появился плачущий сын Амина, бросился к отцу и прижался к нему. Сцена, судя по всему, была душераздирающая. Затем раздался взрыв, и Алексеев с Кузнеченковым перебежали в другое помещение, где чуть позднее Кузнеченков погиб. Тем временем Амин был убит вместе с сыном. Дочь Амина была ранена автоматной очередью в ногу. Ее отправили в госпиталь вместе с другими ранеными – как участниками штурма, так и защитниками резиденции. Есть информация, что дочь и жена остались живы. Что касается остальных родственников, по крайней мере, какая-то часть из них тоже была убита. Погибла также находившаяся во дворце жена министра иностранных дел Афганистана.

В-пятых, среди защитников дворца было немало таких, кто был дружески настроен по отношению к Советскому Союзу, но не знал, что дворец атакуют именно советские военнослужащие. Некоторые добровольно сдались, но не всем, кто к этому был склонен, удалось это сделать. Судя по большинству публикаций, было убито около двухсот защитников резиденции Амина. В воспоминаниях одного из советских участников штурма написано: «Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами».

В-шестых, потери с советской стороны тоже оказались более значительными, чем ожидали те, кто готовил план операции по захвату дворца. Многие авторы отмечают серьезные просчеты,

допущенные разработчиками этого плана. По разным причинам, не оправдался и расчет на внезапность атаки. Одной из этих причин было вышеописанное отравление участников банкета. Оно насторожило личную охрану Амина и защитников дворца, так что к моменту начала штурма они уже были готовы к сопротивлению.

Судя по опубликованным данным, при штурме резиденции из двух групп спецназа КГБ и специального отряда ГРУ (так. наз. «Мусульманский батальон») в общей сложности погибли 20 военнослужащих и несколько десятков были ранены. Еще 30 десантников погибли и несколько десятков были ранены при штурме других объектов в Кабуле

Среди убитых оказался командир спецназа полковник Бояринов, причем он, как и Виктор Кузнецков, погиб от случайной пули своих же подчиненных. Почти во всех воспоминаниях отмечается неразбериха в ходе боя во дворце, ибо участники боя с обеих сторон были одеты в форму афганской армии. Единственным отличием атакующих была белая повязка на рукаве, которую в темноте было не разглядеть. Суперпрофессионалы из КГБ, прошедшие специальную подготовку для разведывательной и диверсионной работы, бегали по дворцу, громко ругаясь русским матом, ибо это был единственный способ отличить своего от чужого.

Вместе с тем, некоторые свидетели и участники событий пишут об отсутствии реальных фактов, доказывающих наличие сговора Амина с американцами (что указывалось как одна из причин для ввода советских войск) и выражают сомнения в целесообразности ликвидации Амина. Есть и такие, кто осуждает способ, которым это было сделано. Особенно резко высказывается полковник Е. В. Чернышев, исполнявший в те дни обязанности оперативного дежурного Генерального Штаба в Афганистане. В своем дневнике Чернышев пишет: «Поражаешься тому цинизму, дикой жестокости, презрению к общественному мнению, которые были проявлены при разработке плана убийства президента Афганистана». Он предлагает мысленно выстроить «в одну шеренгу погибших и искалеченных в ходе операции советских офицеров, сержантов и солдат, афганских офицеров, сержантов и солдат (которые в подавляющем большинстве считали нас друзьями), жену Амина, его детей» и задуматься, стоило ли убивать и калечить всех этих людей ради того, чтобы ликвидировать Хафизулу Амина. Чернышев огорчен также тем, что не видит достаточно однодушного осуждения «аморальной стороны методов исполнения замыслов». Он пишет: «Давайте задумаемся: на государственном уровне применяется средневековый иезуитский

метод устранения главы дружественного государства – используется сильнодействующий яд! Травится семья, дети, гости – десятки людей. При этом со своими будущими жертвами на самом высоком уровне разыгрывают дружбу, уверяют в своей любви».

Однако авторы проекта постановления Государственной Думы РФ, подготовленного в 2018 году, сочли возможным заявить, что ввод войск производился «в полном соответствии с нормами международного права».

6.

В связи с этим, уместно вспомнить некоторые подробности того, как в 1979 году это решение принималось. Не касаясь его моральных аспектов, можно ли сказать, что оно было хорошо продуманным и обоснованным с военной и политической точек зрения? Из материалов, ставших теперь доступными, известно, что решение принималось узким кругом членов Политбюро ЦК КПСС. Ни с Верховным Советом, ни с Советом Министров СССР оно не согласовывалось. Причем поначалу большинство членов Политбюро, включая Леонида Брежнева, считало, что, оказывая всевозможную помощь правительству Тараки, следует, тем не менее, воздерживаться от прямого участия в войне на территории Афганистана.

Затем, однако, в Москву стала поступать информация, что политическая обстановка в Афганистане обостряется, что социально-экономические реформы и жестокие расправы с оппозицией, проводимые партией НДПА, вызывают массовое недовольство и вооружённое сопротивление, между тем как в самой партии идет борьба за власть. При этом лидеры НДПА то ли не хотят, то ли не могут следовать советам кремлевских кураторов и лишь настойчиво просят ввести советские войска, надеясь с их помощью расправиться с оппозицией. В Кремле почувствовали, что теряют контроль над ситуацией в Афганистане. И тогда соображения о нежелательности прямого военного вмешательства отступили перед убеждением, что *«ни при каких обстоятельствах нельзя потерять Афганистан»*[4]. Наиболее активные сторонники ввода в Афганистан советского военного контингента – Громыко, Устинов, Кириленко и Андропов – постепенно убедили остальных членов Политбюро в целесообразности такого шага. Единственный, кто так и не согласился с вводом войск, был председатель Совета Министров А. Н. Косыгин.

Военные эксперты – начальник генерального штаба маршал Н. В. Огарков, его заместитель генерал С. Ф. Ахромеев и другие высшие

военачальники – к идее ввода войск в Афганистан отнеслись отрицательно и безуспешно пытались отговорить членов Политбюро от этой идеи. Против ввода войск в Афганистан высказались ведущие политологи и специалисты в области международных отношений – академики Е. М. Примаков, О. Т. Богомолов и другие. Но «кремлевские старцы» не прислушались к мнению профессионалов. Роковое решение о вводе «ограниченного контингента» было принято. Последующие события показали, что эта ошибка, по сути авантюра, очень дорого обошлась Советскому Союзу и, по мнению ряда политологов, стала одной из причин его распада.

В качестве одного из факторов, решивших судьбу Хафизуллы Амина, называют неприязнь к нему лично Леонида Брежнева. Брежнев не мог простить Амину то, как Амин его обманул. Во время визита Амина в Москву Брежнев просил его оставить в живых предшественника – Тараки, кресло которого Амин занял. И Амин пообещал Брежневу не убивать Тараки, хотя в действительности Тараки был убит по приказу Амина еще за два дня до этого разговора. Можно понять чувства Леонида Ильича – кому понравится когда тебя так нагло надувают. Да и неприглядная личность Амина тоже лишней раз высвечивается.

А через два дня после штурма резиденции Амина и ввода войск в Афганистан, правдолюбивый Леонид Ильич пишет письмо президенту США Джимми Картеру следующего содержания:

«..... Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является содержащееся в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими офицерами, и только ими. Спросите об этом у афганского правительства... Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны и мы, разумеется, не намерены предпринимать их»

Комментарий полковника Чернышева: «Как не восхищаться умению вождя врать и считать всех дураками!!!».

27 декабря 1979 года Политбюро ЦК КПСС приняло специальный протокол № 177, который предписывал партийным организациям «давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям на счет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела и подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в

руководстве Афганистана». Согласно этому протоколу, «в Афганистане нашлись силы, которые решительно поднялись против деспотического режима Х. Амина и устранили узурпатора от власти»[5]. Послы СССР в «братских» странах тоже получили указания давать подобные разъяснения событий руководителям этих стран.

Совершенно очевидно, что члены Политбюро, принимавшие решение о свержении действующего правительства Афганистана и вводе «ограниченного контингента» вооруженных сил СССР в эту страну, прекрасно понимали (в отличие от депутатов нынешнего состава Гос. Думы РФ), что и само это решение, и то как варварски оно было претворено в жизнь, противоречит нормам международных отношений (не говоря уж о Конституции СССР и просто о принципах морали). Поэтому предпринимали специальные усилия для того, чтобы скрыть неприглядную правду о первом дне военного вторжения в Афганистан от международного сообщества и от собственных сограждан. Ну а затем, очевидно, подобным образом корректировалась, искажалась или скрывалась информация о том, что реально происходило в Афганистане на протяжении девяти лет войны.

7.

Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за штурм дворца Тадж Бек награждены были около семисот человек. Некоторым присвоили звания Героев Советского Союза, другие получили ордена Ленина. Полковника Кузнеченкова посмертно наградили Орденом Красной Звезды. Полковнику Алексееву никаких орденов не досталось. Дали лишь грамоту, да и то с ошибками в тексте. Большего не заслужил. Жив остался – и хорошо. Но это на Родине. А вот за ее пределами нашелся человек, который счел Алексеева достойным поистине уникальной награды. Этот человек – папа Иоанн Павел II. На международном симпозиуме по Медицине катастроф, проходившем в Италии, он вручил Алексееву символический «Пропуск в Рай» за самоотверженность при спасении людей в экстремальных условиях.

О Пропуске в Рай я узнал в 2006 году из Интернета. К сожалению, не узнал никаких подробностей – как Алексеев попал на симпозиум, за что именно получил награду – за Афганистан или за что-то другое. Знал бы раньше – расспросил бы Анатолия Владимировича. Но в 2006 году уже было не спросить. После телевизионной передачи с его участием я видел Алексеева раза три – четыре. Иногда по старой

памяти я обращался к нему за помощью или советом по медицинской линии, но делал это только в серьезных случаях, по мелочам не беспокоил. Сам-то он всегда с готовностью предлагал помощь, звонил моей маме, справлялся о здоровье, поздравлял с праздниками. В девяностых годах он был уже заместителем начальника клиники. И тогда же я узнал, что он перенес инфаркт. По нему это не было заметно, с виду он всегда производил впечатление крепкого и здорового человека. Наверное он и был таким раньше, да уж очень много перегрузок выпало на его долю. А где-то в районе 2000 года, когда тяжело заболела моя мама, я хотел с ним посоветоваться, позвонил ему и с огромным огорчением узнал, что Алексеев умер.

Одно утешает – у него был пропуск в Рай.

Анатолий Петрушин

С.-Петербург, Россия

Явка с повинной (дебют)

То далёкое лето, проведённое с бабушкой, было необыкновенным и запомнилось мне на всю жизнь. Обычно в летние каникулы я сидел в душном и пыльном Ленинграде, и только на время отпуска родители выезжали в посёлок Сосново, где мы на две-три недели снимали комнату. Место хорошее и живописное, грибные леса вокруг и озёр много, но часто шли дожди, и мы мёрзли на даче. Электричества не было, заняться было нечем, и спать все ложились очень рано.

Когда в школе зимой начинались рассказы о жарких летних днях, о горячем солнце и море с крабами и медузами, я скромно молчал. Моя

бабушка летом обычно выезжала на Юг, но в последнее время – в Рогачёв, небольшой городок на высоком берегу Днепра. По её рассказам, фрукты там дешёвые, дожди идут редко, всё время светит яркое солнце, она целые дни проводит на пляже и купается по несколько раз в день.

У хозяев, которые сдавали ей комнату, было много разной живности – не считая кошки и собаки. Да ещё вокруг ползало и летало много любимых мною насекомых и птиц, а в Днепре местные хлопцы каждый день ловили рыбу – на завтрак и обед для своих семей.

Я мечтал попасть туда хотя бы разок, но зачем бабушке такая обуза – двенадцатилетний ребёнок – она любила комфорт и покой. Но в это лето отпуск у родителей не складывался, и девать меня было некуда. На семейном совете родители уговорили её взять меня в Рогачёв – на целое лето!

Тут был ещё один повод для радости. Бабушка была родом из Канска. Ещё совсем юной девочкой, она увлеклась политическим ссыльным из Петербурга, бросила школу и тайком от родителей вышла замуж. Когда большевики взяли власть, за заслуги мужа перед партией и народом её назначили работать судьёй.

После смерти мужа, уже с тремя детьми, молодая мать перебралась в Ленинград. Читать она не любила, психологии не знала, и без диплома и даже школьного аттестата, работать на таком ответственном посту малограмотной женщине было тяжело. Но когда она надевала мундир с орденами и любовалась собой в зеркале, то забывала о всех неприятностях.

Соседи по квартире относились к ней с большим почтением и никогда с судьёй не спорили. Она поверила в собственную мудрость и непогрешимость и всех учила жить. Когда бабушка приходила к нам в гости, то рассказывала интересные, а порой и страшные истории из своей практики, о которых тогда не писали в газетах. Я решил выведать у неё о работе следователей и судей, чтобы потом хвастаться в школе осведомлённостью об этих тайнах. И тем летом я кое-что о них узнал – на собственной шкуре испытал...

В день приезда мы сразу пошли на Днепр купаться. С очень высокого обрывистого берега открывался красивый вид на сады, песчаный пляж, заливные луга и отдалённые деревни на другом берегу. По реке плыли лодки, на мелководе женщины стирали и громко били вальками по мокрому белью, по колено в воде стояли рыболовы с удочками, большие стаи домашних гусей и уток шумели и кормились речной травой. Над водой носились стаи ласточек, и весь

противоположный берег был изрыт их норами, недалеко от которых важные аисты искали лягушек.

Пляж был очень большим, изогнутым в виде косы, и образовывал длинный залив со стоячей водой, густо населённый лягушками. По вечерам их длинноногая армия забрасывала все свои дела и занималась пением. Хор звучал оглушительно – такого количества зелёных прелестниц одновременно мне видеть больше не довелось!

На следующий день с местным хлопцем Колькой я поймал десяток рыбин. Мы с ним сразу понравились друг другу. Я привёз с собой все свои накопления – тринадцать рублей, сумма не маленькая – можно тринадцать мороженных купить, и ради дружбы решил с ним поделиться – дал ему три рубля.

Через два дня бабушка повела меня на рынок. По дороге я поймал здоровенную медведку-землеройку, которая оказалась очень сильной и оказывала яростное сопротивление. Это необычное и большое насекомое я видел впервые и сразу захотел сделать его домашним питомцем, но положить медведку было некуда -, и пришлось её отпустить.

На рынке, под громкий визг бедных поросят, сидящих в мешках, и жалобное меканье козлят, бабушка долго выбирала продукты. В это время я любовался курами, гусями, индюками и прочей живностью, которая крикала и кудахтала со всех сторон. На таком шумном и интересном рынке я ещё не был!

На обратном пути тащиться по жаре с полными сумками было тяжело, но мне опять повезло: в траве я увидел большого жука-носорога, а подходя ближе к дому, заметил на дереве трёх чёрных жуков – они были длиной с палец взрослого человека, но очень узкими. Когда я взял одного из них за бока, он начал громко скрипеть-пищать и размахивать своими длинными усами. Но красавице-медведке он и в подмётки не годился, и я без сожаления посадил его обратно на дерево...

Через четыре дня мы опять ходили в город на рынок, и когда возвращались с сумками набитыми продуктами, у нас с бабушкой возник спор, по какой улице идти. Она за несколько дачных лет уже привыкла всегда ходить по одной, где было больше тени, а я хотел вернуться по другой – чтобы увидеть что-то новое. В результате – пошли по разным.

Дома она долго копалась в сумке, что-то подсчитывала на бумаге, а потом сказала:

- У меня не хватает десяти рублей.

Немного подумала и добавила:

- Ты специально пошёл по другой улице, чтобы взять их из сумки!

Я был ошарашен, не знал, что и сказать, но потом ответил:

- Ничего я не брал, а ходить всё время по одной дороге не люблю – это не интересно...

- У тебя есть деньги?

- Да, – ответил я, – десять рублей.

- Покажи мне их!

Я достал драгоценную бумажку. Она взяла её и сказала:

- Это мои деньги, и я заберу их себе.

И тут в её голосе зазвенел металл, которого я раньше никогда не слышал:

- А теперь расскажи мне, как ты их украл!

Я дара речи лишился – от изумления и негодования: как она могла подумать обо мне такое?

- Не брал я эти деньги, а привёз их из Ленинграда!

- Нет, ты врёшь, а свои деньги Кольке отдал!

Это было не так, но впутывать в некрасивую историю своего нового друга я не хотел.

- Это мои деньги, я дал Кольке всего три рубля!

- Нет, и если сейчас не сознаешься и не расскажешь подробно, как ты их украл, – завтра же поедешь домой в Ленинград!

Этого мне только не хватало: вернуться в пыльный и душный город, на Подольскую улицу, где летом не продохнуть – трубы заводов на Обводном канале копят и дымят в жару с невиданной силой. Не дай бог... Да ещё торчать целыми днями в пустом дворе в одиночестве – ни за что! Пришлось «раскаяться» и во всём «сознаться»:

- Да, специально пошёл другой дорогой, чтобы залезть в твою сумку и украсть десять рублей. Прости меня, пожалуйста, и не отправляй в Ленинград – я больше не буду-у-у...

Я громко плакал от несправедливости и унижения, но изображал глубочайшее раскаяние, обещал исправиться, и она мне наконец-то поверила.

Да, «судья» быстро «раскрыла моё преступление», и мне с горечью вспомнилась фраза из фильма: «Чисто метёт уголовка»...

Прошло три дня, и моя обида на бабушку стала затихать. За это время я успел загореть и обгореть под горячим белорусским солнцем, бесчисленное количество раз искупался в Днепре и познакомился с Колькиными друзьями, которые подарили мне банку артиллерийского пороха – они откопали его на местах боёв.

Каждая команда подростков имела свой арсенал оружия, и я с ними пытался взрывать старые гранаты – мы кидали их на дальность. В

Рогачёве на кладбище специальное место отведено для детей, которые подорвались при раскопках или таких испытаниях, но местных хлопцев этим не испугаешь!

У Днепра нет машин, как в центре города, только иногда проедет телега или одинокий велосипедист. Сосед держит в саду большую пасеку, и, когда идёшь по улице, мимо, как пули, нескончаемым потоком летят пчёлы. Они и по траве любят ползать, так что почти каждый день я наступал на них, и, если жало попадало в середину подъёма стопы, где кожа тонкая, то это было очень больно. Бабушка меня успокаивала – говорила, что пчелиный яд полезен для здоровья...

На улицах козы и коровы щипали травку и удобряли почву, гуляли куры, утки и большие стаи гусей. Иногда какой-нибудь гусак вспоминал, что он птица, и, расправив огромные крылья, пролетал по улице метров сто. После этого вся стая начинала тянуть друг к другу шею и громко гоготать, выражая восхищение героическим поступком своего товарища.

Некоторые гусаки очень агрессивны – когда кто-то проходит рядом с их стаей, они шипят и нападают. Однажды гусь напал на маленького мальчика, тот стал убежать и упал. Когда родители услышали его истошные вопли и пришли на помощь, у малыша вся кожа была уже синяя – от сердитых щипков! Отец ребёнка сгоряча чуть шею гусаку не свернул.

Каждый день по несколько раз я переплывал Днепр с местными ребятами. Другой берег невысокий, и мы с него ныряли, хотя бабушка мне это запретила. Под водой могут прятаться «топляки», и были случаи, когда ныряльщики «втыкались» головой в какие-то брёвна – с тяжёлыми последствиями...

Рыбы здесь пруд-пруди, её ловят на удочки, а порой травят с помощью борной кислоты и хлеба. В верховьях глушат гранатами или бомбами, которые мужики изготавливают сами, выплавляя тол из старых снарядов. На огромном заливном лугу её ловят в топтуши: ребята ходят по пояс в воде, мутят воду и загоняют рыбу в ловушки. На узких челноках, изготовленных из брёвен и называемых «душегубками» из-за их неустойчивости, неторопливые старички успевают поймать до завтрака по несколько десятков бычков!

Да, это был рай, который мне раньше и не снился. Но...

Однажды вечером бабушка начала серьёзный разговор: у неё опять не хватает десяти рублей, и она догадалась, по какой причине!

- Когда три дня назад мы были в булочной, продавщица странно на меня посмотрела... И теперь я поняла почему – ты в это время за моей спиной взял деньги из сумки. Отдай их немедленно!

Я подумал, что бабушка стала слишком рассеянной, постоянно теряет и ищет какие-то вещи. Неудивительно, что она запуталась в своих деньгах. Но сказать ей об этом нельзя – она уверена, что всегда права, и сразу перейдет на крик...

- Бабушка, я не брал, честное слово!

- Врёшь! Отдай немедленно, а то поедешь в Ленинград, – и я опять услышал звон металла в её голосе. Передо мной была уже не бабушка, а суровый закон – строгие следователь и судья в одном лице!

Отправка в Ленинград в самом начале лета – от новых друзей, из этого райского места на берегах чудесной реки, да ещё с таким позором... А вдруг родители поверят ей, а не мне? Да, её карта была козырной – просто джокер! Я не стал в этот раз тянуть резину и быстро «сознался». Но была проблема: бабушка требовала вернуть деньги, а где их взять?

- Я их истратил...

- Как и на что?

Ответить на этот вопрос я был не готов: куда можно истратить деньги в этом захолустье? На пляж все хлопцы бегали в одних трусах, а обувь летом пацаны не носили. Мы жили на берегу Днепра, далеко от центра, и тащиться по жаре в городские магазины – ни денег, ни желания у меня не было.

Сходить тайком в город в одних трусах и что-нибудь купить? Мне эта мысль показалась нелепой, но больше в голову ничего не пришло:

- Сбегал в город вместо купания и за один раз сожрал десять мороженных...

К счастью, бабушка поверила моим словам и глубокому раскаянию, опять великодушно простила и обещала ничего не рассказывать об этих «кражах» моим родителям – с каждым днём я узнавал её всё больше, а понимал всё меньше... Но зато теперь я знал, как ведётся следствие, – будет, что рассказать друзьям в Ленинграде!

Счастливые дни продолжились, бабушке надоело меня «пасти», и я получил свободу – мог уходить на целый день. Однажды Колька встретил меня на пляже и сказал:

- Завтра возьми с собой хлеб и соль, пойдем на Белую Скалу. Это вверх по Днепру. Там наберём в колхозном саду яблок, картошки и будем печь на костре.

- А если люди увидят или сторож с ружьём? Он ведь солью стреляет, – с опаской спросил я.

- Сад очень большой, и мы десять раз успеем в него слазить, пока этот стрелок всё обойдёт! А народ там не ходит, так что будем купаться без трусов.

Высокий берег во многих местах раскалывают овраги, по которым можно спуститься к Днепру. На расстоянии нескольких километров влево от наших домов был узкий овраг, над которым и находился колхозный сад.

Рано утром мы с хлопцами пришли к Белой Скале. Название она получила из-за белого цвета. Остальной берег глинистый и имеет красный оттенок. Потом ребята развели костёр, на котором целый день готовили еду – печёные яблоки и картошку, жареный хлеб, а когда наловили рыбы, то и её пожарили. Весь склон берега в этом месте зарос большими кустами, и сторож даже не подозревал о нашем присутствии. Чтобы нас не застукали, мы перед каждым набегом вели разведку.

Когда все пошли купаться, то стали пугать друг друга легендой о том, что под скалой живёт огромный сом, который может проглотить человека. Хлопцы в нашей компании от двенадцати лет и младше, поэтому нырнуть глубоко и проверить легенду желающих не нашлось.

День прошёл очень хорошо. Валялись на песке, купались до синевы и дрожи и долго обсуждали книгу, которую любят местные ребята – «Волшебник Изумрудного города». «Тома Сойера» никто из них не читал, поэтому попросили меня рассказать об этой книге. Пересказ получился длинным, я увлёкся и половину вставил от себя, но этого никто не заметил.

Да, столько печёной картошки я ещё в жизни не ел. Жареные хлеб с рыбой тоже были очень вкусными. Единственное, что меня огорчило – я опять сгорел под солнцем до пузырей на коже. Бабушка намазала сметаной обожжённые места, но это не помогло...

После этого несколько дней я уже не мог загорать, и по вечерам мы с ребятами ходили в лес, искали оружие на местах боёв. В разбитом блиндаже накопили много пороха – длинных трубок тёмно-красного цвета и несколько горстей толстых трубочек жёлтого цвета, потом нашли немного патронов и гранату. Попадались обрывки какой-то одежды, обломки ящиков и разный металл.

Через несколько дней из найденных в паровозном депо железных трубок мы стали делать «ракеты». Загибали один край, закладывали внутрь порох и сплющивали другой конец. Когда ставили трубку в костёр под нужным углом, через некоторое время «ракета» вылетала в сторону Днепра. Это было соревнование, которое каждый хотел выиграть – чтобы его ракета улетела дальше остальных.

Развлечение безобидное – артиллерийский порох горит медленно, если бы это был винтовочный – мог бы взорваться. Но когда мальчишки начинали ковыряться в гранатах, я отходил подальше.

Созрели вишни и черешни, и ребята по ночам стали лазить в чужие сады. Меня это удивило – у них всё это росло на собственных садах и огородах.

Наступило время возвращаться в Ленинград. Я для друзей в городе приготовил подарок – большую коробку пороха. Ох, и попускаем ракеты!

За три дня до отъезда бабушка пошла в город за лекарством. Когда вернулась, вид у неё был очень недовольный. Я спросил:

- Что случилось? Ты деньги потеряла? – а сам подумал: хорошо, что с ней не пошёл, а то бы опять влип в историю.

Она долго не решалась начать разговор, но потом сказала:

- Я нашла двадцать рублей, которые раньше пропали...

- Где и как ты их нашла? Где они были?!

- В аптеке я сунула мелочь во внутренний карман старой сумки, а когда надо было опять её достать – не нашла. Заглянула в прореху за карманом, и обнаружила в ней мелочь и две десятки, в пропаже которых обвинила тебя...

Это было на неё похоже – она любит поболтать и старается всем понравиться. Пока улыбалась продавцам, как медовый пряник, в это время, не глядя, сунула деньги в прореху. Я ожидал, что она извинится передо мной, но не такова моя бабушка – она рассердилась на меня! Видимо, я невольно подверг сомнению её непогрешимость.

Но всё хорошо, что хорошо кончается. Прощайте, Днепр и новые добрые друзья, – увидеть бы вас ещё хоть раз!

Да, то лето с бабушкой было необыкновенным и запомнилось мне на всю жизнь...

Часть 3. Воспоминания

Сильвестр Щедрин. Вид в окрестностях Неаполя. 1829

Сергей Линков
Бостон, США

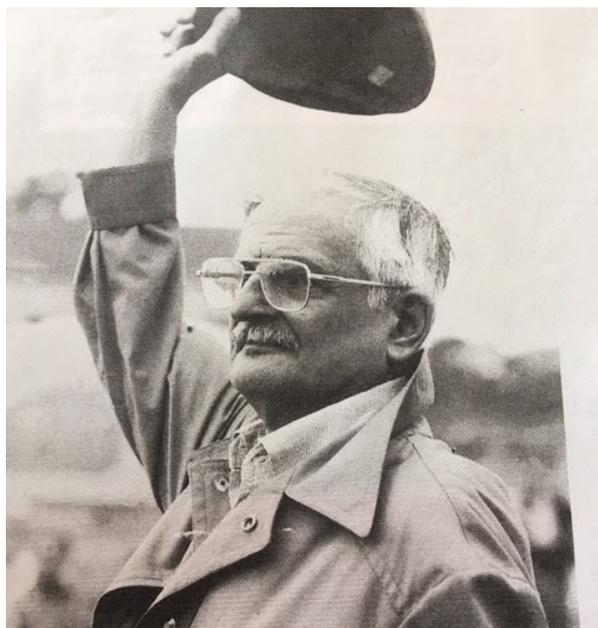
Человек весны. О Марлене Хуциеве

Недавно, совсем недавно не стало режиссера Марлена Мартыновича Хуциева. Но из моей жизни он не ушел. Так получилось, случайно или не случайно, не знаю, что познакомившись с ним летом 1965 года, впоследствии я много с ним пересекался и общался, порой коротко, а иногда длительно.

А началось все в мае 1957 года. Иду по Красносельской улице. Погода по-летнему жаркая, а у меня какое-то странное состояние волнительного озноба. Только что в кинотеатре «Шторм» посмотрел фильм «Весна на Заречной улице». И не могу понять, почему я все еще там – в этом городе, где есть Заречная улица, с этими веселыми заводскими ребятами, молодой учительницей. И все еще слышу песню «Когда весна придет – не знаю...» И приведший в смятение финал картины. Сталевар Сашка влезает в распахнутое окно класса. За столом растерянная молодая учительница. Он берет экзаменационный билет с вопросом и читает: «Когда используется многоточие?» И громко, уверенно отвечает мне, сидящему в зале. А затем вылезает обратно через окно и, повернувшись лицом к учительнице и ко мне, подняв руку, делает какое-то странное, неопределенное движение пальцами, как бы негромко прощаясь. И так хочется, чтобы он не уходил.

А вскоре Марлен снял фильм «Два Федора». Это совсем другая картина. Но в обеих картинах было несомненно общее. В них была потаенная радость и вера в жизнь. В них была свобода чувств. Мы

все тогда, в 50-е годы, были охвачены этим. На этом же была замешана молодая поэзия тех лет. За окном – оттепель. Воздух полон голосами молодых поэтов.

И опять май. Но совсем другого года и совсем другой страны. 2000 год. В кафе «Ностальгия» на Чистых прудах отмечается юбилей картины «Был месяц май». За окнами вдали деревья на бульваре зеленеют первыми весенними листьями. Просторный, светлый зал. Уже много народу, обступившего длинный стол с едой; актеры С.Шакуров, П.Тодоровский, И. Класс; журналисты, радио, ТВ; красивые, не буднично одетые женщины; на небольшой сцене играют музыканты. Все это движется, перемещается, чокается, обнимается, всплескивает руками. Через какое-то время вижу: на сцену поднимается Марлен. О чем-то пошептался с музыкантами, повернулся к залу, вступила музыка, и он негромко запел:

Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет.
На нем защитна гимнастерка,
Она с ума меня сведет.

Его увижу – сердце сразу
В моей волнуется груди...

Он пел безукоризненно просто. Зал притих. Атмосфера поменялась. Все стало как-то проще, возникло ощущение близости. Расхожая незамысловатая песня преобразилась в маленькую историю женской безмерной любви....

В середине 80-х годов меня пригласили работать во ВГИКе, где Марлен был заведующим кафедрой режиссуры художественного фильма. Потом наступили новые времена – и профессор Хуциев набирает студентов на 2-хгодичную программу в свою мастерскую. В этой мастерской все было необычно. Условием поступления в мастерскую было высшее образование и предварительная 3-хмесячная работа абитуриентов в мастерской. Каждый абитуриент за 3 месяца должен был поставить отрывок на сцене и снять видеofilm – игровой или документальный. По результатам этих работ абитуриенты принимались в институт. Марлен пригласил меня на показ этих работ. Много из показанного подкупало. Понравились и ребята – интеллигентные, сосредоточенные. О своих впечатлениях я рассказал Марлену. И он предложил поработать с ним в мастерской. Я сказал да. И наступило чудесное время частого общения с ним, с этими ребятами.

Однажды, один из студентов показывал на сцене поставленный им отрывок из романа Виктора Гюго «93-й год». Маленькая неглубокая сцена, пыльные занавеси, за канцелярским столом прокурор-республиканец. Перед ним подсудимый – офицер-роялист. Маленькая деталь: до революции они были друзьями, революция развела их, они стали врагами. Прокурор приговаривает подсудимого к расстрелу. Офицера уводят. В этот момент Марлен, обращаясь к студенту, поставившему отрывок: «Может быть, перед тем как его уведут, прокурору подойти и обнять его?» Студент согласился, так и сыграли. Отрывок наполнился кровью. Молодые актеры физически ощутили нерв сцены. Появились нюансы в интонациях, поведении. Появилась тревожность. Резко обозначилась драма двух людей, драма той очень давней революции.

Марлен никогда не учил ремесленным правилам, но учил поиску обнажений, углублений, поиску щемящего чувства. Многие из студентов мастерской потом снимут по-настоящему хорошие работы.

Марлен был невысокого роста, физической мощью не обладал, но был несокрушимо стойким в отстаивании того, что он делал. Мог не принять результатов своей месячной киноэкспедиции и перенять

весь материал. Работать с ним было нелегко, и это мог не каждый. Но он всегда шел к совершенству.

Михаил Ильич Ромм, посмотрев фильм «Застава Ильича», сказал: «Марлен, этой картиной ты оправдал свою жизнь». Вот чем они мерили свою работу в кино.

Когда весна придет – не знаю ...

Спасибо, Марлен Мартынович!

Лейла Александер-Гарретт

Лондон, Великобритания

Марлен Хуциев в Лондоне

Марлен Хуциев прилетел в Лондон в среду 7 мая 2014 года. В тот день в культурном центре Лондона «Барбикан» я представляла фильм Криса Маркера (псевдоним в честь фломастера) – загадочного французского документалиста – «Один день из жизни Андрея Арсеньевича», посвященный Андрею Тарковскому. Почему загадочного? Крис Маркер почти никогда не давал интервью, не позволял себя фотографировать, а вместо своих фотографий посылал журналистам портреты любимой кошки.

Несколько дней Марлен Хуциев находился в Кембридже, где проходил показ его фильма «Июльский дождь» и неоконченной картины «Невечерняя», а также мастер-классы и встречи со зрителями. Познакомились мы в понедельник 12 мая. С утра я заехала за ним в гостиницу. «Я в ваших руках,» – с легкостью доверился мне режиссер-классик, и мы отправились в Британский музей. У Марлена,

а он попросил меня обращаться к нему без церемоний, было важное поручение: купить для родственницы вязаный кардиган. Не доходя до музея, мы зашли в два магазинчика шотландской одежды, где со мной уже побывали Роман Балаян и Борис Мессерер, и сразу нашли нужную вещь, после чего Марлен расслабился. Задание выполнено.

Марлен Хуциев в «Глобусе»

Утром я позвонила британскому кинокритику, специалисту по российскому кино Иану Кристи. С ним меня связывало давнишнее знакомство со времен, когда в Лондон приезжали Элем Климов, Глеб Панфилов, Андрей Тарковский и другие режиссеры. В тот момент Иан сидел в кресле у дантиста, но, услышав о Марлене Хуциеве, крикнул в трубку, что приедет – даже «замороженный».

По многолетней традиции после посещения музея я приглашаю гостей в традиционный английский паб «Museum Tavern» («Музейная таверна»), которому лет за 150 и расположен он напротив Британского музея. Мы устроились за столиком у окна и заказали бессменное национальное блюдо «fish and cheeps» – рыбу во фритюре с обжаренной картошкой и кружку традиционного английского эля – то, что пили туземцы. Для себе я попросила стаканчик темного «Гиннеса» со вкусом жженого жареного ячменя.

Во время войны «Гиннесс» называли «залогом силы», так как в нем много железа. Марлен тут же захотел его попробовать. Обмакнув усы в палевою пенку пива, он сморщился: «Раз полезно, надо пить». За соседним столиком сидел пузатый англичанин, опустошивший уже не одну кружку пива.

Он поинтересовался, откуда мы и что здесь делаем. Марлен указал на величественное здание с колоннами напротив, а я перевела, что мы только что из Британского музея. «Представьте себе, а я там никогда не был, – признался наш сосед. – Все руки не доходят». Мы переглянулись и понимающе вздохнули. «А вы ногами туда пройдите, » – предложил ему Марлен. Мне показалось, что он готов был сопроводить нашего соседа в святая святых британской столицы, но тут в дверях появился Иан с несколько перекошенной, «замороженной» улыбкой. Они обнялись, и мы принялись за обед. Иан заказал себе безалкогольное пиво. Хуциев удивился: «Зачем тогда вообще пить? »

Но любопытство взяло верх, и он попросил Иана дать ему попробовать этот странный напиток. Он ему понравился, и официант принес ему такой же. Иан поинтересовался, что бы Марлен хотел увидеть в Лондоне? «Смену караула в Букингемском дворце,» – выпалил Марлен. «О, нет! Только не это!» – пронеслось у меня в голове. Вместо туристической западни я предложила ему поехать в шекспировский театр. Иан пообещал вечером прийти в Школу славянских и восточно-европейских языков, где показывали последнюю картину Марлена Хуциева «Невечерняя», и поспешил на работу в университет. А я остановила черный кэб, и мы отправились на южное побережье Темзы, в шекспировский Глобус, построенный в 1599 году, уничтоженный пожаром в XVII веке и восстановленный в 1997.

Спектакля днем не было, и мы купили билет на экскурсию. Пока ждали гида, обошли экспозицию с предметами, найденными во время проведения археологических раскопок. Среди них – истлевшие кусочки материалов некогда роскошных нарядов, шкура медведя, возможно, заполученного у русских купцов, торговавших в Лондоне пушниной, а также скорлупа от лесных орехов. У нас лузгали семечки, а во времена Шекспира прямо в театре грызли орехи.

Вскоре появилась наш гид, и Марлен ахнул: пред нами стояла рослая девица под два метра с пышными формами, белоснежной кожей, ярко выкрашенными оранжевыми волосами, пирсингами с сережками в ушах, в носу, под бровями и массивными кольцами на всех фалангах пальцев; на ней красовались зеленые шорты, белая

кружевная блузка с глубоким декольте, черные ажурные чулки в сеточку и высокие берцы на шнурках.

Марлен заботливо спросил, не холодно ли ей. «О, нет, сэр. Я закаленная. У нас отопление дорого стоит,» – засмеялась девица и принялась водить нас по трем ярусам деревянного театра. Как 18-летний юноша, чуть ли ни бегом, Марлен следовал за нашей эксцентричной «гидшей», а ему тогда было под 90! Экскурсовод рассказала, что при воссоздании Глобуса, архитекторы стремились получить максимально приближенную к оригиналу копию театра елизаветинских времен. Во времена Шекспира амфитеатр вмещал до 3000 зрителей, а в наши дни из-за противопожарной техники безопасности не более 1300 человек. Единственная обустроенная крышей часть амфитеатра – сцена и ложи для аристократов. Остальная часть публики стояла во дворе перед сценой. На сцене был люк, из которого, как из преисподней, появлялись всевозможные дьявольские персонажи, что приводило зрителей в ужас и восторг.

Потолок под крышей назывался «поднебесьем», оттуда на веревках спускались «боги». Спектакли проходили днем без антрактов. Актерами были исключительно мужчины. Туалетов в те времена не существовало, и нужду справляли прямо в «зрительном зале». Летом 1613 года во время спектакля «Генрих VIII» театр сгорел. Театральная пушка дала осечку и крыша из соломы загорелась. К счастью, никто не пострадал, за исключением одного зрителя, который решил потушить воспламенившиеся на нем брюки бутылкой эля. Эта история рассмешила Марлена: «А мы только что его пили,» – поделился он с нашей веселой проводницей.

Экскурсия закончилась. Марлен галантно поцеловал руку нашей восхитительной жар-птице. Я объяснила, что перед ней режиссер-классик из России. Она ахнула и решительно заявила, что поедет за ним в Россию, так как в Англии с ее внешностью ей не светит стать актрисой. «Просто ты не встретила хорошего режиссера, – утешал ее Марлен. – У тебя так горят глаза, что я бы тут же записал тебя на свой курс». Поистине, «мир – сцена, где всякий играет свою роль».

Потом мы отправились на радиостанцию БиБиСи к Севе Новгородцеву для интервью, а вечером Марлен Хуциев показывал свой сорокаминутный фильм «Невечерняя», названный по заглавию цыганской песни. Этим режиссер хотел сказать, что еще не вечер, все еще впереди: и жизнь, и творчество. Поразительный своим совершенством и музыкальностью немой фильм, в котором речь идет о встрече двух величайших мастеров слова – Чехова и Толстого и их беседах о жизни, смерти и бессмертии. Хуциев похвастался, что

нашел актеров – Михаила Пахоменко и Владислава Ветрова, у которых абсолютное сходство с Толстым и Чеховым. Даже специалисты не могли по фотографиям отличить настоящего Чехова от исполнителя роли. Хуциев сетовал на финансирование кинокартин в России. Ему выделили смехотворную сумму: 600 тысяч долларов. Почти восемь лет производство фильма стояло из-за нехватки денег.

И ни один киноначальник не пришел поинтересоваться, почему он не снимает. В советское время у него было ощущение, что он нужен, а теперь – нет. «Что бы ни говорили, – заключил Хуциев, – но лучшая система кино была все же советской. Тогда составляли реальную смету и по ней выделяли деньги. А нынешним руководителям кино не нужен ни Чехов, ни Толстой. У них другие ориентиры». К счастью, нашелся один богатый человек, посчитавший своим долгом помочь режиссеру. Он выделил необходимую сумму для завершения картины, а доснять предстояло батальную сцену Севастопольской обороны. Имени мецената режиссер не назвал.

После просмотра организаторы пригласили нас в ресторан, где присутствовали университетские профессора, кинокритики и аспиранты. Мы пили красное вино, а Хуциев рассказывал, как он попал в кино. Мать Марлена – актриса привела его на студию Госкино Грузии, где он впервые увидел кино «изнутри» и тут же «пропал». В 1945 году он поехал поступать во ВГИК. В шинели, подаренной родственниками, и в белых штанах. «Это была самая трудная и долгая дорога в моей жизни», – сказал Марлен. До Москвы ему пришлось добираться десять суток, выстаивать огромные очереди в кассах, часами сидеть на чемодане голодным, поезда постоянно останавливали, вагоны загоняли в тупик.

Его спас незнакомый матрос, буквально запихнувший его в вагон ушедшего поезда. «Если бы не матрос, не было бы ни фильмов, и не сидел бы я тут с вами», – грустно улыбнулся Марлен. Учился он в мастерской Игоря Савченко, его однокурсниками были Алов и Наумов, а также Сергей Параджанов. В период учебы во ВГИКе он жил в общежитии и вместе с Петром Тодоровским рубил дрова и варил кашу на общей кухне. Раскрыл он и тайну своего экзотического имени. Его называли в честь Маркса и Ленина. Отец у него был большевиком-коммунистом.

На прощание у Марлена спросили, что ему больше всего понравилось в Лондоне? «Глобус» и Лейла! Они незабываемы!» – не раздумывая, ответил он. Так я стала достопримечательностью Лондона.

В тот день мы говорили об Андрее Тарковском, которого Хуциев нежно любил. Когда-то Андрей проходил у него творческую практику в Одессе, с тех пор они подружились. Своему сокурснику Александру Гордону Тарковский писал: «Познакомились с Хуциевым. Это сказка, а не человек!» Андрей даже снимался у Хуциева в эпизоде фильма «Застава Ильича». Потом их разлучили злые языки: передали критическое замечание Хуциева после обсуждения «Зеркала». Так они расстались навсегда.

На следующий день Марлен все же отправился смотреть смену караула у Букингемского дворца. Полил дождь, а у его спутницы не оказалось зонта, и он промок до нитки, о чем жаловался мне в Пушкинском доме, лежа на диване. «Вот если бы со мной пошли вы, у вас бы оказался зонтик!» – почему-то решил Марлен. «Вы у нас нарахват!» – пошутила я. Кто-то из аспирантов попросил провести с ним время, и я согласилась. «У меня, кажется, насморк. Принесите мне горячего чая с лимоном и побольше сахара,» – попросил Марлен, проклиная смену караула. Помню, Тарковский во время съемок «Жертвоприношения», когда ему нездоровилось, тоже просил меня сделать ему чайку с лимоном и побольше сахара.

В Пушкинском доме мы смотрели «Июльский дождь», я была куратором вечера. После окончания фильма, Хуциев сказал, что кадры из его картин растаскивают в разные документальные ленты, представляя их хроникой. Мне показалось, что Москва у него выступает героиней фильма. «Вы – летописец Москвы 60-х годов, и не только города, но и людей с их настроением, мыслями и чаяниями. Сколько красивых, одухотворенных лиц! Как будто вы подсмотрели, подслушали свое время. Вы – каким-то непостижимым образом передали само время, его дыхание, состояние, атмосферу – сам дух эпохи. Ваши фильмы – лучший путеводитель по Москве»

В ответ Марлен кивнул: «Значит, моя любовь к Москве передалась. Я тогда вернулся из Одессы и очень соскучился по Москве. Я же грузин московского разлива. На «Заставе Ильича» весь город стал для меня съемочной площадкой, а снимала все это совершенно потрясающий оператор – Маргарита Пилихина».

Потом предоставили слово залу. Закидали вопросами: какую оценку его фильмам давали советские государственные органы? «Самой дорогой для меня оценкой являются слова Михаила Ромма, – ответил Хуциев. – После просмотра «Заставы Ильича» он сказал: «Вы оправдали свою жизнь». Зато Хрущев в пух и прах разнес картину, но на хулу я привык не обращать внимания. Жизнь научила меня терпению: я столько времени просидел на чемодане!» Спросили,

какой у него самый любимый фильм? «Чапаев», – улыбнулся Хуциев. – Когда я впервые переступил порог кинотеатра, там шел «Чапаев». Для меня он так и остался первой и постоянной любовью». Кто-то из зала выкрикнул: «Как у Путина». «Значит, у него хороший вкус», – парировал режиссер. «Как вы относитесь к аннексии Крыма?» – полюбопытствовали русскоязычные журналисты. В те дни мир кипел: Крым вернулся в Россию. «Положительно, – спокойно ответил Хуциев. – Мне всегда казалось, что Крым должен оставаться в составе России. Вспомните «Севастопольские рассказы», «Оборону Севастополя». А потом Хрущев берет и отдает Крым Украинской ССР. Как такое возможно? Представьте себе: два мужика надрались, один другому дарит свои фамильные часы, а потом умирает. Что должен сделать сын? Возвратить часы, не так ли?» Зал либеральной публики Пушкинского дома сначала замер, потом загудел. Такого ответа никто не ожидал, но Хуциев оставался невозмутимым: «Я был в Крыму после войны и видел пропитанные кровью землю, камни, песок. Там проливали кровь мой дядя, мои друзья, вся страна. Из-за состояния здоровья я не попал на войну, и меня это всю жизнь угнетало».

В 1947 году Хуциев своими глазами видел разрушенный до основания Крещатик, который восстанавливала вся страна. Севастополь тоже лежал в руинах. Хуциев все это снимал, но пленку потеряли. Об украинских событиях он высказался словами Гейне, что трещина от раскола проходит через его сердце, хотя он тепло относится к Украине. В детстве у него была нянька-украинка, и он до сих пор помнит все украинские песни. Пронзительная точность оценки ситуации несколько охладила пыл журналистов. С его суждением никто спорить не стал.

После вечера мы отправились в ресторан. К нам присоединился Сева Новгородцев. Будучи человеком деликатным, Сева не поднимал вопроса Крыма. Беседовали о музыке, о Визборе и Окуджаве. Утром 14 мая Марлен Хуциев улетел в Москву. Мы несколько раз перезванивались. «Вы подарили мне незабываемый Лондон и «Глобус!» – повторял Марлен. Недавно в одном из документальных фильмов я увидела сидящих за столом у Юрия Роста – выпивающих, поющих, смеющихся – Марлена Хуциева, Петра Тодоровского, которого обожала еще со съемок «Интердевочки» в Стокгольме, и Георгия Данилию. Хуциев и Тодоровский родились в одном и том же 1925-ом году.

В одном городе Тифлисе появились на свет два гениальных грузина «московского разлива». В середине марта этого года я впервые

посетила Тбилиси с выставкой о съемках «Жертвоприношения», которая состоялась во Дворце искусств. Друзья повезли меня на «святую гору» Мтацминда, в Пантеон, где похоронен Грибоедов и многие выдающиеся грузинские деятели культуры. На гору спустились сумерки, никого кроме нас вокруг не было. Я услышала в темноте журчание воды – целебный источник у храма Святого Давида.

Дверь была открыта, я зашла внутрь и поставила свечки. Мне вспомнился рассказ Марлена, чье имя состоит из сплетения имен вождей международного пролетариата, как его, по настоянию бабушки, втайне крестили в этом храме и нарекли Давидом в честь святого. Вернувшись в Лондон, я узнала, что в тот день, когда я была в храме, ушел из жизни Марлен Хуциев, а через две недели его друг – Георгий Данелия. Два величайших художника, составивших славу России и Грузии.

Василий Аксенов в «Таинственной страсти» назвал Марлена Энергом. Марлен Хуциев одаривал всех своей энергией, энтузиазмом, великодушием, талантом, юмором, мудростью и добротой. Незабываемый Марлен, который всегда будет жить в моей памяти.

Лондон, апрель 2019

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

НЕ воспоминания

Это не воспоминания. То есть это, конечно, воспоминания, но как бы не мемуары, а просто то, о чем я сейчас думаю. Какие-то истории, которые хочется сохранить. Мы все много думаем о прошлом. Не о будущем же нам думать в нашем возрасте. Хочется глядеть в прошлое, где у нас были любимые близкие, а не в будущее, понятная непонятность которого так неотвратно приближается. Начала я думать – да и не думать, а так в голове вертелось – о недавней ерунде, а она с прошлым срифмовалась, слилась.

У меня есть приятельница, у которой есть своя приятельница, которая отмечала день рождения, 85 лет. Она купила говяжий язык (не знаю, свежий или мороженный), сварила и нарезала кружочками. А моя приятельница говорила той – своей – приятельнице, что у Иры – то есть у меня, это меня Ирой зовут – на Новый год покупной заливной язык был гораздо вкуснее, чем у той – ее приятельницы – ею – той приятельницей – приготовленный, вареный. И они просили меня поточнее рассказать, где в магазине лежит заливной язык, потому что они его не нашли: не оттого, что его в продаже не было, а просто в магазине не нашли. Не знаю, почему не спросили – магазин русский, то есть все по-русски, на родном языке, говорят, и вполне могли бы спросить. Ну, я объяснила, что он на той полке, где салаты, но сбоку, а если взять четное число упаковок, то выходит дешевле, потому что второй продукт на скидке. Второе всегда не так хорошо как первое, не так престижно, и иногда его с первым компануют, чтобы выдать за

одно: вроде и нет никакой разницы. А моя подруга, которая не с нами, а далеко в Америке (у всех по-своему жизнь сложилась), любит вареный язык, а не заливной, и ее как раз утешило, что у меня на Новый год был язык заливной, которого она не любит, а вареного не было, – то есть в том это ее утешило, что раз она с нами Новый год не праздновала, то ею любимого и не подавали – чтобы ей обидно не было. То есть мы о ней думали, хотя она с нами и не была. То есть мы знаем, что пальмы без никого из нас не сохнут, но мы этого друг другу не подчеркиваем, а наоборот, всячески стараемся показать, что «розы глохнут». Ведь в этом и есть любовь.

А на старый Новый год я пошла в гости в мастерскую одной художницы. Она – художница – там устраивала выставку и прощание с мастерской, которую у нее отбирали, потому что дом – немаленький – ломают, а на его месте будут строить большой, – ей уже обещали другую мастерскую, но не в новом, не в большом. Я даже не знаю, кто у нас в городе этим ведает: давать, ломать, отбирать. В городе прошлого знала. Я пошла на этот старый Новый год, хотя вообще-то меня никто не звал, я просто в социальной сети увидела объявление, что она такой праздник-прощание устраивает, и я, мало того, что пошла, но еще пригласила с собой подругу. А эта подруга захватила с собой рождественские минс-пай – ее кто-то угостил, кому привезли прямо из Англии. Я помню, как кто-то стоит перед витриной булочной и безумно-безумно хочет этот минс-пай, и то ли он половинку все-таки покупает, то ли у него даже на половинку не хватает денег, – не помню. И то ли это было у Диккенса, то ли у Гринвуда – уже не помню, хотя всё детство про это беспрерывно читала и думала. И они были тогда моими героями – те, кому то ли не достался минс-пай, то ли достался от него только кусочек. И еще все они – мои герои – были сиротами. Тогда – среди детей, родившихся уже после войны, – мало кто был сиротой по жизни. Но большая детская литература так нас всех готовила к будущему, к тому, что мы осиротеем.

Вот на этот старый Новый год я минс-пай наконец-то попробовала – жуткая гадость. Как раз язык там был очень вкусный – вареный, кружочками. Вообще удачный был вечер, как-то по-молодому удачный, мы все время стояли на лестничной площадке у стола, и все, кто шел мимо или к столу, с нами болтали. Дом жалели, называли баухаусом. Баухаусом он и в помине не был, но имея название, легче разговаривать – слова вообще очень помогают. А он просто хороший крепкий дом. Крепкого интереснее ломать. От всех этих минс-пая и языка, от того, что казалось таким вкусным, а оказалось гадостью, или от того, что один любит так, а другой совсем по-другому, я перешла к

размышлениям о правде и альтернативности. О том, что бывает правда историческая, а бывает ностальгическая, и она тоже очень ценна, и о том, что все надо записывать, даже если это и кажется поначалу ерундой – как и сам язык и альтернативные способы его обработки и формы разделки. Или правильнее сказать «сервировки»?

Вспомнилось мне, как в конце августа 2018 г., я узнала из Фейсбук (а), что Володя Шаров был самым великим писателем России. Это сказали в связи с тем, что он умер. Совсем не мое дело вступать в спор: самый великий или не самый, – я как раз отношусь к тому широкому читателю, который Володю Шарова толком и не читал. То есть я что-то пробовала, собиралась посмеяться над советским продолжением жизни владельцев Вишневого сада (у Шарова в «Мне ли не пожалеть...»), но сразу становилось скучно, казалось банальным и тянуло перейти на самого Чехова, то есть на оригинал, а не версию – и припомнить, как там на самом деле было, до всякой советской власти. На самом деле у меня у самой – то есть, конечно, не у меня лично, а у моих давних родственников, у родителей маминого дедушки Рабиновича – тоже было имение «Вишневый сад». Где-то под Харьковом. Так, видно, модно называть было. Я раньше думала, что евреи при царизме не имели права на земельную собственность, а, оказалось, на всё были какие-то свои правила и порядки. Фотография есть – родители маминого дедушки в лодочке на прудике в своем Вишневом саду. Ну, я думаю, фотография-то постановочная: не стала бы пожилая пра-прабабушка, мать шестерых детей – это выживших, а кто-то там и в младенчестве умер, – в движущуюся лодку лезть ради фотографии с берега. На фотографии они сидят себе спокойно под солнечным зонтиком, вода не колышется, лодку не раскачивает. Они еще думают, что всех своих детей хорошо обеспечили, оформив нотариальное завещание. Я-то знаю, что никому ничего не досталось. Всех их судьба у меня как на ладони: ничего хорошего не было ни с теми, кто остался, ни с теми, кто уехал. И до Гитлера тоже плохо было. Не в смысле, что там сразу убивали, но эмиграция – это ведь дикое, ни с чем не сравнимое унижение, когда тебя со стула и то гонят, чтобы ты обивку не просидел. Ну, а потом уж убивать и всерьез начали. Они из Германии в Париж, а их в Дранси: парк в концлагерь переделали, из него уже никто не вышел. Нет, вру, конечно, – преувеличиваю. Кто-то один добрался до Западного полушария, спасся в Америке, пытался вызволить и других. Да и в той, моей бывшей родине, кто-то как-то все-таки выживал, иначе бы и меня на свете не было. Я пыталась вычислить процент выживания в нашей семье. Всех наших

Рабиновичей пересчитываю и принимаю за 100 процентов, выживших считаю за икс процента. Что-то вроде 0,7 получается.

Как-то я далеко от Чехова ушла. У Чехова, по-моему, действительность и правда, а поклонники и страстные апологеты Владимира Шарова как писателя прямо говорят, что он не действительность описывал, а создавал «альтернативную русскую историю». И в этой связи мне все хочется что-то рассказывать и чьи-то чужие рассказы комментировать, хотя, конечно, каждый рассказ необъективен, да и помню я далеко не все. Ужасная болтливость к старости прорезается.

В отрочестве я безумно дружила с Таней Бек. Она потом меня предала. Она осталась на стороне Евгения Рейна, когда он меня бросил, хотя я от нее (да и ни от кого) не требовала сторону выбирать. Она сама меня с Рейном когда-то познакомила, объяснила мне, что он поэт замечательный – лучше Бродского. Она так искренне думала, и я вслед за ней стала так думать и до сих пор так и думаю. Рейн – поэт очень естественный, а Бродский себя строил. Подражал анголоязычным, думал о метафизике, пытался что-то важное высказать, а Рейн просто писал стихи. Бродскому очень хотелось получить Нобелевскую премию, а Рейну, конечно, тоже хотелось ее получить, но одновременно ему хотелось и чего-нибудь простого, вроде жареной картошки или пирожного, или с кем-нибудь поболтать, и он шел за этим своим желанием, несколько забывая о необходимости быть великим поэтом. Конечно, талант Бродского гораздо мощнее. Рейн не великий поэт, но его стихи я люблю больше. Рейн как раз сирота – военный сирота, его отец погиб на фронте. Мать растила его одна, ну, были там всякие тетушки, но все равно самому надо было на ноги становиться, самому искать себе кумиров и работодателей.

Опять я совершенно не о том. Таня меня бросила в очень тяжелый для меня жизненный момент: в тот момент, когда меня бросил Рейн, и поэтому это было именно предательством, и я – вдвойне брошенная – очень страдала. Но мне и в голову не приходило кончать с собой. Так что и в Танино самоубийство, якобы из-за предательства Рейна, я совершенно не верю, что это из-за предательства Рейна. Таня прекрасно знала, что Рейн – человек нездоровый и его качает в разные стороны. Да и сама Таня была психически неуравновешена – они были поэты, они по-другому чувствовали. В душевном заболевании и кроется причина ее смерти. То есть она могла уговорить себя, что она не может жить, раз он ее предал, но так же она могла бы уговорить себя и в чем-то другом, в том, что умирать не надо – нельзя, или в том,

что умереть надо по какой-то другой причине. Просто некие злокачественные клетки, какие-то не совсем изученные химические процессы то ли мозга, то ли души, требовали в тот момент со всем покончить. Естественно, мне очень-очень Таню жалко и больно, что так получилось, но и Рейна мне очень-очень жалко. Ведь она его убила этой историей, ему ведь теперь никто и руки не подаст. А он очень ее любил, гордился, что между ними никогда ничего не было, ничего, чем можно было испортить эту великую дружбу. И какие-то дурацкие переводы с туркменского, какие-то пустые движения языка – вот до чего довели. Великая сила слова.

В общем в те годы, когда мы с Таней были тесно дружны, во дворе старого писательского дома (как называли дом по Черняховского 4, кооператив «Московский писатель») мы часто встречали первого мужа Таниной матери Шеру Шарова. А его я тут вспомнила, потому что Володя Шаров был его сыном – от второй жены, Анны Михайловны. Вполне приятная женщина, но нам казалась нудноватой, потому что часто выходила во двор позвать домой то Шеру – за письменный стол работать, то Володю – покушать за обеденным, он ведь еще был маленьким.

Я посмотрела в Википедии – чтобы уточнить – Шаров Александр Израилевич. Что-то у меня не сошлось. У Таниной матери Натальи Всеволодовны Лойко от Шарова было двое детей: Нина и Миша. Нина в Википедии упоминается, а Миша нет. Верно, его усыновил Александр Бек. Но на Бека в Википедии Миша тоже не упоминается, только одна дочь – Таня. Казалось бы, что мне Миша, но я его помню, помню его на похоронах Бека, на поминках, помню, как Танька любила его сына Сашку, брала его гулять, и мы – уже вполне взрослые – еще будто доигрывали кукольные дочки-матери с этим Сашкой. А кто из них жил через Красноармейскую, на той стороне – Нина или Миша, – уже не помню. Так стояли желтые пятиэтажки боком к улице, я в них никогда не бывала. Это был совсем другой мир, какой-то поселковый, а не наш – солидный, обфитерочный, состоящий из знакомых лиц. Из наших домов на лето перемещались в Дома творчества, не выбиваясь из своего круга общения. Не все, конечно. Но Танька была как раз из того мира, где ценились семейные связи. Ну и деньги – «семейные деньги», конечно, какие-то были. И отца переиздавали, и мать печаталась. В общем не сирота.

А еще на Интернете на слово «Шаров» мне сразу попала цитата из Д. Быкова («Тайный русский календарь»): «Шаров много пил. Есть воспоминания Чуковской: она сидит в гостях у Габбе, и та ей со своего балкона показывает, как долговязый Шаров крадется в кухню к

холодильнику, к заветной чекушке, обманывая бдительность семьи. Пил он в основном с Платоновым и Гроссманом, а когда они умерли — в одиночку».

Про Платонова я совсем ничего не знаю, а, когда умер Гроссман, мне было уже шестнадцать лет, меня несколько раз брали к нему в гости – и на Аэропорте, и раньше на Беговую, я много про него слышала, и твердо знаю, что пил не Гроссман, а Заболоцкий. То есть может быть, Гроссман и выпивал с Шаровым, но это никак нельзя назвать, что он «пил». Гроссман писал сюжетную прозу и много работал. Он хотел воссоздать историческую правду, без всякой там сказочности или ностальгии. Я люблю его романы, его толстовскую четкость конструкции: Сталин и Гитлер. Параллельность. И еще меня очень задело, что две интеллигентнейшие женщины Л.К. Чуковская и Т. Г. Габбе, подглядывают в окно чужой квартиры. Я нашла эти воспоминания Чуковской и обрадовалась, что на самом деле они звучат не так. Габбе не подсматривала, не в окно рукой показывала, а представляла свой рассказец, как пьеску разыгрывала:

«Туся сначала была веселая, рассказывала мне, что делается у соседей.

— Вот Шаров пришел на кухню... Он в пижаме... Вот он открывает шкафчик... достал графин... вот разбавляет водой... А чаще он пьет, не разбавляя... Третья рюмка... Теперь он уходит, держась за стену...» (<http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/chuk.html>).

Как легко чуть сдвинуть интонацию и всё исказить! Вроде столько Д. Быков знает, а многое неточно получается. У меня на Быкова «свой зуб». Он упоминает, что обо мне написано стихотворение Н.А. Заболоцкого «Некрасивая девочка». Я ему сообщила, что это не так (не о своей внешности спорю, а просто по датировке не сходится), он очень вежливо ответил, что исправит – не исправил. Я вроде бы огорчаюсь, так как хочу правды при анализе литературных произведений, но на самом деле, я не уверена, что если бы Заболоцкий сочинил про красивую девочку, я бы так отпиралась, что это не про меня.

Так вот Шарова мы, гуляя с Таней, часто встречали. Не могу сказать, что он бывал пьян, возможно, бывал выпивши. Он очень Таньку любил. Мне казалось, что он переносил на нее какие-то чувства, испытываемые им к Наталье Всеволодовне. Но Танька вообще была необычайно яркая. Наслаждением было с ней поболтать. Она и его, Шеры, рассказы умела пересказать гениально. Володе до нее далеко. Я читаю в Володиных воспоминаниях об отце:

«Когда командир самолета, идя на очередной прием, не позвал отца, тот был только рад. Но когда его не взяли и на второй, и на третий, он удивился, обиделся и потребовал объяснений. Командир молча указал на толстую пачку вскрытых писем, лежавшую у него на тумбочке, повернулся и вышел. В пачке было около восьмидесяти адресованных отцу посланий: тридцать от брошенных детей, сорок от жен и девять от матерей (его газетный псевдоним — Шаров — был весьма распространенной фамилией). Каждый из корреспондентов носил ту же фамилию, что и он, каждый верил, что он их отец, муж или сын, молил забыть все плохое и вернуться обратно. Письмо одной из жен было так прекрасно, что отец до конца своих дней жалел, что к ней не поехал. Когда команда возвратилась с банкета, отец сказал им: «Хорошо, вы могли поверить, что я бросил тридцать детей, сорок жен, но как я мог бросить девять матерей?» Командир, еще не протрезвевший после банкета, долго раскачивался с носка на пятку и обратно, потом наконец нашел точку равновесия и, указывая на отца пальцем, медленно произнес: «Достаточно и одной...»» (<http://znamlit.ru/publication.php?id=4057>)

Смешно, но Таня эту историю рассказывала короче, выпуклее.

А на Володю мы и внимания не обращали. Может быть, Таня потом, когда я уже не знала ее или вообще уехала, с ним подружилась, но в тех отрочестве-юности мы его не замечали. Сейчас читаю, какой он был добрый – в отца, верю охотно. Очень хорошо Михаил Эпштейн о нем сразу – в августе 2018 г. – написал, и объяснил те идеи В. Шарова, которые я не рассмотрела по глупости и за которые очень даже стоило его ценить: «От него я впервые услышал, еще в начале 1980-х, про концепцию русской истории как самоколонизации: власть завоевывает свою страну с жестокостью, подобающей именно колонизаторам, и относится к собственным землям как к колониям. Много позже эта мысль была развернута систематически другими исследователями, например, в значительной книге Александра Эткинды "Внутренняя колонизация".»

И Быкову я благодарна, что он о Шере так тепло. Мы-то с Танькой совсем не ценили Шерину прозу. А Быков про прозу А. Шарова – и про повести, и про сказки – пишет, будто он читал их в детстве и они ему что-то открыли. Я в детстве Шарова не читала, по-моему, Танька тоже. Но Танька вообще больше интересовалась поэзией, а я предпочитала какие-то другие книги и даже всеми любимая «Дорога уходит в даль» была не для меня. А дело Дрейфуса, о котором, по словам Быкова, многие узнавали вообще только из этой книжки – в смысле из «Дорога уходит в даль», обсуждалось у нас дома всегда –

по разным поводам, зависящим от того, в издании кого принимала моя мама участие в тот момент (то Чехова, то Суворина), но с одинаковым жаром, как будто от маминой страстности мог быть Дрейфусу изменен приговор. Я, маленькая, одинаково пробовала на вкус, перекатывала во рту слова «сезам, откройся» и «бордеро». Сезам оказался сумсумом, кунжутом – его у нас считают полезнейшим и всюду суют, и хлеб посыпают и вообще не избавиться, а у моего внука на него жуткая аллергия – неотложка едва откачивает. А «бордеро» уже никто и не говорит, отделяваясь словом «перечень» – тоже неплохое слово, ассоциативное: «и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид».

Быков где-то упоминает, что Шарова перестали печатать, когда он подписал письмо в защиту Солженицына. Про защиту – это некоторое преувеличение, Б. Сарнов подробно рассказывает, какое письмо в 1968 г. они сочинили и как они свой резкий текст отредактировали и превратили в лояльный, стремясь уговорить подписать его как можно больше знакомых (в большинстве своем соседей все по тому же дому, который Л.К. Чуковская, приезжая в 1958 г. к Габбе подышать воздухом, считала окраиной, а я, в детстве переехавшая в соседний дом, воспринимала как оплот и опору).

С другой стороны, Володя Шаров рассказывает, что отца перестали печатать после его статьи «в «Новом мире» против Грибачева. После нее появился подвал в «Известиях», и во все издательства, где он издавался, пошла бумага из КГБ — не печатать. Все книжки были рассыпаны. По-моему, это 69-й год. Время тяжелое и мрачное.» <http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/8/shar14.html>)

Возможно, было и то, и другое. То есть и подпись, и статья: Грибачев-то – известный «лакировщик» (в основном колхозной реальности), тоже сказки писал, и они до сих пор переиздаются! Возможно, набор тогда рассыпали, а потом заново набрали, потому что, как мне кажется, в 1970-х Шарова печатали. Мне из моей иерусалимской окраины ничего этого уже не проверить, но мне самой смешно, что все эти истории о том, кто что в моей молодости написал или подписал, волнуют меня гораздо больше, чем, например, концепция Амоса Оза о том, что Иуда Искариот не был предателем, хотя, если я так увлеклась словом «окраина», мне бы как раз об Иуде и думать. Искариот – прозвище Иудино – переводится как «человек с окраины» – и мы вроде бы оттуда? Но это только по одной из версий, потому что весь этот сюжет состоит, как мы знаем, из множества версий, хотя официально считается, что только из четырех.

А писатель Михаил Шишкин, который выступил с воспоминаниями о Володе Шарове в colta (<https://www.colta.ru/articles/literature/19715-begun-i-korabl>), возмущается, что В. Шарову приписывают создание «альтернативной истории». Он считает, что «альтернативной историей» грешили наши школьные учебники, целью которых было сокрытие правды. Это, конечно, правда: нам полностью мозги затуманивали. Даже про доисторическое время. Но с моей точки зрения, любая рассказанная история всегда альтернативна, будучи всегда только одной из версий.

Очень мне понравились воспоминания Шишкина о Володе Шарове, потому что с большой любовью написаны. Всегда с любовью лучше, чем с гневом или с равнодушием. И много у Шишкина интересных для меня мыслей, хотя многие мне хочется оспорить. Например, он пишет, что у Шарова нет диалогов, потому что диалог подразумевает особенности индивидуальной речи, а у В. Шарова герои и так понимают друг друга. Я считаю, что в современной литературе вообще избегают индивидуальной речи, не потому что «герои объясняются на языке всеобщего понимания» (как отмечает М. Шишкин про В. Шарова), а потому что создать речевую характеристику персонажа – это особое мастерство – не всем дано, а если и дано, то требует гораздо больше времени и усилий. Но я готова согласиться, что я примитивна, как воображаемый школьный учитель, пытающийся объяснить В. Шарову, как пишутся романы, что романы так уже не пишутся, что в современности (уже не в мое – я старая – время, а в их – В.Шарова и М.Шишкина, так как мое время уже пассе) синопсис романа – это и есть сам роман. И все подробности, пейзажи, психология – это все неважно, потому что важно не то, как сказать, а что сказано. На Бродского я жаловалось, что слишком много он хотел сказать, но все-таки я не отрицаю – вот уж не придет в голову отрицать! – что сказано у него прекрасно. А вообще идея, что в литературе «важно, что сказать» – она как раз такая «советская», хотя, может и от раньшего пошла, то есть не советская, а вообще русская (если, конечно, не заглядывать в настоящую даль и не думать, что это как раз идея чисто еврейская). Вроде бы французы хотели понравиться, а русские пытались научить. Это про разницу между импрессионистами и передвижниками. А сейчас посмотришь, передвижники-то замечательные художники были, это мы, идиоты, не ценили.

А как я люблю, чтобы прямая речь в литературе была, чтобы вкусно было: «и пойдём с папа опять рано утром по морозцу гулять!»! Но не в этом дело. С современной литературой – она для меня уже будущее и

вы в ней, как хотите, так и поступайте – синопсис так синопсис. Я что-нибудь другое читаю – то есть не аннотацию сюжета, а версию с подробностями. Но всё мне хочется некоторые мелочи уточнить, верифицировать, какие-то слова заменить, поскольку иначе история будет не то, чтобы альтернативная, а какая-то другая, не историческая.

«В 1958-м он [Александр Шаров] получил квартиру в писательском кооперативе у «Аэропорта.» – Мне не нравится здесь слово «получил». «Получил» подразумевает что-то данное даром. За заслуги. А в 1958 г. в кооператив «Московский писатель», строительство которого было закончено к концу 1957 г., переехали те, кому удалось купить в нем квартиру.

«В то время возвращались люди из лагерей» – мне кажется, что все-таки последние вернулись не в 1958 г., а еще в 1956 г., хотя понятие «враг народа» изъяли из Уголовного кодекса только в самом конце 1958. Реабилитация тянулась дольше, а потом как-то затихла. Неужели я ошибаюсь? Это существенно. Для всего нашего понимания хронологии оттепели имеет значение.

Или у Шишкина такой эпизод: уже в конце жизни Володи они встречаются в Мюнхене. «Не знаю, откуда Оля смогла достать все это в Мюнхене, но стол, как всегда, ломился — и малосольные огурцы, и грибы, и салаты, и всякая всячина.» Я примерно в то же время была в Мюнхене. Нелепо применять к продуктам в Мюнхене слово «достали». Они там всюду разложены в надежде кому-то понравиться. «Доставали» – это мы с Сашей Раскиной – это та, которая сейчас в Америке, а мы в Израиле по ней скучаем, – мясо в Москве. Она заходила с черного входа в магазин, называвшийся «Комсомолец», а я стояла на шухере и чтобы потом помогать тащить. У нее знакомый мясник был (уж и не помню, как она сумела с ним познакомиться, но он ее выделил – редкостно была хороша), который ей с черного хода продавал мясо: то ли мы за него доплачивали, то ли расчет просто миновал госкассау – не помню. Моя роль – стоять у задней двери магазина – была гораздо менее значительной и менее опасной, чем Сашина (ее-то Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности мог прямо-таки схватить за руку, и на какой окраине мы бы ее еще увидели, если вообще), но все равно, и мне было страшно, серо и холодно. А в Мюнхене, когда я в нем была, примерно в то же время, когда там был Володя Шаров, погода была замечательная, цветы цвели и зелень зеленела, и в супермаркетах было абсолютно-абсолютно все: хочешь лобстер свежий – а хочешь приготовленный, фрукты-овощи, всякие там авокадо, со сдернутыми

израильскими наклейками и приналепленными (вручную!), что сделано, мол, в Чили или в Перу – немцы против израильской агрессии и израильского якобы не едят, и куча-куча другой всякой еды, любимой, в частности, русскоязычными евреями, которых в этот богатый город приехало сравнительно много. Их в Баварии не полюбили. Вернее, не полюбили евреев, русскоязычных и израильтян, то есть все три мои ипостаси, и я как человек, дискриминацию тонко чувствующий (возможно, просто в силу своей обидчивости, от этого там страдала. Питалась, правда, прекрасно).

Подумать, где я только ни побывала. Я прямо как Житков из детского стишка Маршака «Почта»: «Житков за границу // По воздуху мчится – // Земля зеленеет внизу...». Прямо самой перед собой стыдно, что выпало мне столько повидать, оторвавшись от оплота моего детства, – той былой аэропортовской окраины. Родителям-то не удалось. Мама моя, например, не то что Рима и Парижа не видела, а и не знала, что макароны гораздо вкуснее с оливковым маслом есть. У нас норовили со сливочным. Помните, мы «доставали» Вологодское? На поколение наших родителей всё самое плохое выпало: аресты, лагеря, война, голод, фурункулез. Бабушкам-дедушкам лучше было, они еще многие в Швейцарии учились или хотя бы на курорт туда ездили. А из тех моих далеких родных – Рабиновичей – кто-то какое-то время и в довоенной эмиграции не так уж страшно жил. При «Вишневом саде» – имени, не ставшем моим, – был заводик по консервированию фруктов и овощей. Брат моего прапрадедушки большим специалистом в этой области стал. И когда они в Германии жили, он брошюру выпустил: как правильно огурцы солить в банках с укропчиком – точно так, как они раньше на Украине солили. В Мюнхене опыт успели перенять.

Я была даже в такой дыре – Кабо Рока называется, крайне западная точка Европы – там делать совершенно нечего. Ну, бьется океан о скалы, волны, пена, красиво, но совершенно необязательно. Даже ни одной скамейки. Все дело в том, что раньше думали, что за этой точкой ничего, кроме воды, больше нет. И кажется – когда смотришь, что ничего нет, а знаешь, что наука (не просто привычная нам мандельштамовская «наука расставанья», а та, точная или естественная, которую мы, не понимая, считаем более ценной, чем гуманитарную) доказала, что это только кажется, что ничего нет. Там на самом деле Западное полушарие. Вот за этим в эту дыру – Каба Рока – все ездят, чтобы поверить, что что-то есть, когда кажется, что дальше уже ничего нет. Понятно, да, про что я? И на места достоверных чудес я тоже посмотрела. Ничуть не удивилась. Мы-то

привыкли, что кто-то «бродит опять у крыльца и по имени нас окликает».

А еще – я опять про Шарова и Шишкина – Михаил Шишкин описал – со слов Володи Шарова, – как в Воронеже, в университете, жгли книги: «Тысячи томов, в основном на латыни. Никто из работников библиотеки латынь не знал. Дюжины инкунабул, напечатанных в венецианских, флорентийских и падуанских типографиях. Фолианты на пергаменте. Уникальные экземпляры, драгоценные для мировой культуры, но ненужные для советского вуза. Так и вижу эту картину: несколько огромных костров — горят тысячи и тысячи книг, и вокруг каждого — милиция, чтобы никто не мог выхватить том из огня и унести домой. И вы кругом — студенты-историки со своим профессором, который пытается прорваться сквозь кордон и спасти хоть что-то.»

В Воронеже я, в отличие от многих других мест, как раз не была. Но все-таки каждый человек, проживший нашу советскую жизнь, понимает, что вряд ли в тамошней университетской библиотеке были тысячи раритетов на итальянском пергаменте. (Кстати я не верю и в то, что прямо уж никто там латыни совсем не знал, ее все-таки в советских университетах преподавали, мне, например, преподавали очень даже хорошо – хочется передать привет любимой учительнице). Я на это описание только усмехнулась. А одна незнакомая мне женщина написала в соцсети: «Что за бред он пишет? Какие инкунабулы на пергаменте из Флоренции??? Какие костры из книг латинских??? В войну фронт проходил через Воронеж, ещё следы от окопов оставались в пригородах, когда мы учились. В фундаментальной университетской библиотеке часто приходилось работать. С книгами было трудно, погибло много очень книг. Писала курсовую, потом диплом по Платонову, нужна была периодика, практически ничего не было. Только в Тамбове, в областной библиотеке, находила».

Ну, ладно, она приняла этот литературный вымысел – честно говоря, бред – всерьез и всерьез ему возражает. Но друзья Шарова и Шишкина обиделись. Вот это меня насмешило. Серьезный спор завязался между сторонниками политической корректности и противниками «мифотворчества». Но к примирению не пришли.

В газете пишут, что помидоры есть с утра вредно, а огурцы очень даже хорошо. А я все к своему веду, что правда получается какая-то искривленная, скособоченная. Наверное, даже у меня.

Часть 4. Политика

Портрет светлейшего князя, канцлера Александра Михайловича Горчакова
(Богацкий Н. Т., 1873)

Григорий Писаревский
Нью-Джерси, США

Парад любителей, или кто хочет стать Президентом

Около полутора лет отделяют нас от президентских выборов 2020 г. Считается очевидным, что руководить, тем более самой мощной страной в мире, – нелегкая задача даже для талантливой и харизматичной лидера. И уж во всяком случае, эта работа не по силам политикам-любителям, непрактичным утопистам с выраженной симпатией к социализму (при отсутствии элементарных знаний в экономике и финансах), уличных агитаторов местных клубов (которых в Америке именуют «community organizers») или политических легковесов, имеющих некоторый опыт мэра или сенатора – часто не особенно удачный.

По состоянию на 10 апреля Федеральная Избирательная Комиссия зарегистрировала 16 кандидатов в президенты от демократов. К сожалению, в списке кандидатов демократической партии находятся все четыре вышеперечисленных типа. За исключением трёх человек, все остальные кандидаты выглядят политически невзрачно и очевидно не имеют шансов быть выдвинутыми на съезде демократической партии для участия в выборах 2020 г.. Почти каждый из них производит впечатление некомпетентного и безответственного политика, а некоторых можно смело назвать аморальными. Впрочем, понятие морали в настоящее время стало весьма расплывчатым...

Практически все кандидаты поддерживают некий стандартный пакет либеральных лозунгов (назовём его «СПЛ»): универсальную медицинскую страховку для всех (что выполнимо лишь за счёт значительного увеличения налогов и ухудшения качества медицинского обслуживания), резкое усиление контроля за продажей огнестрельного оружия, расширение (?) прав геев, лесбиянок и трансвеститов, право на аборт в различной стадии беременности.

Фаворитом гонки кандидатов является сенатор из Вермонта Берни Сандерс, проигравший Хиллари Клинтон на съезде партии в 2016-м. Берни весьма энергичен для своих 77 лет. Надо отдать ему должное – в своей риторике Берни способен преодолеть барьер поколений. Он, подобно Обаме, непременно хочет преобразовать Америку – на этот раз в страну, напоминающую Кубу или Венесуэлу. Лично мне Берни напоминает Троцкого, и он единственный демократ, который реально пугает меня. Сандерс поддерживает наиболее крайний вариант СПЛ и массу прочих социалистически ориентированных изменений.

Вторым фаворитом демократов является 76-летний Джо Байден, обамовский вице-президент, пока ещё не объявивший о своём участии в избирательной гонке. На фоне остальных демократов он выглядит почти привлекательным – недаром уже более полдюжины женщин (несомненно, инспирированных крайне левыми) внезапно заявили о «сексуальных телодвижениях» старины Джо. Одной из них он положил руки на плечи, другую поцеловал в лоб. Помимо этого, Джо известен феноменальной неосведомленностью в истории. Он был неоднократно замечен в заимствовании чужих выражений без ссылок на источник, что в просторечии именуют плагиатом. Прославился он

и многочисленными ляпсусами в своих выражениях, которые могли бы сойти за шутки – но не в эпоху политкорректности. Так, он как-то заявил, что в магазины 7-11 (обычно имеющиеся на автозаправках) невозможно зайти, не обладая акцентом выходца из Индии. При всех вышеупомянутых качествах Джо – обаятельный парень и выглядит много симпатичнее остальных кандидатов-демократов. К тому же, он знает все ходы и выходы на Капитолийском холме.

Ещё три сенатора-демократа претендуют на место в Овальном кабинете. Наибольшие шансы из них имеет Камала Харрис. До того, как стать сенатором, Камала находилась в должности Генерального прокурора Калифорнии. Двигаясь вверх по политической лестнице, она эффективно использовала свою привлекательную наружность, являясь открытой любовницей Вилли Брауна, бывшего мэра Сан-Франциско. М-с Харрис нельзя отказать в энергии, уме и определенной харизме. Кроме того, что она женщина, Камала также наполовину индианка и наполовину афроамериканка – три огромных плюса для нынешних демократов. Против неё играет то, что она слишком далеко сдвинута к крайне левому флангу, требуя, помимо СПЛ, уничтожения ICE (Федеральной Иммиграционной Службы), увеличения численности Верховного Суда, надеясь ввести туда как можно больше крайне левых, и репараций для потомков рабов (через 160 лет после отмены рабства). По моему мнению, она занимает почетное третье место в списке потенциальных кандидатов, после Байдена и Сандерса. Оба могут предложить Камале партнёрство в роли вице-президента – первый, чтобы привлечь на свою сторону крайне левых, второй – как близкую единомышленницу. Байден, Сандерс и Харрис – единственные три кандидата среди многочисленного набора демократов, кто могут быть названы профессионалами в политике.

Сенатор Элизабет Уоррен из Массачусетса, помимо введения СПЛ, хочет уничтожить ICE (см. выше), Коллегию Выборщиков, выдать пресловутые репарации и увеличить состав Верховного Суда. Трамп называет ее Покахонтас, поскольку она долго лгала, выдавая себя за потомка американских индейцев. Анализ ДНК показал у неё наличие 1/64 индейской крови. Уоррен заявила, что Трамп ей не конкурент, поскольку к 2020 г. он может оказаться в тюрьме. Шансы этой леди ничтожны.

Сенатор первого срока, 50-летний, ни разу не женатый вегетарианец Кори Букер из Нью-Джерси, зачем-то пытается доказать своим критикам, что он «не гей», для чего в марте 2019 он начал встречаться с известной актрисой Розарио Доусон. Букер около 7-ми лет был

мэром известного своей преступностью Ньюарка. Под его руководством преступность и безработица в городе постоянно возрастали, но Букер был пойман на лжи, утверждая, что «снизил» преступность на два процента. Букер как афроамериканец, вегетарианец и «не гей», имеет на руках хорошие карты, но он малоизвестен за пределами Нью-Джерси и не имеет серьёзных достижений. Он также выступает за репарации чёрным и «раздувание» Верховного Суда.

Бывший конгрессмен из Техаса Роберт О'Рурк, по кличке «Бето», ничем не проявил себя в Палате Представителей и проиграл выборы в сенат Тэду Крузу в 2018 г. В 90-е годы он подвергался аресту за участие в ограблении и оставление места автомобильного происшествия. Он любит писать эротические стихи и разыгрывать своих друзей и жену. Бето активно поддерживает СПЛ и постоянно извиняется по любому поводу.

Пит Буттигейг, мэр города Сауз Бенд, штат Индиана – «открытый» гомосексуал, имеющий «мужа». Помимо этого, он обладает высоким IQ, хорошо подвешенным языком и приятной наружностью. Выступая на телеканале CNN, Пит высмеял вице-президента Пенса, назвав его «фанатом порно-президента». Он любит представлять себя как «второго Барака Обаму», забывая при этом, что он белый и что для любителей identity politics (политика идентификации – тенденция людей, принадлежащих к определённой религии, расе, сексуальной ориентации и т.д. формировать собственное, отдельное от всех прочих движение), составляющих значительный слой демократов, никак не может ассоциироваться с Обамой. Основные приоритеты Буттигейга, кроме СПЛ, – снижение возрастного ценза избирателей до 16 лет и поддержка DACA (программа, помогающая нелегалам, привезённым в США детьми, получить легальное право на пребывание в стране). Он также утверждает, что глобальное изменение климата представляет собой угрозу национальной безопасности США. При каждом удобном случае Пит подчеркивает свои сексуальные предпочтения.

Эндрю Йенг – частный предприниматель, основатель компании «Venture for America». Лозунги этого кандидата включают «базовый доход» в размере \$1000 каждому и государственная страховка для всех. Он намерен проявить большую щедрость, раздавая налево и направо деньги налогоплательщиков. Еще один «важный» пункт его программы – он противник обрезания.

Хулиан Кастро, бывший мэр Сан-Антонио, намерен «бороться» за снижение стоимости высшего образования, улучшение заботы о

пенсионерах и разумеется, СПЛ. Естественно, Хулиан выдвигает эти пункты своей программы, не вдаваясь в детали. Он предлагает уничтожить границы и отменить понятие «нелегальный эмигрант». Кастро также поддерживает неограниченное право на аборт и готов рассмотреть репарации потомкам рабов.

Бывший губернатор Колорадо Джон Хикенлупер утверждает, что в Вашингтоне необходим «dreamer» (мечтатель). Он производит впечатление порядочного человека, но слова его звучат весьма неубедительно. Джон поддерживает семейные союзы любого рода и выступает за отмену смертной казни на федеральном уровне. Интересно, что м-р Хикенлупер часто рассказывает, как он вместе со своей матерью смотрел порнофильм «Глубокая глотка». Никаких выдающихся достижений на посту губернатора он не имел. Однако, Джон все же провёл шесть лет в этой должности, так что, скорее всего, приобрёл некоторый опыт.

Хотелось бы сказать, что шансы у этого заурядного политика – нулевые. Однако вспомним Обаму, у которого тоже не было никаких достижений к моменту выдвижения его кандидатуры на пост президента. Более того, у Обамы напрочь отсутствовали убедительное резюме, опыт политика, плодотворные идеи и понимание того, как работает экономика огромной страны. Зато у него тоже была мечта. Нельзя лишь забывать, во что его «мечта» обратила Америку, – появление социалистов и антисемитов в Конгрессе, оболваненная молодежь в целом ряде университетов, посягательства на свободу слова для консерваторов, бунты хулиганствующих элементов афроамериканского населения в ответ на, как правило, правомерные действия полиции, отмена права на презумпцию невиновности в сознании части населения, саботаж указов президента, разделение семей по политическим мотивам...

Губернатора штата Вашингтон Джея Инсли мало кто знает за пределами столицы штата. Джей хочет легализовать марихуану, выступает за увеличение минимальной заработной платы, и конечно, за СПЛ.

Сенатор Эмми Клубучар из Миннесоты ратует за возвращение к Парижскому договору по контролю климата, снижению возраста, дающего право на получение Medicare (медицинская страховка для пожилых) с 65 до 55 лет и за право на получение гражданства для большинства нелегалов. Она, как принято у демократов, «стоит» за права геев и лесбиянок и аборт без ограничений. Из положительных предложений м-с Клубучар можно отметить намерение вложить триллион долларов в инфраструктуру и оставить войска в Сирии.

Мэр города Мирамар во Флориде Уэйн Мессам входил в состав сборной университета Флориды в 90-е годы. Однако большой спорт существенно отличается от большой политики. Как и прочие демократы, он выступает за СПЛ и отмену задолженности по студенческим займам. При этом Уэйн держит в руках один крупный козырь. Он – афроамериканец.

Член Палаты Представителей от штата Гавайи Тулси Габбард объявила о вхождении в президентскую гонку, появившись на шоу Ван Джонса. Последний, как известно, «прославился» своими взглядами чёрного расиста, вследствие чего в 2009 г. был вынужден уйти из администрации Обамы. Габбард поддерживает неперемный СПЛ и увеличение минимальной оплаты труда.

Сенатор Кирстен Гиллибранд из Нью-Йорка находится на экстремально-левом фланге демократов. Она является лидером антитрамповского «Resistance» (Спротивление) и выраженной противницей Израиля. Помимо СПЛ, она поддерживает концепцию открытых границ, пенсии и пособия для нелегалов, предлагает ликвидировать ICE (см. выше) и расширить состав Верховного Суда. Преимущество Кирстен в том, что она женщина, недостатки – в белом цвете кожи и традиционной сексуальной ориентации. Учитывая все вышесказанное, её шансы не только стать президентом, но и победить на съезде демократов – нулевые.

Мэрианн Уильямсон из Техаса – не политик. По её собственным словам, она – «духовный лидер, автор, лектор, антрепренер и активист».

Она – «спиритуальный советник» Опри Уинфри и постоянный участник ее шоу. В политическом плане она представляет собой пустое место..

Бывший конгрессмен из Мериленда Джон Делани считает, что Дональд Трамп «не соответствует» должности президента и представляет собой «грязное пятно (stain) на теле нашей страны». Политический вес Джона равен весу предыдущего кандидата.

Майк Грэвел – 88-летний бывший сенатор от Аляски. Он отъявленный либерал, который уверен, что теракт 11 сентября 2001 г. был организован спецслужбами США. Других сообщений о состоянии здоровья этого кандидата не имеется.

Роман Солодов

Нью-Джерси, США

Тектонические перемены. Расстановка сил

Сегодня на наших глазах начал разрушаться мир либерализма, толерантности, взаимопонимания. Он не был идеален, но люди – я говорю о Европе и нашей стране – проживали в нем вполне достойную жизнь. И вдруг оказалось, что этот устоявшийся мир на самом деле хрупок, его можно легко разбить, как разбивают хрустальный бокал. Добро бы, только лидеры выходили за рамки элементарного здравого смысла. Примером тому служит уход американских войск из Сирии или выход нашей страны из Договора с Ираном. Но и народы стали вести себя, мягко говоря, странно. Примером этому служит желание британцев выйти из Европейского союза. Тон всем этим катаклизмам задали президент Трамп и иммигранты, в основном с Ближнего Востока, – спасибо им за это.

Представим себе двор, в котором сложился стабильный коллектив подростков. Они привыкли кучковаться вокруг лидера, поддерживать его, зная, что он не даст их в обиду. Каждый из пацанов вносил свою долю. И вдруг этот лидер заявил, при этом прибегнув к весьма хамскому языку, что эта доля совсем незначительна для поддержания статус-кво и сегодня он требует от них большего. В противном случае, он не станет их защищать и соседские пацаны их двор захватят. Кроме того, он установил дружеские отношения с лидером соседнего двора, который особо и не скрывает своих агрессивных намерений. Покоряйтесь, ребята, говорит он, а то будет хуже. Я же буду делать то, что хочу, – я силен, я богат, а вы никто для меня. Ваша помощь – да, вы ее оказываете, – совсем незначительна. И что остается делать

этим ребятам, кроме как покориться новым требованиям их лидера? Они уступают, они в замешательстве, ибо лидер показывает им, что их мнение он ни в грош не ставит. Но вместе с тем, среди них растет протест против беспардонного поведения их бывшего капитана. Да, для них он становится бывшим. Они начинают организовываться в свои союзы, порой даже направленные против него. Это происходит не потому, что их предводитель стал врагом. Нет. Просто у младших партнеров начинает работать инстинкт самосохранения, подзабытый ими за все годы их союза с прежним лидером.

Англия, Франция и Германия организовали финансовый пул с целью подрыва американских санкций, направленных на экономическое удушение Ирана. Он еще не начал работать в полную силу, но его влияние уже ощущается хотя бы в том, что Иран продолжает придерживаться буквы Договора от 2015 года, согласно которому он не может заниматься созданием атомной бомбы. Иран боится остаться в полной изоляции, чего добиваются США. Потому к нему в «атомном» вопросе нет никаких претензий. Но интересен сам факт восстания стран Западной Европы против сюзерена. Это не удивительно, ибо связка стран Западной Европы пострадала от вновь наложенных санкций много сильнее американских. Такое уже было раньше, но настолько открытого противодействия Америке в финансовой области не припомню. Рискну предположить, что, окажись западноевропейские союзники в одной упряжке с Америкой в этом вопросе, Иран бы отбросил все ограничения и Ближний Восток семимильными шагами двинулся к очередной войне. Расчет же на то, что режим аятолл развалится из-за экономических трудностей, как об этом говорят наш президент и его министр иностранных дел М. Помпео, мне кажется несколько наивным. Пока что у Ирана хватает средств и на поддержку йеменских повстанцев (хути), Хисбаллы, и сирийского диктатора, а также на развитие своей ракетной программы. Его активность в Сирии вызывает вполне законное беспокойство Израиля.

У евреев в памяти надолго останется вторая война в Ливане 1982 года, когда Израиль допустил стратегическую ошибку, позволив закрепиться в той стране, родившейся тогда Хисбалле. Евреи спохватились, когда увидели на своих границах мощную группировку, вооруженную тысячами иранских ракет. Более того, этот альянс оказался настолько мощным, что заставил уйти из Южного Ливана израильскую армию. Израилю пришлось воевать с ним всерьез, когда в 2006 году террористы Хисбаллы атаковали два патрульные джипа израильтян, убив двух солдат и взяв в плен еще

троих. Но темой этой статьи не является описание войны в Ливане. Отметим только, что руководитель Хисбаллы Насралла признал, что никогда бы не отдал приказа о нападении на солдат, зная, что это обойдется Ливану и его воинству. Вот потому Израиль так настойчиво бомбит иранцев в Сирии, что помнит, чем заканчивается попустительством намерениям Ирана там закрепиться.

Неудивительно, что премьер Израиля Нетаньяху поехал на конференцию в Польшу, посвященную борьбе с иранским экстремизмом. Это была главная цель конференции. Но на ней канцлер Германии Меркель выступила с резкой критикой не Ирана, хотя, наверное, и ему досталось – я всю речь не читал, но именно США, за необоснованный, как она и ее союзники считают, выход Америки из Договора 2015 года. Как известно, Нетаньяху чуть ли не громче всех ратовал за отмену этого договора, утверждая, что Иран все равно станет создавать атомную бомбу по его окончании. В 2030 году? Договор предусматривает именно эту дату, когда Иран станет свободным от своих обязательств. И непонятно, что выигрывает Израиль, если Иран «получит свободу» раньше этого срока. На что расчет? На массивную бомбардировку Ирана? Но ведь государство не будет уничтожено, а ненависть иранцев к евреям станет непреходящей. При официальной ненависти аятолл к Израилю, народ вполне терпимо относится к евреям. Достаточно сказать, что еврейская община в Иране существует (кажется, в Израиле нет иранской общины) и никто там на евреев не покушается, как это происходит в «толерантной» Франции чуть ли не каждый день.

Но сегодня мы живем в новом измерении. Ничему уже не удивляешься. Нетаньяху в той же Варшаве за кулисами встречается с саудовцами и предупреждает их об опасности, которую несет Иран. Такое было немислимо еще пять лет назад. Но саудовцев не надо в этом убеждать. Они и без него ненавидят Иран так же, как ненавидят Израиль. Недаром в наши дни они являются либо спонсорами, либо коспонсорами всех антиизраильских резолюций на всех мировых форумах. Ненависть их настолько сильна, что они даже в малом не могут ею поступиться. Совсем недавно пришлось перенести чемпионат мира по быстрым шахматам в другое государство из-за того, что саудовцы не могли допустить в страну еврея из Израиля. Принципы выше всего! И почему Нетаньяху разыгрывает саудовскую карту, мне, дилетанту в политике, непонятно. Они же хуже аятолл. Во всяком случае, не лучше.

Но сегодня саудовцев любит Трамп, плюющийся на их поведение в деле убитого журналиста Кашоги. Трамп, когда речь заходит о

саудовцах, на все закрывает глаза и танцует с ними их ритуальные танцы с саблями. Он вообще к диктаторам равнодушен. Вспомним его любовь к северокорейцу – сам признался. А как тепло он относится к Путину! Настолько, что верит не своей разведке и контрразведке о вмешательстве России в выборы, а его словам. Вот Мадуро он не любит. Но тут уже играет роль классовая ненависть к социалистам и социализму. Он даже поклялся, что в нашей стране никогда его не будет. Мог бы этого и не делать, ибо социализм начинается с ликвидации частной собственности на средства производства. У нас такое возможно? Вопрос риторический. Но вернемся к Нетаньяху.

Сегодня он вынужден играть по новым правилам, тем более, что на носу у него выборы. Ему надо, чтобы Трамп – вот уж нашлась страна, где он популярен, – был его союзником. Надо сказать, что Нетаньяху крупно повезло в том плане, что у него в соперниках нет яркой личности. Он, скорее всего, выиграет выборы.

Но успехи, как внутривнутриполитические, так и во внешней политике, ему все равно нужны. Потому еще он заигрывает с саудовцами, что это означает прорыв в изоляции, устроенной ему арабами из-за тех же палестинцев. По крайней мере, они как были, так и остались камнем преткновения на пути к миру на Ближнем Востоке.

Об этой проблеме надо сказать особо. Начну с того, что ни одна из сторон настоящего мира не хочет. Палестинцы – потому, что не знают, как обуздать Хамас и управлять государством, разделенным на две неравные части, во-первых, а, во-вторых, у этого государства фактически ничего нет для нормальной деятельности. А евреи не хотят мира, прежде всего, потому, что не верят палестинцам. Да и откуда появится вера в их добрые намерения, особенно после второй интифады? После интифады, в которой погибло больше тысячи евреев, после взрывов в автобусах и дельфинарии, после убийства безоружных солдат и грудных младенцев... А ведь израильтяне были готовы к миру с ними. На похороны Рабина, главного архитектора мирного процесса, пришло миллион человек. Все убила интифада с ее сумасшедшим архитектором Арафатом. Эту ситуацию можно сравнить с отношением русских к немцам во времена действия пакта Риббентроп-Молотов. Сколько за те два года родилось Адольфов в России! Потом всех пришлось перекрещивать. А ненависть к немцам после войны не изжита до сих пор. Вот так и с евреями и их отношением к палестинцам после интифады. Нет им веры.

Нетаньяху много раз говорил о том, что он готов сесть за стол переговоров с Аббасом без всяких предварительных условий. Это при

том, что строительство на оккупированных территориях идет невиданными в истории Израиля темпами. На протесты так называемой международной общественности Израиль плюет. И правильно делает. Когда ножами убивают израильтян, а руководство палестинцев это приветствует, никто в мире не протестует. Когда летят ракеты из Газы и люди лишены нормально сна годами, то мировое сообщество тоже не возникает по этому поводу. Но с другой стороны, если пойдут переговоры при теперешнем положении вещей, Израиль за это время построит столько жилых домов, что их хватит на всех беженцев из Европы, особенно сегодня, когда количество антисемитских выступлений в 2018 году в Европе выросло больше чем на 70%.

Ситуация с ростом антисемитизма весьма и весьма тревожная. Этот рост обусловлен многими факторами. Здесь и история, и воспитание и антисемитская пропаганда в масс-медиа... Европа – «страна» христианская, а эта религия зиждется на антисемитизме – евреи нашего Христа распяли! Так что склонить человека к антисемитизму довольно легко. Но вспышка последних двух лет может иметь под собой и другое основание. Понимаю, что вызову гнев сторонников Трампа, но из его песен слов не выкинуть. Когда он говорит, что среди неонацистов «тоже есть хорошие люди», то как еще назвать это, если не оправданием подонков, в программе которых написано, что евреев надо либо уничтожить, либо ВСЕХ выслатить из страны. Трамп оговорился? Нет. Кто-то скажет: пытался примирить молодежь. Но не может быть никакого примирения с нацистами. Не может быть мира между нормальными людьми и подонками. Когда он говорит, что караван беженцев спонсирует Сорос и его люди (Сорос и «его люди» к этому никакого отношения не имеют), то как еще расценить его выпад, если не клевету на еврея. Ведь у антисемитов все просто – один еврей виноват, значит, виноват весь народ. После слов Трампа следует расстрел евреев в синагоге. Слова президента – это не слова рядового гражданина. Порой они определяют судьбы миллионов людей, наций... И кто должен их взвешивать тщательней, чем сам хозяин этих слов? Почему же с такой легкостью президент кидает обвинения в адрес человека, зная, что к его словам прислушиваются с особым вниманием?

Как еврей я приветствую вместе с моим народом историческое решение Трампа о переносе посольства в Иерусалим и признание этого города единой столицей государства Израиль. Справедливость, наконец-то, восстановлена. Но уже тогда я написал, что этот шаг может иметь последствия не всегда благоприятные для самих евреев.

Приведу пример: вспышка антисемитизма в Европе, да и в Штатах, в середине тридцатых годов прошлого века совпала с изданием пресловутых «Протоколов сионских мудрецов». Нацисты распространили их по всей Европе. В пояснении давался пример: посмотрите, что произошло с Россией, где евреи захватили власть. Вы этого же хотите? Отношение к евреям тогда стало сродни отношению к мусульманам сегодня. Не сыграло ли решение Трампа роль такого же катализатора по отношению к евреям сегодня? Ведь это решение ущемило палестинцев, у которых, как они считают, а вместе с ними большинство стран, тоже есть права на часть этого города. Эффекта домино не случилось. Три-четыре страны признали решение Трампа. Есть еще страны, типа Австралии или Чехии, признавшие столицей только Западный Иерусалим. Лучше б они этого не делали. Это же косвенное признание того, что евреи прав на Восточную часть не имеют.

Нетаньяху, сталкиваясь с негативным отношением западных демократий, ищет сегодня союзников в Восточной Европе. И, отдадим ему должное, находит. Достаточно сказать, что Польша, Венгрия и Чехия заблокировали осуждение Евросоюзом решения Трампа о переносе посольства. По уставу Евросоюза любое решение международного характера должно быть принято единогласно. Но такие союзники вызывают мало симпатий, а их отношение к истории евреев оставляет желать лучшего. В этом году Польша приняла закон, согласно которому признание участия поляков в истреблении евреев во время войны стало считаться преступлением. Его отменили под сильным давлением того же Евросоюза, с которым у Нетаньяху отношения складываются не лучшим образом. Так с кем дружить прикажете, если простое упоминание о том, что поляки приложили руку к истреблению евреев во время Холокоста, приводит к тому, что польский премьер отказывается ехать в Израиль?!

Известно, что каждая вспышка антисемитизма приводит к росту беженцев в Израиль. Для государства это хорошо. Политика Израиля в отношении беженцев-евреев, наверно, может послужить образцом для всего мира. Люди быстро находят там свою новую Родину. Но давайте признаем, что статус беженца, как бы тебя ни принимала страна, не завиден. Люди оставляют работу, продают бизнесы, дома, квартиры, меняют привычную обстановку, расстаются с друзьями. Мы сами через это проходили. Конечно, СССР не был землей обетованной, но Европа живет на порядок лучше, чем жили мы. И когда растет число беженцев оттуда, это означает лишь, что в

европейских странах обстановка для евреев складывается не лучшим образом. Для Израиля это даже хорошо, для людей плохо.

Трамп всего лишь два года является президентом, и неизвестно, как долго он им пробудет. Может, два года с небольшим – скоро выйдет доклад Мёллера, может, четыре, а может, и все восемь. Последнее, скорее всего. Но сколько бы он ни пробыл президентом, его влияние как политика продлится очень долго. Он покончил с устоявшимся порядком, мир уже не вернется к прежнему состоянию. Кто знает, может, в этом и было его предназначение...

Элиэзер Рабинович
Штат Нью-Йорк, США

Колыма как родина страха. Комментарий к фильму Юрия Дудя

«Когда во время Ленского расстрела (1912) было убито несколько сот человек, начался подъём революционной ситуации, и, в конечном счёте, царь потерял трон. Сталин угадал то, чего не знал царь: когда гибнут сотни, общество и мир возмущены; когда миллионы,- стоит полная тишина».

Меер Рабинович (8 лет на Колыме), отец автора, в разговоре с ним в 50-е годы.

«Сколько их! Куда их гонят,
Что так жалобно поют?»
А. Пушкин, «Бесы».

Юрий Дудь совершил подвиг, неожиданный для человека его поколения: наученный, было, родителями всего бояться, удивлённый и возмущённый тем, что половина молодых людей понятия не имеет о сталинских репрессиях, он в мороз -50-60 градусов Цельсия проехал 2000 км по Колымской трассе от Магадана до Якутска, поговорил с людьми на трассе и вне её, с людьми уходящего поколения и их детьми и рассказал об этом в блестящем и страшном двухчасовом фильме. Никто теперь не может сказать: «Мы не знали». Очень важно, что весь фильм идёт с английскими титрами.

За 11 дней, прошедших с помещения фильма на ютубе 23 апреля, его посмотрели около 12 миллионов зрителей, оставивших более 130 тысяч комментариев; несколько дюжин статей были опубликованы, так что мне нелегко найти свои пару центов, чтобы вложить в них свое мнение, тем более, что оно положительное, – и в этом смысле мало отличается от других. Всё же попробую. Начнём с осмысливания цифр.

Сколько их?

На 7-ой минуте большими буквами на экране сообщается, что «20 000 000 ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ГУЛАГ»; комментатор говорит, что это было с 1930 по 1956 годы, добавляет, что цифра, в основном, признаётся всеми историками. Следующий экран: «2 000 000 ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ». Не отмечается, входят ли в число погибших и расстрелянные, и доведенные до смерти каторжным трудом; наверно, входят.

10 лет назад в статье «Трое из раздавленного поколения» я сослался на секретную записку главы МГБ С. Игнатьева, опубликованную писателем Юлианом Семёновым («Новое русское слово», 28 февраля 1988 г.), о том, что только в одном 1952 г. в лагерях находилось около 12 миллионов человек. Простая арифметика: если считать, что средним сроком было 10 лет, то в течение 16 лет с 1937 до 1953 гг., через лагеря прошли около $12 \times 1.6 = 19$ миллионов человек. Когда в 1951-53 гг. я посещал отца в сибирской ссылке, где жили освобожденные из лагерей, я встречал там все возможные слои общества: это были мужчины и женщины всех возрастов; рабочие, крестьяне, актёры, учителя, врачи, служащие; партийные и беспартийные; русские, евреи, китайцы, один турок, немцы Поволжья. Ни одна группа не была пропущена.

За что? В какой-то момент в фильме Дудя мелькает цифра: 25-30% этих людей, возможно, были невиновны. Цифра бессмысленна без разбиения заключённых на группы. Были уголовники – воры, убийцы, бандиты, в отношении которых должный процесс более или менее соблюдался и которые были в большинстве правильно осуждены. Были «бытовики», «растратчики», как например, девушка, продававшая мороженое, угостившая друзей и не успевшая внести деньги в кассу до инспекции; голодные люди, запретно собравшие оставшиеся на поле колоски; более крупные похитители из кассы государства – эти люди совершили действия, в которых их обвиняли и посадили по законам, устанавливавшим совершенно непропорциональные кары даже за мелкие проступки.

Что касается политических обвиняемых, то к 1937 году Сталин уничтожил старую ленинскую гвардию. Многие из них сами были убийцами во время гражданской войны (Зиновьев, Тухачевский), но они не были виновны ни в какой антисоветской деятельности и шпионаже, в которых их обвинили. Подавляющее большинство заключённых и казнённых не совершили преступления не только согласно правовым нормам Запада – не было преступлений даже согласно жестокому советскому Кодексу и его 58-ой статье. Родственник за границей, письмо оттуда, короткая встреча с иностранцем (фильм рассказывает, что известный актёр Георгий Жженов получил 5 лет за разговор с иностранцем) – всё это были поводы для ареста. Однако большинство – отец Шифрина, наши с женой отцы, дяди, – не совершили даже таких «преступлений», не прошептали никакого «неправильного» слова. Не помогало. Будущего конструктора ракет Сергея Королёва обвинили в том, что он уничтожил некий экспериментальный самолёт. «Он стоит во дворе

института, целый, поезжайте и посмотрите», – это следователей не интересовало. Все эти люди были нужны для громадной рабской трудовой армии, превратившей Советский Союз в гигантский военно-промышленный комплекс. Это рабство не имело прецедента в истории. И в античности, и в Америке XVIII-XIX веков, частный рабовладелец заботился о рабах, если не из чувства гуманности, то из желания сберечь своё капиталовложение. У Сталина не было подобных забот. Гуманистические соображения его не занимали. Он ничего не платил за своих государственных рабов, и источник их снабжения был неисчерпаем, так что плохо одетые и голодные люди зачастую дорабатывались до смерти.

Задумаемся о значении цифр. Леонид Велехов в коротком видео о Сталине (<https://www.youtube.com/watch?v=X4VhqLgiGh4&t=65s>) правильно говорит, что различия в моральном отношении между десятками тысяч неправомерно убитых или миллионами нет. Он говорит, что чилийскому Пиночету, который, возможно, спас Чили от коммунизма, не отмыться от «всего» трёх тысяч смертей. Я к этому добавлю, что наполеоновские войны унесли около 400 тысяч жизней. Тем не менее, история это Наполеону как-то прощает. Но трон он потерял, возможно, всего лишь за одно неправомерное убийство – герцога Энгиенского. Это случилось потому, что правители других европейских стран увидели в нём человека, способного на непредвидимые решения, которому трудно доверять. А сегодняшние русские коммунисты просят понизить число признаваемых ими жертв до их «порога чувствительности» в сотни тысяч.

Но Леонид Велехов и неправ, что они не признают миллионы. Они признают и отнюдь не смущены ими. Лидер теперешних коммунистов Зюганов оперирует двумя цифрами, обе из которых, наверно, правильны: одна – "829 тысяч за 32 года были расстреляны, включая всех бандитов, мерзавцев, всех предателей». Или, согласно бывшему вице-премьеру правительства России Альфреду Коху (<http://blogs.7iskusstv.com/?p=73600>), Зюганов принимает 2 миллиона делит их на тридцать, по 66 тысяч в год, и утверждает, что это ничего: «У нас в год на дорогах больше гибнет!»

Требуется объяснить, почему я назвал обе цифры, возможно, правильными. Первая, скорее всего, относится к расстрелам сразу после приговоров без заключения. Вторая включает все смерти. В лагерях расстреливали сравнительно мало, потому что была нужна рабочая сила, хотя мой дядя, ростовский раввин Моше Медалье, был расстрелян на Колыме по новому приговору в мае 1938 года. Но большинство смертей в лагерях были за счет того, что людей

доводили до смерти тяжелейшим каторжным трудом и голодом. Подход Зюганова показывает, что глубокая аморальность и безразличие к человеческой жизни у современных российских коммунистов не изменились, только руки стали коротки. Если бы Зюганов посмотрел статью профессора В.Н. Земскова, он бы увидел у него близкую цифру по числу казнённых – 799 455 человек, но у Земскова дана разбивка по годам – 353 074 в 1937 и 328 618 в 1938, то-есть 85% приходится лишь на два года «ежовщины».

Далее, 20 миллионов оставили дома семьи по 2-3 человека; скажем, мой отец – жену и двух детей, это даёт нам около 50 миллионов, побитых режимом. Или эти (20-2) миллионов вернулись домой калеками и стариками, зачастую неспособными на зачатие.

Это ТОЛЬКО по ведомству Государственного Управления ЛагереЙ. Нельзя упрекнуть Дудя (как это делает Кох), что в своём грандиозном проекте он не пошел дальше, да и ГУЛАГ охватил не полностью.

Кох: «Главные смерти — это коллективизация и последовавший за ней и из-за нее Голодомор»

Из Wikipedia:

За два года «к концу 1933-го миллионы людей умерли от голода или умерли другим неестественным образом на Украине и в других республиках. Потери населения из-за голода и снижения рождаемости оцениваются в 6-7 миллионов».

Коллективизация и раскулачивание (Википедия):

По данным историка и исследователя репрессий В. Н. Земскова, всего было раскулачено около 4 млн человек (точное число установить сложно), из них в 1930—1940 в кулацкой ссылке побывало 2,5 млн.; из них 600 тыс. человек умерло, подавляющее большинство – в 1930—1933 годы».

Кох подтверждает: «Но миллионы т.н. кулаков и подкулачников — сосланы. Осенью в зиму. Без одежды. Без пищи. В суровую архангельскую и сибирскую тайгу. Просто в чистое заснеженное поле. Половина сдохла от голода или просто замерзла. Никаких расстрелов. Никакой статистики».

Из 27 миллионов, потерянных в течение войны, только треть была убита на самой войне, остальные – гражданское население.

Похоже, что около половины населения страны было репрессировано тем или иным способом. Интеллект всей страны не мог не пострадать в результате. Сделал это ОДИН человек за тридцать лет неограниченной власти. За всю историю такого не было. Он уничтожил цвет нации. Никто даже не думал, чтобы его остановить, а

сейчас чуть ли не половина населения России мечтает о его возвращении.

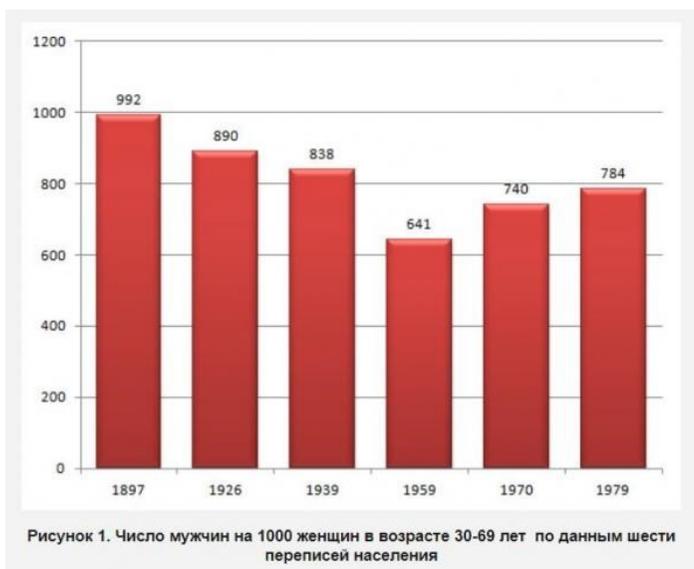
ОДИН? Нет, конечно. Как писал Мандельштам, «А вокруг него сброд тонкошеих вождей, он играет услугами полулюдей». Почему-то было такое впечатление, что Анастас Микоян слегка лучше других, что зла он, по крайней мере, не иницирует. Чушь – в фильме показано его выступление на каком-то съезде, где он героизирует пионера Колю Щеглова, который сообщил, что его отец («Он не отец ему боле!») крал доски со стройки. И показано (40:16) страшное письмо Микояна Сталину от сентября 1937 г., в котором он просит разрешения «дополнительно расстрелять 700 человек» в Армении. Не говорится о его подписи под приказом о Катынском расстреле, которая, как сказал сын, «лежит тяжелым пятном на совести нашей семьи» (цитата по памяти). Это был подобранный сброд серийных убийц.

Один из мифов: Сталин принял страну с сохой, а оставил её с атомной бомбой. Ни с какой сохой он страну не нашёл – Россия с Украиной экспортировала зерно, Сталин уничтожил сельское хозяйство, загнав крестьян в колхозы, вернув крепостное право в его худшей форме – барщины – и принёс массовый голод. Путиловские, Морозовские заводы обеспечивали высокий промышленный рост, сопоставимый с американским. Ленин и Сталин привели экономику к разрухе, а затем к рабству. С атомной же бомбой страна стала угрожать всему миру.

«Откуда берутся дети?» – спрашивают нас малыши.

«Тебя принёс аист в капусту, и мы там тебя нашли!» – объясняют счастливые родители. В счастливые времена. В несчастные времена, которые мы сейчас обсуждаем, кажется, что, и вправду, создалась ситуация, когда иного способа деторождения как бы и не было.

Несмотря на высокую смертность, мужчин на Колыме всё-таки выжило больше, чем на войне. Далеко не все после лагеря по состоянию здоровья были способны к воспроизводству. У всех была цинга, потому что не было никаких витаминов. Из-за войны и репрессий возник, только в СССР, огромный дисбаланс полов в возрасте деторождения:

Николай Савченко, Подробно о потерях Великой Отечественной, 2013 <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/tema02.php>).

График не показывает географическое разделение полов: когда мужчин Колымы освобождали, им часто отказывали в праве выезда на «большую землю». А женщины, потенциальные женихи которых были убиты на войне, находились на расстоянии 12 тысяч километров на западе. Аисты на такое расстояние не летают.

Ефим Шифрин рассказывает об аресте отца Залмана Шифрина (53:20), простого бухгалтера в Орше (Витебская область), которого осудили на 10 лет и вечную ссылку. Когда он закончил срок, родственникам в Орше пришлось в голову познакомиться его с еврейской девушкой. Они списались, обменялись фотографиям, и весной 1950 Раиса Цыпина поехала на Колыму. Не напоминайте мне сытую и богатенькую княгиню Волконскую, ехавшую в Иркутск в двух кибитках с подарками от всех друзей. На экране у Дудя появляется описание того, как ехала «княгиня» Шифрина: 10-12 дней на поезде Москва-Владивосток в вагонах, где пассажиры были упакованы как сельди в бочке; 5-7 дней на корабле из Владивостока или Находки в Магадан. Через год у супругов родился старший брат, которого отправили к бабушке в Оршу. Вторая беременность – мать везут рожать за 40-50 км до больницы в кузове грузовика по плохой дороге – ребенок родился мёртвым. Прошло некоторая время, пока 46-летняя

женщина решилась на ещё одного ребёнка, и Ефим Шифрин родился в 1956 году.

Дочь Сергея Королёва

Другая важная участница фильма – Наталия, дочь руководителя всей космической программы в СССР Сергея Королёва. Я уже упоминал его выше. Королёв едва выжил, пока не был «освобождён» для работы в «шарашке» – тюремном конструкторском бюро, ярко описанным Солженицыным в эпопее «В Круге первом». Несмотря на всё, говорит дочь, Королёв остался патриотом своей страны и учил дочь такому же патриотизму. Это неудивительно, если 5 апреля 1953 года, назавтра после объявления о прекращении «дела врачей», когда и конструктор, и все мы ещё понятия не имели, во что всё выльется, он пишет дочери письмо к её 18-летию: «Я желаю тебе быть достойным гражданином нашей великой родины». Ну кто же такой формальный текст пишет дочери? Ясно, что отец страшно боялся. Но что же дочь сегодня принимает эти слова всерьёз и гордится ими? «Эти слова я повторила моим внукам, когда им исполнилось 18».

Цена колымского золота

С 1941 по 1945 гг. на Колыме было добыто 400 тонн золота, несколько больше половины всей добычи в стране. В.Г. Зеляк в статье «Золото для победы» описывает, с какой жестокостью Сталин и Берия требовали выполнения всё больших планов по добыче. Фильм Дудя не опровергает легенду, что золото было нужно для оплаты поставок по ленд-лизу. Возможно, и Сталин и Берия думали так же, потому что они устроили поездку вице-президента США Генри Уоллеса на Колыму 24-26 мая 1944 г.

«На всех посещаемых объектах заключённые были заменены вольнонаёмными. Всё увиденное произвело на Г. Уоллеса положительное впечатление. Таким образом, задача, поставленная И.В. Сталиным и Л.П. Берией перед Дальстроем, – продемонстрировать американской стороне наличие значительных запасов золота для оплаты поставок по ленд-лизу... – была достойно решена» (В.Г. Зеляк).

Не знаю, зачем Уоллесу нужна была эта поездка, – возможно, ему было просто любопытно проехать до тех мест. Золото (в том числе, и краденое испанское) ему могли показать в подвалах московских банков.

Село Ягодное, 600 км от Магадана. Мы знакомимся с Иваном Поникаровым (от 1:19:05), человеком под шестьдесят, который

держит небольшой музей памяти ГУЛАГа прямо в своей квартире. Он сначала говорит все правильные слова, он, дескать, против рабского труда, и вдруг бросает: «Если бы не это, мы бы давно были под американцами, да, может, и будем». Колыма, – говорит он, – играла огромную роль в победе, как и добытые здесь 400 тонн золота, «большая часть которого ушла на оплату ленд-лиза» американцам. Идёт текст, который объясняет зрителю, что такое ленд-лиз и насколько он был важен в течение войны. И – большой промах создателя фильма – он не говорит (не знает?), что ленд-лиз тогда и НИКОГДА не был оплачен! Во время войны американцам и в голову не приходило требовать платы, хотя совокупная помощь США соответствовала 50 000 тонн золота – количеству, которое почти вдвое превышает все запасы золота в мире!

Об оплате читаем в статье о ленд-лизе в Википедии:

«Соглашение с СССР о порядке погашения долгов по ленд-лизу было заключено лишь в 1972 году... ...Из общего объёма американских поставок по ленд-лизу в 10,8 млрд \$ за уцелевшую технику, по мнению США, необходимо было выплатить 1,3 млрд долларов, или около 12 %. В итоге же СССР, а затем РФ» оплатили сумму, которая в ценах на 2015 составила реальную оплату в 0,4 % от всей помощи!

Вот так! Золото Колымы или других приисков НИКОГДА не предназначалось для оплаты долгов. Может быть, покупали продовольствие для голодного населения? И этого не было.

Юрий Дудь заканчивает путешествие и фильм в Якутске. Он рассказывает, почему в Якутске до сих пор нет моста через Лену (2:14:25): «Потому, что все внимание, энергия и деньги уходят на другой мост...» Пауза и следующий кадр (2:14:28): «Тот, что в Крыму». Дудь спрашивает Шифрина, сохранился ли страх? «Твое поколение от него совершенно свободно», – отвечает актёр.

«Почему мы это сделали? Почему мы копаемся в прошлом?» «Мы проехали трассу Колыма не потому, что это наше прошлое. Мы это сделали потому, что это наше настоящее». Эта концовка делает Юрия Дудя художником-философом. Как много теперь от него можно ожидать!

Часть 5. История и География

В.А. Тропинин. Автопортрет с кистями и палитрой на фоне окна с видом на Кремль.
1844

Александр Булгаков

Челябинск, Россия

Рубка леса. По следам Русско-Кавказской войны

«Рубка леса» в контексте Кавказской войны XIX века – понятие, большинству россиян совершенно неизвестное. Да и могло ли случиться иначе? Научно-исторические работы широкая публика, как правило, не читает, а из более популярного чтения можно отметить разве что произведения Л.Н.Толстого – рассказ «Рубка леса»^[1] и, в некоторой мере, повесть «Хаджи-Мурат»^[2]. К сожалению, из текста этих замечательных произведений Льва Николаевича современному читателю невозможно понять, чем, по сути своей, являлась тогда «рубка леса». В результате, после чтения рассказа, а в повести об этом ещё меньше сказано, очень даже может возникнуть впечатление, что основная цель «рубки леса» – заготовка дров, которая зачастую омрачалась перестрелками с горцами.

То, что после прочтения этих произведений у современного читателя могут возникнуть столь далёкие от действительности выводы, Льва Николаевича, наверняка, изрядно удивило бы. Хотя, этого недопонимания можно было бы избежать, включи он в текст рассказа, информацию по данному поводу, что содержалась в единственной сохранившейся рукописи. В ней, говоря о трёх родах войны на Кавказе: набеги, осады укреплённых аулов и постройка крепостей, Л.Н.Толстой отмечал, что постройка крепостей – есть «*сущность наших действий на Кавказе*» и называл «рубку леса» (наряду с рекогносцировкой) необходимым подготовительным мероприятием, которое в противоположность рекогносцировке –

«продолжительнейшее, труднейшее и полезнейшее занятие здешних войск»[3].

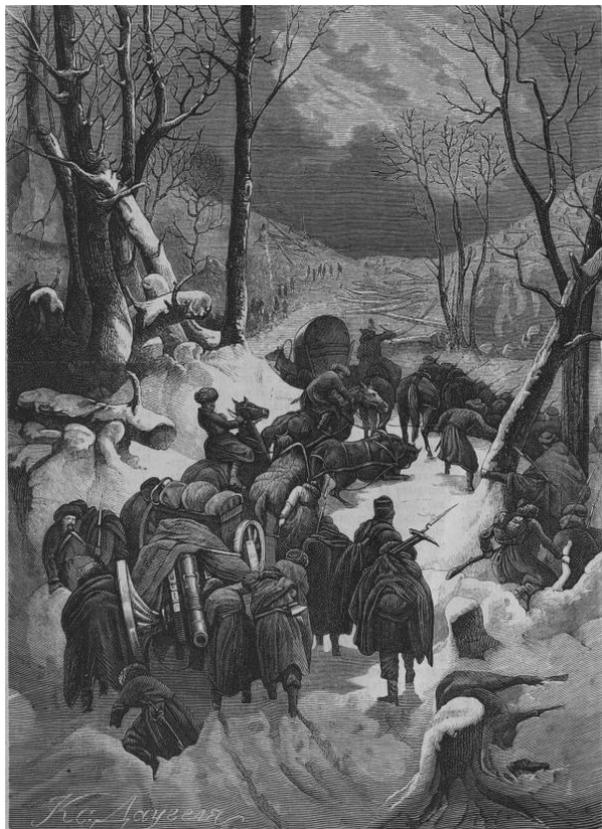
Это *«полезнейшее занятие»* появилось в арсенале русской армии не от хорошей жизни, а потому, что *«главным противником русской армии на Северном Кавказе и Закавказье была природа этого края»*[4]. Такой взгляд на ситуацию неоспоримо доказывается многократным преобладанием потерь от болезней и непривычного климата над собственно боевыми потерями, да и сами боевые потери были главным образом обусловлены крайне неблагоприятной обстановкой. Обстановка же складывалась не в пользу русской армии из-за того, что под «полем битвы» в те времена подразумевалось именно «поле» и любая европейская армия, и русская здесь не исключение, предназначалась для действий на оперативном просторе европейской равнины и только там.

На Кавказе едва ли не главным неблагоприятным фактором, серьёзно ограничивающим ведение боевых операций русской армии, стали леса. Сейчас, когда *«ситуация с растительным покровом в Чечне находится на грани экологической катастрофы»*[5], в это трудно поверить. Тем не менее, о лесах Чёрных Гор современник тех событий отзывался не иначе, как о *«трущобах, где человек проходил только звериным ловцом или губителем своих ближних»* и отмечал, что *«прохождение через кавказский лес есть подвиг, о котором не бывавшим в этом крае трудно составить себе понятие»*[6].

В этих условиях пушки становились малополезными, а сам бой разбивался на множество индивидуальных стычек, к чему русский солдат не был подготовлен ни технически, ни психологически. Всё это приводило к огромным потерям. Вспомнить хотя бы знаменитое сражение в июле 1840 года на речке Валерик (Валарг-Хи) – топоним, который стал известен благодаря одноимённому стихотворению М.Ю. Лермонтова[7]. Немало людей потерял здесь отряд генерала А.В. Галафеева под обстрелом в прибрежных зарослях, *«куда по излишней горячности влезли атакующие полки»*,[8] и в ожесточённой рукопашной схватке, которая последовала за этим. И хотя в реляции итог сражения был представлен как безусловная виктория, тем не менее, по язвительному отзыву одного из современников, походы Аполлона Васильевича *«доставили Русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли»*[9].

Подобный исход, когда отдельные победные действия никоим образом не служат улучшению ситуации в целом, в немалой степени объясняется умелым использованием обороняющимися такого

специфического ресурса, как лес, особенно в западной части Закавказского края.

Поход русских в Веден, в Чечне, под командованием генерала Евдокимова, 7 февраля 1859. Картина Горшельта (рисовал на дереве А.Ганишь, гравировал А.Дугель). Всемирная иллюстрация. 1869, Т. 1, № 1 (1 янв.) – 26 (21 июня) № 8 (19 фев.) – с. 113-128.

В восточной части (в горах Дагестана) лес уже в те времена представлял редкость и ревниво берегался жителями. Именно поэтому уничтожение селений представляло здесь весьма действенную меру «умиротворения» горцев. Несмотря на то, что дома были каменные, возвести их без столярных изделий, таких как: потолочные балки, настил для потолка и доски для дверей, – было практически невозможно. Проходило не менее года, а то и несколько лет, пока разорённый мог собраться со средствами отстроить новый

дом. Совсем не так чувствительно разрушение жилищ переживали жители Чечни. *«Если чеченец успевал, при приближении русской колонны, угнать скот и вывезти своё имущество в ближайший лес, он не горевал об истреблении своей сакли. Проводив отступающую колонну выстрелами и бранью, чеченец на этом же месте или на первой прогалине в соседнем лесу начинал строить своё незатейливое жилище, из лесных материалов, имевшихся у него под рукою и в изобилии.»*^[10]. В этих условиях через две-три недели возводилась новая постройка.

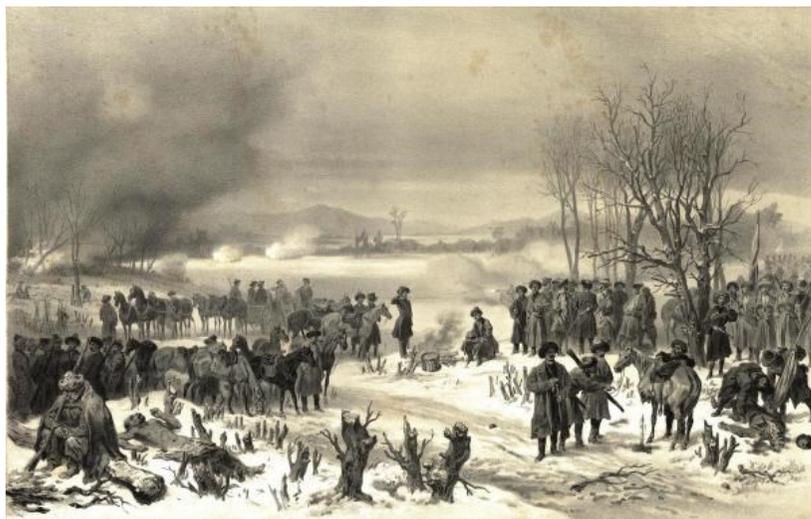
Кроме разрушения собственно жилищ, практиковалось формирование летучих отрядов, в задачу которых входило совершение набегов для уничтожения посевов, запасов сена и для угона скота. Если для скота существовала принципиальная возможность сохранения путём отгона его в лес, то посевы были лишены такой возможности. Для снижения эффективности такого рода практики, горцы перешли на культивирование кукурузы, посадки которой стали размещать на участках расчищенных в глубине всё тех же лесов. Она давала более высокие урожаи по сравнению с пшеницей или просом, что позволило обеспечить людей пищей, а скот фуражом. Всё это приводило к тому, что *«делая неприятелю временной вред, войска <...> сами несли чувствительную потерю в людях, а след этих набегов заплывал, как след корабля на море, и вражда чеченцев [к русским войскам] более и более разжигалась»*^[11].

Конечно, подобное положение дел командование русскими войсками совершенно не устраивало, и будь такая возможность, оно проблему ичкерийских лесов решило бы самым радикальным образом раз и навсегда. Однако масштабное применение соответствующих задач технических средств (напалм, дефолианты, тяжёлая бомбардировочная и транспортная авиация) стало возможным только во второй половине XX века, впервые реализовавшись во Вьетнаме. Так что пришлось командованию применять единственное доступное в то время средство, но которое имелось в предостаточном количестве – русского солдата, вооружённого американским топором^[12].

Надо сказать, рубку леса начали уже первоначальные покорители Кавказа – генералы А.П. Ермолов и А.А. Вельяминов. При них, однако, это мероприятие применяли только в случае особо ожесточённого сопротивления неприятеля. Притом, просека рубилась на ширину удвоенной дальности ружейного выстрела – 400-600 метров, а *«рубки такого рода были непродолжительны и производились, по мере движения <...> войск, летом и зимою»*^[13].

После назначения в 1844 г. на должность главнокомандующего войсками на Кавказе и кавказским наместником графа М.С. Воронцова – эти действия приобрели систематический характер и дальнейшее развитие. Прежде всего, просеки стали прорубаться не для поддержки конкретной войсковой операции, а на стратегически важных направлениях, с последующим объединением их в единую сеть, что позволяло обеспечивать быструю переброску войск в зависимости от требований быстро меняющейся оперативной обстановки.

В связи с тем, что в 1843 г. Шамиль организовал собственную подвижную артиллерию из отбитых у русских войск полевых орудий, возникла необходимость увеличения ширины просек до двух-трёх вёрст. Так как предназначение просек как транспортной артерии только возрастало, то это диктовало рубить деревья не абы как, а до основания, лучше – доходить до корня. Наиболее же важные просеки требовалось регулярно прочищать, поскольку за пять-шесть лет они совершенно зарастали кустарником.

Князь Г.Г. Гагарин. Чечня. Вырубка лесов Шали
[//aldusku.livejournal.com/27434.html](http://aldusku.livejournal.com/27434.html)

Непрекращающееся противодействие со стороны местного населения, а «чеченцы были самыми стойкими и искусными защитниками своих лесов»^[14], привело к тому, что рубку леса стали производить в зимний период. Обосновывалось это тем, что: «1) что

неприятель по своей одежде, а в особенности лёгкой обуви, неимению подножного корма, и встречая недостаток в продовольствии, не может быть продолжительное время в сборе; 2) что лес, не будучи покрыт листом, более обнажён, следовательно, неприятель скорей может быть открыт, менее опасен нам нечаянными нападениями и более подвержен нашим выстрелам, и 3) что лес быстрее рубится и уничтожается нашими войсками, как необходимый на костры, в особенности в большие морозы»[\[15\]](#).

Противник тоже пытался как-то противостоять изменившейся тактике русских отрядов. Позиции в лесу занимались ещё до подхода к нему рубщиков, огонь по противнику открывался из-за деревьев, когда тот находился на открытых местах. Затем, по мере сокращения дистанции между противниками, когда на перезарядку ружей уже не доставало времени, следовала яростная атака с использованием белого оружия: кинжалы и шашки – против штыков. А далее – как Бог даст: или разобьётся ярость горцев о крепкий строй и дружный штыковой удар, или, в противном тогда случае, – горе «урусам»!

Но, как говорится: «Бог всегда на стороне больших батальонов». Уже к 1853 г. русские отряды, беспрепятственно передвигаясь по прорубленным просекам, вытеснили Шамиля с плодородной Чеченской равнины и прижали к горной части Дагестана, где держали его, ограниченного просеками, «словно в железной клетке»[\[16\]](#). В немалой степени благодаря этому Кавказская война, продлившаяся почти пятьдесят лет (1817-1864 гг.), наконец-то закончилась.

И хотя закончилась она более чем полтора века назад, но до сих пор продолжает оставаться инструментом в руках различных общественных, научных и сословно-этнических групп. На одном конце общественно-политического спектра этих групп – силы, придерживающиеся мнения, что предки современных кавказских народов представляли собой толпу вероломных дикарей и варваров, которых для их же блага необходимо было усмирять силой оружия. Противоположные им силы, бездумно идеализируя всё, что связано со старой Чечнёй, обвиняют русских во всевозможных зверствах и представляют вооружённые формирования Чечни, превосходящими русское войско буквально во всём, причём, потери противника исчисляют почти в полтора миллиона (!) человек. Как бы то ни было, но автор не желает позиционировать себя в этом споре, заявляя лишь, что ему не близка ни одна из этих крайних позиций.

В жизни намешано много всякого-разного, и потому невозможно судить о чём-либо с какой-то одной, тем более радикальной точки зрения...

Полный текст статьи можно прочесть в журнале ЧАЙКА.

-
- [1] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.3. Произведения 1852-1856, С.40-75.
- [2] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.35. Хаджи-Мурат, 1950, С.5-120.
- [3] Л.Н.Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М: Художественная литература, 1935, Т.3. Произведения 1852-1856, С.270.
- [4] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008, С.108.
- [5] Гайсумова Л.Д., Мукаева Л.А. Особенности развития лесного хозяйства горной части Чеченской Республики [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016, С. 30-34 – URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/172/9643/> (дата обращения 30.12.2018).
- [6] А.О. Рубка леса // Военный сборник, № 11 – 1860. – С. 101.
- [7] Лермонтов М.Ю., Собрание сочинений в 4 томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Издание второе, исправленное и дополненное – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981 г., Т.1, Стихотворения 1828-1841 годов. С.451-457.
- [8] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008, С.112.
- [9] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, Вып. 2, 1884, С.370.
- [10] А.О. Рубка леса // Военный сборник, № 11 – 1860, С. 98.
- [11] Там же, С. 103.
- [12] Американский топор, который каждый солдат получал ещё на сборном пункте, отличался от обыкновенного русского тем, что топориче у него прямое и более длинное, а сам топор выполнен в виде железного клина без всяких закруглений. Размах у этого топора больше и сильнее, нежели у русского, и железо глубже уходит в дерево, да и сам он меньше ломается [там же, С.109].
- [13] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб., 2003, С.184.
- [14] Там же.
- [15] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до наших дней: в 4-х томах, Т. 3. История Чечни. XIX в. – Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2013, С.233.
- [16] Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М: Центрполиграф, 2001, С.215.

Полностью статью можно прочитать в журнале «Чайка»:
<https://www.chayka.org/node/9865>

Лев Бердников

Лос-Анджелес, США

Загадка автографа. Владимир Бурцев

Личность Владимира Львовича Бурцева (1862-1942), ревностного бойца с монархизмом, большевизмом и нацизмом, получившего за разоблачение провокаторов царской охранки прозвище «Шерлок Холмс русской революции», всегда привлекала мое внимание. Занимаясь в научной библиотеке Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, я неожиданно обнаружил его автограф. Он открылся мне на форзаце экземпляра книги В.Л. Бурцева «Протоколы Сионских мудрецов» – доказанный подлог» (Париж, 1938). Дарственная надпись гласила: «Дорогому Вас. Алексеичу Маклакову от его подзащитного (1913 г.). Вл. Бурцев. 24.2.1938 г. В этой книге я защищаю то, что Вы всегда защищали».

Какие же взгляды разделял и защищал Бурцев? «Борьба с антисемитами – наше общее дело!» – не устал повторять Владимир Львович и на протяжении всей своей долгой жизни неукоснительно сему завету следовал. Особенно важной и актуальной была его борьба после Октябрьского переворота, когда многие русские белоэмигранты, отмечая активное участие в революции этнических евреев-большевиков, возлагали их вину на весь народ Израиля (к слову, и сегодня евреев призывают публично покаяться за злодеяния Свердлова, Зиновьева, Юровского и им подобных).

Вспышка неистового антисемитизма привела Россию в Гражданскую войну к кровавым еврейским погромам. И Бурцев в конце 1919 -1920 гг. едет в Крым и на Кавказ, добывается аудиенции у генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и просит, убеждает,

настаивает, чтобы те приняли неотложные меры против сего варварства.

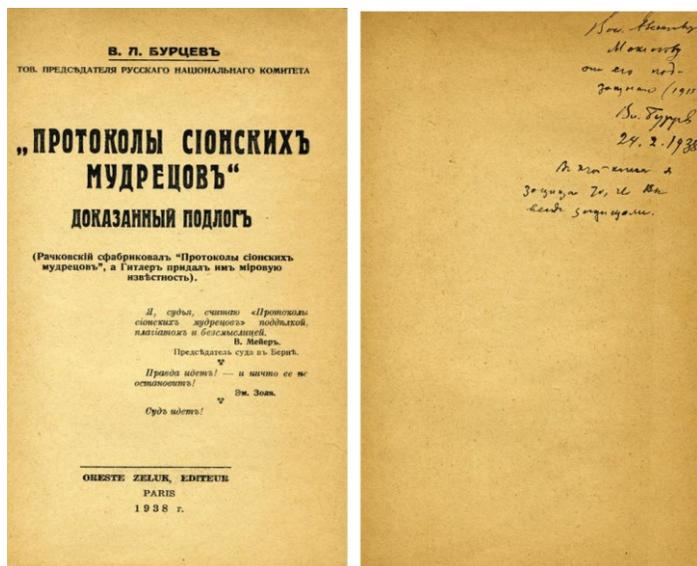

Владимир Бурцев

Он настойчиво повторяет, что ненавистные всем коммунистические вожди «были отщепенцами еврейской нации» и что «на самом деле они не были связаны ни с еврейской историей, ни с еврейской религией, ни с еврейской массой, а были исключительно интернационалистами, исповедовавшими те идеи, какие разделяли социалисты других национальностей, и сами они были ярыми врагами национального еврейства вообще». Это, говорил он, «проходимцы, порвавшие связь с еврейством», и они не имеют к нему решительно никакого отношения. Еврейская же масса в России «не причастна к большевизму и неответственна за него, как непричастны и неответственны и те евреи, кому приходится жить и работать при большевиках, у большевиков, не будучи большевиками, как приходится работать и многим русским, убежденным антибольшевикам».

Между тем, к еврейскому вопросу Бурцев проявлял живой и сочувственный интерес. Говорил, что он «находился у истоков большинства национальных еврейских течений, как Бунд, сионизм и т.д. ». Дружеские узы связывали Владимира Львовича с еврейскими деятелями самых различных политических взглядов – Д.С.

Пасмаником, Г.О. Слизбергом и многими другими, в коих его всегда привлекали «искренность, честность и компетентность». Присутствовал он и на I-м Сионистском конгрессе в Базеле в 1897 году, проходившем под председательством Теодора Герцля, который произвел на Бурцева впечатление личности яркой и харизматической и чью идею о создании национального очага в Палестине он горячо поддерживал.

Бурцев последовательно выступал против антисемитизма на страницах издаваемой им газеты «Общее дело» (Париж, 1918-1922, 1928-1933). При этом он подчеркивал, что заскоруждая юдофобия, охватившая значительную часть белой эмиграции, лишь компрометирует то «общее дело», под знаменами которого должны были бы объединиться все истинные патриоты России, – а именно, борьбу с коммунистическим режимом. Особенную силу его обличительный пафос обретает в 1930-е гг. В качестве свидетеля он участвует на Бернском процессе 1933-1935 гг., на коем была доказана подложность состряпанных в недрах царской охранки пресловутых «Протоколов сионских мудрецов». Современные исследователи называют их «главной ложью в истории» и «ордером на геноцид». Вместе с Бурцевым на сем процессе свидетелями обвинения были П.Н. Милюков, Б.И. Николаевский, С.Г. Сватиков и др.

Итогом этой его деятельности стала изданная в Париже в 1938 году книга «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог» с боевым подзаголовком: «Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придал им мировую известность». На основании многочисленных документов и устных свидетельств он убедительно раскрыл здесь не только явный плагиат и подложность «Протоколов», но и их провокационный, человеконенавистнический характер. (Эту тиражированную антисемитскую фальшивку, переведенную с легкой руки нацистов на многие языки, и сегодня распространяют по свету в миллионах копий, продолжая работу по оболваниванию и разращению темного люда). «Пропагандисты «Протоколов», – говорил Бурцев, – люди, делающие заведомо нечестное, гнусное и кровавое дело. Про них нельзя сказать: «Не ведают, что творят!». Нет! Нет! Они хорошо знают, что творят». И собственную литературную работу Владимир Львович рассматривал как «отправной пункт борьбы со зловредным суеверием, опасным психозом масс и народов, зараженным маниакальным и до крайности злобным антисемитизмом».

Но вернемся к автографу Владимира Львовича. Надлежит выяснить, кто же этот «Вас. Алексеевич Маклаков», которому был подарен экземпляр книги. Что имел в виду Бурцев, когда писал о том, что они вместе защищали одно и то же, и почему указывает дату: 1913 год?

Оказывается, речь идет о бывшем члене ЦК кадетской партии, лучшем ораторе II, III, IV Государственных дум, бывшего послом Временного правительства во Франции, активном участнике белого движения Василии Алексеевиче Маклакове (1869-1957). Он еще в начале XX века стал, по определению А.И. Солженицына, «сильнейшим адвокатом» России.

Сподвижник знаменитого Ф.Н. Плевако, Маклаков стяжал себе общероссийскую славу, проведя с блеском немало вероисповедных, «общественных» и политических судебных процессов. Профессионализм, компетентность, а также прекрасные человеческие качества – «благородное и доброе сердце» – его подзащитные ставили очень высоко. Но особенно ярко и впечатляюще адвокатское искусство Маклакова проявилось в самом громком процессе начала XX столетия – в деле Менахема Менделя Бейлиса, облыжно обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского.

Правая пресса раздула в связи с этим делом дикую антисемитскую истерию, пытаясь склонить власти к безжалостной расправе над всеми евреями, как извергами рода человеческого. Вот, к примеру, как

злобно кликушествовала перед этим процессом черносотенная газетенка «Русское знамя» (1913, № 177): «Правительство обязано признать евреев народом, столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь, подлежащая истреблению за свое хищничество по отношению к людям и уничтожение которых поощряется законом. Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они постоянно вымирали: вот в чем состоит ныне обязанность правительства и лучших людей страны».

Несмотря на угрозы охотнорядцев, Василий Алексеевич в 1913 году выступил защитником Бейлиса и сыграл важную роль в его оправдании. В ситуации, когда антисемиты уже предвкушали самый суровый приговор для еврея, Маклаков в своей защитительной речи, обращаясь к присяжным, говорил просто, убедительно и показал всю подоплеку выдвинутых против Бейлиса абсурдных обвинений. «Нам говорят, что на этот процесс глядит весь мир, а мне хотелось бы забыть про это, и говорить только с вами, господа присяжные заседатели, – голос его зазвучал вдруг твердо, спокойно и проникновенно. – Бейлис – смертный человек, пусть он будет несправедливо осужден, пройдет время, и это забудется. Мало ли невинных людей было осуждено. Жизнь человеческая коротка – они умерли и про них забыли, умрет Бейлис, умрет его семья, все забудется, все простится, но этот приговор... этот приговор, не забудется, не изгладится, и в России будут вечно помнить и знать, что русский суд присяжных, из-за ненависти к еврейскому народу, отвернулся от правды». Последние слова защитника были произнесены в напряженной тишине зала: «Вас всячески стараются восстановить против евреев, вам говорят, что евреи ваши враги, что они смеются над вами, что они не считают вас за людей. Вас приглашают к тому же самому отношению к ним. Не поддавайтесь этому приглашению; если вы осудите Бейлиса, но не по уликам против него, а за что-то другое, если он будет жертвой искупления за других, то если бы даже и нашлись люди, которые первое время в своем озлоблении порадовались бы подобному приговору, то потом, когда время пройдет, они и сами об этом пожалеют, а он все-таки навеки останется печальной страницей в истории русского правосудия. Помните это, когда будете решать судьбу Бейлиса». И суд присяжных вынес решение – невиновен!

Когда М. Бейлиса оправдали, Василия Маклакова поздравляла с этой победой вся демократическая Россия. Видный политический деятель, член Государственного совета М.А. Стахович прислал ему

Василий Маклаков

телеграмму: «Обнимаю. Чудная, главное, умная речь, убийственная прокуратуре, срамникам, руководившим обвинением». Поступили поздравления от И.И. Петрункевича, Д.Н. Шипова, других лидеров российского либерализма. Маклакову выражали сочувствие и простые люди: рабочие, крестьяне. А в послании духовного правления Главной хоральной синагоги в Ростове-на-Дону говорилось: «Дело Бейлиса, которое Вы так геройски защитили, это дело всего мыслящего человечества. Вы были наиболее ярким выразителем лучшего и благороднейшего, что вылилось так сильно, так стихийно, так величественно-прекрасно в Вашей талантливой защите».

Не вызывает сомнения, что указывая дату – «1913 год» – и говоря о «защите» Маклакова, Бурцев имеет в виду роль этого адвоката в оправдании Бейлиса. Надо сказать, что и сам Владимир Львович в 1913 году писал в защиту Бейлиса статьи в газете «Будущее», которую издавал тогда в Париже, и готовился дать бой популяризаторам «Протоколов сионских мудрецов», поскольку ждал, что именно на этот опус будут ссылаться антисемиты в этом процессе. Вот что он пишет: «Обвинители, антисемиты, надеялись на этом процессе нанести убийственный удар по еврейству. Более года они готовились к нему. Но обвинение было дутое, и на гласном разбирательстве перед присяжными оно окончательно провалилось. Бейлис по суду был оправдан. Когда этот процесс подготовлялся, мне казалось, что представители русской власти на нем будут ссылаться на

"Протоколы» и, следовательно, будут доказывать их подлинность. Это я тем более допускал, что в правительственных сферах было решено поддерживать на суде легенду о ритуальных убийствах». Однако опасения Бурцева оказались напрасными: антисемиты не решились выступить на процессе в защиту «Протоколов». Вольно или невольно, они тем самым признали их несостоятельность.

Остается ответить на вопрос: почему Бурцев в 1913 году называет себя «подзащитным» Маклакова? Это тем более требует разъяснения, поскольку ни в каких тяжбах Владимир Львович в это время участия не принимал и вообще находился за границей. По-видимому, смысл сего высказывания следует понимать метафорически. Все дело в том, что Бурцев, человек с растревоженной совестью, так глубоко и пронзительно прочувствовал боль униженного и оклеветанного еврея Бейлиса, что чуть ли не отождествил с себя с ним. А потому не только за Бейлиса стоял Маклаков на том судилище – он отстаивал высокие нравственные идеалы русской интеллигенции, его, Бурцева, идеалы. Показательно, что и в самой книге Бурцева о борьбе с юдофобами можно прочесть такие слова: «Нам не приходится сражаться с лояльным врагом, ни даже просто с человеческим. Мы должны поражать олицетворенную бессовестность, лживость, являющуюся признаком общего умопомешательства, буйного, автоматического, бездушного. Это значит, что придется быть не только беспощадным, но и неутомимым, до полного истребления этой гидры, у которой на месте срубленной головы вырастает семь новых».

И еще – Бурцев говорит о Маклакове, что тот «всегда защищал» евреев. И это верно. В 1919 году Василий Алексеевич как русский посол приезжает на Кавказ в ставку генерала А.И. Деникина и убеждает его выступить с заявлением о равноправии евреев в грядущей России. А в 1920-е годы он ведет полемику с известным антисемитом В.В. Шульгиным, автором нашумевшей книги «Что нам в них не нравится...» (Париж, 1930), о причинах и характере Октябрьской революции 1917 года. Шульгин утверждал, что русскую революцию совершили евреи, озлобленные на власть и «крепко объединенные сознательным и бессознательным стремлением к господству». А вот что ответил ему В.А. Маклаков в письме от 5 марта 1925 года: «В Вашей схеме Вы выводите евреев, как представителей озлобленности; тут Вы, конечно, правы; но этот вопрос не национальный, а неизбежное последствие нашей глупой политики... Поэтому нет ничего удивительного в том, что количество недовольных и озлобленных в еврействе было больше, чем где-либо, и при этом среди них было больше интеллигентов. За это тоже спасибо

черте оседлости. Я хорошо знаю, что евреи не очень ассимилируются с другими народностями, но, однако, я наблюдаю евреев во Франции, и ничего подобного с психологией русского еврейства здесь нет. И еще меньше его в Англии. Таким образом, наблюдая развитие русской революции, я мог бы сказать Вам то, что сказал Лаплас Наполеону о Боге: «для объяснения того, что происходит в мире, я не нуждался в этой гипотезе». Точно так же, для того, чтобы понять, как развивалась революция в России, мне вовсе не нужно было говорить о еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась».

Сегодня, говоря о духовном наследии В.Л. Бурцева, В.А. Маклакова и других борцов с антисемитизмом в России, нельзя не обратить внимание на то, что их деятельность вызывает у нынешних национал-патриотов негодование и злобу. Как только их не чихвостят, называя то «русофобами», то «шабес-гоями», то «агентами мирового сионизма»! Но вот что примечательно: в годы войны выступавший против нацистов Бурцев сделался объектом травли со стороны фашистских властей, и когда те захватили Париж, его неоднократно вызывали в гестапо. Отпустили только из-за преклонного возраста, и этот оставшийся без средств к существованию «русофоб», как вспоминала дочь А.И. Куприна, «спорил с пеной у рта и доказывал, что Россия победит, не может не победить». А В.А. Маклакову повезло меньше: за свои откровенно антифашистские взгляды он в апреле 1941 года был арестован гестапо и пять месяцев провел в тюрьме. А в феврале 1945 года он в составе делегации русских эмигрантов посетил советское посольство в Париже и заявил: «Я испытываю чувства глубокого волнения и радости, что дожил до дня, когда я, бывший русский посол, могу здесь, в здании русского посольства, приветствовать представителя Родины и принять участие в ее борьбе с врагами-захватчиками».

А что же восхваляемые национал-патриотами «истинные радетели Отчества», те, что видели в жидо-масонском заговоре главную угрозу? Как боролись с «врагами-захватчиками» они? А вот как: бывший член Государственной думы, призывавший к «окончательному решению еврейского вопроса», Н.Е. Марков-Второй закончил свою «патриотическую» карьеру консультантом гестапо. Г.В. Бостунич, автор книжонки «Масонство и русская революция» и пропагандист «Протоколов сионских мудрецов», дослужился до чина штандертенфюрера СС, а заодно получил и звание почетного профессора СС как непревзойденный эксперт по козням мирового

еврейства. А отличавшийся патологическим антисемитизмом генерал П.Н. Краснов приветствовал нападение Гитлера на СССР и активно сотрудничал с нацистами, сражаясь на стороне врагов своего Отечества (он, между прочим, корил другого предавшегося немцам русского генерала А.А. Власова за недостаточно последовательную антиеврейскую пропаганду). Подобные примеры можно умножить. Думается, однако, что ни к патриотизму (в подлинном смысле этого слова), ни тем более уж к славе России они не имеют ни малейшего отношения.

Наши же герои, борясь со злом, стремились сделать Родину лучше и человечнее. А идеи справедливости и добра, как известно, всегда требуют защиты. Нуждаются в ней и Владимир Бурцев, и Василий Маклаков. А потому сегодня они – наши подзащитные, и мы должны защитить их от лжи и клеветы, невежества и обскурантизма, национальных фобий и предрассудков.

Лев Гуревич
Германия

Казус Лиона Фейхтвангера

Поздним ноябрьским вечером 1937 года в кабинете заведующего издательским сектором ЦК ВКП(б) Василия Сергеевича Молодцова раздался звонок «кремлёвской вертушки» – телефона связи с высшим руководством страны. Личный помощник Сталина Александр Николаевич Поскребышев бесцветным голосом произнёс,

– Два дня назад в Амстердаме издательством «Керидо» опубликована и поступила в продажу книга писателя Фейхтвангера «Москва 1937». Товарищ Сталин поставил задачу обеспечить за одни сутки организацию печати тиража этой книги на русском языке.

Книга «Москва 1937» Лиона Фейхтвангера в скромной серой обложке практически моментально была напечатана и разослана по всей стране. В выходных данных книги значилось: «Тираж 200 000. Сдано в производство 23 ноября 1937 г. Подписано к печати 24 ноября 1937 г.».

Лион Фейхтвангер (1884–1958)

В начале 30-х годов, после того как в стране воцарился режим абсолютной власти, перед Сталиным и его ближайшим окружением встала задача создания положительного образа Советского Союза за границей. Участие в международных выставках (достаточно вспомнить триумфальный успех в Париже советского павильона, украшенного скульптурой «Рабочий и Колхозница» Веры Мухиной), показ по всему миру фильма Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин», беспосадочный перелёт через Северный полюс в Америку наших лётчиков, победы молодых музыкантов Давида Ойстрха, Эмиля

Гилельса, Якова Флиера на престижных международных конкурсах – всё было брошено на укрепление имиджа СССР в мире.

Немалая роль в решении этой задачи отводилась западным писателям.

Английский писатель Герберт Уэллс побывал в советской России дважды. Первый его визит состоялся вскоре после Октябрьской революции – свои впечатления от поездки он отразил в известной книге «Россия во мгле». Тогда, в 1920 году, по словам гостя, страна находилась в состоянии «величайшего и непоправимого краха». Уэллс встречался с Лениным, который рассказал о том, каким ему видится будущее первого в мире социалистического государства. Англичанин, который написал немало фантастических произведений, тем не менее, счел это утопией, а самого Ильича назвал «кремлевским мечтателем». Однако приехав в Советский Союз спустя четырнадцать лет, в июле 1934 года, Уэллс увидел «поразительный контраст» с прошлым. Его впечатления о встрече со Сталиным было исключительно позитивным: «Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России».

Французский писатель Анри Барбюс установил своеобразный рекорд – ему было позволено встретиться с хозяином Кремля трижды – в октябре 1932-го, затем в августе и ноябре 1934 года. Но, то был особый случай – Барбюс писал книгу о Сталине. В начале 1935 года в Париже на французском языке вышла биография вождя под названием «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир». Книга, практически мгновенно изданная в СССР, была наполнена одами в адрес Сталина. Прочитируем лишь один фрагмент: «Вот он – величайший и значительнейший из наших современников. Он ведет за собою 170 миллионов человек на 21 миллионе квадратных километров. Он соприкасается в работе с множеством людей. И все эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, сплываются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед».

Французский писатель Ромен Роллан приезжал в СССР по приглашению Горького. Потом он вспоминал про «широкий поток дружбы» и Москву – «водопад жизни, здоровой, горячей, хорошо упорядоченной» Далее Роллан сделал удивительное наблюдение: «В этой толпе крепких, подвижных, сытых людей мы сами себе казались пришельцами из голодного края». Писатель также встречался со Сталиным и был очарован своим собеседником, хотя, вернувшись на родину, выразил свои сомнения и тревогу по поводу происходящего в

СССР. Впрочем, это не помешало Роллану в своих выступлениях защищать Советский Союз от нападков и высказывать своё уважение к Сталину.

Особо стоит отметить визит в Советский Союз по приглашению Сталина писателей Андре Жида и Лиона Фейхтвангера.

Жид приезжал в Москву в 1936 году, Фейхтвангер – на следующий год. Оба представляли собой меньшинства: один – французский гомосексуалист, другой – немецкий еврей. Оба придерживались левых взглядов. Оба хотели найти в Советском Союзе ответы на вопросы, которые беспокоили их у себя дома: растущее неравенство, ограничение интеллектуальной свободы в условиях капитализма и нацизма, частная собственность как препятствие для рациональной организации хозяйства, преследования этнических и сексуальных меньшинств. До поездки оба были настроены просоветски. По возвращении взгляды Жида поменялись радикально. Взгляды Фейхтвангера остались неизменными практически до его смерти в 1958 году.

Лион Фейхтвангер (1884–1958), родившийся в зажиточной, религиозной еврейской семье, получил гуманитарное образование в гимназии, затем в Мюнхенском и Берлинском университетах. Литературной деятельностью Фейхтвангер начал заниматься с 1901 года.

В 1914 году Фейхтвангер был призван на фронт, но вскоре его демобилизовали по состоянию здоровья.

В начале 1920-х годов вышли в свет исторические романы Фейхтвангера «Безобразная герцогиня» и «Еврей Зюсс».

Романы, составляющие трилогию «Зал ожидания» («Успех», 1930; «Семья Оппенгейм», 1933; «Изгнание», 1939) объединены антифашистской тематикой. В «Успехе» описаны первые шаги фашистов, «Семья Оппенгейм» повествует об их приходе к власти, «Изгнание» рассказывает о судьбе немецких эмигрантов.

После прихода к власти фашистов Фейхтвангер, как и многие другие деятели культуры и искусства, был лишен гражданства, его имущество было конфисковано, библиотека сожжена, а голову писателя оценили в 10 тысяч марок. Писатель бежал во Францию, где в Париже был создан Союз немецких писателей.

Визит Фейхтвангера в Москву проходил в обстановке коренного преобразования советского государства. В 1936 году была принята новая конституция страны. Более демократический характер этой конституции (в сравнении с конституцией 1924 г.) был вызван желанием привлечь к Советскому Союзу симпатии международной

общественности для совместного противостояния набравшему силу фашизму.

Составленная при личном участии Сталина «История ВКП(б). Краткий курс» – своеобразный катехизис постленинских большевиков – по существу переписала историю страны.

В тридцатые годы в Москву переселились миллионы крестьян. Этот процесс был вызван, во-первых, коллективизацией и голодом в деревне, во-вторых, массовым террором в городах, результатом которого были освобождающиеся рабочие места и жилое пространство. Во время визита Фейхтвангера реконструкция Москвы была в полном разгаре. Полным ходом шло проектирование Дворца Советов. Сносились и передвигались дома на улице Горького. Была закончена первая линия метро, заканчивалось строительство второй. Продолжалось строительство Сельскохозяйственной выставки. Эта выставка должна была показать расцвет «коллективизированного» сельского хозяйства и символически накормить страну, истощенную голодом 1930-х годов.

Читая «Москву 1937», поражаешься немислимому количеству благоглупостей, которыми эта книга пронизана, тому, что Фейхтвангер принял всю сталинскую символику за реальность. Порою возникает впечатление, что она была написана рукой главного редактора "Правды" и лично заверена Сталиным перед публикацией. Приведу только пару пассажей,

– «То, что акты вредительства были, не подлежит никакому сомнению. Многие, стоявшие раньше у власти – офицеры, промышленники, кулаки, – сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством. Если, например, в настоящее время проблема снабжения частных лиц кожей и особенно проблема снабжения обувью все еще недостаточно урегулирована, то, несомненно, виновниками этого являются те кулаки, которые в свое время вредили в области скотоводства. Химическая промышленность и транспорт также долгое время страдали от вредительских актов. Если еще до сих пор принимаются чрезвычайно строгие меры к охране фабрик и машин, то на это имеется много причин, и это вполне обосновано.»

... «Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности (на Западе) попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легче...».

Впрочем, в книге есть и критика. Однако легкая, словно извиняющаяся. Фейхтвангер отмечает бюрократизм в учреждениях,

толчею в трамваях, тяжелые жилищные условия людей, дефицит в магазинах, некоторую безвкукусность отдельных товаров.

Во время визита Фейхтвангера борьба со шпионами и вредителями, начатая с «Шахтинского дела» в 1928 году, подходила к своей кульминации. 23 января 1937 года начался процесс «антисоветского троцкистского центра», одним из обвиняемых был хорошо известный на Западе Карл Радек. Через семь дней после процесса большинство обвиняемых было расстреляно. Для многих западных интеллектуалов именно этот процесс оказался поворотным в их отношении к СССР, его инсценировка была слишком очевидной. Лион Фейхтвангер же лично посетил этот процесс и пришел к выводу, что обвиняемые действительно были шпионами: «Когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымыслено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда».

В шестой главе книги «Москва 1937», посвящённой взаимоотношениям Сталина и Троцкого, Фейхтвангер выступает как явный превозноситель и заступник Сталина. Писатель и не подозревал об истинных чертах характера Сталина, таких как жестокость, злобность, мстительность, грубость, скрытый антисемитизм. Поверхностные и наивные аргументы, выдвигаемые Фейхтвангером в пользу хозяина Кремля, непонимание истинного характера борьбы за власть, развернувшейся в конце 20-х годов, вызывает у знающего читателя чувство сожаления и разочарования.

Главный герой книги, конечно, Сталин. Фейхтвангер удостоился чести получить аудиенцию у Сталина. Их беседа, состоявшаяся 8 января 1937 года, продолжалась три с половиной часа. Об этой встрече на первой полосе сообщила «Правда», поместив большую фотографию хозяина и гостя Кремля.

При встрече гость обратил внимание хозяина Кремля на «преувеличенные и безвкукусные» проявления любви народа к вождю. Сталин согласился, посетовав, что и ему эти восхваления «доставляют неприятные переживания». Но он якобы бессилен остановить поток славословий: «Народ у нас еще отстаёт по части общей культурности, поэтому выражение восторга получается такое».

Впрочем, и сам Фейхтвангер оправдывал культ Сталина. Ведь он подлинный большевик, участник революции, дал народу еду, порядок, образование. Он – творец замечательной, справедливой конституции и символ процветания, мощи государства. Так почему его за это не благодарить?

Сталин действительно часто производил впечатление – не только на своих соотечественников, но и на иностранцев, причем на людей умных, проницательных. Как ему это удавалось? На этот вопрос отчасти ответил писатель Илья Эренбург: «Сталин умел очаровывать своих собеседников. К тому же у Сталина были хорошие артистические способности. На любой из перечисленных выше встреч Сталин знал о своих собеседниках гораздо больше, чем они знали о нем, и это давало ему преимущество».

Справа на фото заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль. Расстрелян в 1938 году.

Столкнувшись со звериным антисемитизмом в Германии, Фейхтвангер внимательно всматривался и оценивал положение евреев в Советском Союзе. Внешне всё выглядело благополучно: евреи активно участвовали в строительстве социализма, с энтузиазмом уезжали на Дальний Восток строить свою еврейскую автономную область, учились в ВУЗах, снимали фильмы, писали книги, правда, на русском языке.

Вместе с тем, как историк Фейхтвангер не мог не видеть, что Сталин и его окружение избавляются от руководителей советского государства еврейской национальности. В 1929 году из СССР был

выслан Троцкий, в 1936 году убиты Зиновьев и Каменев, в 1937 году осуждён Радек.

Автор романов «Еврей Зюсс» (1922 год), «Иудейская война» (1932 год), «Сыновья» (1935 год) хорошо понимал, сколь хрупким может быть благополучное положение евреев в империи, и его панегирик национальной политике в СССР можно рассматривать, как попытку убедить Сталина создавать и защищать человеческие условия жизни для еврейского населения,

– "В том, насколько здорова и действенна национальная политика Советского Союза, меня лучше всего убедил примененный Союзом метод разрешения трудного, казавшегося неразрешимым, еврейского вопроса. Царский министр Плеве, по его собственным словам, не мог придумать иного выхода, как только принудить одну треть евреев к обращению в христианство, другую треть – к эмиграции, а третью – к вымиранию. Советский Союз нашел другой выход. Он ассимилировал большую часть своего пятимиллионного еврейского населения и, предоставив другой части обширную автономную область и средства для ее заселения, создал себе миллионы трудолюбивых, способных граждан, фанатически преданных режиму».

Забегая вперед, отметим, что попытка польстить Сталину и тем самым умиловать тирана, потерпела крах, и, несмотря на знаменитый ответ вождя Еврейскому телеграфному агентству из Америки, что «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма», после окончания 2-й Мировой войны в СССР была развернута оголтелая юдофобская кампания.

Почитатели и недоброжелатели Фейхтвангера до сих пор спорят, чем объяснить появление книги с панегириками Сталину, пассажирами о всеобщем благоденствии и высоком уровне жизни граждан СССР и утверждениями, что шпионская деятельность Пятакова, Радека и других подсудимых на московских процессах – правда. Ведь Фейхтвангер не был наивным простаком. Да и его московская переводчица Дора Каравкина вспоминала, что он многое подмечал и о многом отзывался критически. Так в чем же дело?

Не следует забывать, что Фейхтвангер – выходец из еврейской среды – родился и вырос в Германии, и немецкий менталитет с его наивностью и прямолинейностью для него характерен. Немец, как правило, очень верен в дружбе. Он всегда будет пытаться оправдать и поддержать друга.

Фейхтвангер происходил из очень обеспеченной семьи, но, будучи принципиальным человеком, отказался от помощи родителей и почти

голодал. На этот раз принципы, да-да, те самые принципы, загнали его в шоры, из которых невозможно было выбраться. Один раз написав, что считает Советский Союз справедливым государством, а Сталина – великим человеком, Фейхтвангер изменить свою точку зрения не счёл возможным. Фейхтвангер наивно полагал, что Сталин – его друг, тогда как писателя просто использовали.

Есть некоторые свидетельства, что мотивы, по которым Фейхтвангер стал апологетом Сталина, носили материальный характер. Литературовед Марк Поляков рассказывал о своем дальнем родственнике Германе Чайковском, который в 1937 году служил в НКВД и был приставлен к Фейхтвангеру как переводчик. «Не спускай с него глаз, – была дана ему инструкция, – и записывай всех, с кем он встречается». Через три дня начальник вызвал Чайковского и сказал: «Все. Можешь за ним больше не следить. Еще две-три инкунабулы, и он наш».

Инкунабулами (от латинского слова, означающего «колыбель») называют книги, напечатанные после изобретения Гутенберга, но до конца XV века. Ценность их исключительно высока. Фейхтвангер же, как известно, был фанатичным библиофилом. Похоже, что подлинность подаренных ему в Москве инкунабул помогла ему поверить в подлинность сталинских процессов.

Что ж, оставим эту версию на совести некоторых публикаторов.

Книга «Москва 1937 год» и встреча со Сталиным сильно повредили репутации Фейхтвангера в Америке, куда он эмигрировал во время войны. Его постоянно допрашивали в ФБР, и ему до самой смерти так и не дали американского гражданства. Как ни странно, его судьба в России сложилась не лучше. Книга «Москва 1937 год» была вскоре изъята из библиотек, а в 1947 году в разгар кампании против «космополитов» журнал «Новый мир» назвал его «агентом англо-американского империализма». Любопытно, что и на Западе его были склонны упрекать в том же: он принес в жертву истину ради политических целей. В конце концов Фейхтвангер был отвергнут практически всеми: нацистами, сталинистами и антисталинистами.

Казалось бы, что на этом можно завершить рассказ о «московской Одиссее» немецкого писателя. Между тем, обратим внимание на вышедший в свет в 1945 году исторический роман «Настанет день» – третью часть трилогии Фейхтвангера "Иосиф Флавий». В книге рассказывается о римском императоре Домициане – младшем сыне покойного императора Веспасиана, усмирившего восставшую Иудею.

Автор, с присущим ему мастерством, описывает постепенное разложение личности Домициана. В начале книги можно сказать, что он просто излишне осторожен и для своего положения в меру подозрителен. Он не лишен недостатков и причуд, но многие из них объяснимы. К концу же книги его подозрительность перерастает в паранойю, которая многократно усиливает его склонность к жестокости и мстительности. Домициан превращается в тирана и разрушает все хорошее, что пытался создать, обрекает на смерть умных и талантливых людей, уничтожает всех, кого любит. Внимательный читатель без труда узнает в Домициане параноика и тирана Сталина, принесшего множество страданий и несчастий, в первую очередь, своему народу.

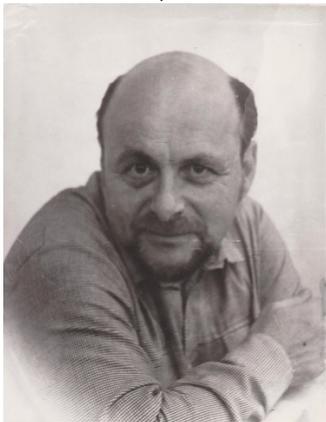
Столь разительные перемены по отношению к Сталину, произошедшие после поездки писателя в Москву, в первую очередь, были связаны с германо-советским договором о дружбе и границе между нацистской Германией и Советским Союзом, заключённым в 1939 году. Союз Сталина с извергом и людоедом Гитлером, раздел Польши, война с Финляндией, ослабление единого антифашистского фронта в мире, что, в конечном счёте, привело к развязыванию 2-ой Мировой войны, не могли не сказаться на отношении Фейхтвангера к своему бывшему кумиру.

Время неумолимо бежит вперёд. Некогда могущественная, раскинувшаяся на одной шестой части земного шара империя Сталина, несмотря на жалкие потуги её возродить, осталась в прошлом. Перефразируя высказывание одного из персонажей этого очерка – Сталина, скажем: «Диктаторы приходят и уходят, а писатели и их герои навсегда остаются с нами».

Полностью очерк можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9525>

Семен Белкин

Б. Вашингтон, США

Полярный детектив

Все полярные экспедиции были неудачны в смысле достижения цели. Но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям.

Адмирал С.О. Макаров

Эту полярную сагу можно начать с великой экспедиции XX века – плавания двух ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», в результате которого удалось пройти Северным морским путем с востока на запад, а «заодно» сделать последнее великое географическое открытие на нашей планете – обнаружить в бескрайней пустыне Северного Ледовитого океана огромный архипелаг Северная Земля, равного по площади таким государствам, как Дания или Нидерланды.

Среди участников экспедиции был лейтенант Георгий Львович Брусилов. Жизнерадостный и отважный, решительный и нетерпеливый, он считал, что экспедиция слишком медленно идет к намеченной цели, и после двух лет плавания на «Таймыре» и «Вайгаче» решил организовать собственную экспедицию, чтобы преодолеть самую северную морскую трассу.

К тому времени у Г. Л. Брусилова был уже изрядный опыт морской службы. После окончания морского корпуса он около семи лет находился почти без перерыва в плаваниях сначала на миноносцах на

Дальнем Востоке, а затем в упомянутой экспедиции на «Гаймыре» и «Вайгаче». Эти плавания закалили его характер, вооружили необходимыми знаниями и опытом как будущего руководителя экспедиции.

Г.Л. Брусилов

Г. Л. Брусилов представил морскому министру свой проект сквозного (т.е. за одну навигацию) плавания Северным морским путем и, как многие другие путешественники, получил решительный отказ. Тогда он обратился к своим богатым родственникам с просьбой финансировать экспедицию. Дело в том, что Г. Л. Брусилов происходил из очень знатного и славного рода. Его отец Лев Алексеевич Брусилов был известным военным моряком, начальником морского генерального штаба; брат отца – Алексей Алексеевич Брусилов, замечательный военачальник русской армии, прославился в годы Первой Мировой войны, осуществив знаменитый Брусиловский прорыв, который вошел во все учебники военной истории. Другой брат Борис Алексеевич был богатым помещиком. К нему, а точнее, к его весьма состоятельной супруге баронессе Анне

Пезо де ла Валет, и обратился будущий руководитель экспедиции, воздействуя не столько на их патриотические чувства, сколько на возможность выгодно поместить капитал: по пути к Тихому океану он организует зверобойный промысел, наполнит трюмы ценными мехами – и предприятие окупится сторицей.

Аргументы подействовали. Был заключен жесткий контракт, по которому три четверти будущих доходов получит дядя и его супруга, а четверть – Г. Л. Брусилов. Причем, руководитель экспедиции не имел права принимать какие-либо решения без согласования со спонсорами и производить торговые операции без их письменного согласия. Этот жесткий контракт связывал Г. Л. Брусилова по рукам и ногам. В частности, он планировал отправиться в экспедицию на двух кораблях, что было бы более безопасно, но спонсоры не согласились на дополнительные расходы, и это, возможно, стало одной из причин трагического исхода экспедиции.

В 1912 г. Г. Л. Брусилов отправился в Норвегию, где за двадцать тысяч рублей приобрел старую, но добротную зверобойную шхуну «Пандора», которая много лет работала на зверобойных промыслах, состояла на военной службе и участвовала в полярных экспедициях. Получившая новое имя «Святая Анна», шхуна очень понравилась бывалым морякам в Санкт-Петербурге. Журнал «Русское судоходство» (1912 г. №8) писал:

Шхуна производит весьма благоприятное впечатление в смысле основательности всех деталей корпуса. Материал прекрасного качества. Обшивка тройная, дубовая. Подводная часть обтянута листовая медью. При тщательном обследовании дерево оказалось в хорошем состоянии. На рангоуте видны следы времени, но все приведено уже в образцовый порядок. «Святая Анна» делает под парами 7-7,5 узлов, а под парусами при благоприятных условиях до 11 узлов (узел – миля в час – С.Б.).

Уже много лет спустя один из оставшихся в живых участник экспедиции А.Э. Конрад вспоминал:

Корабль был хорош. Мы неоднократно попадали в сильные сжатия, однако нашу «Аннушку», как яйцо, выпирало из ледяных валов. Нет, ее не могли раздавить.

Одним словом, старая зверобойная шхуна словно была создана для предстоящего плавания. В то же время Г. Л. Брусилов позаботился о коммерческой стороне предприятия: на шхуне была отличная гарпунная пушка, запас гарпунов, ружья, необходимые снасти, не было недостатка в приборах, продуктах, топливе и других видах снабжения.

В. И. Альбанов

Состав экспедиции был пестрым. Попадались и случайные люди, погнавшиеся за длинным рублем и не подготовленные к предстоящим трудностям ни морально, ни физически, но лицо экспедиции определяли не они, а благородные исследователи, мечтавшие прославить свое отечество, открыть для России новую судоходную трассу, приподнять завесу таинственной Арктики. Среди спутников Г. Л. Брусилова нельзя не назвать Валериана Ивановича Альбанова. В 17 лет он приехал в Петербург, поступил в мореходные классы, плавал на Балтике и на Енисее, затем на линии Архангельск – Англия. Когда Брусилов предложил ему должность своего помощника и штурмана, Альбанов, не задумываясь, бросил свою спокойную и обеспеченную жизнь и принял предложение. Этот человек сыграл в экспедиции особую роль.

Весьма колоритной была фигура Александра Эдуардовича Конрада. Уроженец Риги, он с детства мечтал о море и стал классным матросом. А.Э. Конрад владел английским и французским языками, прекрасно знал все тонкости морского дела, обладал огромной физической силой и был незаменим в рейсе, особенно когда над экспедицией нависла смертельная опасность.

И, конечно, нельзя не сказать о единственной женщине в этом плавании Ерминии Александровне Жданко, дочери генерала, героя Порт-Артура, племяннице начальника гидрографического

управления, дальней родственнице клана Брусиловых. Эта девушка была чрезвычайно отважной, чуткой, всегда готовой разделить чужую боль. Незадолго до рейса она перенесла тяжелую болезнь, и врачи порекомендовали ей совершить морское путешествие. Вот и решила она на «Святой Анне» обойти вокруг Скандинавии, высадиться в Архангельске и на поезде вернуться домой. Но когда уже в Мурмане (ныне город Полярный) выяснилось, что приглашенный для участия в рейсе врач не явился и предприятие было на грани срыва, Ерминия, закончившая медицинские курсы, предложила свои услуги, Брусилов был вынужден принять это предложение.

Шхуна «Святая Анна» перед выходом в свой последний рейс

Надо сказать, что в 1912 году сложилась на редкость сложная ледовая обстановка. Во всяком случае, в тот год ни одно норвежское промысловое судно не смогло выйти в Карское море. Но это выяснилось лишь потом. А пока на «Святой Анне» царил приподнятое настроение. Пополнив запасы, корабль смело

устремился в Арктические моря и, несмотря на трудную ледовую обстановку, вышел в Карское море.

В октябре на пути отважных мореплавателей встали непроходимые льды. Судно вмерзло в них, и его понесло на север. В начале вынужденного дрейфа атмосфера на шхуне продолжала оставаться радостной. Участники экспедиции сохраняли бодрость и оптимизм – перезимуем, льды разойдутся, мы пойдем на восток, настреляем моржей и белых медведей – и победителями выйдем в Тихий океан.

Жили дружно, устраивали веселые чаепития, над безжизненной ледяной пустыней звучали пианино и граммофон. На льду построили деревянную баню, часто устраивали соревнования по бегу на лыжах и коньках, на Рождество задумали поставить спектакль.

Но по мере дрейфа на север настроение стало ухудшаться. Запасы таяли катастрофически, все труднее было бороться с холодом, угнетающе действовала полярная ночь, начались болезни. Тяжело заболел и Георгий Львович.

В этот трудный период добрым ангелом для всех стала Е.А. Жданко. Матрос Конрад впоследствии писал:

Мы все любили и боготворили нашего врача. Это была сильная женщина, кумир всего экипажа. Она была настоящим другом, редкой доброты, ума и такта.

Ко всему возникли разногласия между Г. Л. Брусиловым и штурманом В.И. Альбановым. Начальник экспедиции считал, что нужно терпеливо ждать, пока корабль не вынесет на чистую воду, а штурман не желал быть игрушкой в руках стихии и попросил у Брусилова разрешение покинуть судно и пешком дойти до материка. Эту идею поддержали и некоторые другие члены экипажа.

Г. Л. Брусилов понимал, что если часть экипажа покинет судно, то оставшиеся запасы можно будет растянуть на более длительный период. К тому же он не считал себя вправе удерживать людей на судне, идущем навстречу смертельной опасности, и лишить их шанса на спасение. И, наконец, в случае успеха Альбанов и его группа могли бы сообщить о судьбе «Святой Анны», передать собранные научные материалы и сообщить, куда направить спасательную группу.

В апреле 1914 г. отряд из 14 человек выступил в сторону Земли Франца Иосифа. Путь был настолько трудным, что уже через сорок верст трое не выдержали и вернулись на шхуну. Остальные продолжили путь, но только двоим удалось дойти до твердой земли – Альбанову и Конраду, все остальные погибли.

Собственно говоря, и эта победа могла оказаться призрачной: не так уж много шансов было у двух моряков на безлюдном острове, они

могли надеяться только на чудесное спасение, но это чудо произошло: измученных путешественников подобрали участники знаменитой экспедиции Г.Я. Седова на шхуне «Святой Мученик Фока».

А «Святая Анна» пропала без вести, и судьба ее до сих пор неизвестна. Многие годы считалось, что шхуну раздавили льды, и все члены экипажа погибли. Но, по мнению ряда крупных специалистов, судно, в силу его конструктивных особенностей, льды раздавить никак не могли.

Высказывались также предположения, что «Святая Анна» могла попасть в так называемый круговой дрейф, и, стало быть, она до сих пор совершает околополюсные циркуляции. В пользу этой гипотезы свидетельствуют воспоминания известного полярного летчика В.И. Аккуратова, который в 1937 г. в районе Земли Франца Иосифа видел покинутое судно, очень напоминавшее «Святую Анну».

В последующие годы все чаще стала высказываться еще одна любопытная версия. Как показали расчеты, шхуну Брусилова могло вынести на открытую воду в 1915 г в районе семидесятой широты. Именно в это время уже была в разгаре Первая Мировая война, и в этом районе активно действовали немецкие подводные лодки, и вполне логично предположить, что немцы, увидев корабль под российским флагом, потопили его.

И наконец, еще одна сенсационная информация. В 1928 г в ленинградском издательстве «Вокруг света» вышла тоненькая невзрачная книжонка «В полярных льдах» неизвестного автора Рене Гузи, переведенная на русский язык с французского. Это были дневниковые записи молодой женщины Ивонны Шарпантье, которая находилась на борту обреченной шхуны «Эльвира», вмерзшей во льды Арктики. Все, что описано в этой книжке, полностью совпадает с трагическими событиями, происходившими на борту «Святой Анны»: история самой Ивонны, которая заменила врача, разлад начальника экспедиции со штурманом и уход последнего по льду к берегам Земли Франца Иосифа.

Ивонна рисует жуткие картины: один за другим умирают члены экипажа, голод, холод, казнь одного из матросов за кражу нескольких сухарей. И вот наступил день, когда Ивонна осталась одна. Собрав последние силы, она положила дневник в водонепроницаемый мешок и выбросила его на лед в надежде, что кто-нибудь его подберет.

Дотошные исследователи установили, что Рене Гузи – это швейцарский литератор, написавший полтора десятка книг, в том числе и упомянутую книжку «В полярных льдах» (В оригинале «Север очень опасен»). Но самое поразительное, что в русском

переводе главные герои названы своими именами: Брусилов и Альбанов, и только героине переводчик присвоил вымышленное имя Наташа Сидорова.

Почему автор назвал героиню Наташей Сидоровой – может быть объяснено просто, если предположить, что чудом спасшаяся Е. А. Жданко, передавая свой дневник писателю, взяла с него слово, что он изменит ее имя на вымышленное.

Однако пытливые исследователи пошли дальше. Оказывается, в одной из своих книг Рене Гузи признался, что дневник Е.А. Жданко – это плод его выдумки. Дело в том, что возвратившись, Альбанов опубликовал свой дневник, который в 1925 г вышел в переводе на немецкий язык. Трагическая судьба «Святой Анны» потрясла писателя, и он постарался в художественной форме показать последний этап жизни обреченного экипажа шхуны.

Казалось бы, все встало на свои места и удалось отделить правду от вымысла. Но нет! После Второй Мировой войны объявилась дальняя родственница Е. А. Жданко, которая сообщила, что незадолго до начала войны в Ригу приезжала... Ерминия Жданко, жившая где-то на юге Франции.

Если это действительно так, стало быть, «Святую Анну» в конце концов вынесло на открытую воду, и каким-то образом молодая женщина спаслась. Предположим, что в 1915 г. состоялась встреча «Святой Анны» с немецкой подводной лодкой. Ведь немцы могли потопить шхуну с оставшимися в живых членами экипажа, но сохранить жизнь единственной женщине. А может быть, когда судно вырвалось из ледового плена, на ней в живых оставалась только Ерминия? Или свидетельство родственницы Е. А. Жданко о приезде Ерминии в Ригу не соответствует действительности? Одним словом, Арктика умеет хранить свои тайны.

Ксения Кривошеина

Париж, Франция

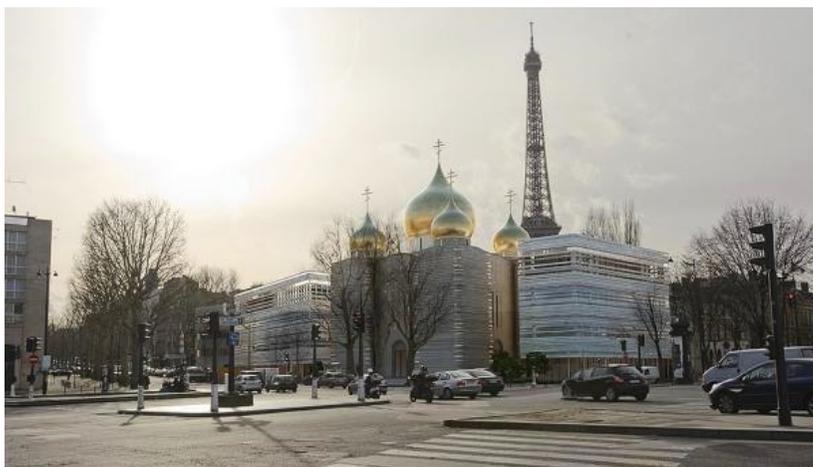
О книге «Золотые купола над Парижем»

Наверное, никто не подозревал, что замысел и строительство православного Собора в Париже будут сопряжены не только с административными трудностями, но и с огромным сопротивлением определенной группы верующих и агностиков. Причем католическая Франция с самого начала была на стороне этого проекта и всячески помогала Русской Церкви. В равной степени очень положительно относились к проекту православные сербы, молдаване, украинцы, болгары... а русские оказались на баррикадах. Часть потомков русской эмиграции из Архиепископии (Константинопольский Вселенский Патриархат, собор св. Александра Невского) объединилась с активистами политическими. Писались гневные письма в администрацию Президента Франции, в парижскую Мэрию, летели письма и в Москву с проклятиями самого нелепого толка и домыслами.

Что было движущей силой у этих людей? Банальный ответ – зависть. Но и не только... об этом странном эмигрантском феномене «не единения», а постоянного «раскола» я тоже рассказываю в своей книге. Конечно не только об этом, а в основном об истории Корсунской Епархии МП, которой пришлось выживать в 1932 году, о людях, которые сделали все, чтобы спасти церковь на чужбине, о доброте и взаимном терпении. На страницах книги, читатель встретится с самыми разными именами: Владимир Лосский, Фёдор Пьянов, Даниил Скобцов, митрополит Антоний (Блум), А.А. Угримов, иконописцы Григорий Круг и Леонид Успенский....всех не перечислить.

Мне повезло дважды. Во-первых, я была у истоков этого грандиозного проекта, мой супруг Никита Кривошеин сопровождал патриарха Алексия II и был официальным переводчиком во время его Государственного визита в 2007 году во Францию. Именно тогда и было получено от президента Франции Никола Саркози одобрение на возведение Собора. Тяжелейшие политические интриги, смена администрации, кончина патриарха Алексия...

В 2008 году стали появляться слухи, что парижские власти хотят продать под снос здание национальной Метеорологической Службы (Météo France) на набережной Бранли. Этот комплекс располагался здесь с 1948 года на участке в 8 740 м². Французы объявили тендер, и русское правительство сразу же выразило желание участвовать в торгах. На равных в этих торгах принимали участие как отдельные частные компании, так и страны — Канада, Саудовская Аравия и Россия. На протяжении всего 2009 года шли переговоры, сбор информации.

Русский духовно-культурный центр в Париже //paris-life.info

Канада хотела построить посольство, но особой оригинальности в этой заявке не было. Труднее всего было России с ее проектом Духовного православного центра, ведь предстояло состязаться со страной шейхов и двух святынь (Меккой и Мединой). В случае победы Саудовской Аравии на берегу Сены намечалось строительство макромечети; французские левые партии и многочисленные

ассоциации открыто лоббировали в СМИ и на телевидении именно этот вариант. В 2010 престижный тендер был выигран Россией!

И второе мое везение – Корсунская Епархия предоставила мне возможность работы с редкими архивными материалами 1932-36 годов. Не все я смогла включить в эту книгу, но имена и события тех лет стали важными кирпичиками и фундаментом, на котором в 2016 году на берегу Сены и у самого подножья Эйфелевой Башни – вырос православный Собор.

Недавно католической газетой *La Croix* была опубликована впечатляющая статистика: В конце XIX века во Франции насчитывалось 20 тысяч православных, в конце XX века — 200 тысяч, к 2017 православных уже около 500–700 тысяч. Этот прирост верующих произошел благодаря эмигрантам из Восточной Европы и России.

Да, конечно, двери Собора на Сене распахнуты для всех православных, независимо от их национальной принадлежности. В выставочных залах духовного центра при Соборе проходят концерты духовной музыки, экспозиции, конференции. Все эти события для парижан – настоящее знакомство с культурным наследием России.

Сразу после открытия, по инициативе Корсунской епархии, на двух этажах выставочного комплекса прошли выставки Леонида Успенского, Александра Серебрякова, Михаила Шемякина. Из России была привезена коллекция вышитых икон, впервые были показаны произведения известных русских художников-нонконформистов 70-80-годов (среди которых Оскар Рабин, Владимир Немухин, Эрнст Неизвестный и другие).

Многие русские критикуют Собор за слишком «модерную» архитектуру. Он построен знаменитым французским архитектором Жаном-Мишелем Вильмоттом, который сумел найти и воссоздать в бургундском камне с золотыми куполами настоящий симбиоз – русской традиции и современной архитектуры.

«С самого начала было ясно, что в Париже не может быть копий соборов Московского Кремля или Спаса на Нерли, не для этого созывали современных мастеров. Это прекрасно понимали и в Патриархии. Глава управления Московской патриархии по зарубежным учреждениям архиепископ Егорьевский Марк, который входил в состав жюри и курировал этот проект, объяснял: «Те, кто критикует проект за отход от традиций, забывают, что храм будет строиться не в Москве и не в Ярославле, а в Париже. В жюри конкурса входили представители французской общественности, для них важно,

чтобы будущий духовный центр органично вписывался в ландшафт их столицы...».

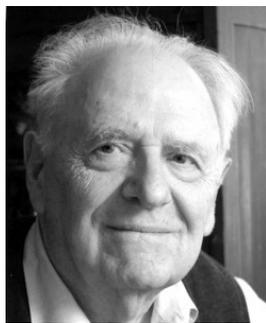
Невозможно в коротком обзоре рассказать о содержании книги. Сегодня, любясь удивительной панорамой собора на фоне Эйфелевой башни, открывают для себя православный мир не только туристы, но и парижане. Просторный светлый храм, особый перезвон колоколов, необычная архитектура – смесь традиции с современностью, объединившая в себе выставочные залы, аудитории, общеобразовательный центр для детей. И многое другое. Эта книга – не только история конкретного места, это свидетельство о православии в современном Западном мире.

Надеюсь, что читателю будет не скучно пролистать страницы истории и посмотреть на редкие фотографии.

Ксения Кривошеина. Золотые купола над Парижем. ЭКСМО, М., 2019 <https://www.labirint.ru/books/693556/>

Сергей Голлербах

Нью-Йорк, США

Путевые заметки. Флоренция глазами русского

Во Флоренции, этой колыбели итальянского Возрождения, мне пришлось побывать дважды. Из всех итальянских городов, мною виденных, он понравился мне с первого взгляда. Не буду, однако, описывать все его сокровища, это дело искусствоведов, а ограничусь

чисто бытовыми впечатлениями, отчасти связанными с русскими людьми, отчасти с историей города и отчасти с искусством.

В 1961 году я остановился во Флоренции всего на два дня и настолько полюбил ее, что в 1963 провел там почти три недели. Остановился я не в отеле, а в частной квартире, где хозяева англичане сдавали комнаты отдельным туристам. Квартира находилась в центральной части города, около монастыря Сан-Марко.

Неподалеку было большое здание Ospedale della Innocenti – приют для сирот и подкидышей, которых, видимо, немало было в этом городе. Обратил я внимание и на улицу Виа деи серви, улицу монахов сервитов, то есть слуг.

Этот монашеский орден поставил себе задачей убирать и хоронить трупы умерших от бубонной чумы и других эпидемий, свирепствовавших в Европе в Средние века и в эпоху Возрождения. Конечно, монахи заражались и гибли, в то время как аристократы и богатеи запирались в своих замках и там шел пир во время чумы.

Десятилетия спустя, после катастрофы Мирового торгового центра в Нью-Йорке, я подумал: а ведь сотни нью-йоркских полицейских и пожарных, бросавшихся спасать жертв этого террористического акта, были такими же сервитами, шедшими на верную гибель. Полной противоположностью деятельности сервитов можно считать такой факт, что на стене палаццо Синьория в пятнадцатом веке висел ящик для доносов.

Религиозный фанатизм бушевал в те времена, вспомним монаха Савонаролу, поднявшего восстание против семьи Медичи, меценатов, сыгравших громадную роль в итальянском искусстве. Доносы, конечно, писались во все времена и у всех народов, но ящик для них существовал, думаю, только во Флоренции

Распорядок моего дня был таков: утром – музеи, легкий обед, затем живопись. Со своим этюдником я забирался на колокольню, где открывался роскошный вид на весь город на все четыре стороны.

Вечером я ужинал в ресторане, рисовал и записывал свои впечатления. Говоря о ресторанах, скажу, что обедал всегда легко и сразу же нашел маленькую столовку, где за триста лир /пятьдесят сольди, по тому времени/ можно было получить тарелку спагетти и куриную ножку, и дешево и сердито.

На второй день, однако, произошел конфуз. Ко мне подошла подавальщица и объяснила мне, что это столовка для местных рабочих по низким ценам и туристы закусывать здесь не имеют права. Я, конечно, был очень смущен, извинился, приложив руку к сердцу в доказательство, что я не жулик, и с позором удалился.

Чаще всего я посещал галерею Уффици и там однажды увидел группу советских туристов. Их легко было распознать не только по одежде, но и по фотоаппаратам в дешевых кожаных футлярах. Гидом их был очень пожилой господин, по речи очень интеллигентный человек, объяснявший им достоинства картины Боттичелли "Рождение Венеры". Подойти к ним я не решился, сочтут за провокацию.

Река Арно. Фото: Михаил Шварц

На следующий день, сидя в кафе, я вдруг увидел этого старого гида, но без туристов, встал и представился ему, сказав, что слушал его объяснения в Уффици. «Оболенский», – ответил он мне, протянув руку. Он оказался старым эмигрантом, проживающим с женой в старческом доме в Турине; когда в Италию изредка приезжают советские туристы, его, знатока живописи, вызывают быть их гидом.

Из разговора с ним я узнал, что его сын работает в Государственном департаменте, в Вашингтоне, но редко ему пишет. "Постарайтесь найти его и передайте, что жду от него вестей", – попросил он меня.

Помнится, я через знакомых передал эту просьбу и впоследствии узнал, что сын пригласил отца в Америку, где тот и закончил свои дни. В другом музее, в палаццо Питти, среди множества полотен, изображавших мускулистых апостолов и святых кисти Луки Джордано, я вдруг увидел нечто знакомое, то был портрет

бородатого мужчины явно русского типа. И действительно, изображен был некто по имени Иванович Чемоданов. Автор портрета – голландский художник Сустерман, семнадцатого века.

Скорее всего, Иванович Чемоданов был купцом, членом торговой делегации, посланной в Италию царем Алексеем Михайловичем. Фамилия Чемоданов заинтересовала меня своей необычностью. Скорее всего это слово татарского происхождения, так как ни на одном из известных мне европейских языков ничего похожего нет. По-французски чемодан – вализ, по-итальянски – валиджи, по-испански – малета, по-немецки – коффер, по-английски – сюткейз.

Как не вспомнить тут Маршака: «Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж...» Какая чудная смесь французского с татарским!

Помимо князя Оболенского, я встретил во Флоренции еще одного русского. В Париже, где я остановился перед отъездом во Флоренцию, мне дали адрес православного священника отца Саввы Тищенко, сказав, что он очень интересный человек. В прошлом царский офицер, принявший сан священника, он был выслан из Парижа за свой острый язык во Флоренцию, где русских людей уже почти не было. И, действительно, весь его приход состоял из двух старушек и греческого мальчика. Пожилой уже человек, отец Савва оказался очень разговорчивым.

Когда я ему сказал, что собираюсь посетить Грецию, он ответил: «Имейте в виду, что древних греков давно уже нет, осталась гнусная смесь турок и болгар». В разговоре я упомянул профессора Федора Степуна, лекцию которого о Достоевском я в свое время слушал в послевоенном Мюнхене. В газете было недавно сказано, что у него скончалась жена. «Царство ей небесное,»- ответил отец Савва, но кто же теперь будет завивать ему кудри? Ведь жена ему всегда перед лекцией щипцами завивала на затылке волосы».

Я начал понимать, почему отца Савву выслали из Парижа. Наконец, я сказал ему, что знаком с художником Федором Рожанковским, женатым на дочери писателя Георгия Федотова, автора книги "Новый град". «Да, Федотов, Бердяев, все они – бомбометатели хотят Россию разрушить". На все эти слова я решил не отвечать, да он и не ожидал моих комментариев, ему надо было просто высказаться.

За несколько дней до отъезда я узнал, что в городе состоится средневековый футбольный матч, и решил посмотреть, что это такое. На одной из площадей устроили футбольное поле, причем ворота были в ширину всего поля. Церемония началась с того, что на поле вывели корову, в венке из цветов на рогах – приз победившей команде.

За нею появились всадники в рыцарских доспехах, потомки местной аристократии. За ними шли представители города и, наконец, сами футболисты, прихожане двух церквей – Санта-Мария Новелла и Санта Кроче.

Когда началась игра, я понял, что это смесь еропейского футбола и американского, то есть бьют ногой, но и хватают руками, бросают, и, главное, игроки сбивают друг друга с ног. Минут через пять на поле началась свалка и драка, перешедшая к болельщикам, а к ним присоединилась еще группа солдат. Я решил не ждать конца этого побоища и ушел.

Мне сказали потом, что выиграла команда церкви Санта-Мария Новелла. Так во Флоренции высокое искусство и духовные ценности сочетались с низменными инстинктами и поистине плебейскими вкусами, как, конечно, и во всех других городах мира.

Но над всем этим сияло солнце Тосканы, зеленели ее холмы. На одном из них стояла вилла Ла Пьетра, где в свое время бывал Рафаэль и другие художники. Это великолепное прошлое города перевешивает все его недостатки.

Борис Левит-Броун

Верона, Италия

Итальянские записки. Извлечения

Виченца

Потрогать живое тело Палладио.

Он прохладный, но живой!

В безлюдном кафе я повернут спиной к великой «Базилике», а лицом – к игральным автоматам, у которых ещё никого нет.

Экраны бесцельно мигают неоном нехитрых игр.

Всё это игры в убийство.

Все они представляют схватку монстров, и видом-то едва напоминающих людей.

На электронном горизонте глухой стенки беззвучно мигает всеобщее карате, а в двух шагах за спиной моей дышит весенним аэрозолем солнца и утренней дымки живой Палладио.

Его мраморная плоть облеплена бесчисленными морщинами трещин – этих бессильных червей времени – но и в морщинах не одряхла.

Колонны налиты мускулатурой, арки гнутся так упруго, так естественно, как молодое только тело изгибается, а круглые глаза окон выглядывают на площадь младенчески, испытующе... беззащитно.

Но площадь движется мимо вместе со всей разместившейся на ней жизнью – кричит... торгует...

Трудно представить себе, что эти жизнерадостные простачки и Андреа Палладио – веточки одного и того же древа.

Впрочем, ни в одном народе не узнаваемо его великое духовное стяжание.

Свет имеет какие-то свои глубокие и нежные отношения с камнем.

Прямо на моих глазах совершается как минимум две жизни... жизнь-толкотня и жизнь-лобзание.

Эта вторая происходит бесстыдно и тайно.

Она ни от кого не скрыта, но никто не замечает её.

Спешащие по никчемным делам явно равнодушны дымчатой ласке, которой курятся здания, охваченные весенним головокружением.

Только дети напряженно внимательны в глубинах своих колясок.

Но и их катят бессмысленно... не глядяваясь...

... марта 93 г.

Верона

(на набережной Адидже)

...звук долгой тишины, саднящий звук...

Ресниц – и тех – расслышишь тайный шорох.

Писание сбывается, но в порах

ты носишь страх и тайну вечных мук.

День на день набегают чередой,
душа, как побеждённый стяг, обвисла.
Жизнь, тщетно добиваясь смысла,
тиранит совесть, как скалу – прибой...

...марта 93 г.

Бреша

В конце концов ты смиряешься.

Ты понимаешь – они не притворяются, не кокетничают... не ищут отличиться.

Нет... просто они так живут.

Проём они мыслят аркой, а окно – овалом...

Прививка – тот самый момент художественной инъекции – была сделана так давно, что её ещё помнит разве что только коллективный патриотизм, не весть что мнящий о себе в фундаментальных изданиях.

А каждый отдельный итальянец просто несёт в себе свой неосознанный и вечный латинский смысл.

Теперь уже вечный.

С тех самых пор вечный.

Даже когда они строили в высоких стилях, они не подразумевали стиль, не исполняли его, а только пользовались им, чтобы выразить пространство.

В каждой из их церквей обитает частичка космоса.

Они не церковь возводили... они пространство стужали до очертаний церкви.

Пространство дышит зданием, ритмично раздувая и втягивая его, словно лёгкое.

Боже милостивый, о чём мечтала трёпаная моя юность!

Ведь это всё могло давно сбыться в Италии!

Но в сорок три уже почти невозможно беспричинно любить.

Нельзя эстетически любить, понимая безысходность.

Некоторый романтизм ещё набегают под натиском неимоверной художественности окружающей меня среды, но нет уже детской веры в нужность переживаний.

Я мог бы осчастливить мир одной лишь силой переживания красоты, а ныне сомневаюсь даже в простой надобности привычной моей фотокамеры.

Зачем так подробно фиксировать прекрасное?

Разве можно этим осчастливить мир?

...марта 93 г.

Верона

(вблизи базилики Сан Дзено)

Как наступает итальянское лето?

Врывается горячкой ослепших стен?

Обнажившейся ржавчиной?

Бесконечными ранами устаревших штукатурок?

Итальянцы начинают кричать ещё громче, как чайки – на всплывшего кита.

И будет так ещё не раз... и крику, и весны, обвалившейся в кипарисовую пропасть латинского лета.

И только душа – бедная, робкая душа, кажется, не вынесет этого.

Тот ужас уж совершенно невыносим, когда всё в природе твердит, что лишь единым мгновением отделён ты от свершения, а душа знает... видит предначертанную даль курящейся дороги.

...марта 93 г.

Там же

А почему ж так тянет узнать во всём этом незнакомом что-то давнее?

Почему так преследует тема родного?

То чуждо нам, что не напоминает...

И новое, и даже совершенно невиданное всё равно должно напоминать.

Что получаем мы столь важное в ранней жизни, что делает прошлое такой мучительной душевной нуждой?

И почему непомнящие... нелюбящие своё прошлое вызывают в нас такую яростную жалость?

Пиния ли вынырнет из-за угла, её диковинная шапка для меня – всё хвоя, а хвоя – всё ёлка!

Тот лес, который ты запомнил из страшно далёкого детства...

Он был сосновый и еловый.

А теперь ты сидишь в итальянском кафе, и нету силы, которая могла бы отослать твоё грузное тело туда... назад... где твоя душа шлёпает в сандаликах по ковру из мха и рыжих иголок.

... марта 93 г.

У реки

Лёд и огонь переживания.

Сия минута... всегда только сия!

Только здесь и сейчас ты способен на это...

А не случится под рукой листа и пера, и...

сгинет за гранью сей минуты и смутный нежный день,

и речка с женским именем...

и недодуманность всей жизни...

необдуманность и неизвестность

там

в конце тихой гранитной набережной.

... марта 93 г.

У колокольни Сан Дзено

Величество твоё – истраченная песня!

Лишь в небо остриё – воспоминания шпиль.

Не жизнь и не жильё, но в этом небе весь я!

Мечта?

да ну её!

За миллионом миль

от собственной мечты свобода и спасенье.

Мечта лишь ад творит – вражду культур и вер.

Когда бескрылый ты падёшь под вечной сенью,

– твой Бог заговорит с тобой сияньем сфер.

Солнце в Падуе

Солнце... солнце в Падуе!

И овчарый подросток бодро бежит, и старушка в кафе бодро допивает шампанское, и чернявая падуанка страстно прощается с телефонной трубкой: «Чао...чао, мио каро!»

Селезни заполохали уток на зелёной речке.

Им так хочется своей селезиной нежности... так хочется, и они бьют крылами воду, и воздух одурел от брызг.

Люби меня, падуанское солнце... люби меня!

Люби эту минуту нашего непреднамеренного с тобою единства!

Люби фиолетовое цветение, пробившееся на серой стене под «венетианским» окошком!

Люби боль в моих ногах...

Я посвящаю тебе мою боль и вспененную душу, вдруг гибнущую в языческой бездне накинувшихся на неё воспоминаний: пароход... и папа... и рояль, на котором некто знакомая озвучивает палубу, и отовсюду облака, и пена взмыленной реки, распоротой надвое бегущим пароходиком.

Я отдал бы приказ: всем отцам немедленно слиться в объятии с сыновьями и так остаться навсегда...

Потому что все отцы тоскуют о последнем, самом крепком, уже никогда не разлучимом объятии с сыном.

... марта 93 г.

Церковь Санта Жюстина (Падуя)

Мы часто сетуем на римлян – дескать, они не художники, а только строители, не эллины-эстеты, а лишь добросовестные инженеры.

Но вот теперь, сидя в Санта Жюстина, пристыженный и блаженный (а как ещё сидеть в Санта Жюстина?), я отдаю себя ясный отчёт в том, что римскому художественному гению и одновременно – инженерной изобретательности принадлежит одно из величайших художественных открытий всех времён.

Римляне изобрели арку!

Арка есть гармония архитектуры.

Всё песенное, всё мелодическое и аккордовое, всё наипрекраснейше звучащее в архитектуре связано с аркой и комбинациями аркад.

При этом – не со стрельчатой готической и не с параболической, как у Гауди, а именно с самой простой циркульной аркой... нехитрым набором клинчатых камней с замком.

В ней – в этой арке – божественная красота.

Римская арка вечна как Библия!

В ней живёт гармония нездешняя, в ней – музыка сфер!

И, кстати, сфера кругла, а круг – это римская арка, удвоенная отражением в непотревоженных водах.

... марта 93 г.

Базилика Дель Санто (Падуя)

От всего религиозного события – посещения «Дель Санто», церкви мощей св. Антония Падуанского, – события, к которому шел через солнце, через боль ног, через людный Прато делла Валле, через гениальные фрески Джюсто де Менабуои, через бездыханный восторг храмов невообразимой красоты – от всего события остаётся томление невыраженности, невобранности до конца.

Что это – внутренний атеизм?

Или охладелость человечества к церковному ритуалу, всякий раз передающаяся и мне?

Но когда женщина, молодая и современная, молится и скрыто рыдает, припадая к барочному надгробию, тогда на одно мгновение всё совершается.

Есть мир иной с его неоспоримой правдой!
Есть смысл страдать.
Есть смысл изныть в непонятости и неразделённости.
Есть смысл писать то, что никто не читает и, очень возможно, не прочтёт никогда.

Есть смысл отчаянно и немо любить детей.

Да – тогда есть!

На эту одну минуту скрещения наших с нею дорог.

Я ступаю тихо и медленно, а она... плачет и молится почти громко.

О ком?

Об умирающем в реанимации отце?

О ребёнке?

Муже?

Глаза впали, лицо желто, руки мечутся в паутине чётков, и горлом, обращённым к мрамору, она спазматически выбрасывает какую-то страшную правду в форме молитвы на пока ещё незнакомом мне языке.

Правду в форме молитвы – о том, чтобы правда не сбылась.

Её лицо не такое, какое бывает тогда, когда правда уже совершилась... не загипсованное окончательным приговором, а живое и дергающееся... такое, какое бывает, когда страшная правда вот-вот накатит, когда в ужасе перед каждой следующей секундой ты отчётливо видишь конец собственной судьбы.

Совсем рядом, в боковом нефе, малышу меняют подгузник.

Сумерки «Дель Санто» возвращают меня серому падуанскому дню.

Я иду в кафе – убить очередной голод и жаловаться тетради на неадекватность религиозного события.

... марта 93 г

Монтецьо

(отель)

Завершился ещё один итальянский день.

Кончился, и бесполезно стоять у окна провинциального отеля, высматривая в вечеряющем небе последние признаки уже закатившегося солнца.

Лечь почитать?

Из окошка чужая жизнь тебе кажется теплее, человечней, полнее твоей.

Нет... и читать не хочется...

«Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души»
Пушкин

День молча канул в силуэт,
и скатерть неба догорела.
А мне, по сути, нету дела
до многозначности примет.

Я предан жизнью и людьми
на угасанье в тихой думе.
Что ж... были старики детьми,
учил Иисус в Капернауме

и на распятье отдан был,
и храмы поседеть успели.
Избытком лет, остатком сил
томится мир в Христовом теле.

Сирень цветёт... Есенин пьёт
и обещает застрелиться,
но даже в этот переплёт
не может правда уместиться.

Иванов плачет, бледный Блок
клянёт любовь, любви прикован.
Мой срок томится между строк,
в мечту о смерти замурован.

И бродят звёзды стороной,
и мир, кидая взор украдкой,
следит, как тяжело больной
за их никчёмною загадкой.

... декабря 93 г.

ТРИ ЭТЮДА НА АДРИАТИКЕ
Порто Сан Джорджо
(пляж)

1.
Людей тут мало, много неба,
неуловима моря стать.
И кажется, что даже хлеба...
да ничего! Лишь просто спать.

Неслышно в тени примоститься,
войти в забвенья благодать –
не надо ничему молиться.
не стоит ничего искать.

Душа тоски не постигает,
ей далеки волна и твердь...
Спи – нежный ветер приласкает
твою нечаянную смерть.

2.
Уснул.
И парус вдали
тебя не тревожит боле.
Забутые корабли
колышет сирое поле.

И карт итальянский язык
во сне твоём – птичий клёкот.
Сам Бог, что всегда недалёко,
во сне – только чайки крик.

И юных тел желтизна –
(Понтормо... может, Бронзино) –
и бриз полуденного сплина –
всё бледные маски сна.

3.
Но близится урочный час
и к жизни страшно оживает
носительница тайных глаз –
душа – сама ещё не зная,

чем розовеет горизонт,
какую муку в водах топит

и тень свою куда торопит
зелёно-синий пляжный зонт.

Звенит заката остриё,
о роговицу глаз не гнётся –
всё сожжено... всё не твоё...
и беззаботно бытиё
над адом собственным смеётся.
... июня 93 г.

Милан
(дождь)

Брюки измокли насквозь и представляют продолжение неба.
Ходьба в воде или... плаванье в дождевых облаках.
И простужен, и не выспался, и – что уже совершенно бесит – негде
порядочного «Кодаку» купить.
От этого как будто вдавлен в землю, воткан в дождь.
О чём думает намокший собор?
Или просто терпит, равнодушно впитывая время?
Фиалы, фиалы... внизу море зонтов.

А внутрь вошёл – там океан пространства!
Там спят и тихо дышат времена.
Это единственный готический лес без ужаса заблудшести.
После такого не скажешь:

«Каков он был, о как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несущи».

Грандиозный пятинефный зал.
Кроны сводов где-то высоко вверху.
Сила мирная, нетревожная...
Ясность и благодать нестрогая.
Ширь неспешного плаванья.
Итальянский дух отнял у здания суровое «готство», поселил
гармонию, дал человеку масштаб.
Он сделал лес этот вещей садом... тенистым садом титанов.

Я хочу оставить себя в одном этом чувстве, которого никогда ещё
не испытывал так остро... так полно и сладко: «Ты побывал в саду!»

В нём – в саду этом – могли б расти яблоки Гесперид. Так могла бы выглядеть райская Земля – terra divina – непреходящая блаженная сень.

... октября 93 г.

НА КРЫШЕ МИЛАНСКОГО СОБОРА

(дождь)

Я был в лесу, облитом влагой!
Там мрамор пил и выпит был.
Мне не хватило резвых крыл
спорхнуть нечаянной отвагой
на шелест каменной листвы.

Отверзло город подо мною,
Иисус невидимой ногою
ступил в туман.
Рычали львы,

миллионной мукою ветвей
молчал собор в дурмане пьяном,
не узнавая за туманом
души готической своей.

... октября 93 г.

Диалог

... и уезжаешь из Венеции благодетельствованный и благодарный.
Не юношей и не стариком – ангелом уезжаешь.
Как это происходит?
Когда именно отрываешься от земли?
Чем накапливает минута прощания?
Ещё сидя в открытом кафе лицом к Джудекке, ты воображаешь
такой диалог:

- Похорони меня в Венеции, любимая!

- Ты так хочешь, любимый?

- Да, любимая, я хочу, чтобы ты приезжала в Венецию не просто, а ко мне...

- Но возможно ли это, любимый?

- А ты сожги меня, любимая, и осоли моим пеплом Джудекку, Большой канал, лагуну... и тогда любая венецианская вода напомнит тебе обо мне!

(..... сожги меня..... пеплом моим..... напомнит обо мне.....
Как всё это возможно? Какие силы воображению надобны, чтобы представить себя своим собственным пеплом? Ведь то, что ты воображаешь – это ты видишь умственным взором, а значит – жив! Значит ты – не прах! Да и к кому, к чему на свиданье станет ездить она, когда твой пепел рассеется? Какое одиночество испытает и как ещё переживёт?

И можно ли рассеять человека?)

- Я сделаю это, любимый!

Джудекка темнеет и, проглотив минуту невыразимого ужаса, ты благодаришь Венецию за вечер надежды, за ласковые плескания набережной, за невозможность (или неспособность) вообразить себя пеплом... за то, что тебе не сегодня ещё предстоит произнести то, чего ты не в силах даже представить.

Ты благодарен дню жизни и красоты за то, что кораблик, на шаткую палубу которого ступает твоя нога, не ладья Харона... что воды, колышущие тебя, – не Стикс, а Большой канал.

Венецианская диффузия.

Два облака навстречу – ты и вечер.

Он спускается на канал осторожно, предусмотрительно касаясь огоньками венецианских окошек...

А ты поднимаешься, мягко вспухаешь и теряешься в священном обмороке блаженства.

Всхлипы – твои?... или волн – о ступени дворцов?

А роскошно, должно быть, живётся в этих дворцах...

...

- Я сделаю это, любимый.

... октября 93 г.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес

Гавайи – огненный рай на Земле

Только что вернулась из круиза на Гавайи, и вот захотелось поделиться с читателем своими впечатлениями. Так как круиз начинался и заканчивался на нашем побережье, то мы с мужем предпочли самолету десять дней и ночей в открытом океане (помимо четырех дней на островах и пятом в Мексике). Нашей Ruby Princess предстояло покрыть расстояние почти в четыре тысячи километров, и столько же обратно.

Но и в этом варианте добираться до корабля было не слишком удобно. Несмотря на то, что Лос-Анджелес – крупнейший мегаполис Западного побережья, можно считать, что пассажирского порта у него нет. Необъятный грузовой – да, а вот круизным лайнерам притулиться негде. Поэтому практически всех их, а вместе с ними и пассажиров, отправляют за 30 км от Лос-Анджелеса – в Лонг Бич, в порт Сан-Педро, тоже, кстати сказать, грузовой. И после тяжелейших пробок на фрифвеях, чтобы найти место посадки, приходится еще изрядно покрутиться среди лебедок и штабелями сложенных контейнеров.

Но зато, оказавшись на борту, сразу обо всем забываешь, погружаясь в обволакивающую атмосферу комфорта и предупредительности всех членов команды, начиная со стюарда, трогательно оставляющего каждый вечер на подушке шоколадку (Sweet dreams), что превращало всех нас на время туризма в «леди» и «джентельменов».

В открытом океане

Распаковавшись и пройдя обязательный тренинг по обращению со спасательными жилетами, мы, как и все, поспешили на палубу, чтобы не пропустить момент отчаливания. Корабль набирал обороты, берег таял в предвечерней дымке. А дальше – только океан и ничего, кроме океана.

Поначалу все же чуть-чуть штормило, с легкими барашками на длинных, ленивых волнах. Временами ветер, словно заигрывая с нами, срывал с пенных гребешков водяную пудру и забрасывал ее на нижние палубы, создавая иллюзию дождя. Но и такого беспокойства, от которого даже качки настоящей не было, оказалось достаточно, чтобы наша каюта начала петь и потрескивать на все лады.

Вопреки опасениям, мы даже не заметили, как пролетели первые пять дней. Конечно же, многое зависит от настроения. Мы заранее психологически подготовились, убедив себя, что уж точно скучнее, чем в каком-нибудь доме отдыха, не будет. Да и его величество Океан не позволял ни скучать, ни маяться.

За годы эмиграции я насмотрелась на него с калифорнийского побережья, а в далеком прошлом, в свои неполные восемь лет – с конца противоположного, с берегов Сахалина. Смотрела и пыталась воочию представить, как он немисливо велик. Мы с мужем и сыновьями плавали и в Канаду, и на Аляску, и в Мексику и к Центральной Америке, добравшись до Панамского канала. Но то было плаванием вдоль берегов материка, по краешку океана, так сказать. А тут корабль с каждым днем уносил нас все глубже и глубже, к самому сердцу Pacific ocean. Когда вокруг тебя и под тобой лишь

волнующаяся и опасная безбрежность жидкого тела Земли, ощущения совсем иные.

Глядя на лакированную, находящуюся в постоянном движении шкуру океана, невольно задумываешься над тем, что находишься на границе между двумя мирами, по ту сторону которой не менее жестокая, чем наша собственная, но фантастически прекрасная среда... Можно, конечно, при желании и возможностях погрузиться в самые немислимые глубины, как это сделал шальной и бесстрашный Джеймс Камерон. Но, думается, и ему океан не открыл даже тысячной толики своих тайн.

Ну а помимо размышлений и разглагольствований о вечности и тайнах мироздания, на корабле было предостаточно развлечений на все вкусы и уровни. Нет, уровень, скорее всего, был на всех один – какой у нас там, дома, практиковался на детских ёлках. Ежедневно менялась программа представлений в театре. Но достойными внимания за две недели были от силы одно-два. В каждом салоне, баре, в центральном холле, на палубе музыканты, певцы, шоумены, комики, массовики-затейники как могли ублажали жаждущий развлечений народ.

А мы с мужем в очередной раз жалели, что нюансы юмора, более важной информации, да и просто радости мимолетных общений ускользают от нас из-за недостаточного знания английского. Хотя... не уверена, что и со стопроцентным владением языком мы бы долго выдержали. Как я уже намекнула, уровень всех этих шоу, особенно юмористических, или тех, что активно вовлекают аудиторию, достаточно примитивен.

Другое всеобщее увлечение, от которого мы держались в стороне – спиртные напитки. Нет, несколько раз все же побаловались. Я – коктейлями, муж – «one shot tequila». Публика же вокруг накачивалась безостановочно. В ход шло всё – даровые эпизодические угощения от команды (типа встречи с капитаном за бокалом шампанского) и в целом недорогие напитки в многочисленных барах и ресторанах. Стоило где-нибудь присесть, как тут же вырастал вышколенный официант с подносом и обворожительной улыбкой: «Мэм, сэр, чего желаете?»

Ну и конечно же, разнообразные водные удовольствия под морской бриз и солнечные ванны. На Ruby Princess 19 палуб, из них, как минимум, на пяти бассейны разных размеров, с джакузи. Шезлонги, полосатые махровые полотенца, еда и напитки со всех сторон. И огромный экран впридачу на самой верхней, открытой палубе – Movie under stars, на котором можно, развываясь в шезлонге, весь день

смотреть разные фильмы, правда, при условии, что не слишком припекает солнце, не идет дождь и не свищет ветер.

В общем нет нужды все это подробно описывать. В наш век туризма, наверняка, каждый хоть раз да наслаждался круизными благами. Лично я пристрастилась к ним еще в советское время, и – возможно, оттого, что была намного моложе, – считаю, что те, далекие, были веселее и насыщеннее, хоть и держали нас в черном теле и валюты с собой давали так мало, что на простенькие сувениры членам семьи едва хватало.

В те времена не было еще самого главного нынешнего развлечения-ловушки – казино, поглощающего умы, время и деньги огромного количества людей. Круизные компании, взяв это пристрастие на вооружение, делают на нем миллионы, превращая речные корабли и океанские лайнеры в плавучие игорные дома. Не пустовало казино и на Ruby Princess, одурманивая зазывным сверканием экранов и веселым перезвоном аппаратов, сливавшимся в сплошную какофонию.

Не могу не поделиться своими наблюдениями относительно контингента отдыхающих и путешествующих морским путем. Если не считать молодежи, людей среднего и еще непerezрелого возраста с незначительными вкраплениями цветов нашей жизни, то подавляющее и абсолютное большинство составляют глубокие пенсионеры. (Ах, как не хочется причислять и себя к этой, заключительной категории!) Что вполне естественно и закономерно. Завершив трудовой этап своей жизни, люди наслаждаются заслуженным отдыхом и освободившимся, наконец, временем.

Среди «подавляющих», в свою очередь, преобладают божьи одуванчики всех мастей – больные, увечные, с ходунками и в инвалидных колясках, с кислородными баллонами и в гипсе. А есть еще внушительная категория over size. У этих, последних, нет и намек на комплексы. Напротив, они будто бравируют своими нестандартными габаритами, выставляют их напоказ, обтягивая все выпуклости и обвислости, одеваясь во все кричащее, яркое.

Наверное, такой «пофигизм» – особое свойство американцев, зиждящееся на философии: принимайте меня таким, какой я есть, или не принимайте – up to you. В этом их завидная свобода и преимущество. И даже геройство. Они продолжают жить на всю катушку, несмотря ни на что, не замыкаются на своих физических проблемах, не прячутся от людей, не выпадают из общества.

Забавно было наблюдать, как после разгуливания по кораблю (включая рестораны) в T-shirt и нарочито драных шертах с бахромой,

на вечерах с formal code преображались все, включая необъятных дам, натянувших на себя яркие наряды с блестками, рюшечками, бантиками и цветочками и разукрасивших лица «а ля Пьеро», как стояли сии особы в очередях, чтобы запечатлеть себя перед камерой профессионала на рисованном «заднике». Ладно, не будем злословить.

Остров Hawaii

Первым из четырех запланированных – после пятидневного маршброска – нас встретил остров Большой или Гавайи, с крупным городом Hilo. В соответствии со своим названием, остров действительно самый большой на Гавайском архипелаге. И самый молодой. А значит, лава под ним в буквальном смысле кипит, время от времени выплескиваясь наружу.

Выбирая экскурсии, мы руководствовались, в первую очередь, желанием увидеть природные красоты и особенности Гавайев. В числе прочего, туристический проспект обещал знакомство (цитирую) с крупнейшим садом за пределами Азии в японском стиле – Лилюокалани и с массивным баньяновым деревом, возраст которого якобы 500-600 лет. Ни японского сада, ни древнего баньяна мы так и не увидели.

Такие баньяны растут повсюду на острове Большой

Отъехав от порта на довольно удобном мини-автобусе, мы покатали по Баньяновой аллее, окаймленной неопрятного вида деревьями с путаницей свисающих из-под крон воздушных корней. Экзотические баньяны встречаются здесь повсюду. Но не тот самый. Когда я спросила шофера (и гида по совместительству), а где ваш 500-летний старожил, он небрежно отмахнулся, пробурчав, что мы его уже проехали и лет ему меньше полутора сотен. А вот полчаса на магазин конфет не пожалел.

Я познакомилась с заинтересовавшим меня экземпляром уже вернувшись домой, в интернете. Баньян, отмеченный в проспекте, особый – это целый парк из одного дерева. Его характерная особенность – массивные корни-костыли, которые свешиваются с горизонтально растущих ветвей, а добравшись до почвы, укореняются и толстеют. Дереву действительно «всего» 139 лет, и каждый год день его рождения отмечают всем городом.

А это тот самый – особый

Не впечатляла, видимо, гида и история Гавайев, на которых он и сам был гостем, переселившимся сюда из Сан-Диего. Он благополучно проскочил мимо помпезной статуи любимого короля гавайцев

Камеха, хотя она была включена в маршрут экскурсии как одна из основных достопримечательностей острова.

Следующая остановка называлась Rainbow Falls. В проспекте предлагалось запастись фотокамерами, чтобы запечатлеть себя под радугой на фоне уникальных гавайских водопадов, падающих с высокой скалы и разбивающихся на мельчайшие, рожающие радугу брызги.

На деле же, водопад был довольно неказист и интерес представлял не столько он сам, сколько лавовая труба, с верхней кромки которой он и низвергался. Ни брызг, ни радуги не было и в помине. Потоптавшись на месте, мы побрели обратно к автобусу.

Справедливости ради должна оговориться, что экскурсии мы выбирали себе со значком «Е» (easy), то бишь самые легкие. (Последними по категориям шли лишь те, где разрешались инвалидные коляски и ходунки.) Для молодых, физически подготовленных туристов были и каяки со сплавом по бурным рекам, и походы в джунгли по скользкому от дождей и крутизны бездорожью к экзотическим, труднодоступным водопадам, к кратерам лишь на время уснувших вулканов по застывшей, торчащей острыми сколами лаве, и серфинг, и ныряние у коралловых рифов. А это уже совсем иное восприятие и совсем иные Гавайи. И все же, и все же...

Нас снова повезли туда, где мы могли потратить деньги, – на «фермерский рынок» с фруктами и овощами из Южной Америки (потому как в апреле на Гавайях они еще не созревают) и с дешевыми (по их эстетической ценности) гавайскими сувенирами, выполненными, как водится, вездесущими китайцами. (В Америке даже в индейских резервациях китайский ширпотреб выдают за ручное творчество аборигенов.)

За рынком последовала остановка на фабрике макадамии, где предлагалось купить кондитерские изделия с гавайским царем-орехом. (Я и сейчас, стуча по клавишам клавиатуры, под шумок лакомлюсь этим необычайно вкусным трофеем – под шумок потому, что он очень калорийный, а супруг таких злоупотреблений не поощряет.)

Далее по курсу был «Ричардсон оушен парк» – экзотический черный пляж с великолепными лазоревыми водами и черным песком с зелеными вкраплениями кристаллов хризолита, на котором нежатся зеленые гавайские черепахи. Так, по крайней мере, живописал все тот же пресловутый проспект. Нам же предложили для обозрения небольшой закуток берега с застывшими языками темно-бурой лавы. И ни намека на черно-зеленые песчинки, ни одной черепахи.

Хотя... песчинки все же были – на ладони у водителя. Отыскалась и одна зелененькая. Видимо, для особо вьедливых, вроде меня, водитель держал при себе пригоршню песка. Если бы не великолепная гавайская природа, которую нам удавалось краешком глаза лицезреть из окна автобуса, покидать бы нам остров Большой в досадном разочаровании.

Нас окружали вздыбленные горы с почти вертикальными склонами, сплошь состоящие из покрывшейся дикими лесами магматической породы. Видимо, не всегда здесь преобладал «гавайский тип извержений» – такой, при котором вулкан не выбрасывает в небо столбы огня, дыма или каменные бомбы, а неспешно истекает огненной кровью Земли, распространяясь по окрестностям, изливаясь в океан и образуя новые территории. То, что проплывало за окном, было явно результатом иных, взрывоподобных извержений.

Лавовые островки и целые поля здесь повсюду – слоями, бесформенными глыбами, пластичными, живописными наплывами. И не только снаружи. Весь Гавайский архипелаг с его большими и малыми островами, порожденный извержениями, сплошь состоит из лавы. Она – основной и неизменный компонент любого пейзажа, будь то горы, долины, берега или подводный мир. То, как все это происходило, не только гавайцы, но и каждый ныне живущий землянин при желании мог видеть (через интернет) всего несколько месяцев назад, когда на острове Большой демонстрировал огненное шоу вулкан Kīlauea. (Его название означает: изрыгающий, выплёскивающийся, растекающийся).

Килауэа «не смыкает глаз» уже несколько тысяч лет. Его последнее вялотекущее извержение продолжается 35 лет, а прошлым летом остров пережил его активную фазу. Нескончаемые огненные реки текли из его жерла, сжигая все вокруг и изливаясь в океан.

Вот, что такое Килауэа, что такое Гавайи:

<https://www.youtube.com/watch?v=p3tnnp0bAoM>

Полностью статью можно прочитать в журнале ЧАЙКА:

<https://www.chayka.org/node/9809>

Часть 6. Наука

Ф.П.Толстой. Цветок, бабочка и мухи. 1817

Генрих Голин
Нью-Йорк, США

Рождение науки. Жизнь и наследие Аристотеля

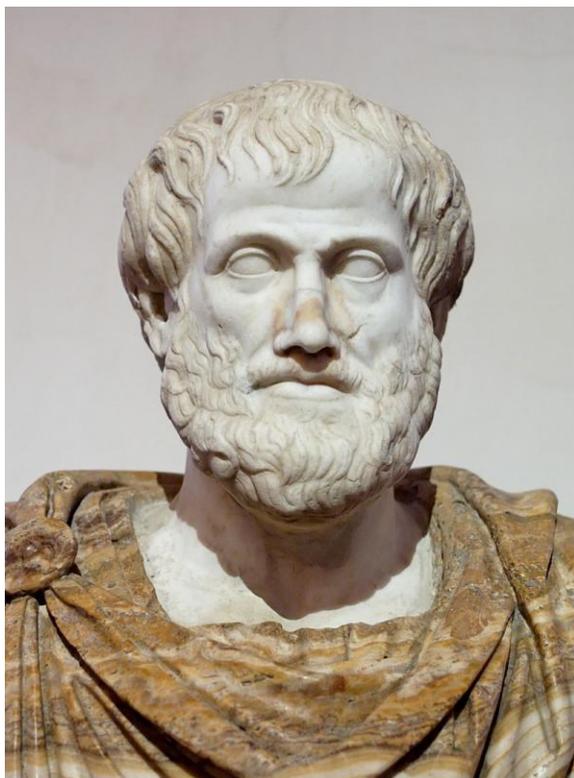
*«Неподалёку от Эсхина был Аристотель, князь мудрости;
Стоял он, сплетя пальцы рук, и хотя был изваян из беззвучной
бронзы, казалось, что в нём живёт деятельная мысль и воля, складки
щек позволяли догадываться о сомнениях и раздумьи, и живые глаза
указывали на пронизательный ум».*

Христордор, византийский поэт (V век)

Наука своими корнями уходит далеко в глубь веков и своё первое оформление получает в Древней Греции. Греческая демократия способствовала познанию окружающего мира, свободному в большой степени от мистики и религии. Античные исследователи стремились дать цельную картину мира, объясняя все явления природы на основе небольшого числа «начал».

Отсутствие строго установленных фактов древние учёные компенсировали догадками, вымыслом, логическими спекуляциями. Эти первые шаги научного мышления были необходимым этапом в развитии естествознания, получившим впоследствии название натуральной философии.

Венцом греческой и всей средневековой натурфилософии является творчество Аристотеля, которое можно назвать великой энциклопедией древней науки.

Бюст Аристотеля. Римская копия греческого бронзового оригинала (после 330 г. до н. э.). Автор оригинала — Лисипп

Аристотель родился в Стагире, на севере Греции, недалеко от города Абдеры – родины Демокрита, во второй половине 384 года до нашей эры в семье придворного врача македонских царей. Профессия медика была потомственной в роду Аристотеля, ведущем своё начало от легендарного Асклепия – покровителя медицины (римляне называли его Эскулапом). Предок Аристотеля врач Махаон упомянут в «Илиаде» Гомера. Аристотель не пошёл по стопам отца, хотя интерес к медицине сохранил на всю жизнь. Восемнадцатилетним юношей он отправился в Афины, чтобы стать учеником Академии великого Платона. Почти двадцать лет, вплоть до смерти Платона весной 347 года до н. э., Аристотель совершенствовал своё образование в Академии. По свидетельству историков, Платон называл его «умом» своей школы. В последние годы пребывания Аристотеля в Академии он и Платон полемизировали по многим

вопросам, однако это не изменило взаимного уважения и преклонения ученика перед учителем. В связи с этим Аристотелю приписывают фразу, показывающую, что сам философ не был догматиком: «Платон – мне друг, но истина дороже».

В 343 году до н.э. Аристотель принимает почётное приглашение македонского царя Филлипа стать воспитателем его четырнадцатилетнего сына, будущего полководца и императора Александра Македонского. Хотя эти занятия продолжались всего три года, до вступления Александра на престол, философ оказал большое влияние на своего ученика, который однажды сказал: «Я чту Аристотеля наравне со своим отцом, так как если я отцу обязан жизнью, то Аристотелю обязан всем, что даёт ей цену». Находясь под покровительством своего бывшего ученика, Аристотель в 335 году до н.э. создал в Афинах школу – Ликей, в которой перед многочисленной аудиторией излагал своё учение, полемизируя с представителями других философских школ. В течение тринадцати лет Аристотель руководил своей школой, ученики и последователи которой получили название перипатетиков (от греческого «перипатос» – блуждание; название связано, вероятно, с прогулками по аллеям Ликей, во время которых философ беседовал с учениками).

Творческое наследие Аристотеля колоссально по объёму. До нас дошла лишь часть произведений учёного-энциклопедиста, но и они поражают необычайно широким диапазоном затронутых научных проблем и глубиной мысли. Даже простое перечисление всех его работ заняло бы слишком много места. И всё же попытаюсь сообщить читателю о наиболее важных творениях Аристотеля.

Ещё в древности его книги по логике, посвящённые научному доказательству и формам вывода из аксиоматических начал, такие как «Первая Аналитика», «Вторая Аналитика», «Категории», «О софистических опровержениях» и другие, были объединены общим названием «Органон», т.е. орудие (философии). К логическим сочинениям Аристотеля примыкают его «Риторика» и «Поэтика» о научных основах ораторского и поэтического искусства.

Общественно-политическая литература представлена тремя «Этиками», «Политикой» и «Экономикой» (последняя, как отмечают историки, приписывается Аристотелю, но, по-видимому, ему не принадлежит, хотя и навеяна аристотелевскими идеями).

Вплоть до XIX века представляли научный интерес его труды по зоологии: «История животных», «О частях животных», «О движении животных», «О происхождении животных». Наверняка, Дарвин –

автор книги «Происхождение видов» был вдохновлён мыслями Аристотеля об эволюции животного мира.

Аристотелевское сочинение «О душе» положило начало психологии.

Позвольте чуть поподробнее рассказать о его работах по физике и близким ей естественнонаучным дисциплинам: «Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорология», «Механические проблемы». Согласно Аристотелю, четыре основных и противоположных качества (холод и тепло, сухость и влажность) попарно образуют элементы, из которых состоят все материальные вещи: земля (т.е. земные тела), огонь, вода и воздух. Всем вещам придаются «абсолютные» свойства тяжести и легкости. Поэтому «естественное» движение земных тел – это вертикальное движение вниз, а огня – вверх. Понятия пространства, времени и материи у Аристотеля взаимосвязаны и не существуют одно без другого (напомню читателю, что это – основная идея общей теории относительности Альберта Эйнштейна!) Под движением он понимает изменение вообще, превращение возможного (потенциального) в действительное (т.е. кинетическое), называя это превращение особым термином «энтелехия» (т.е. энергия – вот вам и современный принцип сохранения энергии!).

Механическое перемещение есть один из видов движения. Все движения, по Аристотелю, делятся на «естественные» и «насильственные». Его трактовка «материи», «места», «движения» такова, что он не допускает существования пустоты. Материя непрерывно распределена в пространстве. С помощью интересных умозаключений Аристотель приходит к выводу, что движение в пустоте вообще невозможно. Он показывает, что в пустоте все тела падали бы на Землю с одинаковыми скоростями, но так как пустота невозможна, то он приходит к ложному выводу о пропорциональности скорости падения весу тела (закон Аристотеля). Этот «закон» и другие физические утверждения философа через столетия спровоцировали Галилея и Ньютона опровергать шаг за шагом аристотелевскую физику; в результате этой критики и была создана т.н. классическая механика, основы которой сегодня изучают школьники. Подчеркну ещё раз, что «Физика» Аристотеля – первый печатный труд, название которого стало обозначением целой науки! Конечно, физика в современном смысле слова лишь формально получает своё начало в труде Аристотеля, однако древний мыслитель первым поставил целый ряд вопросов, ответы на которые мы видим в

трудах Леонардо да Винчи, Коперника, Джордано Бруно, Рене Декарта, Роберта Гука, Лейбница, Гюйгенса...

Наконец, нельзя не упомянуть фундаментальный труд «Метафизика» (в переводе: «Идущая после физики») в четырнадцати книгах, обобщившая натурфилософские исследования учёного. В этом труде Аристотель стремился создать законченную научную картину замкнутого и ограниченного мира, и это ему удалось, правда, с помощью телеологического элемента- «перводвигателя». Именно это привлекло впоследствии внимание церкви, которая канонизировала учение и авторитет Аристотеля. С другой стороны, цельность и законченность аристотелевской картины мира сразу же получила признание древних мыслителей, которые принялись за комментарии и пропаганду аристотелевского учения. Вот почему труды Аристотеля не погибли в течение многих столетий и дошли до нас. Увлечение аристотелевской философией усилилось в Средние века, её стали считать единственно верным учением о природе. Учёным отводилась роль толкователей отдельных мыслей философа, им запрещалось (богословами и схоластами) что-либо добавлять или выбрасывать из созданной им системы (Аристотель здесь ни при чём!). В творчестве великого философа есть глубокие материалистические идеи о реальности мира и о возможности его познания. Не случайно среди известных представителей современной науки в последнее время возрастает интерес к творчеству Аристотеля.

И в заключение позвольте продолжить жизнеописание учёного. После смерти Александра Македонского в 322 году до н.э. власть в Афинах перешла к антимакедонской партии. Философа обвинили в оскорблении богов, и он, опасаясь преследований, покинул Афины, «желая избавить сограждан от вторичного преступления против философии» (намёк на судьбу Сократа), и переехал в Халкиду Эвбейскую, где вскоре умер (в 322 году до н.э.).

До нас дошли и некоторые другие подробности жизни Аристотеля и даже описание его внешности. Как сказано в жизнеописании учёного, составленном Диогеном Лаэртским, «он был ... коротконогий, с маленькими глазами, носил нарядную одежду, перстни и постриженную бороду». Перед нами вырисовывается фигура рассудительного, насмешливого и, вместе с тем, мягкого, благожелательного человека, не лишённого нежных чувств по отношению к единомышленникам, друзьям и родным. Он был дважды женат и имел двоих детей: дочь и сына Никомаха, выпустившего в свет «Этику» отца.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

Животные наоборот. Разум растений

Почему «животные» и почему «наоборот», ведь речь пойдет о растениях? Всего лишь вольная интерпретация высказывания Аристотеля о том, что растения – это животные, поставленные головой в землю (органы размножения наверху, органы питания внизу). Профессор Джек Шульц, из университета в Миссури, уже в наши дни добавил: «Растения – это просто очень медленные животные». А один многоопытный лесничий окрестил деревья лесными слонами. С чего бы? Ведь вроде бы растительный и животный мир – это «две большие разницы». Так ли?

Мы привыкли считать, что растения лишены не только подвижности, но и чувствительности, поскольку природа обделила их органами чувств. Как хорошо сказал кто-то, «если растение щёлкнуть по листу, оно не отдернет ветку и не убежит». От начала и до конца их долгой жизни корни надежно удерживают их на однажды избранном месте – попутешествовать, полетать по воздуху удастся разве что уже отмершим листьям да спящим еще семенам. Деревья не кричат от боли и страха и не сопротивляются, когда топор или пила дровосека кромсает их плоть. По крайней мере, нам всегда было удобнее так считать..

Полиграф Клива Бакстера

Был такой человек – Клив Бакстер (1924-2013), долгое время занимавший должность эксперта-полиграфолога ЦРУ и главы Исследовательского комитета Академии по криминалистике, позднее основавший частную школу полиграфологов в Сан-Диего. (В военных и государственных органах США до сих пор используется разработанная им система детекторов лжи, так и именуемая: «Тест Бакстера»).

Как-то раз, в февральский день 1966 года, – скорее всего от нечего делать – Бакстер взял да подключил свой детектор лжи к комнатному растению (драцене), украшавшему подоконник его лаборатории. И самописец прибора неожиданно начал вычерчивать зигзаги, свидетельствуя о том, что его драцена живет какой-то своей эмоционально насыщенной жизнью.

Не поверив своим глазам, Бакстер решил перепроверить полученный результат. Самописец оживал снова и снова. Это было чуду подобно. В стремлении разнообразить методы воздействия на растение, дабы проследить различия в его откликах, Бакстеру пришла в голову жестокая мысль: напугать драцену, подпалив зажигалкой один из ее листьев. Он только подумал об этом, а стержень самописца резко взметнулся вверх. Полиграфолог готов был бежать на улицу и кричать о своем невероятном открытии каждому встречному. Но вместо этого, забыв обо всем на свете, проводил эксперимент за экспериментом, пытаясь убедить прежде всего самого себя.

Особенно поражало Бакстера то, что растения реагировали не на само действие, а на еще не осуществленную угрозу, возникавшую в его мозгу, то есть получалось, что они считывают его мысли. Это открытие так его ошеломило, что он посвятил всю оставшуюся жизнь исследованиям реакций растений, превратив свою школу полиграфологов в естественнонаучную лабораторию.

На следующем этапе он решил устроить драцене игру в злодея – попросил приятеля оторвать у нее лист и как-нибудь еще напакостить. А потом проверял реакцию растения на «душегуба». Всякий раз, когда тот появлялся в лаборатории, драцена узнавала его и давала сильный эмоциональный всплеск, сравнимый с паническим страхом. Кроме всего прочего, это свидетельствовало еще и о том, что она обладает долгосрочной памятью. Реагировало растение и на намерение Бакстера полить своего питомца, на добрые, ласковые слова, только уже совсем по-другому – спокойно, умиротворенно и...радостно. «Растения способны улавливать электромагнитные колебания и даже... мысли человека, реагируя сигналами счастья или страха!» – записал экспериментатор.

Ну а главное – чем растение чувствует и реагирует?! Ведь у него нет ни одного из известных нам органов чувств – ни зрения, ни обоняния, ни слуха, ни осязания, ни вкуса, нет и нервной системы. Однако не будем спешить с выводами.

Бакстер обнаружил, что в случае крайней опасности растение может не просто испытывать бурный панический страх, но и впасть в ступор – «неметь», «терять сознание». Именно так среагировали его контрольные растения (все самописцы застыли на месте) на появление в лаборатории одного канадского физиолога, исследования которого заключались в сжигании растений в печи, «дабы получить сухой остаток для анализа». То есть для них он был палачом-убийцей, угрозой (Самое время вспомнить про лесорубов с их топорами и пилами).

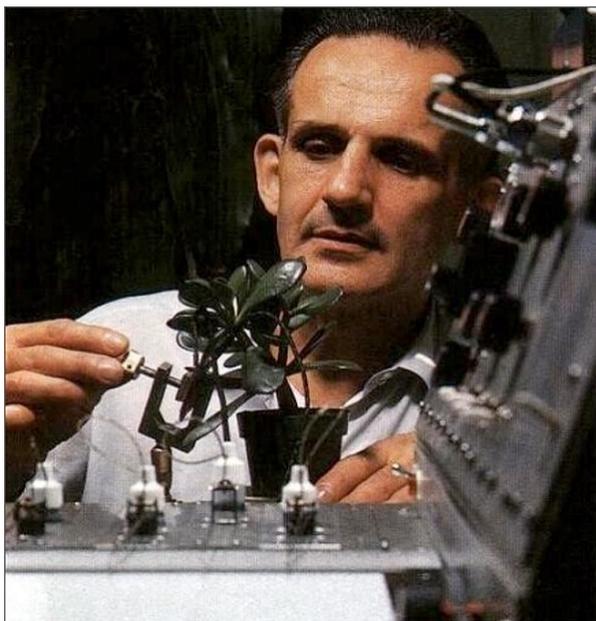
Связь комнатных растений с тем, кто ухаживает за ними, кто относится к ним с любовью, в буквальном смысле не имеет границ. Над ней не властны никакие расстояния, потому что связь эта телепатическая. Правда, увы, односторонняя, ведь сам человек ее ощутить не способен. Сначала Бакстер убедился в этом на собственном опыте, с каждым разом увеличивая дистанцию – растения реагировали на его мысли независимо от того, где он находился. А затем он провел опыт со знакомой актрисой, заручившись ее согласием.

На то время, что хозяйка квартиры должна была отсутствовать, отправившись в очередное гастрольное турне, он подсоединил к ее зеленым питомцам свои детекторы и попросил актрису детально записывать ключевые моменты ее перемещений и их время. В определенные промежутки времени датчики фиксировали дружные эмоциональные всплески одновременно всех подопытных растений. Когда актриса вернулась, с помощью синхронизированных часов удалось определить, что именно в эти моменты она переживала стресс при каждой посадке самолета, поскольку вообще панически боялась летать.

Опыты Бакстера показали, что растения могут испытывать целую гамму чувств – радоваться, печалиться, пугаться и даже паниковать. Что они каким-то таинственным образом запоминают и узнают людей, так или иначе с ними соприкасавшихся, отвечают стойкой привязанностью на добро и бурно реагируют на своих мучителей. Но лучше всего у них получается считывать мысли, и не просто считывать, а сопереживать.

Воодушевленный достигнутым и поддержанный многочисленными спонсорами, Бакстер все более усложнял свои опыты, получившие

благодаря прессе широкий, прямо-таки всемирный резонанс, как среди ученого мира, так и среди простых домохозяек, начавших разговаривать со своими домашними зелеными питомцами.

Эксперименты Бакстера стали открытием для его современников, научным прорывом, откровением, особенно после выхода в США книги Питера Томпкинса и Кристофера Бёрда «Тайная жизнь растений» (1973) с детальным описанием его опытов. Но научным миром в целом они были восприняты довольно скептически, с недоверием. В любом случае, Бакстеру удалось сделать главное – привлечь внимание общественности и прогрессивно мыслящих ученых к самому феномену «коммуникабельности» окружающего нас мира, заявить о необходимости серьезных исследований в данной области. И такие исследования начали осуществляться не только отдельными научными группами, но и целыми институтами.

Ученый и гипнотизер Марсель Фогель

Вслед за Бакстером всплыло имя другого энтузиаста, тоже помешавшегося на стремлении установить контакт с нашими

зелеными братьями – американца Марселя Фогеля (Marcel Vogel, 1917-1991), сотрудника химических лабораторий ИВМ, готовившего специалистов для фирмы. Поначалу он отнесся к шумихе вокруг Бакстера с недоверием и даже с сарказмом – мол, шарлатанство все это. Но выводы полиграфолога его зацепили.

Собрать схему детектора, которую Бакстер прилагал к своим статьям, было несложно. К опытам он привлек весь свой курс, разбив его на три контрольные группы. Отдельной «группой» был он сам. Увы, никто, кроме него, не смог добиться успеха, как терпели фиаско и большинство энтузиастов, желавших приобщиться к данным опытам. А ведь эти неудачи резко снизили интерес к самой проблеме, который поначалу был очень высок.

Фогель утверждал, что камень преткновения не в растениях, не желающих идти на контакт с человеком, а в самом экспериментаторе, в том, насколько он в себя верит. Сам Фогель был личностью непростой. Смолоду он увлекался гипнозом, эзотерикой, теологией, видел свое будущее в роли монаха францисканского ордена, но стал ученым-химиком. Выросший на теориях Юнга (о психической энергии), Месмера (об универсальном флюиде), практике гипнотизера Койе, он вступал в телепатический контакт с подопытным растением совсем на ином уровне.

Растения, как выяснилось, самые настоящие телепаты, способные считывать мысли человека и адекватно реагировать на них, причем независимо от расстояния, разделяющего избранное растение и человека, вступающего с ним в контакт. Фогель начинал воздействие с наложения рук на расстоянии 20 см. Потом с каждым разом увеличивал его – до метра, до соседней комнаты, до другой улицы... до другого города и даже страны. (Однажды он из Праги вошел в контакт с подключённым к записывающему устройству растением, находившимся в Сан-Хосе.) Для чистоты эксперимента растения накрывали колпаком, прятали в бетонные подвалы, в металлические сейфы – контакт и реакция оставались теми же.

Усовершенствовав прибор Бакстера, Фогель осуществил целый цикл опытов, основанных на чисто телепатическом контакте с растениями. Наибольших результатов он добивался, погружаясь во время таких сеансов в состояние медитации по йоговской системе (то есть переходя на уровень подсознания) и успешно демонстрируя это на публике и по телевидению.

«Главным препятствием для успешной публичной демонстрации опытов по коммуникации с растениями, – объяснял Фогель – оккультист, – является скептический или враждебный настрой

экспериментатора. Чтобы побороть в себе негативное отношение, нужно приложить большие усилия. Но если этого не делать, все приборы замирают, а растения становятся как мёртвые. Никакого общения с ними просто не получится... Учёный-материалист не понимает, что он сам же и является частью своего эксперимента».

На основе своего многолетнего опыта Фогель пришел к тем же выводам, которые получали люди с открытым умом до него и после него, – что существует некая единая космическая энергия, как бы пронизывающая и объединяющая все живое, будь то человек, животное или растение, «и именно это Единство позволяет всем живым существам взаимно чувствовать друг друга».

Психолог Рандал Фонтес и эксперт по индийской философии Роберт Свансон, приняли эстафету от Фогеля, продолжив его эксперименты по биокоммуникации. Возможно, именно специализация этих двух калифорнийских ученых стала залогом беспрецедентно высоких результатов, которые не прошли незамеченными. Самые престижные университеты США предоставляли им свои лаборатории и фонды для продолжения начатого. На базе Гарвардского университета Фонтес сумел доказать наличие у растений некоего аналога нервной системы, в основе которой лежит циркуляция электрических токов. А на базе Техасского университета в Сан-Антонио опытным путем подтвердил выводы Фогеля о влиянии человеческой мысли на живые организмы.

В апреле прошлого года во Флоренции, во Дворце Строцци, историческом памятнике XV века, был осуществлен довольно нелепый «флорентийский эксперимент», целью которого было выяснить, как растения реагируют на эмоции человека. Для этого не поленились построить атракцион-трубу двадцатиметровой высоты, внутри которой низвергались вниз добровольцы с зеленым растением, прикрепленным к их поясу. Атракцион был крутой, у добровольцев дух захватывало, как на американских горках. А потом анализировались летучие органические соединения, выброшенные растениями, тоже пережившими стресс. «Мы называем их двигателем, сердечной мышцей, – объяснял экспериментатор. – Через эти показатели растения отправляют нам сигналы.»

Эксперимент. Видео: <https://ntdtv.ru/69435-kak-emotsii-cheloveka-vliyayut-na-rasteniya>

Чем дальше в лес, тем больше дров

Не остался в стороне и Советский Союз. В 70-е годы профессор московского НИИ Института Общей и Педагогической Психологии Вениамин Пушкин, решив уточнить, на что больше реагируют растения – на мысли человека или на его действия, самостоятельно провел в институтской лаборатории более двухсот опытов. Это помогло ему составить собственное мнение: растения реагируют электрическими сигналами величиной около 50 микровольт на эмоциональные послы человека, как бы считывая его мысли и побуждения. И это волнует их больше, чем сами действия, даже если последние имеют агрессивный уклон.

«Наши опыты свидетельствуют о единстве информационных процессов, протекающих в клетках растения и нервной системе человека, – делает вывод В.Пушкин. – Они ведь тоже состоят их клеток, хотя и другого типа. Это единство – наследие тех времён, когда на Земле появилась первая молекула ДНК – носитель жизни и общий предок растения и человека. Было бы удивительно, если бы такого единства не существовало».

Серия экспериментов была проведена и на кафедре физиологии растений Тимирязевской Сельскохозяйственной Академии, под руководством шведского профессора Ивара Гунара, подтвердивших, что на физические раздражители растения реагируют эмпирическими импульсами, вполне сопоставимыми с реакциями нервной системы человека или животного.

Гунар пошел дальше. Предположив, что у растения, наряду с примитивной нервной системой, должен быть и некий «мозговой центр», управляющий реакциями всего организма, его жизнедеятельностью в целом, он-таки обнаружил этот «центр» в шейке корня, обладающий таинственным свойством пульсировать (сжиматься и разжиматься) подобно сердечной мышце. Если не считать прикованности растений к своему месту, делает заключение Гунар, никакой разницы между ними и животными нет. Вспомним еще раз Аристотеля: Растение – животное наоборот...

Полностью статью можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9708>

Александр Рабинович

Москва, Россия

Древние затмения и загадки астрономии

Почти сто лет назад бывший народоволец и узник Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей Н.А. Морозов издал многотомный труд – результат поистине титанической работы.

В нем он проанализировал огромный материал древней истории и обнаружил целый ряд нестыковок при астрономической датировке многих событий на основе данных по солнечным и лунным затмениям.

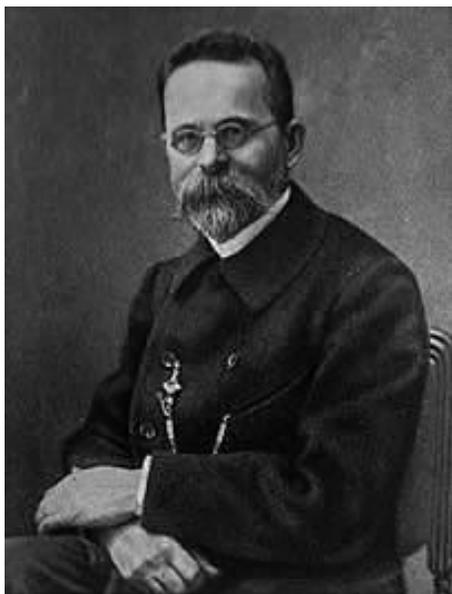
Считая астрономию абсолютно безупречной наукой, он объяснил возникшие серьезные противоречия ошибками хронологии древней истории. Эти противоречия ему удалось снять, но очень дорогой ценой – сдвигом древних событий вперед на многие сотни лет.

В дальнейшем рядом известных историков было приведено немало убедительнейших аргументов, демонстрирующих ошибочность столь радикальной ревизии древней хронологии. Но тогда возникает вопрос: может быть, источником противоречий является не история, а астрономия?

Вот об этом и пойдет речь. В статье будет рассказано о новой космологической идее и связанной с ней малой поправкой к ньютоновской механике, влияющей на датировку событий древней истории и способствующей снятию возникающих противоречий.

1. Н.А. Морозов и древняя хронология

Николай Александрович Морозов (1854-1946) был яркой и многогранной личностью. Будучи русским революционером-народником, состоял членом кружка «чайковцев», «Земли и воли» и исполкома «Народной воли». Участвовал в подготовке покушений на Александра II. За свою революционную деятельность был приговорен к вечной каторге.

Н.А. Морозов (1910)

Находясь до 1905 г. в заточении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, он не пал духом, а окунулся в изучение астрономии, физики, химии, биологии, математики, истории, философии, политической экономии, языкознания и других наук. После Октябрьской революции он стал видным ученым. С 1918 г. Морозов возглавлял Естественно-научный институт им. П.Ф. Лесгафта. Являлся Почетным членом Академии наук СССР. После него осталось большое количество научных трудов в различных областях естественных и общественных наук.

В 1924-1932 гг. Морозов издал 7 томов своей книги под названием «Христос», в которой были подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Исторический труд Морозова не остался незамеченным. На него обрушилась суровая критика со стороны известных историков. Выдвигаемые ими аргументы были более чем убедительными. Однако Морозов был убежден в своей правоте. Он решился на столь смелый переворот в исторической науке, потому что обнаружил существенные противоречия в традиционной астрономической датировке ряда древних событий на основе данных по солнечным и лунным затмениям. Морозов считал астрономию точной наукой и полностью ей доверял. В то же время к исторической науке он такого уважения не проявлял и считал ее ответственной за возникшие противоречия. Но был ли он прав и все ли так безусловно в астрономии?

2. Древняя история и астрономия

Один из важнейших методов датировки древних событий – астрономический, состоящий в использовании исторических документов, описывающих наблюдаемые солнечные и лунные затмения и другие астрономические явления. Его зачинателями являлись французские ученые Жозеф Скалигер (1540-1609) и Дионисий Петавиус (1593-1652). Благодаря их трудам сложилась современная хронологическая система.

Однако в то время теория движения Луны и связанное с ней описание затмений в разные эпохи еще не были идеальными. Поэтому к концу XIX века возникла необходимость составления таблиц солнечных и лунных затмений, охватывающих достаточно большой временной промежуток, чтобы их можно было использовать для уточнения древней хронологии.

Эту нелегкую задачу взял на себя австрийский астроном Теодор Оппольцер (1841-1885). Подготовленный им «Канон затмений» увидел свет в 1887 году. В нем были вычислены элементы 8000 солнечных и 5200 лунных затмений за период с 1207 г. до н. э. до 2163 г. н. э. В основу была положена теория движения Луны, развитая немецким астрономом Петером Ганзенем (1795-1874).

Работа Оппольцера была продолжена его учеником – австрийским астрономом Фридрихом Гинцелем (1850-1926). Гинцель обнаружил, что для древних затмений данные Оппольцера неточны. На основании

обработки описаний средневековых затмений он определил эмпирические поправки к Канону Оппольцера. Они были связаны со сдвигом географических координат мест, в которых наблюдались указанные в Каноне древние затмения.

По Гинцелю в 500 г. до н. э. надо было сделать сдвиг по долготе на 10 градусов, в 1000 г. до н. э. – на 15 градусов, в 1200 г. до н. э. – на 19 градусов.

То, что надо прибегать к эмпирическим поправкам, говорит об одном, – о несовершенстве теории движения Луны. Но что же не учитывает астрономия? Об этом поговорим дальше. А пока вернемся к астрономическим датировкам древних событий.

Одна из самых значительных загадок древней истории связана с датировкой затмений, описанных в книге Фукидида «История Пелопоннесской войны», автор принимал в ней непосредственное участие. Фукидид родился примерно в 460 г. до н. э. и умер в 396 г. до н. э. Описанные им затмения включали два солнечных и одно лунное. При этом первое из них было полным солнечным затмением, так как оно происходило днем и на небе были видны звезды.

Петавиус осуществил астрономическую датировку этих затмений. Он их поместил в 430, 423 и 412 г. до н. э., что соответствовало известному времени действия Пелопоннесской войны. Однако, как было установлено Морозовым на основе Канона затмений Оппольцера и таблиц Гинцеля, первая из выбранных Петавиусом дат отвечала неполному солнечному затмению. А это противоречило его описанию, приведенному Фукидидом.

Поэтому Морозов пришел к выводу об ошибочности датировок Петавиуса. И он поставил перед собой уникальную задачу – произвести датировку затмений Фукидида на временном интервале от 900 г. до н. э. до 1600 г. н. э. с учетом всех имеющихся исторических описаний. В результате проведенного исследования на основе таблиц Оппольцера и Гинцеля им было установлено, что только три даты отвечают затмениям, описанным Фукидидом: 1133, 1140 и 1151 гг. н. э. То есть он переместил Фукидида из V века до н. э. в XII век н. э.! Можно себе представить ужас историков, прочитавших такую новость.

С легкой руки Морозова, аналогичная судьба постигла и ряд других описаний древних затмений. Например, солнечное затмение, описанное у Тита Ливия, Скалигером и Петавиусом было помещено в 189 г. до н. э. Морозов же, рассматривая временной промежуток от 189 г. до н. э. до 1589 г. н. э., нашел для этого затмения единственно возможное место в 967 г. н. э.

Пожалуй, единственное объяснение возникшего противоречия могло бы состоять в признании ошибочности астрономической датировки событий древней истории. Ведь не настолько же могут ошибаться историки, опирающиеся на большое число сохранившихся исторических свидетельств?

Но была и остается также иная точка зрения. Идеи Морозова вдохновили известного математика М.М. Постникова (1927-2004), который с конца 60-х годов прошлого столетия стал их активно пропагандировать. Он увлек за собой группу математиков, одним из которых был известный академик А.Т. Фоменко. Фоменко пошел значительно дальше Морозова в пересмотре хронологии. Созданная им Новая хронология подвергалась жесточайшей критике со стороны крупных историков, но это так и не смогло его остановить.

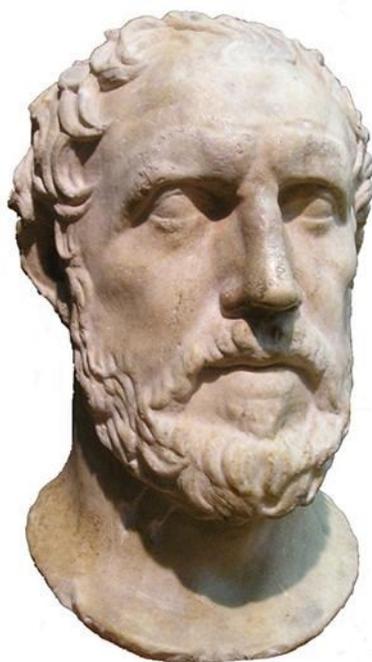
Нужно сказать, что математики, ставшие горячими сторонниками точки зрения Морозова, не проявили достаточного уважения к исторической науке, ввиду ее «гуманитарности», иными словами, отсутствия «математической строгости». В то же время астрономия в их глазах была неким идеалом, в котором нельзя было сомневаться.

Однако оказалось, что и в такой, вроде бы, безупречной науке, как астрономия, есть свои изъяны.

3. Новая космология – ключ к тайнам древней хронологии

Классическая астрономия за большой период своего развития достигла огромных успехов. Важнейшую роль в этом сыграла небесная механика Ньютона, а также уточнившая ее общая теория относительности Эйнштейна. Наблюдения, проводившиеся в течение последних четырех веков, продемонстрировали очень высокую точность небесной механики в описании движения тел Солнечной системы. Однако всегда возникал вопрос, нет ли, пусть и очень малой, неточности в классической астрономии и не будет ли она накапливаться при рассмотрении очень больших временных интервалов? Тот факт, что Гинцелю пришлось вводить поправки к Канону затмений Опольцера для событий до нашей эры, о чем рассказывалось выше, может как раз служить указанием на существование такой неточности.

Если это действительно так, то дефекты астрономии должны отчетливо проявляться в космологии, имеющей дело с огромными расстояниями и миллиардами лет. Поэтому обратимся к ней и одной из тех реальных трудностей, с которыми она столкнулась.

Бюст Фукидида

Очень большой проблемой современной космологии стал вопрос о сущности темной энергии – таинственной субстанции, составляющей примерно 70% массы Вселенной. Для ее описания была введена очень малая добавка к эйнштейновским гравитационным уравнениям – так называемый космологический член. На его основе была предложена ставшая общепринятой космологическая Λ CDM модель. До текущего года она не вызывала сомнений у большинства космологов. Однако в его начале появилась статья астрономов G. Risaliti и E. Lusso в престижном британском журнале *Nature Astronomy* (2019, Vol. 3, p. 272), прозвучавшая как гром среди ясного неба. Оказалось, что Λ CDM модель становится неверной для древних событий, отдаленных от нас многими миллиардами лет. Но тогда чем же можно ее заменить?

К счастью, такая космологическая теория существует. Она была впервые предложена мною в статье, вышедшей в известном британском журнале «*Classical and Quantum Gravity*» (A.S. Rabinowitch, CQG, 2003, Vol. 20, p. 1389). О ней я рассказывал в материале, опубликованном в журнале [«Чайка» 15 августа 2017 г.](#) В этой статье риманова геометрия общей теории относительности

Эйнштейна была заменена ее обобщением – геометрией Вейля. Важная особенность такой теории – ее инвариантность в пустом пространстве по отношению к выбору масштабов длин в его различных местах, что как раз отсутствовало в теории Эйнштейна. Для этого Вейль ввел некоторое дополнительное поле. Он рассматривал это поле как электромагнитное, что привело к серьезным противоречиям и к почти полному отказу физиков от его подхода. Однако, как показал проведенный мной анализ, теорию Вейля можно спасти, рассматривая его поле как крайне малое, дающее лишь очень небольшую поправку к эйнштейновской гравитационной теории.

Как выяснилось, малое вейлевское поле позволяет дать новую интерпретацию целому ряду космологических явлений и может быть отождествлено с таинственной темной энергией. Данные результаты, помимо упомянутой статьи, вошли в две мои монографии: A.S. Rabinowitch «Nonlinear Physical Fields and Anomalous Phenomena», New York, Nova Science Publishers, 2009 и А.С. Рабинович «Математические основы малоизученных аномальных физических явлений», Москва, УРСС, Кн. дом «Либроком», 2015.

Очень любопытным оказалось применение новой космологии к датировке затмений древней истории. Как выяснилось, моменты их появления практически неотличимы от рассчитываемых по классической астрономии. Однако места, где видны затмения с заданной фазой и, в том числе, полные солнечные затмения, должны быть сдвинуты по долготе и широте. Причем за два тысячелетия эти сдвиги могут уже достигать весьма ощутимых величин. Это означает, что в таблицы Опольцера и Гинцеля необходимо внести существенные изменения в географические координаты мест, где наблюдались древние затмения.

Такие поправки могут сыграть ключевую роль в снятии возникших противоречий между описаниями затмений, приводимых Фукидидом, Титом Ливием и в ряде других источников, и их характеристиками, получаемыми на основе астрономической теории.

Часть 7. Наши интервью

П.А. Федотов. Разборчивая невеста, 1847

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

Судьба и выбор. Из цикла «Откуда и куда». Евсей Цейтлин – Лев Бердников

Лев Бердников – эссеист и культуролог, замредактора журнала СЛОВО/WORD, автор журнала ЧАЙКА

***Е.Ц.** Ситуация выбора неременна в судьбе и творчестве каждого литератора. Что ж, именно о выборе давайте поговорим. Начнем со старта, с тех трудных дней, когда, окончив литфак Московского областного пединститута, молодой человек решительно ушел от современности, от главных «магистралей» соцреализма. Ушел в тихие переулки прошлого. Вот тема вашей кандидатской диссертации: «Становление сонета в русской поэзии XVIII века (1715-1770)». Причины своего «бегства» вы четко объяснили много лет спустя: «XVIII век – самый загадочный и увлекательный период в истории России. Он раскрывает перед нами любопытнейшие и часто неожиданные страницы той славной эпохи, когда стираются грани между спектаклем и самой жизнью, когда все превращается в большой костюмированный бал с его интригами и дворцовыми тайнами».*

И все же: как возник и формировался ваш особый интерес к 18-му веку?

***Л.Б.** Андрей Синявский сказал однажды, что у него с советской властью «стилистические разногласия». Вот и я никаких симпатий ни*

к власти, ни к насаждаемому ею соцреализму не испытывал. Логика так называемой «внутренней эмиграции» привела меня к эпохе XVIII века. Но... сначала была Якутия.

После окончания института я поехал туда по распределению. Сделал этот свой выбор отчасти потому, что «Учительская газета», с которой начал сотрудничать ещё в студенческие годы, ждала от меня, внештатного корреспондента, свежих материалов из глубинки. Увы! Совсем скоро мне суждено было увериться, что «вреден Север для меня». В Якутии я тяжело заболел,

понадобилась серьёзная операция, причём именно в Москве, в Институте эндокринологии и химии гормонов. Когда же здоровье несколько поправилось, я принялся искать работу: найти ее еврею было архитрудно. В какие только двери ни стучался – везде получал отказ, иногда вежливый, иногда брезгливый и бесцеремонный. Сценарий был до боли стандартен: кадровики, делая вид, что пекутся о вашем же благе, стращали всякими трудностями: и малой зарплатой, и отсутствием перспектив, и монотонностью самой работы. Помню, однажды, во время интервью на должность младшего редактора издательства «Просвещение», услышав эти привычные страшилки, не сдержался и выпалил: «Знаете, что Лев Толстой сказал о Леониде Андрееве? «Он пугает, а мне не страшно!». В конце концов – по большому благу! – я устроился в Учебно-методический кабинет Министерства заготовок, который называл в сердцах «конторой по заготовке рогов и копыт». Трудно передать состояние отупелого отчаяния, в котором я пребывал, редактируя унылые пособия и методички с характерными словами: «меласса», «органолептически», «шнеки», «шроты» и т.д., значение которых хотелось тут же забыть. Наконец, узнав, что в Отделе диссертаций Ленинской библиотеки вакантна должность подносчика книг, я не задумываясь, бежал туда. К тому же, в это самое время мой бывший преподаватель, доцент МОПИ им. Крупской стиховед Владимир Сергеевич Совалин, (он, между прочим, составитель первой в СССР антологии «Русского сонета» – М., 1983), посоветовал мне заняться историей сонета, причём не сонета вообще, а именно русского. Так и получилось, что

немалый отрезок жизни я провёл под руководящим лозунгом: «Вся власть сонетам!» Мне стало понятно: исследовать проблему надлежало с её истоков. Путь неизбежно пролегал через русский XVIII век – через творчество Василия Тредиаковского, Александра Сумарокова, Алексея Ржевского.... Необходимо было погрузиться в ту эпоху. При этом об аспирантуре (даже заочной) я и мечтать не смел – стал соискателем, работая над диссертацией, что называется, без отрыва от производства. Долгие часы проводил в читальном зале Научно-исследовательского отдела истории книги, редких и особо ценных изданий Ленинской библиотеки. И вот счастливый случай: после года безуспешных попыток я был, наконец, принят на работу именно в этот отдел. Начал с должности библиотекаря и дорос до старшего научного сотрудника, руководителя научной группы русских старопечатных изданий. Описание русских книг XVIII века стало входить в мои должностные обязанности. Постепенно стала понятна и сущность русского сонета, его историко-культурное значение. Овладение краткой, изящной, сложнейшей по технике формой сонета воспринималось русскими стихотворцами как «побеждённая трудность», приобщение к поэтической культуре вообще...

Е.Ц. Но вот в 1990-м вы уже переехали в США. Уже вышли обласканные рецензентами ваши книги, посвященные XVIII веку: «Щеголи и вертопрахи. Герои русского Галантного века» и «Шуты и остроловы. Герои былых времен». Вы уже получили в России престижную Горьковскую премию. Однако у вас впереди – очередная ситуация выбора. Было это лет пятнадцать тому назад. Вы тогда впервые обратились к еврейской теме. Хорошо помню наши долгие беседы. И ваши сомнения: с чего начать? Выбор был сделан верно: тема оказалась востребованной. За эти годы в литературной периодике появились ваши многочисленные очерки и эссе о еврейских деятелях русской истории и культуры. Появились и ваши новые книги. Как вы очертили для себя границы безбрежной «еврейской темы» и свой жанр?

Л.Б. Как ни странно, к еврейской теме я в конце концов пришёл тоже через XVIII век. Поиск жанра не потребовался: я его апробировал ранее в своих книгах о русской культуре. Это документально-биографическое эссе, которое решает не только исследовательскую, но и художественную задачу – попытку создания полнокровного портрета персонажа. Первым из моих еврейских героев стал вице-канцлер П.П. Шафиров с его книгой «Рассуждение о причинах Свейской войны» (1716, 1722). Я с удивлением узнал:

именно им впервые в России было употреблено слово «патриот», которое объяснялось как «Отечества сын». Таковым еврей Шафиров считал, прежде всего, себя, имея на то самые веские основания. Он ни сном, ни духом не ведал, что националисты-почвенники впоследствии будут козырять тем же словом, внушая, что «патриот» и «еврей» – две вещи несовместные.

Эмиграция резко обострила мои национальные чувства. Вспомню, кстати, одну историю. Уже находясь в США, я прочитал в журнале «Наш современник» статью «Что имеем, не храним». Речь шла о судьбе знаменитой библиотеки баронов Гинзбургов. Ее собирали три поколения этой семьи. После смерти барона Давида Гинзбурга активисты сионистского движения выкупили коллекцию и собирались отправить ее в Израиль. Увы, большевики национализировали собрание. Спор о правах на библиотеку, хранившуюся в Ленинке, шел долгие десятилетия. И вот теперь автор «Нашего современника», некто Михайлов, пугая «патриотическую общественность», протестовал и против передачи библиотеки Израилю, и против доступа зарубежных исследователей к рукописям из коллекции, которые не зря называли жемчужиной иудаики. А у меня сомнений не было: под маской Михайлова были сокрыты некоторые представители Отдела рукописей Ленинской библиотеки, в статье выражались их «чаяния». И вспомнилось вдруг, как по коридорам библиотеки иные из них, в униформе общества «Память», чёрных рубахах и со значками Георгия Победоносца в петлицах, улюлюкали вслед людям с иудейской внешностью. Я написал тогда статью «Зачем патриотам еврейские манускрипты?», которая была потом опубликована в нескольких изданиях, в том числе в газете «Jerusalem Post» (1991, 25 июня). Может статься, в том, что ныне материалы коллекции стали общедоступными, есть и моя скромная лепта.

Интерес к еврейской теме особенно усилился, когда ко мне из Израиля приехала мама, Анна Григорьевна Фельдман. Ей сразу же дали грант на чтение курса лекций по еврейской истории для русскоязычных эмигрантов, который она приготовила ещё в Израиле, а затем пригласили на работу в SHOAN Foundation Стивена Спилберга: она стала интервьюером переживших Холокост русскоязычных узников гетто, причём не только в США, но и в Польше и России. Мама много сделала и для русско-еврейской общины Лос-Анджелеса: открыла детскую русскую школу для детей-эмигрантов – внуков тех самых бабушек и дедушек, которых она интервьюировала... Увлечись еврейской темой, я старался искупить

былое невнимание к своему народу. Если говорить о моих биографических эссе, то их героями стали выдающиеся евреи России XV-начала XX века: от крымского купца на службе Ивана III Хози Кокоса до династии баронов Гинцбургов и генерал-лейтенанта Российской армии Михаила Грулёва. Особняком стоят культурологические темы (например, статьи о дресс-коде евреев в Российской империи или образе Ротшильдов в отечественной литературе XIX века).

Е.Ц. Выбор совершали и ваши герои. Одну из своих книг вы назвали «Евреи в ливреях». Сказать легко – трудно эту ситуацию прожить. Речь идет о евреях, оказавшихся на вершине государственного Олимпа в дореволюционной России. «Ой, не шейте вы, евреи, ливреи», – предупреждал в своей песне Александр Галич. Проследившая судьбы героев, вы, естественно, часто подтверждаете слова поэта: «...Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате. А сидеть вам в Соловках да в Бутырках, И ходить вам без шнурков на ботинках». Однако у ваших героев была и другая, не видимая для чужих глаз трагедия: еврей-выкрест (а только он мог достичь карьерных вершин) навсегда становился отвергнутым своим народом, семья совершала по нему траурный обряд... Вы упоминаете об этом, однако, как правило, не идете вглубь. Это не входит в вашу задачу. Но представьте: вы решили написать книгу об этой мучительной проблеме еврейского самосознания.

Л.Б. Сразу уточню: не все крестились из прагматических и карьерных соображений. Среди апостатов – крещёные при рождении или в детстве; обращённые по принуждению (как, например, 33 тысячи кантонистов при Николае I); наконец, сочетающиеся браком с лицом христианского вероисповедания (адвокат Лев Куперник по сему случаю послал отцу характерную телеграмму: «Влюбился. Крестился. Женился»). Но главное даже не это. Среди выкрестов были, конечно, и воинствующие юдофобы, зараженные бациллой самоненавистничества (достаточно назвать автора «Книги кагала» Якова Брафмана, рассказчика антисемитских анекдотов Павла Вейнберга или одного из составителей пресловутой фальшивки «Протоколы сионских мудрецов» Ивана Манасевича-Мануйлова). Подавляющее же большинство просто отошло от еврейства и целиком растворилось в русской жизни и культуре. Но особого внимания заслуживают те неофиты, кто, избавившись от религиозной дискриминации, использовали своё привилегированное положение на благо собственного народа (исследователи называют таковых «хорошие плохие евреи»). Среди них выделяются страстный

разоблачитель кровавого навета профессор Даниил Хвольсон; руководитель масштабных статистических трудов о пользе, принесенной евреями экономике империи, Иван Блиох; придворный фотограф и одновременно деятель еврейской общины и ивритский поэт Константин Шапиро и др. Что до крещёного Льва Куперника, ревностно защищавшего евреев от погромов и преследований за адвокатской кафедрой, то по случаю его кончины в нескольких синагогах Киева состоялись поминальные службы. Вспомню и Михаила Грулева, посвятившего свою книгу «Записки генерала-еврея» (1930) «многострадальному еврейскому народу». Живя во Франции, он был жертвователем средств в пользу сионистских организаций.

Е.Ц. Среди ваших статей выделяется очерк «Подвижник». Его герой – литературовед Григорий Львович Абрамович – известен тысячам филологов. Хотя известен односторонне – прежде всего как автор учебника «Введение в литературоведение», по которому учились несколько поколений советских (и не только советских) студентов. А в своем очерке вы рисуете многомерный портрет ученого (меня, к примеру, чрезвычайно заинтересовал рассказ о том, как Григорий Львович руководил работой по созданию знаменитого трехтомника «Теория литературы»). Но главное – здесь есть сложный психологический портрет еврейского интеллигента советской чеканки: он искренне верит в коммунистические идеалы, храбро защищает их на фронте, однако вновь и вновь сталкивается с антисемитизмом... Многие страницы вашего повествования, пронизанные подлинным трагизмом, стали открытием для читателя. Вы предельно приблизились к судьбе героя. И это не удивительно. Все объясняет скромная строчка в конце очерка: «P.S. Григорий Львович Абрамович приходится автору этого текста родным дедом». Знаю, что вы росли в доме дедушки. Какую роль он сыграл в формировании вашей личности? Что осталось за скобками очерка?

Л.Б. Дед стоит сейчас перед моими глазами... Доброволец в начале Великой Отечественной, который был трижды ранен, но дошел до Берлина; литературовед, переживший кампанию борьбы с «безродными космополитами», сам испытавший травлю (бабушка уже подготовила чемоданчик с сухарями и теплыми носками)... Какими были его уроки? Они просты и одновременно сложны. Дед никогда не изменял своим нравственным принципам. Он часто повторял: «Образ прекрасен и сам собой, и бесконечностью за ним лежащей дали». Истинный смысл этой фразы я осознал уже в процессе

литературной работы. Именно дед пробудил во мне эстетическое чувство. Но самое сильное впечатление произвела на меня хранившаяся в книжном шкафу увесистая антология «Русская поэзия XX века» (1925), составленная И. С. Ежовым и Е. И. Шамуриным, вскоре запрещенная советской цензурой. Я жадно вчитывался в произведения символистов, акмеистов, имажинистов. И вслед за дедом декламировал стихи Константина Бальмонта, Осипа Мандельштама, Владимира Соловьева, Марины Цветаевой. Дед вслух читал мне Николая Гумилева, и душа переносилась туда,

Где карлики с птицами спорят за гнёзда,
И нежен у девушек профиль лица,
Как будто не все пересчитаны звёзды,
Как будто наш мир не открыт до конца.

Я и сам тогда начал писать стихи, подражательные и слабые, но – слава Богу! – благодаря деду быстро осознал, что это не моя стезя. Хорошо говорит о «воспитании чувств» один характерный эпизод. Мальчишки щеголяли отцовскими погонами и орденскими колодками, нашитыми родителями поверх пальто. Вот и я попросил у деда его майорские погоны. Он ответил: «Во время войны смерть ходила за мной по пятам, я был трижды ранен, а играть в войну постыдно и недопустимо». Этот урок я запомнил на всю жизнь. Задавал деду множество вопросов, но вместо ответа он постоянно отсылал меня к словарю или энциклопедии, приучив пользоваться справочной литературой во всех случаях жизни. Дед не был религиозен, не соблюдал еврейских обычаев, не знал идиш, но жил по иудейским этическим законам, часто цитируя слова Гилеля: «Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?» Аскет в жизни, он всегда довольствовался малым, не гнался за чинами и званиями. При этом – повторю – антисемитизм сопровождал его всю жизнь. Он рассказывал, как ещё в 1920-е годы, во время его действительной военной службы в Благовещенске, окопавшиеся с той стороны советско-китайской границы белогвардейцы выкрикивали матерные проклятия в адрес жидов и комиссаров. Да и во время Второй мировой подобные проявления были нередки. С детства запомнил другой рассказ деда: немцы призывали красноармейцев переходить на свою сторону, вонзив «напоследок кинжал в пузо комиссара Абрамовича или Рабиновича». И разбрасывали листовки:

У жида-политрука

Морда просит кулака.

Пропагандист и просветитель, дед был почитаем сослуживцами. Под его влиянием некоторые однополчане стали учителями

словесности, например, Иван Побединский, уже в наши дни опубликовавший воспоминания о нём в «Литературной газете». Абрамович и сам был Учителем от Бога, вдохновенно преподавал литературу почти полвека. Очень любил этот молодой шум, да и сам был неизменным любимцем студентов по крайней мере четырёх поколений. В своих лекциях он апеллировал не только к их мыслям, но и к чувствам. Хотя его вкус к литературе и методологический подход к ней сближал нас, он всё же был человеком своего времени с его догматически ортодоксальной идеологией. Знаете, здесь я тоже нахожу урок. В отличие от деда, чужаюсь всех и всяческих идеологических догм, стараюсь исследовать факты и документы без заранее заданных концепций...

***Е.Ц.** В своей книге «Силуэты» вы рассказываете о многих представителях русско-еврейской литературы конца 19-го – начала 20-го века. Развитие этой литературы было искусственно прервано. Судьбы писателей зачастую сложились трагично. Живо ли их творчество, когда-то волновавшее тысячи читателей, или сейчас, спустя столетие, оно существует только как иллюстрация к трудам литературоведов?*

Л.Б. Как это ни парадоксально, но дореволюционная русско-еврейская литература более популярна в США, нежели в современной России. Напомню в этой связи капитальную антологию Максима Шрайера (2007) или работу Сары Бэйлин о русско-еврейских писательницах (2000). В моей книге «Силуэты» я рассказал о десяти таких литераторах. Из них современному российскому читателю известны лишь немногие и подчас вовсе не еврейской составляющей их творчества. Это относится прежде всего к Семёну Надсону. На рубеже XIX – XX веков его произведения издавались сотнями тысяч экземпляров, да и после революции, равно как и в постсоветской России стихи его перепечатывались десятки раз, в том числе и в сборниках русских поэтов. Но его единственное обращённое к соплеменникам щемящее стихотворение «Я рос тебе чужим, отверженный народ...» едва ли привлекало общее внимание. И переводчик Пётр Вейнберг, открывший россиянам целый пласт зарубежной еврейской литературы, знаменит отнюдь не этим, а своими сатирическими стихами и переводами Гейне, Байрона и Шекспира. Что до национального еврейского поэта Семена Фруга, то интерес к нему проснулся только в последние годы, когда вышли в свет 7 его книг стихов, очерков, фельетонов, а в 2016 году, к 100-летию со дня его рождения, на 2-м Одесском кладбище ему был открыт мраморный памятник. Если говорить о нашем времени, то

совсем недавно обрела известность самая, пожалуй, крупная дореволюционная еврейская писательница Рашель Хин. После Октября её произведения практически не переиздавались, а в 2017 году вышел сборник избранных текстов Рашель Хин «Не ко двору», и я горд тем, что принял участие в издании этого сборника – был одним из составителей, автором вступительной статьи и комментариев. Будем надеяться, что и другие еврейские литераторы найдут дорогу к широкому читателю. Они достойны того.

Е.Ц. «Евреи в царской России – сыны или пасынки?». Это название еще одной вашей книги. И одновременно – вопрос, обращенный к читателю. Конечно, вопрос риторический. Черта оседлости, погромы, насильственное крещение мальчиков-кантонистов, многочисленные запреты, процентная норма при поступлении в учебные заведения... Какие уж тут сыны! Кстати, вы могли бы обойтись и без прилагательного в словосочетании «царская Россия». Советский антисемитизм был ничуть не лучше. Евреи из создателей социалистического государства превратились в его заложников. Сейчас государственного антисемитизма нет, но вот читаю интервью иностранного журналиста с одним из чиновников в российской глубинке. «Как у вас с евреями?» – «С евреями все в порядке. Нам объяснили из Москвы, что евреев надо любить». Комментировать тут нечего. История российского еврейства очевидно близка к завершению. Это не перечеркивает значение ваших работ, но окрашивает их в заведомо прощальные тона.

Л.Б. Но сам я не прощаюсь с темой еврейства. На моём столе – материалы к новой работе, которую я бы определил так: «Цари и евреи». Это попытка проследить историю еврейства в России через отношение к нему властей преобладающих. «Советские цари» в моё исследование не входят, хотя, может, и обращусь к ним в недалёком будущем. Евреям, как известно, с первых же шагов их появления в России сопутствовал антисемитизм. Однако несмотря на все препоны и ограничения, еврейство не просто выживало, но стремилось внести свой вклад в становление государственности, культуры и быта. Не растворяясь, зачастую не ассимилируясь, но успешно адаптируясь к среде своего обитания. Взгляд из Америки на прошлое и настоящее России заставляет по-новому осмысливать многое – в том числе и историю еврейства. Пасынки превращаются в сыновей Израиля, Европы и США. И это, как не раз уже было сказано, вызывает сожаление у подлинных патриотов России. Им не хватает еврейской талантливости, особой остроты мышления. Если же говорить об интересе к моим героям и моим текстам, то, может быть, он со

временем проявится у эмигрантов в Израиле, США, Европе – у тех, кто по-прежнему мучительно размышляет о своих российско-еврейских корнях.

Март-апрель, 2019

Ирина Чайковская

Б. Вашингтон, США

Интервью с Анатолием Валюженичем – исследователем жизни и творчества Лили и Осипа Бриков

Ирина Чайковская. Дорогой Анатолий Васильевич, как так получилось, что в середине 1960-х, Вы, заслуженный энергетик Казахстана, параллельно с основной работой стали заниматься темой «Маяковский и его окружение»? Что Вас подвигло?

Анатолий Валюженич. Не совсем так. Во-первых, в середине 1960-х я только что перестал считаться «молодым специалистом», а «Заслуженным энергетиком СНГ» и «Почетным энергетиком Казахстана» стал лишь через несколько десятилетий. А Маяковским я заинтересовался еще раньше, еще со школьной скамьи, но все это на уровне школьной программы (хотя и более объемной, чем нынешняя).

Первоначальным же толчком к более углубленному погружению в маяковедение стал вышедший в 1958 году академический 65-й том «Литературного наследства» – «Новое о Маяковском» – с впервые опубликованными в нем письмами поэта к Лиле Брик. Вокруг их публикации поднялась целая волна

негодующих рецензий! По поводу выхода в свет этой «крамолы» вышло специальное Постановление ЦК КПСС! Причастные к этому изданию были примерно наказаны, а сама книга незаметно исчезла с полок библиотек.

А в 1968 году с публикации в самом популярном в СССР в то время журнале «Огонек» статей Колоскова и Воронцова «Любовь поэта» и «Смерть поэта» развернулась еще более масштабная антибриковская кампания, получившая впоследствии название «Операция «Огонек»». И это не только «подвигло» меня к занятиям маяковедением, а буквально втолкнуло в него.

И.Ч. В дальнейшем, как я понимаю, Ваши интересы сосредоточились на семье Осипа и Лили Брик. Что Вас первоначально заинтересовало в этой паре? Менялось ли Ваше отношение к ним по мере изучения материалов?

А.В. Я вдруг осознал, что легендарная Лиля Брик не мифологическая героиня ушедшей истории, а моя современница, живущая в Москве, и стал делать попытки связаться с ней, хотя бы по почте. Но одновременно меня заинтересовала личность Осипа Брика, известного литератора в свое время. И я с удивлением осознал, что не так-то просто ознакомиться с его работами. Они публиковались только при его жизни, в 1915-1945 годах, и практически не переиздавались. Мало того, хотя составлением Библиографии работ О.М.Брика последовательно уже занимались зарубежные исследователи: Мария Энзенсбергер, Ваган Барушьян, Розмари Циглер и Бенгт Янгфельдт, она оставалась неполной, и мне, в результате моих поисков удалось увеличить список на треть, доведя общее количество ставших известных мне его работ до 475!

Осип Брик, Лиля Брик и Владимир Маяковский. Фото: Государственный музей В.В. Маяковского

Мне удалось впервые связаться по почте с Лилей Брик только в конце 1977 года, и наша переписка продолжалась полгода, до ее смерти 4 августа 1978 года.

И.Ч. Вы стали одним из первых исследователей-бриковедов, занялись научной биографией Осипа Брика. Пожалуйста, расскажите о Вашей первой работе, ему посвященной.

А.В. Моя первая книга «О.М.Брик. Материалы к биографии» вышла в Акмоле к 100-летию со дня рождения В.Маяковского, в 1993 году.

Это был солидный том объемом 390 страниц с иллюстрациями.

В нем было все о Брике: очерк его жизни и творчества, избранные работы и переписка, воспоминания о нем, библиография его работ, а также моя статья о его творческом наследии. Многие материалы были опубликованы здесь впервые.

И вообще к тому времени штатные литературоведы о нем как бы совсем «забыли». Она явилась «бомбой» в московской литературной среде. Известный тогда литератор Олег Смола, принимая от меня экземпляр этой книги для написания на нее рецензии в «Литературную газету», в задумчивости и с недоумением сказал: «Как же это мы здесь в Москве про Осипа-то позабыли?...».

Несмотря на сравнительно небольшой тираж, книга как-то разошлась по всему миру. О ней вспоминают до сих пор, ссылаются на нее в своих работах. С ее появлением родился и укоренился термин

«бриковедение», а людей, занимающихся в этом направлении стали называть «бриковедами».

Яркими событиями в «бриковедении» стали две Международные научные конференции, посвященные ему, которые были проведены в Москве в 2010 и 2013 годах, в которых участвовали специалисты из ряда стран. По их результатам были выпущены «Бриковские сборники» объемом 620 и 680 сс.

И.Ч. О материалах и документах. Для написания таких документированных книг, как «О. М. Брик: Материалы к биографии», «Лиля Брик – жена командира. 1930-1937», двухтомника «Пятнадцать лет после Маяковского», куда вошло исследование «Последние годы Осипа Брика. 1938- 1945», и др. Вам были нужны материалы из библиотек и архивов. Где Вы их брали, живя в разных городах Казахстана?

А.В. Одна поправка: с начала 1964 года и по сей день я живу в одном и том же городе в Казахстане. Изначально он назывался Акмолинск, в годы освоения целины – Целиноград, став центром Целинного края, после распада СССР он – Акмола, а после переноса в него из Алматы столицы Казахстана он – Астана. В марте 2019 года его переименовали в Нур-Султан в честь ушедшего в отставку Первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Такова наша история с географией.

Ну конечно же, собирать интересовавшие меня архивные материалы, проживая на расстоянии 3000 километров от Москвы, было бесконечно трудно. Ведь мне пришлось много часов просидеть в читальных залах ЦГАЛИ (Центрального, сейчас Российского) архива литературы и искусства, ГБЛ (Библиотеки им.В.И.Ленина, сейчас – РГБ) и ее филиала – Газетного зала в Химках. Но при этом мало было найти какую-то ранее неизвестную публикацию О.Брика, надо было ее еще скопировать себе. Сегодняшний читатель вряд ли представляет себе сложность этой задачи тогда. Сегодня достаточно достать из кармана мобильник, щелкнуть им несколько раз, и статья у вас в кармане. Но ведь никаких подобных устройств тогда еще не было, фотографирование, да еще со специальным освещением, в читальном зале не разрешалось, и сама библиотека заказы на копирование не принимала. Вот и приходилось доставать тетрадь и ручку и от руки переписывать эту статью для дальнейшего изучения и возможной повторной публикации.

И.Ч. Спасибо за разъяснение насчет истории с географией! Все же четыре переименования за короткое время – некоторый перебор. А вопрос у меня такой. Что скажете о тех интересных людях, с которыми

Вы встречались и переписывались в ходе Вашей работы? Сама Лили Брик умерла в общем-то совсем недавно, в 1978 году. Не расскажете о своей переписке с ней? Интересно было бы услышать и о Катанянах – старшем, Василии Абгаровиче, литературоведе, муже Лили Юрьевны, и младшем, Василии Васильевиче, кинорежиссере. Оба бережно хранили память о Лиле и писали о ней. Знаю интереснейшую книгу жены Василия Васильевича Катаняна Инны Генс «Дома и миражи», где много говорится о любимой мачехе ее мужа. А Вероника Полонская, последняя любовь Маяковского? Она умерла в 1994 году. Вы успели с ней пообщаться?

А.В. О своей полугодовой переписке с Лилей Юрьевной Брик я уже говорил. После ее смерти эту переписку продолжил ее овдовевший муж Василий Абгарович Катанян, с которым я впервые встретился в его квартире на Кутузовском проспекте осенью того же 1978 года. Он скончался в феврале 1980 года, и за это время мы довольно интенсивно переписывались и несколько раз встречались у него. Когда я встречался с ним в последний раз осенью 1979 года, он подробно рассказал мне, как и где был развеян под Звенигородом прах Лили Юрьевны. Я съездил туда, нашел по его описанию это место и даже составил маршрутную карту, как туда можно попасть. Пару экземпляров этой карты я передал ему, и, как он говорил, ею воспользовались потом несколько почитателей Лили Юрьевны.

После его смерти (а он завещал развеять его прах там же, где и Лили Юрьевны) в эту знаменитую квартиру на Кутузовском въехал его сын Василий Васильевич с женой Инной Юлиусовной и матерью Галиной Дмитриевной. В последующие 25 лет я много раз побывал в этой квартире, особенно сблизился с Василием Васильевичем, с которым, к тому же, был в интенсивной переписке и который щедро одаривал меня разными приятными подарками из собрания и архива Бриков, который он разбирал в доставшейся ему квартире. Он очень тепло приветствовал выход моей книги «О.М.Брик. Материалы к биографии» и передал мне для публикации переписку Лили Юрьевны и Осипа Максимовича в последующее после смерти Маяковского 15-летие. Но последовательно ушли из жизни все члены этой славной семьи: Галина Дмитриевна в 1991-м, Василий Васильевич в 1999-м, Инна Юлиусовна в 2014-м. Больше я в этой квартире на Кутузовском не был.

Мне посчастливилось познакомиться, повстречаться и переписываться с рядом людей из окружения Маяковского и маяковскооведами.

Где-то в начале 1990-х я побывал в Доме ветеранов сцены, где впервые встретился и познакомился с Вероникой Витольдовной Полонской. По-моему, ей очень импонировало, что в общении с ней я никогда не расспрашивал ее о последних минутах жизни Маяковского, который скончался практически у нее на глазах, т.к. этим вопросом ее, по-видимому, терзали другие собеседники. Мы с ней переписывались потом до ее смерти в 1994-м. Я даже успел послать ей только что вышедшую свою книгу об Осипе Брике.

Переписывался я еще с одной «любовью Маяковского» – Натальей Александровной Брюхоненко.

Часто бывал в семье А.Родченко – его дочери Варвары в доме на Кировской, напротив Почтамта.

А будучи в Ленинграде, бывал в гостях у Луэллы Александровны Варшавской-Краснощековой, которая в юности какое-то время жила в семье Маяковского-Бриков, да и потом постоянно поддерживала с ними связь.

Вспоминается и такой комичный случай.

В 1978 году из какого-то источника мне стало известно, что еще в 1923 г. Осип Брик совместно с Сергеем Юткевичем написали сценарий фильма «Приключения эльвиста», но я никак не мог его найти. Разузнав московский адрес Сергея Юткевича, я обратился к нему с письмом с просьбой помочь мне. Вскоре получил от него письмо с сожалением, что этот сценарий ни у него, ни у кого-либо не сохранился и он ничем мне помочь не может. А через 4 года после этого я обнаружил следы этого сценария в фонде ССП в ЦГАЛИ, но снять копию с него мне не разрешили «без согласия автора», и я за таковым снова обратился к Юткевичу. Через три недели, 4 октября 1983 года, я получил от него машинописную копию этого сценария с письмом: «Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Я поражен проявленной Вами изобретательностью, настойчивостью, терпением, интуицией и еще другими волшебными качествами, которые позволили Вам разыскать сей «опус», считавшийся всеми (и мною, в первую очередь) окончательно погибшим.

Конечно я, следуя Вашим указаниям, обратился в ЦГАЛИ (где я состою членом научного совета и чей 4-й сборник «Встречи с прошлым» вышел с моим предисловием) и через два дня имел на руках ксерокс (весьма технически неважного качества), с которого снял две машинописные копии, одну оставив себе, а вторую пересылаю Вам...». В углу титульного листа машинописной копии сценария оставлена надпись: «Анатолию Васильевичу Валуженичу –

открывателю «раритетов» с благодарностью. Сергей Юткевич. 4.X.83».

Такова эта давняя история. Киносценарий Осипа Брика и Сергея Юткевича «Приключения эльвиста» был опубликован мной (с этой историей) в московском журнале «Киноведческие записки», №62, 2003 г.

И.Ч. О Вашей последней книге «Феномен Лили Брик. Биобиблиографический роман» (М.-Екатеринбург, 2016) хорошо отозвался шведский славист Бенгт Янгфельдт ([«Чайка», 02.10.2017](#)). Были ли еще какие-то отзывы на нее?

А.В. Да. Могу назвать еще, по крайней мере, три весьма положительные рецензии:

– Александр Фролов. Биобиблиографический роман с продолжением. Научный журнал «Библиография и книговедение». М.: ИТАР-ТАСС, Филиал «Российская книжная палата». 2017, апрель-май, №2 (409), сс. 112-122.

Я всегда ценил библиографию как серьезную науку, и мне очень приятно, что самые высокие ее специалисты оценили мои библиографические изыски.

– Андрей Крусанов. Муза Маяковского как объект научного изучения. Историко-литературный журнал «Русская литература». СПб.: «Наука», ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). 2017, №4, сс. 248-250.

А это отзыв самого известного историка русского авангарда, хорошо ориентирующегося в вопросах маяковедения и бриковедения, опубликованный в столь авторитетном журнале.

– Ирена Сокологорская. VALIOUJENITCH Anatoli Le phenomene Lili Brik, Roman biobibliographique par IRENE SOKOLOGORSKY. Журн. LA REVUE RUSSE 50, 2018, Paris, pp. 239-241. (на франц. яз.).

Этот отзыв крупного зарубежного специалиста по истории русской литературы, да еще хорошо знавшей и неоднократно встречавшейся с Л.Брик, мне особенно дорог и приятен.

И.Ч. Нет ли в вашей копилке еще кого-нибудь из знакомых Владимира Маяковского и Лили Юрьевны?

А.В. Тридцать лет назад в сборнике «Встречи с прошлым» мне встретилось имя «казах Юсуп», который был на семейном вечере в конце декабря 1929 года в доме Маяковского-Бриков в Гендриковом переулке, посвященном 20-летию творческой деятельности поэта. Меня очень заинтересовала эта личность, которая вроде бы даже была из Казахстана, где я проживал, и я начал розыски. Не буду пересказывать все перипетии этих розысков (это отдельная история). Но в результате мне удалось установить, что это был Юсуп

Абдрахманович Абдрахманов, видный государственный деятель Киргизии, бывший тогда Председателем Совнаркома Киргизской АССР. В какое-то время он не выполнил непосильное для его республики задание Москвы по хлебозаготовкам, чем предотвратил неизбежный «голодомор» своего народа, за что он навсегда остался в народной памяти. Но за это же он был снят Москвой со своего высокого поста, осужден и расстрелян в 1938 году.

Остался его Дневник, из которого стало известно, что он был влюблен в «троцкистку» Мусю Натансон, сосланную в 1928 году в Киргизию. А эта Муся еще с 1918 года была знакома с Маяковским и упоминается в его статье «Только не воспоминания» (1927 г.). Я опубликовал ряд статей по этой теме и теперь имена Юсупа Абдрахманова и Муси Натансон, о которых до этого было почти ничего не известно, прочно вошли в состав «Окружения Маяковского».

И.Ч. Из «маяковсковедов» в последнее время выделяю замечательного шведского ученого Бенгта Янгфельдта. Мы уже упоминали его имя. Его работы, при всей окрашенности личным чувством – он хорошо знал Лиллю Брик – отличаются научной точностью и выверенностью. Он неизмеримо расширил источники

своих изысканий, привлек свидетельства живых современников и те записи, как дневниковые, так и магнитофонные, которые доверила ему Лиля Брик, долгие годы бывшая в советской стране «persona non grata». Согласитесь, что исследования Бенгта Янгфельдта – новое слово в маяковсковедении и бриковедении, в немалой степени взорвавшее привычные представления?

А.В. Несомненно, Бенгт Янгфельдт – наиболее значительная фигура в сегодняшнем маяковсковедении и бриковедении. И совсем не случайно он – единственный из зарубежных исследователей включен в Редакционную коллегию Полного (академического) собрания произведений В.В.Маяковского в 20 томах, выпускаемого ИМЛИ (Институтом мировой литературы им. А.М.Горького) Российской Академии Наук и Издательством «Наука» с 2013 года.

Мы с ним поддерживаем регулярную связь и обмениваемся информацией.

И.Ч. Что скажете о последней книге Дмитрия Быкова о Маяковском? Писала о ней рецензию. Получилась кисло-сладкой. Что хорошо, что, говоря о Лиле и Осипе Бриках, он отошел от обывательского взгляда на них как на людей, паразитировавших на Маяковском... При всем при том ... но хочется услышать Ваше мнение.

А.В. После того, как я прочитал в его книге, вышедшей в «ЖЗЛ» (!), что В.Маяковский:

– 14 апреля – в 10 часов 15 минут покончил с собой выстрелом из револьвера в своей квартире в Гендриковом переулке;

– 17 апреля – похоронен на Новодевичьем кладбище – грубейшими ошибками из биографии героя его книги – как-то анализировать и отзываться об этом шедевре новоявленного «маяковсковеда» у меня нет никакого желания.

И.Ч. Давайте поясним для читателя, плохо знакомого с биографией Маяковского. Владимир Владимирович застрелился не в Гендриковом переулке, а в своей комнатке на Лубянке, где сейчас находится музей Маяковского. И второе. Прах поэта в 1930 году, сразу после кремации, был похоронен на территории Донского монастыря и лишь в 1952 году перенесен на Новодевичье кладбище.

А.В. С этим захоронением на Новодевичьем кладбище после того как урна с его прахом 22 года (!) простояла в колумбарии крематория на Донском кладбище была целая история.

Я изложил ее в очерке "Последний приют" в НГ ЕХ LIBRIS 15.04.2010:

http://www.ng.ru/kafedra/2010-04-15/4_mayakovsky.html, который потом был перепечатан в моей книге "Последние годы Осипа Брика (1938-1945)"

И.Ч. Еще один вопрос, связанный с новейшими публикациями. Сейчас выходит книга Алисы Ганиевой о Лиле Брик. В рецензии в «Независимой газете» она заранее названа «скандальной», видимо, ее «скандальность» и есть самая главная ее приманка. Скажу, что, прочитав отрывки из нее, решила книгу не покупать – странно, что произведение такого уровня, к тому же еще не вышедшее, издатели уже прочат в победители премии «Большая книга». Что скажете?

А.В. О книге Алисы Ганиевой, которой я еще не видел, а лишь читал скандальные отзывы о ней, говорить сложно. Похоже, что эта скандальность устраивается специально, в рекламных целях. Вот даже ее возрастной ценз «18+», который обычно прячется где-то в выходных данных, здесь красуется прямо на обложке! Для завлечения читателя (покупателя)?! И на какую же «молодежь старше 18 лет» рассчитывает свое издание «Молодая гвардия»?

Книга вышла гигантским по нашим временам тиражом – 7000 экземпляров, но не успела она еще повсеместно поступить в продажу, как выпустившее ее издательство «Молодая гвардия» объявило, что следом готовится издание и в знаменитой серии «ЖЗЛ». На пару к быковскому шедевру, что ли?!

И.Ч. Следите ли Вы за зарубежными публикациями на тему ваших исследований?

А.В. Скажу о публикациях в Америке. Их немало.

Прежде всего, я хочу назвать имя Наташи Курчановой (Natasha Kurchanova). В 2005 году она защитила в Городском университете Нью-Йорка докторскую диссертацию «Against utopia: Osip Brik and the genesis of productivism». До сих пор это, кажется, единственная в мире диссертация на бриковскую тему! Я оказывал Наталье Викторовне некоторую помощь при ее работе над диссертацией, о чем она с благодарностью упомянула в ней. и предполагалось, что Университет пригласит меня на ее защиту, но, увы! этого не случилось.

Еще до защиты, в 2003 году, она опубликовала свою статью «Osip Brik and the formalists: a study of difference» в журнале Experiment/Эксперимент, 9 (2003), pp. 203-220

Но и защитив диссертацию, Н.Курчанова не оставила эту тему. В 2010 году она опубликовала в журнале «October 134» (New-York) свою работу «Osip Brik and Politics of the Avant-Garde» (pp. 52-73) и сопровождающие ее 20 статей О.Брика – Selected Criticism (pp. 74-110) в ее же переводе на английский!

Она дважды приезжала в Москву на Международные научные конференции, посвященные О.Брику, на которых выступала с докладами: «"Полуслепой" Брик: редукция изобразительности в конструктивизме» («Бриковский сборник», вып. 1, М., 2010, сс. 435-442) и «Татлин, Хлебников и прием» («Бриковский сборник, вып. 2. М., 2014, сс. 466-471).

Здесь нельзя не упомянуть и такую книгу Ann and Samuel Charters «I LOVE. The story of Vladimir and Lili Brik». New York, 1979, pp. 400.

Эта книга примечательна тем, что она написана по материалам нескольких личных бесед американских авторов с Л.Брик на ее квартире на Кутузовском проспекте незадолго до ее смерти.

Широко известно теперь, что в США жила до смерти дочь В.Маяковского Патриция Дж.Томпсон (1926-2016). В Москве двумя изданиями выходила на русском языке (в переводе с английского в американском издании) ее книга: «Маяковский на Манхэттене. История любви» с отрывками из мемуаров Элли Джонс (2003 и 2017 гг.)

Недавно, в переводе на русский с английского в американском издании в России вышла книга: Плесси Грей, Франсин дю. «ОНИ: воспоминания о родителях» (М.: АСТ, 2017, 526 с.). Автор – дочь Татьяны Яковлевой, парижской любви Маяковского.

Не могу обойти здесь вниманием и Вас, живущую в США и издавшую несколько работ, посвященных Лиле Брик:

- Статьи: «Пристрастный свидетель». Чайка, 9 янв. 2004 ; «Владимир Маяковский и Лиля Брик: сходство несходного». Нева, 2013, № 7;

- Пьеса «Сцены в раю». Чайка, №13, 2013;

- Книга «Три женщины, три судьбы: Полина Виардо, Авдотья Панаева и Лиля Брик» – М.: ЛЕНАНД, 2014.

Ну и наверное, здесь же можно упомянуть мои публикации в журнале «Чайка», посвященные Л.Брик:

- «Лилино ли теперь это поле?» Чайка, 29 дек. 2015;

- «Бренд «Лиля Брик» (ч. 1-2) Чайка, 26 мая 2017 и 8 мая 2018»;

«Пиратская баллада Лили Брик». Чайка, 13 мая 2019.

И.Ч. Очень бы хотелось, чтобы Ваших публикаций у нас было больше. Мы могли бы, например, давать перепечатки писем из Вашего архива с Вашими же комментариями. Подумайте над этим. Представляю, сколько за эти годы у Вас накопилось материалов по «маяковской» и «бриковской» теме. Есть ли что-нибудь особенно ценное? Раритетное?

А.В. Да, конечно, у меня собралась большая библиотека по маяковедению-бриковедению. Есть несколько прижизненных изданий Маяковского, книг, присланных и подаренных теми, с кем мне довелось встретиться или переписываться. Очень горжусь полным комплектом журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», ответственным редактором которых был В.Маяковский, которым скоро будет 100 лет и которые стоят у меня на книжной полке.

Среди раритетов – три записные книжки Л.Брик 1950-х гг. и др.

Кроме того, по той же теме у меня собралась целая коллекция грампластинок, видео- и аудиозаписей альбомы и каталоги специальных выставок, программы научных конференций и сборники докладов на них, открытки, марки, конверты, значки...

В РГАЛИ открыт мой личный фонд №3455, куда раритеты, по-видимому, отправятся в свое время, а судьба книг и остального пока не определена.

И.Ч. За работу в энергетике Вас удостоили почетных званий, а за деятельность в литературоведении?

А.В. Нет, здесь сплошные нули.

Дело, по-видимому, в том, что темы моих литературоведческих исследований, их адресатов и открытий выходят за границы интересов Казахстана, где я живу. Поэтому и мои основные публикации о них в России, Киргизии и др., для которых я «иностранец». Поэтому я числюсь там как «независимый исследователь», не входящий в какие-то творческие организации, не включаемый в число тех, кому дают гранты, присваивают литературные премии и удостоивают наград.

И.Ч. Анатолий Васильевич, скажу напоследок, что как редактор ЧАЙКИ и как человек, интересующийся с юности судьбой Лили Брик и пишущий о ней, страшно рада Вашему сотрудничеству с журналом. Присылайте нам свои статьи! Присылайте книги! Будем откликаться на них – только пишите! Кстати, что у Вас в планах? Будем с нетерпением ждать Ваших новых работ.

А.В. Благодарю Вас за теплые слова! Что же касается планов на будущее, то, перефразируя Андрея Вознесенского, можно сказать: «Статьи не пишутся – случаются». С книгами сложнее, они задолго планируются и готовятся. Иногда эти планы сбываются. Сейчас у меня в планах подготовить второе издание, по-настоящему, дополненное, моей последней книги «Феномен Лили Брик. Биобиблиографический роман».

Может быть, еще получится.

Нур-Султан, Казахстан – Б. Вашингтон, США

Ирина Чайковская
Б. Вашингтон, США

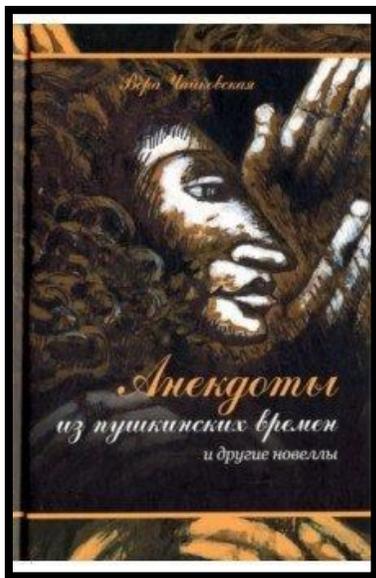
Переплетение реального и фантазийного. О книге "Анекдоты из пушкинских времен". Интервью с писательницей и искусствоведом Верой Чайковской

Ирина Чайковская. Вера, я рада, что вышла твоя книга «[Анекдоты из пушкинских времен](#)». Мы разыграли один ее прибывший из Москвы экземпляр на празднике журнала ЧАЙКА, и счастливый обладатель уже сказал, что книжка ему очень нравится. Как она сложилась?

Вера Чайковская. О, это моя давняя мечта! И все новеллы тоже давние. Сейчас сложилась книжка новелл последних лет под названием «О странностях души». А в книжку «Анекдотов» вошло то, что я писала еще в начале 2000-х годов. Два триптиха были опубликованы в «Дружбе народов», а вот третий, с еврейской тематикой, мне нигде не удалось опубликовать. Возможно, эта тематика отпугивала.

Сравнительно недавно я опубликовала этот триптих в русско – американском еженедельнике «Панорама». Там была замечательный редактор по фамилии Паркер, которой эти новеллы ужасно нравились. И меня это как-то воодушевило. Добавила в книжку тоже давние, коротенькие и острые «итальянские» новеллы. Такая вольная стилизация итальянских новелл эпохи Возрождения с явными аллюзиями на российскую «гремучую» современность. Ты, конечно, помнишь, как твоя итальянская ученица перевела их на итальянский и одна из новелл получила первую премию на Международном Литературном конкурсе в Анконе. Это был, ой, страшно вымолвить, 1997 год. Ты позвонила из Италии и выкрикнула, что моя новелла победила. Невероятная радость была! И денежки пригодились – купила маленький телевизор.

Да, и еще в книжку вошла новелла «Юдифь и судьба» – фантазия на тему библейской истории. Книжка получилась маленькая, но я и хотела, чтобы ее можно было прочесть «за одну ночь». И еще, чтобы все эти, якобы исторические сюжеты происходили как бы с самим читателем, были вполне живыми.

И.Ч. Художница Ольга Булгакова пишет об этой книжке, что она соединяет «остроумный вымысел с психологической достоверностью». В связи с этим два вопроса. Первый:

В твоих историях часто встречаются фамилии реально существовавших лиц. Как с этим сочетается «остроумный вымысел»? И второй. Почему о твоей книге пишет художница? Не потому ли, что в ряде новелл действуют художники?

В.Ч. Начну, пожалуй, со второго вопроса. Оля Булгакова не только прекрасный художник, но и утонченный, остро реагирующий на прочитанное читатель. Таких теперь мало. Я как-то подарила ей свою первую книжку прозы «Божественные злокозненности» и услышала, что она у нее «на столе». Зачем мне всем известный, но лично мне не интересный писатель, который и о моих новеллах будет говорить (если будет), скрывая равнодушие и досаду? А тут у нас возникло, по выражению Гете, «избирательное сродство». Возможно, повлияли и сами сюжеты о художниках, некая «артистическая аура» новелл. А по поводу исторических лиц... Они обычно действуют «в массовке» (как Николай I в «Поцелуе» или чета Вяземских в «Графине Потоцкой») или сюжет мною полностью выдуман, как случилось в новелле с Олениной («Оленина и змей»). В ее дневниках такой истории нет, но, мне кажется, она вполне могла случиться. Герои – художники и писатели – имеют какие-то исторические прототипы, но многое выдумано или сознательно изменено. Иное дело, мои научные книги о реальных личностях – Брюллове, Кипренском, Тышлере. Там я стараюсь придерживаться фактов, по-своему их интерпретируя, но не искажая.

И. Ч. Раз уж мы заговорили о художниках. Расскажи, откуда такая интересная обложка с головой яростного Пушкина со странно поднятыми ладонями? И еще. Твоя книжка потрясающе оформлена. Кто так постарался?

В.Ч. Постаралось все замечательное издательство БуксМАрт и его директор Виталий Мезенцев, предложивший мне издать не книгу по искусству (что было бы для этого издательства естественным!), а сборник как бы «исторической», фантазийной прозы. Он же пригласил и потрясающего дизайнера – Людмилу Фетисову, так хорошо поработавшую и со шрифтами, и с картинками. А Пушкина на обложке сотворил мой давний приятель, замечательный художник Лев Табенкин. Я его попросила изобразить «дирижирующего» толпой Пушкина. Но в его воображении возник таинственный «многорукий» Пушкин, что, мне кажется, очень подошло книжке. Внутри использованы фантастические и невероятно динамичные графические штудии на «академические» темы художника пушкинской поры Федора Толстого. А также рисунки-обманки современного живописца Александра Янушкевича. В конце дана потрясающая воображение

фотография лестницы в Старом Иерусалиме, сделанная Евгением Гором. Это все – мои давние друзья. Получилось в оформлении, как и в новеллах, удивительное переплетение и перетекание времен, реально бывшего и фантазийного.

И.Ч. Легко заметить, что, кроме «пушкинской тематики», в твоих веселых новеллах есть итальянская и еврейская тема. Откуда они взялись?

В.Ч. Я пишу об этом в предисловии. «Еврейская» тема, как не трудно заметить, оживляет и обостряет любой сюжет. В особенности, если она внедрена в историческую эпоху, когда этой темы старались избегать. Даже у Пушкина найдем лишь несколько упоминаний то о «презренном еврее» в юношеской, романтической «Черной шали», то о вполне «масочном» ростовщике Соломоне в «Скупом рыцаре». Мне хотелось «поиграть» на этих нотах, внедряя персонажей-евреев в российский аристократический круг.

А итальянская тематика с ее возрожденческим озорством и непринужденной веселостью возникла у меня как некий противовес «хмурым» дням конца второго тысячелетия с остатками рухнувшей империи, когда можно было ждать чего угодно и народ бурно ринулся из страны.

И. Ч. Кончается твоя книга отнюдь не веселым произведением, о чем говорит само название «Юдифь и судьба». Почему ты решила включить это драматическое повествование в свою книгу?

В.Ч. Я уже говорила, что решила собрать в этой книге разные исторические эпохи и персонажей, их выражающих. Юдифь для меня – одна из самых ярких и запоминающихся библейских героинь. Но в ее истории, как она дана в книге «Юдифь», много неясностей и смысловых лакун. Я решила их осмыслить на уровне «человеческого», а не «талмудического» или «научного» понимания, опять же, сделать повествование живым и пульсирующим, словно читатель сам в него включен.

И. Ч. Спасибо, Вера, за ответы. А теперь скажи, как и где можно твою книгу купить. Это специально для тех, кто заинтересовался и хочет немедленно ее заказать.

В.Ч. Заказать ее легко в интернет-магазине «[Лабиринт](#)» или на «[Озоне](#)». Недавно в Лабиринте видела, как заказали мою книгу о Брюллове в Италии. Значит, возможна доставка и в другие страны.

Вашингтон - Москва

Евгения Народицкая
Род-Айленд, США

«Психотерапия помогает при всех заболеваниях, связанных с хроническим стрессом». Интервью с психотерапевтом Иваном Кирилловым

Иван Олегович Кириллов в 1993 году окончил Владивостокский Государственный Медицинский Институт. Будучи студентом старших курсов, работал медбратом в отделении общей хирургии и закончил ординатуру по травматологии.

Изучив человека «изнутри», он увлекся психиатрией. Стажировался в Австрии по программе Cornell University Medical College по специальности психиатрия, и в 2002 году защитил кандидатскую диссертацию. В настоящий момент Иван Олегович – член совета директоров World Association of Positive Psychotherapy, координатор Московского центра позитивной психотерапии, член редакционного совета International Journal of Psychotherapy.

Доктор Кириллов помогает людям справляться с их кризисами, находить баланс и наслаждаться жизнью.

Сочетание успешной психотерапевтической практики с опытом эффективного корпоративного тренера и коуча топ-менеджеров стало основой для создания концепции «Стресс-серфинга», которая меняет привычную точку зрения на стресс так, что теперь вы можете превратить его в великолепный ресурс энергии и информации для развития и улучшения качества вашей жизни.

«Я всегда интересовался стрессом. Возможно, я унаследовал это от своего отца, Олега Ивановича Кириллова, посвятившего всю свою жизнь исследованию физиологии этого удивительного феномена». http://www.stress-surfing.com/dr_ru.php

- Психотерапия эффективна для лечения каких заболеваний?

- Очень важно понимать – наш мозг не живет отдельно от тела, наш организм создаёт и потребляет энергию. Сосудистая система доставляет кровь, а значит, и кислород, и питание, и энергию ко всем органам, мышцам и тканям. А нервная система управляет выделением адреналина и ацетилхолина. Адреналин готовит нас к действию: ускоряет обмен веществ,

чтобы создать энергию; суживает сосуды, чтобы поднять артериальное давление и увеличить снабжение мышц и органов кровью; увеличивает тонус мышц. Ацетилхолин, напротив, помогает расслабиться.

Занятно, но мы одинаково реагируем как на реальные события (холод, резкие звуки, летящий на нас автомобиль...), так и на воображаемые («мне кажется, что ты меня обманываешь», «мне страшно представить...»), и на сочетание реальности с фантазиями. Например, облаяла вас собака – вы испугались и убежали, все закончилось. Но фантазии о том, как собака могла бы вас покусать, могут держать вас в напряжении ещё долгие часы, дни, недели... Так психика влияет на физиологические процессы в организме.

Получается, что наши страдания зависят не столько от реальности, сколько от нашего восприятия, от того, какую историю мы себе расскажем.

Так, психологический конфликт, вызывающий хронический стресс, может истощить ресурсы организма и привести к психосоматическому заболеванию.

С другой стороны, в случае чисто физической болезни психика сильно влияет на выздоровление. Например, сломав ногу, можно усугубить ситуацию, отвлекая ресурсы организма на жалость к себе и злость на себя и обстоятельства. Однако, можно использовать эту возможность, чтобы отдохнуть, окружить себя поддержкой и помочь организму заживить перелом.

- Получается, что, психотерапия может принести пользу при всех заболеваниях?

- Получается, именно так.

Объективные события, как правило, заканчиваются, но, если мы продолжаем себя стрессировать, это ослабляет организм и может

«открывать ворота» для других заболеваний. Причем не только для депрессии и тревожных расстройств, но и для любого воспалительного процесса, заболеваний желудочно-кишечного тракта, легких, суставов и мышц.

Психотерапия помогает научиться управлять тем, что происходит у нас в голове: нашими ожиданиями, восприятием, настроением, конфликтами и, соответственно, уровнем стресса, эмоциями и физическим состоянием.

- *Вы создатель концепции и тренингов «Стресс-серфинг». Почему вы решили сравнить стресс с катанием на доске по волнам?*

- Потому что стресс очень похож на волны. Если волна поднялась, с ней бесполезно бороться, она докатится до берега. Со стрессом дела обстоят так же.

Что такое стресс? Ответ организма на любое изменение условий, требующее приспособления. Стресс создает энергию и готовит нас к действию, чтобы обеспечить выживание и удовлетворение потребностей.

Короткий гудок машины сзади. Вы дернулись, организм мгновенно приготовился действовать. Вы оглянулись. Вам ничего не угрожает. Вы расслабились. Такая короткая волна стресса длится секунды.

Если стресс продлится чуть дольше чем 10-20 секунд, то вы уже так легко не отделаетесь. Волна стресса продержит вас в напряжении еще 4-6 часов «на всякий случай». Попытка бороться со стрессом только усугубит ситуацию, ведь для этого вам понадобится энергия – стресс только усилится. Т.е. если стресс начался, он продлится столько, сколько ему нужно – лучше даже не пытаться с этим бороться.

Стресс, как и океанскую волну, нельзя удержать, зато его можно использовать, как сигнал о том, что нужно защитить или удовлетворить одну из наших потребностей. Ведь, если этого не сделать, она не даст нам покоя и сделает стресс хроническим.

Что делает сёрфер, когда видит волну? Он разворачивается и гребет по течению, чтобы оседлать энергию этой самой волны.

Итак, благодаря стрессу вы можете понять свои потребности и удовлетворить их.

- *Болезнь вызывает стресс?*

- Конечно, ведь для того, чтобы справиться с поломкой и восстановиться, нам нужна дополнительная энергия, нужен стресс. Стресс – это наш единственный способ выживания.

- *Значит стресс – это отклик организма на любое событие?*

- Да. Стресс создаёт энергию, чтобы приспособиться к любому изменению. И бороться с этим означает бороться с жизнью, с собой, с эволюцией.

Увы, на протяжении большей части нашей эволюции набить ближнему морду, или сбежать от него было лучшим способом выжить. Теперь сотрудничать с людьми полезнее, чем проломить кому-нибудь череп. Но, чтобы сотрудничать, надо подавлять свою злость, страх, а мы очень неумело это делаем. Мы не понимаем своих эмоций и тупо подавляем их. Но, увы, наши потребности остаются неудовлетворенными, внутри мы продолжаем злиться или бояться и истощаем свои ресурсы. Кроме того, энергия, созданная стрессом, но не запущенная в действие, воспринимается как тревога – это противное состояние. В итоге вместо того, чтобы решать вопрос, мы трясемься от тревоги и расходуем драгоценный ресурс. Наш организм – не вечный двигатель, он истощается и начинает болеть.

- Миллионы американцев принимают антидепрессанты, которые прописывают не только психиатры, но и терапевты даже по незначительному поводу, не учитывая серьезных побочных действий этих лекарств. Причем «слезть» с них трудно, начинается ломка. Иными словами, для многих антидепрессанты превращаются в наркотики.

Когда оправдано лечение антидепрессантами? Психотерапия помогает при депрессии?

- Да, помогает. Некоторые виды психотерапии не менее эффективны, чем антидепрессанты, – это доказано клиническими исследованиями. Однако, в случае клинической депрессии или тревожных расстройств назначение антидепрессантов часто оправдано, а порой и просто необходимо. Они восстанавливают уровень нейромедиаторов в мозгу, в частности серотонина, адреналина и дофамина, которые поддерживают наше психоэмоциональное состояние. Серотонин и дофамин часто называют «гормонами радости».

Когда депрессия отступает и врач снижает дозу лекарств, у некоторых пациентов может возникнуть неприятное состояние, нервной системе нужно адаптироваться и обеспечить организм серотонином уже без внешней помощи. Если объяснить человеку, что происходит и что это продлится 1-2 недели, – проблем не возникает. Так что это совсем несравнимо с ломкой при синдроме отмены наркотиков.

Увы, у врачей часто недостаточно времени на то, чтобы разобраться с каждым пациентом. В результате, обычные вегетативные симптомы

принимают за депрессию и назначают антидепрессанты, хотя можно обойтись психотерапией, оптимизацией образа жизни, правильно подобранными витаминами и пищевыми добавками.

К сожалению, часто сами пациенты предпочитают пить антидепрессанты, нежели менять свои привычки.

- Существуют ли анализы и тесты, показывающие психические отклонения у человека? Можно ли тот же серотонин определить по анализу крови?

- Можно, но получить достоверные результаты сложно. Серотонин – очень чувствительная штука. Достаточно просто съесть банан, чтобы изменить результаты анализов. По дороге в больницу психанули – опять повлияли на результат. Так и со всеми анализами в психиатрии, они или мало достоверны, или мало информативны, так что приходится полагаться на анализ симптомов – на это и направлены все психологические и психиатрические тесты. Но стопроцентно объективных анализов на сегодняшний день нет.

- Мужской климакс. Я знаю случаи, когда мужчины кончают жизнь самоубийством в этот период жизни. Как им помочь?

- У климакса, как у мужского, так и у женского, есть несколько важных составляющих. Одна из них – значительная гормональная перестройка организма, которая может быть изнурительной, приводить к депрессии и даже к самоубийствам.

Ваши первые врачи при этом – эндокринолог и геронтолог. Они помогут смягчить процесс.

Невозможно подсчитать какой процент симптоматики климакса связан с гормональной депрессией и какой с переживаниями того, что «Я теперь старик», «Я больше не мужчина». Современная культура сильно переоценивает значение секса для нашей самоидентификации. В реальности, секс, конечно, базовый инстинкт, весьма приятный и полезный, но, по большому счету, не он определяет личность.

Климакс – это комплексная проблема, для решения которой нужна гормональная, общефизическая, психическая и социальная адаптация. Главное, не оставляйте человека одного в этот трудный момент, у него просто может не быть сил пойти к врачу.

- Непопулярная тема послеродовая депрессия (postpartum depression). Как женщина может определить, что у нее такой тип депрессии и помогает ли в этом случае психотерапия?

- Скорее, напротив, эта тема сейчас очень популярна. Её сейчас обсуждают вдоль и поперек. Это не новая проблема, просто раньше о ней мало говорили. К ней ведет множество причин: гормональные

изменения в результате родов и общего стресса, трудности психической и социальной адаптации и т.д.

Социальные факторы очень важны. После родов женщина нуждается в большем отдыхе, но позволить себе этого не может, она будет считать себя плохой матерью, да и родственники думают, что ее настроение это блажь и слабость.

Лечение антидепрессантами при грудном вскармливании не рекомендуется, т.к. лекарство попадает в молоко.

Все вместе создает дополнительный стресс, не способствующий лечению. И здесь психотерапия чуть ли не единственное средство для лечения депрессии легкой и средней степени тяжести. При тяжелой форме депрессии необходима госпитализация и соответствующее лечение в больнице.

- В Америке, по данным ФБР, ежегодно увеличивается количество массовых расстрелов жителей убийцами одиночками.

Можно ли считать их психически больными людьми?

- У определения психического здоровья и болезни всегда было множества этических проблем. Я лично считаю психическим расстройством неспособность человека осознавать свои импульсы и мотивации и управлять ими, чтобы снизить напряжение конфликта между внутренними и внешними условиями до приемлемого уровня.

Итак, во-первых, если человек не способен адаптироваться к своему окружению, у него растёт внутреннее напряжение. В какой-то момент, человек просто не может с ним справиться и «срывается с тормозов».

Во-вторых, современное общество похоже переборщило с толерантностью. Поймите меня правильно, я уверен, что мы должны относиться ко всем людям с уважением и стремиться их понять. При этом, я уверен, что мы не должны врать ни себе и ни обществу, что готовы исполнить любой каприз и избавить от любого конфликта и дискомфорта. Наверное, ребенку легче, когда его не дисциплинируют родители, но, насколько он будет потом приспособлен к жизни, большой вопрос. Я эти две причины связываю между собой. Похоже, мы из лучших побуждений растим поколение избалованных людей, не способных к самоконтролю.

Люди часто обманываются идеей демократии, понимая её, как своё право на все, забывая, что право это ещё нужно заработать. В результате, не получив желаемого (денег, любви и еще чего-то) люди злятся. Кто-то с этим справляется и сам решает свои проблемы, другие не выдерживают и идут вразнос.

Еще одна трудность состоит в том, что недобровольная госпитализация психических больных возможна только, когда

доказано, что человек опасен для себя или для окружающих. Вопрос, как это доказать, пока он ещё не начал кого-то убивать.

Это сложная проблема, скорее социальная, чем психиатрическая. Больны ли эти люди? Я думаю, если человек начинает заниматься саморазрушением и разрушением других, это – психическая болезнь. В любом случае, в момент убийства он явно не в себе.

Нынешняя молодежь не представляет своей жизни без сатфонов и компьютеров. По мнению многих американских психологов, это увлечение приводит к кризису психики.

- Я, пожалуй, буду здесь чуть осторожнее американских ученых. С одной стороны, многие молодые люди действительно запираются в телефонах от реальности, с другой – раньше примерно тот же процент популяции просто сидел дома с книгами или, наоборот, пил в подворотнях. Что из этого лучше? Я не знаю. Время покажет.

Количество и скорость обмена информацией неизмеримо возросла, и это стресс для моего поколения. Но мои дети справляются с этим совсем на другом уровне. Мне их уже не догнать. Это эволюция. Или? Я не знаю. Мне очень интересно за этим наблюдать.

- Черный человек / На кровать ко мне садится, / Черный человек / Спать не дает мне всю ночь.

Это художественный образ или расстройство психики у Есенина?

И есть ли свой «черный человек» у каждого из нас?

- Про Есенина ответить не могу. Я его не обследовал, а фантазировать не хочу. Если вы не ребенок (для которого это может быть вариантом нормы), и видите несуществующего черного человека так же ясно, как свою жену, то это психическая болезнь или следствие избыточного потребления алкоголя или психотропных препаратов. Если же вам померещилось, но вы быстро вернулись в реальность, то, это, скорее, норма, возможно, вы просто устали.

Кроме того, у всех у нас есть «черный человек», которого Карл Юнг назвал тенью, – это набор наших концепций и импульсов, которые мы не можем принять, т.к. они несовместимы с нашими представлениями о себе. Вопрос в том, можете ли вы управлять своим «чёрным человеком» и кто у вас царь в голове. Вырвавшись из-под контроля, «черный человек» может разрушить личность и привести к психической болезни.

Психотерапия, по большому счету, помогает человеку научиться управлять разными частями своей психики, в т.ч. и «чёрным человеком».

- Иногда от общения с некоторыми людьми чувствуешь себя опустошенным, портится настроение. Можно ли считать их

психовампирами, и что делать, когда нельзя избежать общения с ними?

- Конечно, встречаются особо «талантливые» вампиры, которые умудряются спровоцировать негативные чувства у любого человека. Однако, чаще всего, эти люди являются психовампирами исключительно для вас, потому что они, часто сами о том не подозревая, «наступают на ваши больные мозоли», обостряя те ваши потребности, которые вы сами не очень хорошо удовлетворяете. Например, человек, не умеющий наслаждаться собой и вызывать любовь окружающих, очень чувствителен к отношению других людей. Такой человек чувствует себя очень плохо, если кто-то смотрит на него/неё без нежности и восхищения, а то и вовсе отворачивается, непонятно почему.

Таким образом, дело не в психовампире а в нашей неспособности справиться со своими потребностями.

Есть несколько способов нейтрализовать своих психовампиров:

1. убрать их из своей жизни,
2. перестать к ним относиться серьезно. Так, практически в каждой семье или коллективе есть свой... особенный человек. Все знают, вот он сейчас придет и начнется... И все относятся к этому скорее с умилением, чем со злостью.
3. третий, самый лучший способ – использовать психовампир как тренажер, чтобы заметить и развить те ваши способности которые пока не очень хорошо справляются с реальностью и с вашими потребностями.

Тем, кто хочет лучше разобраться с этим вопросом, рекомендую замечательную книгу немецкого психотерапевта, моего приятеля Namid Peseschkian – Хамида Пезешкиана (и Конни Фойгт), которая называется «Психовампир. О позитивном общении с теми, кто крадет у нас энергию».

- Есть концепция, что наша реальность зависит от интерпретации – есть только субъективная реальность, и человек выбирает ту, которая ему выгодна или больше нравится.

Например, на улице тебя обозвали дураком. На это можно обидеться, подрасться, не обратить внимания. Каждая из этих интерпретаций может стать твоей реальностью.

Есть ли в такой концепции место принципам?

- Давайте сначала: пункт первый – существует ли реальность? Полагаю, что существует, но знать об этом наверняка не могу. Для каждого из нас по-настоящему реальны только те истории, которые мы сами себе рассказываем. Дальше – веселее. Мы склонны выбирать

не то, что выгоднее или разумнее, а то, что соответствует нашим представлениям и подтверждает их.

То, что мы называем «я», «собой» и «своей личностью», – это с одной стороны, набор способностей справляться с дискомфортом, а с другой – набор историй, которые мы сами себе и окружающим рассказываем про себя. А в истории самое важное – последовательность. Чтобы защитить свою историю, мы готовы терпеть кучу дискомфорта, нам плевать какая реальность на самом деле, мы готовы переносить боль лишь бы доказать, что мы правы. И что наша история абсолютно правдива.

Человек, не ждущий от окружающих ни любви, ни справедливости, с порога будет пытаться завоевать любовь и заботу или обесценивать окружающих. Естественно, это никому не понравится, что только подтвердит ожидания нашего героя: «так и есть, меня никто не любит».

Когда в терапии мы разбираемся с источниками симптомов, тревоги, например, и разрабатываем вместе с пациентом разумный план действий, всегда встаёт вопрос: будет ли человек делать, то, что позволит ему вылечиться? Вопрос отнюдь не праздный. И проблема не в лени, а в том, что, начав действовать, действительно можно избавиться от симптомов. И тогда возникнет еще один вопрос: а если я не тревожусь, это по-прежнему Я? И человек бессознательно защищает свое право оставаться тревожным, но Собой. Мы все так делаем. Я так лично делаю, чтобы избежать дискомфорта, связанного с изменениями. Я, правда, привык уже себя насиловать, поэтому я часто меняю и свои чувства, и своё поведение, но не так часто, как хотелось бы.

Что касается вашего примера, то если меня кто-то называет дураком, я всегда интересуюсь: «А, как вы узнали?» — это меняет не только мое отношение к ситуации.

- Принципы могут ограничивать возможности человека в выборе реальности.

Нужны ли человеку принципы?

- Принципы важны. Они отражают наш опыт, а порой и опыт нескольких поколений. Принципы помогают нам определить себя, не хвататься за то, что нам не нужно, и делать то, что для нас важно.

Но, принципы хороши только тогда, когда они адекватны реальности и позволяют добиться желаемого результата, будь то деньги или отношения, здоровье или уважение к себе. Если ваш принцип перестал приносить плоды, то, наверно, имеет смысл

пересмотреть его, а не биться головой о стенку. В конце концов, мы определяем принципы, а не наоборот.

- Многие люди верят, что у каждого из нас есть свой ангел-хранитель. Вы разделяете эту точку зрения?

- Если речь идет об ангелах на небесах, тут я мало чем вам помогу, поскольку не верю ни в бога, ни в дьявола, ни в ангелов. Однако, иметь фантазию про ангела-хранителя весьма полезно. Часто бывают такие ужасные и безвыходные ситуации, что руки опускаются. В такие моменты нужно обмануть мозг надеждой, хотя бы фантазией о поддержке и хорошем исходе. Это поможет не сдаться и продолжать что-то делать, глядишь – и выплывешь, как та лягушка из притчи. В этом смысле ангелы есть, мы их сами себе создаем. И это неплохо, если только ангелы не превращаются в вампиров...

- Может ли психиатрия объяснить способность благополучных, талантливых людей вдруг пожертвовать своим благополучием, а иногда и жизнью «ради правды»? Можно привести в пример академика Сахарова, драматурга Галича...

Чего им не хватало?

- Не думаю, что психиатрия должна объяснять это, и понятия не имею, что творилось в головах у Сахарова и Галича. Могу предложить лишь личные соображения на этот счёт.

Когда человек живет полной осознанной жизнью, его отношение к смерти сильно меняется. На животном уровне мы все боимся умереть. Но зрелость уже знает и страдание, и счастье, и невежество, и знание, и победы, и бессилие. Конечно, интересно, что будет дальше, как изменятся декорации, кто ещё выйдет на сцену, но уже ясно, что новых сюжетов больше просто нет. Возможно, поэтому годам к 50-60-ти у тех, кто жил мудро созревает истинный альтруизм, когда человек приходит к пониманию, что он уже пожил и что самое интересное в жизни – люди, их приход, развитие, достоинство и уход, что интересен именно весь этот процесс, теряющий смысл без смерти. И если развитие и достоинство попираются, то отдать за это жизнь – естественное действие, дающее само по себе мощный толчок и развитию, и достоинству.

- В чем смысл жизни?

- Мое мнение, что объективного смысла жизни нет и быть не может. И вселенной глубоко начхать на наши истории и наше существование. Но для человека понимание смысла крайне важно и для каждого из нас субъективно смысл необходим. Почему? По причине, которую мы с вами уже обсудили, потому что лобная доля вместе с теменной

неустанно ищут связи всего со всем. Наш мозг не может не искать смысл, поэтому мы придумываем себе именно тот, который с наибольшей вероятностью удовлетворит нас и не разочарует.

Романтически – смысл жизни любовь и познание. Более цинично – получение наибольшего удовольствия с минимальными вложениями. Наш мозг неустанно оптимизирует способы, которыми мы удовлетворяем свои потребности.

- *Что делать, чтобы «отодвинуть старость»?*

- Ответ простой, но, на мой взгляд, единственно возможный – не переставать задавать себе вопросы. Много и сложных – тех вопросов, на которые вы не знаете ответа. Чтобы мозги становились в раскоряку и в голове появлялось странное ощущение тяжести и шевеления.

Думание тренирует мозги, это продляет жизнь и придает ей вкус, азарт и смысл. Как только человек теряет смысл и понимание того, что и зачем дальше делать, становится скучно и начинается быстрая старость...

- *Вы действительно советуете натренировать себя на улыбку. Для чего?*

- Очень просто. На неулыбку мы, как правило уже натренированы нашей культурой, привычкой добиваться желаемого с помощью обиженного лица и вечной скорбью по утраченному величию, упущенным шансам и нереализованным амбициям. Это происходит так естественно и каждый день, что мы и не замечаем, как теряем улыбку.

Как только вы делаете бровки домиком, вам уже по-настоящему грустно и мир видится сквозь печальную призму. Кто от этого выигрывает? Явно нужна альтернатива.

Радость – спокойная эмоция, с ней лучше всего думать, она не сужает внимание, как все остальные эмоции. Радость попросту наиболее выгодная для мозга эмоция, вот и все.

Полностью интервью можно прочитать в журнале ЧАЙКА:
<https://www.chayka.org/node/9505>

Ольга Соловьева
Санкт-Петербург, Россия

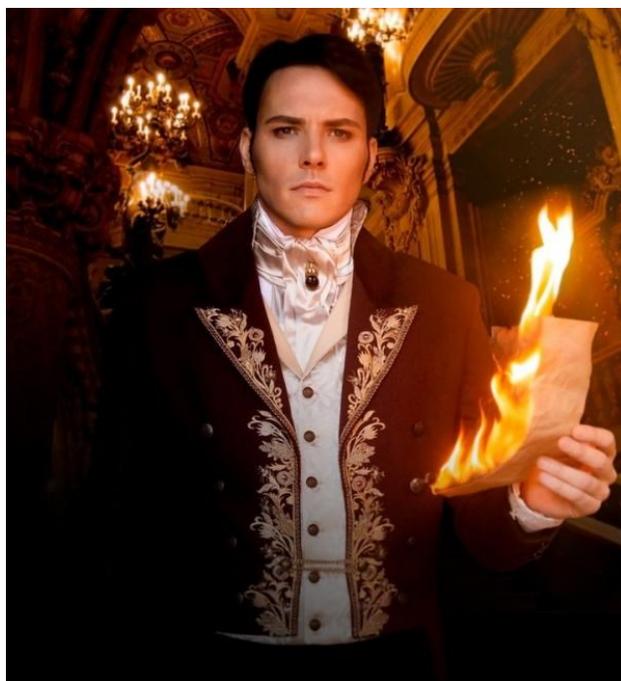
Интервью с Онегиным. Василий Туркин на сцене Ленинградского Дворца Молодежи. Из записок на коленке

Истории, рассказанные в классических литературных произведениях, служат основой для многочисленных сценических и экранных реализаций. Причин для этого достаточно. Во-первых, классические источники проверены временем, интересны, на слуху у множества людей. Кроме того, с течением времени естественным образом отпадает вопрос об имущественных авторских правах на первоисточник.

Одним из таких произведений является знаменитый роман в стихах Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин». Он лег в основу мюзикла «Демон Онегина», что идет на сцене театра Ленинградского Дворца Молодежи (ЛДМ) в Санкт-Петербурге. При сценическом воплощении того или иного героя большое значение имеет личность исполнителя. До недавнего времени Онегина играл артист Ожогин. Постановщики анонсировали мюзикл как «покушение на классику». Что ж, Онегина в исполнении Ожогина вполне можно было назвать покушением на пушкинского героя. На сцене существовал не блестящий умом «не первой молодости» барин.

Надо отдать должное, что и такой Онегин привлекал в театр большое количество зрителей, в первую очередь, зрительниц. Не последнюю роль тут играли красивый тенор и длинные ноги актера. Но, если не обращать внимание на содержание реплик и арий, то

вокальное решение этого исполнителя, его пластика и прорисовка более пристали другому герою – Ленскому. Собственно, и Татьяна актрисы Макеевой имела мало общего с пушкинской героиней. Это была не деревенская юная девушка, почти девочка, а красавица-аристократка, которая в период «мертвого» столичного сезона живет в своем поместье.

Василий Туркин в роли Евгения Онегина. Фото А. Гриднева

В настоящее время мюзикл идет и в другом составе. Татьяну играет Атласова, ее исполнение значительно больше соответствует героине, с которой познакомил нас Александр Сергеевич. А 26 апреля состоялось премьерное выступление и другого Онегина – Василия Туркина. Его герой показался мне значительно ближе к оригиналу и сценически интереснее прежнего. Да и не только мне, но и всему зрительному залу, судя по шквалу аплодисментов, которыми наградила публика нового Онегина в конце спектакля.

Главный герой в новом исполнении – это аристократ, воспитанный, образованный (вспомним, у Пушкина он читал Адама Смита и хорошо

разбирался в экономике), умный, умеющий правильно оценивать сложившуюся ситуацию, но не лишенный умения чувствовать. В сцене дуэли Туркин настолько ярко смог передать душевные переживания своего героя после убийства Ленского, что у некоторых зрителей появились на глазах слезы. Как впоследствии рассказал Василий, и его самого захватили эмоции героя вплоть до того, что он заплакал за кулисами после этой сцены. Его успокаивал Антон Авдеев (Ленский) словами: «Вася, я тут, я живой».

Но продолжим. Хочется заметить, что «бархатный», «мужской» баритон Туркина более пристал образу Евгения Онегина, чем тенор. Раз речь зашла о вокале, новый Онегин – участник проектов "Голос", "Хочу к Меладзе", "Х-фактор". Я слышала исполнение Василием знаменитого «Нью-Йорк, Нью-Йорк», и это было не менее ярко, чем у великого Фрэнка Синатры, если судить по записи.

Поклонницы Туркина, число которых постоянно увеличивается, могут мне позавидовать, поскольку я имела удовольствие побеседовать с новым Онегиным. Встреча состоялась в здании театра ЛДМ на следующий день после премьерного спектакля. Несколько слов о впечатлении, которое произвел на меня Василий. Начнем с внешнего облика. Белозубая «голливудская» улыбка, голубой джемпер удачно контрастировал с темными волосами.

В общении это простой и приятный человек. Простой в лучшем смысле этого слова. То есть лишенный напускной «звездности». «Шапка Мономаха» ему голову не давит. Недаром в актерской среде придерживаются мнения, что чем больше артист, тем меньше «корона». Говорить с ним было очень легко. Буквально через несколько фраз возникло ощущение, что человека знаешь давно. Прежде чем перейти к заранее продуманным мною вопросам, был небольшой «заход» на разговор. В частности, Василий рассказал, как в день премьеры в первом действии отклеился микрофон из-за жары, и он очень переживал за качество звука. Надо отдать должное и ему, и силе его голоса, мы, зрители, в зале этого не заметили.

Но перейдем к вопросам.

- Василий, когда Ваш выбор пал именно на профессию актера?

Выбор на профессию актера пал неожиданно. Изначально я планировал заниматься только пением, эстрадным вокалом. Но, как говорится, расскажи богу о своих планах и насмеши его. Однажды мне выпал случай сниматься в передаче «Русское лото», и там меня заметил ведущий, который в дальнейшем стал моим мастером, – Борисов Михаил Борисович, – и предложил освоить профессию актера. Поскольку именно актерские навыки могут позволить более

полно мне как певцу донести свои эмоции до зрителя. По его совету я поступил в ГИТИС (РАТИ). Первоначально планировал применять актерские навыки в работе вокалиста. Но в процессе обучения акценты сместились, возникла любовь к актерской игре, понимание, что, наоборот, вокал может быть одним из инструментов более интересной, более красочной, более многогранной реализация меня как актера. В итоге получилось, что актерская деятельность стала значительно ближе, интереснее, чем эстрадная попса, вокальное шоу. Вот так я и стал актером.

- Вы любите свою работу?

Одно из моих жизненных кредо – заниматься тем, что приносит удовольствие. Когда приходится выбирать между материальной выгодой и профессиональным удовлетворением, выбираю последнее. Я делаю ту работу, которая мне по душе, которая приносит радость. Что касается самого актерского мастерства, то я получаю колоссальное удовольствие, находясь на сцене, обмениваясь энергетикой со зрительным залом. Это замечательно делать то, что ты любишь, да еще и получать за это деньги. Поэтому мой ответ на этот вопрос «да».

- Как к Вам пришел первый успех?

Вопрос, что считать успехом. Есть какие-то знаковые моменты в жизни. Лично для меня успехом стало понимание того, что главное – это не врать самому себе. На самом деле, не так это просто. Как там у Франсуа Вийона? «Я знаю все, но только не себя». Принцип «не обманывай самого себя» в какой-то момент я и принял как руководство к действию. Вот это и есть для меня настоящий успех.

- По-вашему, какими качествами должен обладать актер мюзикла?

Актер, в не зависимости от того – мюзикла, не мюзикла, – в первую очередь, должен быть «упертым», целеустремленным. Что касается техники, нужно быть «синтетическим», уметь не только играть, но и петь, танцевать, а также быть образованным, знать иностранные языки. Конкуренция в этой деятельности очень большая. Многое зависит от работодателя, от случая. Профессия актера – сложная профессия. Но это и хорошо. Поскольку сложности являются дополнительным стимулом для самосовершенствования, не позволяют «почить на лаврах».

- Бывает желание все бросить к «чертовой бабушке» и начать что-то совершенно новое?

Возникает ли желание послать все «к чертовой бабушке»? Да регулярно. Просто я не позволяю себе этого. Не позволяю сдаваться.

- Какова доля удачи и везения в Вашей работе?

На мой взгляд, удача и везение в моей профессии составляют 99 процентов, а оставшийся процент – это труд и «упертость».

- Что, на Ваш взгляд, важнее для достижения успеха – талант или реклама?

Как бы прискорбно это ни звучало, в настоящее время реклама решает очень многое. Известность получили у широкой публики бесчисленное количество бесталанных артистов, о которых вещают по радио и телевидению, лица которых постоянно мелькают на экранах не только телевизоров, но и компьютеров и переносных гаджетов благодаря современным коммуникационным каналам, Всемирной Паутине. Есть роман и одноименная пьеса под названием «Козленок в молоке». Там с юмором представлен пошаговый алгоритм создания известной личности, «звезды» из полной бездарности благодаря правильно организованной рекламе. Это – если считать успехом популярность. Но талант, большую актерскую работу со счетов не скинешь, когда речь идет о настоящем признании публикой. Люди чувствуют истину. Долго обманывать их не получится. На одном из своих лондонских мастер-классов Джереми Айронс сказал, что публика всегда почувствует ложь, «искусственность». Именно живые эмоции, твоя «правда» на сцене способны завоевать сердца зрителей.

- Вы работаете в двух столицах. Какие особенности профессиональной деятельности в Москве и Санкт-Петербурге, чем отличается публика?

Работа актера в Северной столице действительно отличается от работы в Москве. В Петербурге зрители более интеллигентные, искренние, благодарные к исполнителям. В Москве публика избалована выбором артистов, постановок. Люди здесь оценивают нашу деятельность не столько как результат творчества, сколько как эффектное шоу, развлечение. Этаким «ресторан высокой сценической кухни». «Мы это блюдо уже пробовали, оно нам нравится, но не приготовил ли для нас повар чего-то новенького?». Что касается работы, в Москве, конечно, больше возможностей. Но для творчества лучше Санкт-Петербург.

- Сформулируйте свое отношение к жизни в нескольких словах.

Живи, радуйся и никогда не сдавайся. Вот эти слова. Вот мой девиз. В Латинской Америке с размахом и весельем празднуют День Мертвых. Девиз этого праздника: «Живи, люби, смейся». Во многом похожий девиз.

- Ну а теперь, если не возражаете, поговорим о Евгении Онегине из мюзикла «Демон Онегина». Что для Вас значит эта роль? Как Вы относитесь к своему герою? Что, на Ваш взгляд, у Вас общего с Вашим персонажем?

Для меня эта роль – возможность прикоснуться к великому произведению Александра Сергеевича Пушкина, окунуться в роскошную эпоху, эпоху «золотого века» нашей литературы. А также это шанс оживить во многом близкого мне по духу персонажа. И это редкая возможность сделать моего героя, результат моей работы, не похожим на того, кто появлялся в творчестве других исполнителей, и сделать это качественно. Хотелось бы быть первооткрывателем образа Онегина. Показать зрителям того Евгения, которого я увидел. Задача сложная. Для меня это вызов. Поскольку существует огромное количество сценических вариантов этого героя. На мой взгляд, Онегин – воспитанный и образованный человек, в этом мы с ним схожи. Похожи и в другом. Мы оба весьма ценим прекрасный пол. Общим, пожалуй, является еще и стремление к чему-то новому, к познанию чего-то неизвестного ранее. Но этими качествами моего персонажа я «Америки не открыл».

В дальнейшей работе по созданию своего Евгения мне помог сам Александр Сергеевич. Сценический Онегин до меня представлялся как расточитель, ему приходится платить долги. Но какие это долги? Мы не знаем. Это могут быть долги, к примеру, отца. Результат непорядочности партнеров. В конце концов, и карточный долг, что во времена Пушкина не считалось постыдным, Александр Сергеевич сам был заядлым игроком, в частности, ставил на кон пятую главу этого самого романа об Онегине. Мой герой, герой романа, не является неумным транжирой. Пушкин его характеризует так: «Зато читал Адама Смита, и был глубокий эконо́м, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». В деревню Евгений поехал оформлять наследство дяди, вступать во владение имением, приводить в порядок организацию ведения хозяйства.

Теперь пора восстановить справедливость касательно взаимоотношений с Татьяной. Перечитав внимательно Александра Сергеевича, я понял, какой глупостью мы вынуждены были заниматься в школе, анализируя взаимоотношения взрослого мужчины и юной девочки. Евгения обвиняют в черствости, называют коварным соблазнителем. И соответственно реализуют его образ на сцене. Порицают моего героя за поступок, достойный, на самом деле, уважения. В романе же есть такие строки: «уничтожать

предрассуждения, которых не было и нет у девочки в тринадцать лет». То есть начитавшаяся романов 13-летняя совсем юная девушка, девочка, которая еще не видит разницы между романтическими фантазиями, начинающейся игрой гормонов и настоящими чувствами, попросту предлагает себя Онегину. Евгений, здоровый взрослый мужчина с соответствующими потребностями, не испытывающий никаких романтических чувств к Татьяне, поступил правильно, отказав ей, и сделал это весьма тактично: «Учитесь властвовать собою, не всякий Вас, как я, поймет; к беде неопытность ведет». Более того, он никому не рассказал об этом. Выходит, Евгений не захотел, подобно старой развратной обезьяне, погубить невинную девочку. По поводу дуэли. В ту эпоху среди высшего общества эта жестокая «игра со смертью» была очень популярна. У Пушкина самого на счету два десятка дуэлей. И относиться к состоявшейся дуэли следует сообразно со временем действия.

Далее. Спустя годы Евгений встретил Татьяну на балу и влюбился в нее. Но он влюбился уже в другого человека. Место неопытной девочки заняла взрослая красавица. Повзрослевшая Татьяна отказала ему: «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я другому отдана, и буду век ему верна». Кто знает, может, взрослая женщина попросту тактично, не травмирую, «отшила» Онегина. Придуманый герой, плод детских фантазий остался в далеком детстве. Взрослой Татьяне Евгений, таков, каков он есть, попросту не интересен. Увы и ах. Хотя мне как мужчине хотелось бы верить, что Татьяна все же любит Онегина, но не дает волю своему чувству. Все-таки обидно за нас с ним. Онегин – мой персонаж, в какой-то степени я.

Такой вот он, Евгений Онегин. Хочу надеяться, что мне, как актеру, удалось сделать моего героя не похожим на представленных ранее. Показать его под несколько иным углом. Создать своего сценического Онегина. При этом не идти в разрез с видением автора романа. Получилось или нет, судить зрителям.

-Что Вы хотите пожелать читателям?

Дорогие читатели, главное, будьте здоровы, читайте книги, посещайте театр. И это не пустой звук, это поможет вам быть более наполненными духовно. И будьте любимы.

- Спасибо Вам, Василий, за рассказ, удачи в дальнейшей работе! Интересных и ярких ролей!

Даша Кашина
Киев, Украина

Будущее Украины – какое оно? Интервью с Артемом Афяном

Артем Афян – управляющий партнер юридической компании «Юскутум», которая недавно признана лучшей юридической фирмой года *по защите бизнеса*.

Компания Juscutum специализируется на правовом обеспечении интересов бизнеса в Украине и за рубежом. Сферы деятельности адвокатского объединения Juscutum охватывают три уникальные специализации: правовая безопасность бизнеса, IT, медиа право и криптопрактика.

- Нынешние выборы в Украине отличались демократичностью и приведением к власти человека нового поколения, что случается редко. В связи с этим я решила взять интервью у тебя, как у человека примерно такого же возраста, как и новый президент.

Каждые выборы – это перезагрузка правительства и надежды народа. Который позднее, как наблюдатель, не будет иметь возможности ни на что влиять. Какое при этом будущее Украины после нынешних выборов?

- Неопределенное. Потому, что сила, которая пришла к власти слишком новая и, следовательно, я так понимаю, что победа была сделана за счет некоего обещания перезагрузки. Но это не была победа какого-то четкого вектора. И, следовательно, что будет делаться, пока неоднозначно.

- Объясни как юрист правомерность роспуска Рады. И планы внести изменения в Конституцию.

- Роспуск Рады, если смотреть формально, очень спорный. Проблема в том, что весь парламентский процесс в Украине выписан достаточно плохо. Сама по себе структура коалиции, как в рамках создания, так и прекращения деятельности, имеет разночтения: смотря как фиксировать эти факты. Поэтому, на мой взгляд, роспуск парламента спорный, но, тем не менее, имеющий право на жизнь момент. Тем более, что одна из позиций, которая часто встречается у юристов: процесс этот политический, в первую очередь, а не юридический (именно говоря о коалиции). И, следовательно, он был далее поддержан всеми, потому можно говорить о согласии.

- Если конституционный суд признает указ неконституционным, а президент его не отменяет, что делать в этом случае?

- Это сложный вопрос. Во-первых, сам по себе момент, что так часто поднимается вопрос об изменении Конституции, мне не нравится как юристу. Конституция – это не тот документ, который нужно кроить под каждые выборы. А у нас, к сожалению, это тенденция. Но могу сказать, что момент прописывания в Конституции курса на НАТО тоже вызывал определенные вопросы. Потому что Конституция – это норма прямого действия, а курс на НАТО – это стратегическое целеполагание. Говоря формально, если завтра НАТО по каким-либо причинам изменит свое название, будет называться не НАТО, а как-то по-другому, то это означает, что нужно вносить изменения в Конституцию снова. Поэтому мне этот процесс кажется очень нелогичным. И проистекает он из того, что у нас ни народ, ни

политики роль Конституции однозначно не представляют. Мне наиболее близка позиция, что Конституция – это свод самых основных, базовых правил того, как Украина собралась функционировать как государство. Там не место политическим лозунгам, векторам и целям, это должны быть более-менее неизблемые правила, основные права, гарантии. Точно так же я за то, чтобы там было прописано базовое устройство вертикали власти, но не было процедурных моментов по выборам, кроме самых-самых основных. Поэтому я бы хотел, конечно, видеть Конституцию уже, наконец, неизблемой и очищенной от всего того, что в Конституции быть не должно, а должно быть в законах.

- Какие могут быть последствия?

- Колоссальный кризис. Это будет колоссальный кризис между властью потому, что все-таки это будет означать раскол – если президент указ не отменит, а конституционный суд примет решение. Указы суда не должны оспариваться, их нельзя не выполнять. Следовательно, часть органов государственной власти могут относиться к указу как к отмененному, а часть будет следовать президенту. И раскол будет именно по органам власти, что очень негативно в целом отразится на функционировании государственного аппарата. И, конечно, на имидже Украины как государств – как внутри, так и вовне.

- Будет ли серьезный передел сфер влияния и крупных предприятий после смены власти и каковы его последствия для страны?

- Если мы говорим о сферах влияния, которые следуют за должностями, то, похоже, что будет. И тут вопрос, удастся ли президенту уменьшить коррупционное или негосударственное влияние структур на бизнес. Но однозначно сразу после выборов, наверное, не будет такого, что раз – и весь бизнес ощутил себя свободным. Если мы говорим о волне рейдерства, передела через суды, то, к сожалению, тенденция сейчас говорит о том, что готовимся мы как адвокаты (мы недавно получили премию «Юридическая фирма года по защите бизнеса») к очень активной фазе после выборов. Очень активной.

- Ощутят ли люди на себе этот передел или нет?

- Я думаю, что, скорее всего, оицуют. Потому, что любая война и передел – это затраты, которые, в конечном итоге, ложатся на потребителя. А во-вторых, люди оицуют это очень сильно косвенно. Потому что подобные действия, ослабляют инвестиционную привлекательность страны и в целом сковывают экономику.

И поэтому, да, конечно. На сегодняшний день уже очень давно рейдерские войны напрямую, на потребителях, на обычных гражданах, не отражаются. Но косвенно это все очень подтачивает экономику.

- Известный политолог сказал, отвечая на вопрос об отсутствии опыта у президента, что президент должен правильно подобрать окружение и понимать, ПО КАКИМ КРИТЕРИЯМ их отбирать. Ты согласен с этим тезисом?

- Мне больше нравится высказывание Вацлава Гавела, который отвечал на то, что у него нет опыта. Он сказал, что лучше один год ошибок, чем пять лет саботажа. Однако, я согласен, что отсутствие опыта компенсируется командой. О том, насколько достаточна команда президента, мне очень сложно пока судить. Там есть ряд интересных кадровых решений, я вижу людей, которые мне любопытны, и есть ряд людей, которых мне там видеть, как минимум, странно. Но поскольку я про многих из них не знаю до конца их бекграунд, я не могу пока полностью сформировать собственное мнение – плохо это или хорошо. Я поэтому и ответил на вопрос, какое будущее у Украины, – туманное. Здесь нет такого, что президент привел абсолютно понятных людей, абсолютно ясно, что они будут делать.

- Человек без политического опыта может понимать критерии, по которым он должен отобрать свое окружение?

- Мне как человеку, у которого нет политического опыта, кажется, что, скорее, да. Потому что, управление страной и управление проектом или предприятием имеет много схожих черт. Хотя, конечно же, отсутствие политического опыта подводит, скорее всего, к огромной череде ошибок, которые можно делать по ходу. И, во-вторых, ослабляет перед теми, кто искушен в политических интригах. Поэтому это просто дополнительный фактор риска. Очень серьезный, но который не обязательно срывает.

- История Украины развивается циклично. Она то пытается вырваться из сферы влияния России и стать независимой, то опять попадает в нее. Может ли это измениться? Есть ли смысл оставлять здесь своих детей...?

- Хороший и сложный вопрос. Действительно, история... ну, в принципе, почти вся история движется циклично. Читал интереснейшую статью о том, что и история России движется циклично. Россия то приближается к Европе маятником, то скатывается в какое-то самодержавие и скрепы, на протяжении, причем, многих столетий. В Украине я считаю, что потенциал все равно по-прежнему есть. Эта страна имеет ряд как плюсов, так и минусов, и я пока не считаю ее для себя непригодной для дальнейшей жизни. Здесь есть свои положительные факторы, свои плюсы и минусы и, на мой взгляд, на земном шаре Украина занимает достаточно неплохое место. Что самое удручающее в Украине, в чем действительно у нас ситуация драматичная, – это то, сколько шансов было упущено для хорошего взлета. Вот в этом плане, если сравнивать Украину с какими-то странами, которые находятся где-то рядом, например постсоветские страны, какие-нибудь страны Латинской Америки, мне кажется ни у кого не было и нет такого количества упущенных шансов, как у Украины. Но, может быть, Украине все-таки уготовано еще несколько шансов для большого расцвета.

- Есть ли шанс, что она оторвется от той модели страны, которая тяготеет к тоталитарному строю, и будет европейской?

- Да, мне кажется, что при всей этой цикличности, каждый следующий взмах маятника отдаляет ее от тоталитарности. И мы не гарантированы, что сама Россия в ближайшие десять лет тоже не изменит своему вектору. Мир глобализируется. Вполне может оказаться, что новым поясом тоталитарности станет условно тот же Китай, а Россия качнется опять ближе к Европе. Но в ближайшее время, по моим ощущениям, в российский тоталитаризм Украина вряд ли окунется. Шансы на это безусловно есть, риски такие остаются, но их пока что меньше. Все-таки те сдвиги, которые произошли за последние десятилетия, мне кажется, очень сильно закрепились в выросшем поколении. Если до этого пророссийское ядро держалось на коммунистической партии, то сейчас мы видим, что, если бы даже не было запрета, то ее электорат, чисто по природным причинам, сильно сократился. И, мне кажется, Украина изживает из себя

привязку к тоталитарному постсоветскому прошлому. Учитывая, что новое поколение просто его даже не знает, не идентифицирует себя с ним.

- Но при взгляде на результаты выборов в ряде регионов возникает вопрос: может ли эта часть страны – юго-восточная – отделиться по Днепру, так, как того хотела Россия? Или федерализоваться?

- Мне кажется, что без какого-то насильственного вмешательства этого не будет. Более того, мне, знающему ситуацию, кажется, что без активного военного вмешательства ни Крыма, ни Донбасса не было бы. Потому что разногласия по территориальному признаку есть всегда и везде. Взять ту же Италию. Она очень четко делится на север и юг. По многим факторам. Взять ту же Германию. Деление на западную и восточную просматривается, в том числе, в политике. Но дискуссий о разделении страны – нет. Потому что это нормально для любого большого образования, такого, как страна, – как-то сегментироваться. И абсолютно абсолютно, что это идет по территориальному признаку. Это не так страшно. Страшнее то, что, к сожалению, сохраняется риск, хотя мне очень хочется верить, что он все-таки меньше сейчас, риск того, что произойдет такая же интервенция с целью спасения российской элитой каких-то своих внутренних рейтингов, баланса власти. Этот риск есть – и он только может привести к какому-то расколу. Ведь если посмотреть на историю, например, последних пятидесяти лет, расколов стран было очень мало. Аннексий вообще не было. Поэтому то, что произошло с Украиной, – это, мне кажется, скорее, агонизирующее решение России. Более того, я искренне считаю, что России оно безумно невыгодно. Именно как для страны. Потому что те результаты, которых добилась Россия, если сопоставить их с теми потерями в экономике, которые они понесли... ну, им было проще взять и весь Крым купить. И дать каждому гражданину ... (я как-то из любопытства прикидывал расчеты на войну) Украины по десять тысяч долларов. За десять тысяч долларов каждый гражданин Украины сказал бы, что он Крыма никогда в составе Украины не видел. Я, конечно, утрирую, но никто не мешал России наращивать свое присутствие там экономическими методами. Очевидно, что нужно было не экономическое присутствие – нужна была победа. И вот это пугает.

- Есть предположение, что, чтобы сохранить власть и дальше той команде, которая есть вокруг российского президента, могут создать Союзное государство, хотя бы с Белоруссией.

- У меня есть такая версия, которая опирается на теорию Галеба с черными лебедями, что Россия уже сделала ряд опрометчивых поступков (я считаю их опрометчивыми, возможно, они так не считают), которые только ухудшат их экономическое положение. И, если мы говорим о том, сколько шансов потеряла Украина, то Россия, в отличие от Украины, не шансы потеряла, она абсолютно конкретно экономические позиции растрчивает. И запасы нефтепродуктов уходят из фонда благосостояния, снижение деловой активности – это то, что я наблюдаю. Ситуация далека от катастрофической но без Крыма они были бы на несколько пунктов выше по показателям и ВВП, и в целом экономической активности. И, мне кажется, что будет еще «черный лебедь», который не даст так просто этим планам осуществиться – просто сделать союзное государство, чтобы сохранить власть нынешнего президента. Мне кажется, во-первых, там люди живут в какой-то своей реальности. Они борются с кем-то, противостоят некому Западу, которого, я лично, не наблюдаю. Это какая-то очень оторванная реальность, которая похожа, на мой взгляд, на эпоху Брежнева. Когда верхушка застарела и жила в каком-то своем небольшом мире, весьма оторванном от остального. Они вели страну, которая катилась как бы вслепую. Поэтому мне кажется, что в ближайшее время мы увидим в истории России некий разброд, которого я тоже опасюсь. Потому что, если честно, для Украины ничего хуже, чем развал России, нет. Мы можем получить рядом соседа, который похож на Сомали, – и это очень плохо. С точки зрения Украины, лучше, чтобы Россия была спокойной демократической страной. Богатой, процветающей. Это самый оптимальный для всех расклад.

- Ну, по сравнению с эпохой Брежнева, где была партноменклатура, это больше похоже на какую-то криминальную группировку, которая держит власть.

- По большому счету, они скатились к той же партноменклатуре. Там же есть «Единая Россия», без принадлежности к которой сложно что-то сделать. Чуть больше проникновения капитализма, нет идеологии, которая была ранее. Которая сдерживала потребление.... А в остальном, – мне кажется, ситуация очень похожа.

- Твои дети будут, несмотря на перспективы войн, жить и учиться в Украине?

- Это вопрос открытый. Я думаю об этом. Но, скорее, да. И аргумент здесь есть у меня следующий. В Европе, которую все обычно рассматривают, и в Соединенных Штатах, тоже все не всегда было хорошо. И нынешнее состояние – это, по сути, результат деятельности тех людей, которые там живут. И, следовательно, у нас есть желание приехать и воспользоваться плодами трудов их отцов. Вместо того, чтобы сделать это самим. Мне, конечно, хотелось бы, чтобы мои дети жили в хорошей стране, которая была создана плодами, в том числе и моих трудов. И чтобы они были абсолютно полноправными, с большой буквы, хозяевами, которые чувствуют себя причастными ко всему хорошему, что в стране есть. А не просто некими пользователями. Но при этом я достаточно «глобален» – мне хотелось бы, чтобы образование они получали, скорее всего, за пределами этой страны. Потому что пока Украина в этом плане не конкурентоспособна. Мне хотелось бы, чтобы они видели другой мир, – и вот в этой открытости, чтобы они могли выбрать Украину. Но будем смотреть, как все сложится.

Часть 8. Литература, живопись, музыка

Василий Тропинин. Гитарист. 1823

Михаил Синельников

Москва, Россия

О первых двух томах десятитомной антологии русской поэзии. От составителя

Если к составу первого тома этого свода поэм я не предвижу особых претензий критики: в нём, наряду с произведениями классиков, вошедшими в школьную программу, помещены произведения авторов, всё же в той или иной мере известных, то второй том дал составителю больше простора для выбора. Количество поэтов в двадцатом веке неизмеримо выросло, но творчество целого ряда талантливых авторов в силу разных причин лежало под спудом, было даже вычеркнуто из литературы.

Вернуть в неё хотя бы некоторые имена – задача поистине харизматическая... Конечно, украшением антологии всё равно являются великие поэмы, ставшие оправданием века. Например, «Первое свидание» Андрея Белого, «Ночь в окопе» Велимира Хлебникова, «Высокая болезнь» Бориса Пастернак, «Торжество земледелия» Николая Заболоцкого... Хочется сказать несколько слов о «Поэме без Героя», которую Ахматова считала своим главным произведением и отношение к которой было для нее определяющим для оценки собеседника.

Эта поэма создавалась на протяжении ряда лет и существуют четыре ее редакции. Приходится принять четвёртый вариант, но это не обесценивает предыдущих. Концовка третьей редакции кажется мне сильной и в то же время бескомпромиссной, поскольку в дни войны

чувства поэта совпали с чувствами всего народа. Заключительный образ гениален:

Опустивши глаза сухие
И сжимая уста, Россия
В это время шла на Восток.
И самой же себе навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом – с Урала, с Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать Москву.

Эти строки были написаны в ташкентской эвакуации. Поразительно, что оказавшийся в том же городе в то же время Владимир Луговской создал свою лучшую поэму – «Алайский рынок». Она десятилетия пролежала в рукописях и была опубликована лишь в новейшее время, определенно изменив ранг замечательного поэта в литературе. Судьбы авторов ряда примечательных поэм были тяжкими: жертвами репрессий стали не только знаменитые Николай Гумилев, Николай Клюев, Павел Васильев, Борис Корнилов, но и менее известные Николай Олейников и Сергей Колбасьев. Известный как выдающийся переводчик Аркадий Штейнберг в позднесоветское время отказался от издания своей книги потому, что в неё отказывались включить поэму «К верховьям», и был, видимо, прав. Эта поэма – чудо русского стиха и перерастает лирику того же автора.

При составлении не было никаких предубеждений: в антологию вошли и стихотворные повести нескольких прекрасных поэтов-эмигрантов, и пронизанная пафосом социалистического созидания небольшая поэма Николая Дементьева «Мать». Пронзительная искренность повествования о матери начальника строительства, скончавшейся после тяжелой дороги к сыну, перехватывает горло и трогает до слёз: «Мы положим тебя У веселых берез, Изможденную, темную мать неимущих, Всех, кто новым и властным хозяином стал. Пусть в оркестре Все трубы играют «Замучен Тяжелой неволей...» И – «Интернационал!»)

Одной из находок стала весьма впечатляющая поэма «Ленингоры», датированная 1927 годом и принадлежащая автору, укрывшемуся под явным псевдонимом Венцеслав Уральцев. По всей видимости, это – красный командир, послуживший в беспокойном Туркестане. Поэтика лермонтовская и вся коллизия заставляет вспомнить роман «Герой нашего времени», но вещь, насыщенная новыми реалиями и исполненная иного трагизма, всё же далеко не эпигонская.

Закрывают антологию поэмы блистательного мастера повествовательного стиха Евгения Рейна, творца современной стихо-прозы Тимура Зulfикарова, ставшего культовой фигурой нобелиата Иосифа Бродского, прославленного Юрия Кузнецова и знаменитого не только по литературе Эдуарда Лимонова. Но здесь же и "Помиловка» провинциала Вадима Антонова, поразившего в свое время нескольких видных поэтов нахлынувшими в Москву стихотворными новеллами. И сгнившего, оставшегося в памяти лишь узкого круга приверженцев.

В этот свод поэм, являющийся частью предстоящей десяти томной антологии русской поэзии, вошли произведения 109 поэтов трех столетий... На днях, перебирая бумаги, я нашел текст некогда написанного Арсением Александровичем Тарковским предисловия к моему предполагавшемуся стихотворному сборнику (книга еще полежала в издательстве три года и вышла без предисловия). Цитировать одобрительные замечания Тарковского было бы с моей стороны нескромно, но одна его мысль поразительна: он пожелал мне талантливого читателя. Конечно, это пожелание относится не только и даже не столько ко мне. Талантливого читателя заслуживают все истинные поэты. И, разумеется, на него имеют право подводящие некоторые итоги антологии.

Антология русской поэзии. Поэмы: В 2 томах/ Отв. составитель М.И. Синельников. М.: "Издательство "ООО"ИТДГК "Гнозис"; ООО "Ладомира", 2019.

Анатолий Валюженич
Нур-Султан, Казахстан

«Пиратская баллада» Лили Брик. Из цикла «Штрихи феномена»

В самом конце минувшего XX века мне случайно попало в руки «Учебное пособие по герменевтике на русском языке для студентов психологических, философских и филологических факультетов», рекомендованное кафедрой общей психологии психологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова по курсу «Общая психология»: А.А.Брудный. Психологическая герменевтика.

Меня заинтересовал незнакомый мне тогда термин «герменевтика», и я стал листать книгу А.А. Брудного в поисках ответа. Оказалось, что «герменевтика» – это наука понимания, и эта книга, являющаяся (на момент выхода ее из печати) «единственным учебным пособием по герменевтике на русском языке», которое «дает не только представление о современном теоретическом уровне исследований, но одновременно исподволь прививает сами навыки углубленного понимания».

Учебник насыщен литературными текстами разных авторов, которые анализируются по правилам «герменевтики», мелькают знакомые имена. Хорош справочный аппарат, что я всегда очень ценю.

И вдруг – стоп! – неожиданно мне встречается хорошо знакомое мне имя: «Лилия Брик»!

Но обо всем по порядку.

Глава 8 «Карты на стол» (с.188-210) посвящена балладам, характеризующимся обязательным наличием сюжета, который «указывает, как надо или не надо действовать в данных обстоятельствах, (...) дает побуждение к действию».

Приводятся, как образцы, и анализируются по построению несколько баллад: старинная английская «Королева Элинора» (в переводе С.Маршака), а также баллады Гумилева, Тихонова, Брехта, Самойлова.

«...Рассмотрим, однако ж, признаки баллады, взятые в особенно резком их выражении. Это относится, например, к диалогу. Одна баллада Самойлова целиком построена как диалог (приводится текст его баллады «Королевская шутка» и дается ее анализ – А.В.).

Но балладу можно построить и вне диалога. Тогда на последний план выйдет другая ее неотъемлемая составляющая – сюжет:

Окончив с врагом поединок,
Я в море бежал от суда
И звуки шотландских волюнок
Не слышал с тех пор никогда.

Набрал я отчаянный и юный,
Веселый и злой экипаж,
Мы брали торговые шхуны
И клиперы на абордаж.

Вестминстер напрасно ругался,
Слепых адмиралов коря,
Меня лишь рифы и галсы,
В портах я бросал якоря.

Недаром воспели баллады
Мой синий толедский клинок.
Я видел раскрытые клады
И женщин прекрасных у ног.

Но недолго разбойничал капер
Кружил он уже наугад.
И в северной гавани запер
Меня королевский фрегат.

Команда моя умирала,

Послав капитану привет,
И я на глазах адмирала
Взорвал свой любимый корвет.

Прощайте, морские походы,
Победы отпетых бродяг.
Прощайте, минуты и годы,
И черный пиратский мой флаг!

Текст стилизован, точности в нем искать не надо. Но сюжет построен точно. От поединка до взорванного в северной гавани корвета – биография пирата выстроена без единой лишней детали.

Лиля Брик, возлюбленная Маяковского, написала эту балладу очень давно. Во всяком случае, до войны. Во время войны она стала песенкой школьников.

После войны невероятной популярностью пользовалась «Бригантина» Павла Когана, убитого в 1942-м на фронте, в разведке.

Вьется по ветру
Веселый Роджер...

Jolly Roger – это черный флаг с «адамовой головой» и скрещенными костями. Пиратский флаг» 2

Лихорадочно ищу в книжке источник, откуда взята эта «**Пиратская баллада**» **Лили Брик**, но – безуспешно. При хорошей научной аргументации других приведенных в учебнике текстов здесь таковая отсутствует.

Я знаком с личными архивами Л.Ю.Брик (№2577), хранящимися в Центральном (позднее – Российском) Государственном архиве литературы и искусства и на ее московской квартире на Кутузовском проспекте. Воспоминания, дневниковые записи, переводы, главным образом, пьес, с французского и немецкого, переписка. Но ни одной поэтической строчки, принадлежащей ей, до этого не встречал. А здесь – квалифицированно написанная баллада, включенная как образец в университетский учебник. По-видимому, это все-таки мистификация.

Лилия Брик

Но тогда, кто же все-таки ее действительный автор? Я мог предположить, что это – кто-то из ее молодых предвоенных поэтов-друзей, завсегда таев ее московской квартиры на Арбате, который, шутки ради, но с ее же, разумеется, согласия, пошел на мистификацию, написав эту пиратскую балладу, отправил ее в редакцию журнала под именем Лили Юрьевны...

На ум приходят пять имен – Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого и Николая Глазкова, которые были хорошо знакомы с Лилей Юрьевной и часто бывали у нее в гостях.

Следовало бы найти первопубликацию баллады; может быть, это прояснило бы загадку ее авторства.

Звоню из Астаны в МГУ на кафедру общей психологии, которая рекомендовала это учебное пособие и прошу помочь мне связаться с А.А.Брудным. Оказывается, академик Арон Абрамович Брудный постоянно проживает в Бишкеке (Фрунзе) и бывает в Москве наездами³. Мне дают его номер телефона.

Нахожу по этому телефону Брудного. Он очень удивлен моему вопросу, но ничем мне помочь, к сожалению, не может. «Пиратскую балладу» Лили Брик он использует в учебном процессе уже давно; вроде бы он нашел ее в каком-то молодежном предвоенном журнале...

Но никаких черновых записей, откуда она была скопирована, у него не сохранилось, такого вопроса никто раньше ему не задавал.

Так где же все-таки надо искать эту балладу? Где она могла быть напечатана и в каком «предвоенном» году? Разумеется, только в Москве или Ленинграде, где выходили тогда такие детские и молодежные журналы, как «Пионер», «Дружные ребята», «Вожатый», «Костер», «Веселые картинки», «Смена», «Мурзилка», «Новый Робинзон», «Молодая гвардия» и другие. За контрольный временной период поисков я принял три с половиной года: с начала 1938-го до середины 1941-го. Задачу поиска осложнило еще отсутствие, как правило, в этих «несерьезных» журналах годовых содержания в последних за год номерах, как это принято в «толстых» журналах. Поэтому приходилось разыскивать и просматривать постранично годовые комплекты журналов, что для меня, жившего в Целинограде (потом Акмоле, Астане, а теперь Нур-Султане), вдали от крупных книгохранилищ, было совсем непросто. Это трудно представить сегодняшним читателям и исследователям, которые легко могут использовать для подобного поиска Интернет через домашний компьютер, занимаясь этим в свободное от других дел время.

Через нескольких лет безуспешных поисков я все-таки нашел, наконец, в марте 2007 года первую публикацию этой баллады в апрельском номере ленинградского журнала «Костер» за 1941 год⁴. Называлась она там «Корсар» и имела некоторые отличия от текста, опубликованного в учебном пособии по герменевтике. Но, главное, автором баллады в журнале был назван... Б.Брик ! Кто же это?

Борис Ильич Брик (1903-1942), талантливый ленинградский поэт, более известный как поэт-переводчик, главным образом, с грузинского на русский.

Родился 29 декабря 1903 года в г. Нарва Санкт-Петербургской губернии в семье музыкантов. Отец – Илья Осипович Брик, после революции – артист Государственной филармонии, преподаватель Консерватории, заслуженный артист Республики. Мать – Елена Осиповна Брик-Ирадова – профессор Ленинградской консерватории по классу фортепиано. Никакого родства у этой семьи с известным литератором Осипом Максимовичем Бриком не было.

Борис Брик начал заниматься поэзией, еще будучи студентом Петроградского университета. В 1923 г. выпустил первый сборник стихов «Царь-колокол».

Борис Брик

В апреле 1925 г. он был арестован по обвинению в распространении контрреволюционных стихов, в частности, «Лев Троцкий» и «Панегирик РКП(б)» и приговорен к высылке на три года, исключая право проживания в шести важнейших городах. Брик с женой и сыном уехал в Полтаву, а затем перебрался в Тверь, в 1929 г. вернулся в Ленинград.

В январе 1931 г. его снова арестовали по той же статье за стихотворение на смерть Маяковского (!). На следствии Б.Брик дает по этому вопросу такие показания: «...Причина смерти поэта В.В.Маяковского – недовольство ролью пишущего на заказ, недовольство, в котором он сам себе боялся признаться, но которое грызло его, омертвило и вынудило его В.В. Маяковского, что и объясняю боязнь со стороны «заказчиков» признать свою долю вины в смерти поэта. В своем произведении «Говорит заказчик и говорит судьба» я выразил совершенно открыто истинную причину смерти поэта, указав на виновников ее...». Его осудили на десять лет лагерей и отправили на Соловки. Однако, «по ходатайству родственников» (О, эти еще благословенно-гуманные времена!) в

феврале 1932 г. его дело было пересмотрено и он был «условно-досрочно» освобожден с лишением права проживания в Московской и Ленинградской областях в течение трех лет.

Освободившись, он начинает заниматься переводами современных и классических грузинских поэтов. В январе 1936 г. его приняли в ССП. Его переводы с грузинского признаются наиболее совершенными. За них он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

В конце 1930-х он пишет и собственные стихи и поэмы: «Василий Чапаев» (1938) и «Шамиль» (1940), работает над пьесой о лейтенанте Шмидте, переводит Киплинга, Ронсара, Гете, Китса и других европейских поэтов. Видимо, тогда же он пишет балладу «Корсар». В 1937-м вместе с Арсением Тарковским издал антологию «Поэты Крыма в переводах с татарского».

В октябре 1940 г. он сдает в издательство «Советский писатель» сборник своих стихов под названием «Баллады», который ему возвращают в ноябре с отказом (!). В начале 1941 года он вновь относит в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» многострадальный сборник «Баллады», который он «подверг глубокой самоцензуре», однако, и на этот раз издательство разглядело в нем много «антисоветского» и книгу отклоняют «по идеологическим причинам» (!!)...

Началась война. 2 сентября 1941 года Борис Брик в третий раз был арестован УНКВД ЛО за «антисоветскую агитацию, критику с враждебных позиций советской действительности, клеветнические выпады против правящей партии и правительства».

Но уже 4 сентября, еще до суда, он был эвакуирован вместе с другими заключенными из осажденного Ленинграда в сибирский Мариинский лагерь, недалеко от Новосибирска.

5 мая 1942 года по приговору Особого совещания Борис Ильич Брик был там расстрелян.

Но он пережил свою семью: его жена и двое сыновей, оставшиеся «на свободе» в блокадном Ленинграде, погибли от голода еще в феврале-марте 1942 г.

После смерти поэта его работы выходили под чужой фамилией или вообще без подписи. В 1957 году ему было отказано в посмертной реабилитации (?), она состоялась лишь 24 июля 1989 года.

В 2003 году издательство «Лимбус-пресс» (СПб) напечатало сборник Бориса Брика «Одинокое дерево», куда вошли его избранные переводы из грузинских поэтов и оригинальные стихи. Баллады «Корсар» там нет⁵.

... «Да, но при чем же здесь Лиля Брик?» – спросите вы.

Совершенно не при чем, эта мистификация состоялась уже после ее смерти в 1978 году.

Баллада «Корсар» Б.Брика была напечатана в апрельском номере ленинградского журнала «Костер» за 1941 год. Вполне вероятно, что она была его последней прижизненной публикацией, ибо уже через два месяца началась война, еще через два месяца поэт был арестован, а через год с небольшим после этой журнальной публикации расстрелян.

Однако, его баллада не осталась незамеченной. Как пишет академик А.А.Брудный, «во время войны она стала песенкой школьников». Обратили на нее внимание и ученые-филологи, которые признали ее образцом такого жанра поэзии, и как таковую, вознамерились включить ее в университетский учебник по герменевтике. Естественно, без указания ее истинного автора, который долгое время считался «врагом народа» и которого по каким-то причинам долго не реабилитировали...

И тогда бдительные филологи (редакторы? цензоры?) находят спасительный выход: вроде бы незаметно заменяют имя автора – «Б.Брик» на «Лилия Брик»... Вообще-то логичнее было бы назвать автором баллады Осипа Брика; ему, по крайней мере, не была чужда практика стихосложения, но мистификаторы этого, наверное, не знали...

Примечания

1. А.А.Брудный. Психологическая герменевтика. Учебное пособие. – Изд-во «Лабиринт», М., 1998, 336 с., 3000 экз., 2-е доп. и испр. издание.

Рецензенты: доктор психологических наук В.Ф.Петренко, доктор философских наук А.П.Назаретян. Редакторы: И.В.Пешков, Г.Н.Шелогурова.

2. А.А.Брудный. Психологическая герменевтика. С.202-203.

3. Арон Абрамович Брудный (1932-2011), профессор, доктор философских наук, член-корреспондент НАН КР (1988), заслуженный деятель науки (1994), лауреат Государственной премии Киргизии (1994). Его работы переведены на семь языков.

4. «Костер» – ежемесячный журнал пионеров и школьников, издававшийся в Ленинграде. Отв. ред. Ю.А.Эшман. Номер 4 был подписан в печать 28 марта 1941 г., его тираж 60 тыс. экз. Баллада «Корсар» помещена на с. 26.

5. Биографические сведения о Б.И.Брике взяты из предисловия Станислава Бернева «Судьба поэта» к сборнику: Борис Брик «Одинокое дерево»: Избранные переводы, стихи («Серебряная серия», вып. 2); СПб, «Лимбус-пресс», 2003, 244 с., 1000 экз. (С.5-18) и Интернета.

Валентина Агафонова
Барселона, Испания

Москва – Портбоу. Художник Наталья Веселовская

Попала я как-то на открытие выставки местных художников из близкой к Фигересу деревни Портбоу. Поскольку в Каталонии не пишет только самый-пресамый ленивый, то выставка портбоуленцев получилась разноуровневая - от профессиональных работ до обыкновенных любительских.

На каждой картине пейзаж самого Портбоу - море и горы на разный манер. Красиво. Но вот заставил остановиться и задуматься вроде тот же самый пейзаж, но на его фоне не существующие наяву древнегреческие скульптуры. Портбоу и древние греки? Почему? Ни до чего не додумавшись, читаю имя автора профессионально написанного полотна - Наталья Веселовская. Сюрприз, наш человек-художник из Портбоу? Это же то самое место, где «Бог жилетку потерял,» - как говорят каталонцы.

Оказалось, что автора я еще раньше выделила из толпы-невозможно было не выделить. Кустодиевского типа - в лучшем смысле этого понятия- с распушенными темными волосами ниже пояса, с особым прищуром глаз, свойственным художникам, без следа косметики на лице и главное- разливанное море обаяния! Одета, как никто другой! Потому что, художник, модельер, исполнитель своего наряда - она сама! На ее костюмах вышиты вручную обычно или портреты знаменитых художников, или фрагменты их картин, средневековых манускриптов и часословов, или сцены из Библии, или суры из Корана и т.п. Одним словом- личность необыкновенная!

Позже я узнала, что и всё, что окружает Наталью, тоже необыкновенное. У нее чудесная семья - муж Георгий и мама, Тамара Валериановна, - главный помощник дочери в вышивании. Её дом выделяется из ряда других уже тем, что входные двери расписаны ею же алхимическими знаками и символами.

Внутри стены увешаны её собственными работами и картинами знакомых художников. Везде, где можно, стоят артефакты, привезенные из путешествий по миру. Чай в доме подают в антикварных чашках. Гостей, невзирая на XXI век на дворе, любят. По комнатам величаво ступает корги Агнесса. Две кошки – одна московская «дворянка», другая приبلудившаяся местная – не всегда мирно делят жилое пространство.

В этом доме готовят варенье из собственноручно выращенных лимонов, индийское чатни и омолаживающий крем. Потом раздают знакомым. Невзирая на занятость Наталья активно участвует в жизни своего городка: выставки, ярмарки, народные танцы-сардана и т.д.

Не удивительно, что её углядел среди портбоуленцев местный священник и привлек для волонтерской работы в благотворительной организации Каритас. Ну, кто, как не она с распахнутым настежь сердцем способна на такое?

- Вообще, я не из тех, кто делает добрые дела,- говорит Наталья,- но уж коли согласилась, работаю. Третий год пошел.

С 1996 года Наталья – член Союза художников России. А до этого были: изостудия Дворца пионеров, художественная школа, Театрально-художественное училище и ГИТИС имени Луначарского, факультет театральной критики.

О присутствии на ее картине загадочных древнегреческих статуй говорит сама автор и становится все понятно:

- Картина «Вид Портбоу» - косвенная цитата «Вида Толедо» Эль Греко – та же композиция, та же фигура, представляющая зрителям город. Добавлены только античные статуи, как бы выходящие из моря - отсылка к временам, когда приморские городки служили убежищем рыбакам и пиратам.

- Наталья, скажите, пожалуйста, чем привлек вас, столичных жителей, скромный Портбоу?

- Портбоу маленький, конечно. Но в свое время это был очень даже влиятельный таможенный город на границе с Францией с двумя казино и двумя кинотеатрами. Здесь я живу, здесь всё, что мне интересно. С легкостью поменяла очень большой город на совсем маленький. Ещё какой-то умный древний грек советовал жителям больших городов пожить в маленьких и наоборот. Плюсы - здесь я знаю всех соседей. Здесь есть море, горы. Что еще нужно человеку? Каталония мне дала всё. Писать и выставляться я начала именно в Портбоу. В Москве я даже не могу представить то число моих выставок, которые состоялись здесь. Портбоу мой город-город художников. Мы все востребованы, все выставляемся.

-Художник, театральный критик... что сподвигло Вас на занятие живописной вышивкой по ткани?

- Сподвиг дефицит красивой одежды в Советском Союзе. Приходилось все шить самой. У меня были друзья из мира высокой моды. Они тогда работали для Жана-Поля Готье, снимали клипы с популярными рок-музыкантами и уже получали призы Грэмми и МТВ. Удивить их было совсем уж трудно, а очень хотелось. Так возникли многочисленные тематические вышивки на моих нарядах. Друзей удивить удалось.

Одна из моих первых работ – восточный кафтан. Персидская миниатюра мне была знакома по Иллюстрациям в БВЛ – если кто помнит 200-томовую литературную энциклопедию - там был том, посвященный ирано-таджикской поэзии. Конечно, я не читала тогда ни Рудаки, ни Низами, ни Хафиза, но с интересом рассматривала иллюстрации к их поэмам. Естественно, первая моя работа, выполненная 30 лет назад, была взята из этого тома БВЛ.

-

Текущий год оказался для Вас очень урожайным на приглашения на международные выставки. Можно о них поподробнее?

– Второй год подряд меня приглашают на фестиваль моды и одежды в Иране с работами на исламскую тематику. На моих костюмах вышивки миниатюр из Шахнаме, Низами, оттоманской живописи и каллиграфии.

Довольно самонадеянно учить народ его же истории. Но на выставке в Иране, добродушные посетители иной раз даже возвращались, чтобы уточнить ,какой именно персонаж изображен на платье и откуда взяты стихи – не из Хафиза ли?! Кроме того, на одном из костюмов было вышито моё имя на арабском (как оказалось, с ошибкой) На что мне и было указано.

Конечно, когда-то иранцы все это проходили в школе, но многое забылось,- ведь «Шахнаме» – гигантский по объёму текст,- и здорово, что мои работы явились поводом для дискуссий.

Еще в этом году принимала участие в испано-арабской выставке в Мадриде, посвященной международному Женскому дню. Это была настоящая великосветская тусовка . И проходила она в замечательном дворце Fernan Nuñez, наиболее хорошо сохранившемся особняке Мадрида. Жаль, что посетителям было некогда – светские обязанности не оставляют времени полюбоваться подлинным убранством дворца, не говоря уже и о представленных нами современными объектами искусства.

Учитывая исламскую направленность выставки, пришлось привезти восточный кафтан с персидскими миниатюрами.

Остальные работы были посвящены живописи XIX-XX, представленные легкомысленным Тулузом Лотреком, декупажами Матисса, экспрессионизмом Кирхнера.

Лотрек

В Лондоне до конца мая в музее города Ворчестера будут выставлены два моих костюма - «Шехерезада» Леона Бакста и «Полуночное солнце» Михаила Гончарова. Англичане неплохо помнят Дягилева и его «Русские сезоны». На аукционах и поныне попадают эскизы костюмов, афиши и плакаты. Нередки и выставки, посвященные знаменитой антрепризе.

-Как Вы считаете, интересна ли зарубежной публике русская тема?

Художников, живущих за границей, нередко упрекают в том, что их работы не несут национального колорита и практически не отличимы от местных художников. Упрек справедливый. Но нам всё кажется, что русская тема может показаться банальной, неинтересной публике. Опыт показывает, что это – заблуждение, и все как раз и ждут этого самого другого, русского! Всё же остальное в Европе и Америке и так сполна имеется. Поэтому теперь стараюсь привезти на выставку хоть одну «русскую» работу, например «Сказки Васнецова» и планирую пополнить «русскую серию». Кажется, готова замахнуться на матрёшку! А чтобы зрители не заскучали, «поддержу» её японской

дарумой, ведь именно она и явилась прародительницей русской игрушки.

-Чем, по-Вашему, можно заниматься, чтобы не жить скучно?

Чтение для меня было и осталось самым большим удовольствием. Конечно, сейчас я уже не делю книги на серьёзные и несерьёзные. Понимаю, что нет никакой разницы – всё служит только к развлечению индивида. Поэтому сегодня читаю комедию Аристофана, а завтра детектив о Ниро Вульфе. Или Историю кастратов.

Вот сейчас изучаю книгу о Марии Стюарт и радуюсь, что так подробно очерчен круг её чтения, что она покровительствовала Ронсару и даже помогла выпустить его первый сборник. Я и вторую специальность выбрала «читающую». На театроведческом факультете ГИТИСа мы, кажется, другим и не занимались.

Из постоянных увлечений остаётся классическая опера. Любила и люблю её слушать. Иногда это удаётся «вживую», как случилось во время поездки в Прагу. Это был «Дон Жуан» Моцарта, причём в том же театре, где состоялась премьера! В барселонском Лицеуме хотелось бы бывать чаще, но мой городок – самая удалённая от столицы точка. Выбираюсь только на любимые оперы – не смогла пропустить «Любовный напиток» Доницетти!

Впрочем, сейчас о фанатах оперы заботятся посредством прямой трансляции – именно таким образом удалось прослушать «Травиату» и «Силу судьбы» Верди из Лондонского Королевского театра. В остальное время – домашнее каждодневное прослушивание записей. Совмещаю со своей работой, что весьма удобно. В прошлом году, наконец, решила попробовать свои силы в пении. Как и предполагала, дело это оказалось нелёгким. Упорно преодолеваю свою немзыкальность и даже уже принята в хор городка Виламайя. Недавно состоялись и первые гастроли во Франции, на встрече хороших коллективов, поющих каталонские песни.

Пока жила в Москве, с увлечением посещала всё, что относится к альтернативной медицине – курсы корейской акупунктуры Су-Джок, занятия по йоге и аюрведе, кружок гомеопатии, японскую гимнастику Сэйти. Удалось даже поучиться у вращающихся дервишей. Мое увлечение герудотерапией закончилось, когда пиявки ломанули из банок и расползлись по всей квартире. В отличие от Москвы, в маленьком городке иные возможности. Здесь даже время течёт иначе. Сейчас круг моих общественных обязанностей – посильная помощь в работе благотворительной организации Каритас да участие в заседаниях общества защиты кошек.

-Наталья, какой Вы видите свою роль в современном искусстве?

- Искусство стало сейчас полностью коммерческим. С этим не поспоришь. Кризис назрел не сегодня, а много веков назад, когда анонимность мастеров готических соборов сменилась индивидуализмом эпохи Возрождения с его культом титанизма и страстей. Изменился и заказчик – из церкви он переместился во дворец, а затем и вовсе растворился в буржуазной среде. Соответственно, искусство, ранее призванное отображать божественное, стало светским. Со снижением внутренней наполненности упал и уровень мастерства. Но я не печалюсь – современные технологии дают возможность «дотянуться» до тех шедевров, что раньше были недоступны. Моя миссия – при помощи нитки и иголки зафиксировать хотя бы небольшую частичку из совершенных образов прошлого. Тех, которые не стареют.

Фигерес, Каталония, апрель 2019

Игорь Волошин

Чикаго, США

Скульптор Милтон Хорн. Биографический очерк

«Я – человек 20 столетия, возвращенный его искусством, живущий современностью, и ответственный за будущее»

(Милтон Хорн)

«Функция скульптуры не украшать, а объединять, не развлекать, но ориентировать человека в его личной вселенной»

(Милтон Хорн)

В далеком теперь уже 1995 году я прочел в газете «Чикаго Трибюн» сообщение о смерти на 89-м году жизни некоего художника Милтона Хорна (Milton Horn). Имя это мне было не знакомо, но привычка запоминать имена художников сработала, и оно осело в памяти.

Прошло несколько лет, и в той же газете появилась большая хорошо иллюстрированная статья о рельефе Милтона Хорна «Чикаго, поднимающийся из озера» (Milton Horn «Chicago Rising from the Lake»), украшавший с 1954 по 1983 годы многоэтажную парковку в центре города и затем исчезнувший во время сноса последнего. Рельеф нашли многие годы спустя на свалке, куда он был вывезен строительными рабочими. Не могу сказать, что он мне сразу понравился, но мощь грубоватой лепки, навеянная индейскими мотивами, произвела впечатление.

Прошло еще несколько лет, и на книжной распродаже я приобрел каталог выставки Милтона Хорна. Из вступительной статьи следовало, что он родился под Киевом в 1906 году, а уже в 1913 году его родители Пинхус и Беся эмигрировали в США. Мне до этого не приходило в голову, что человек с такой английской фамилией может оказаться евреем, тем увлекательнее было углубиться в изучение жизни моего дважды земляка.

Итак, по прибытии в Америку, семья поселились в пригороде Бостона городке Taunton, MA. У Милтона достаточно рано проявились художественные способности, и в 1918 году он стал брать классы живописи, а через 3 года перешел в мастерскую скульптора Генри Китсона (Henry Hudson Kitson) в Copley Society.

Отец молодого скульптора Пинхус был фотографом и ученым-талмудистом, посему придерживался традиционного еврейского образа жизни, однако жизнь в Массачусетсе того времени, очевидно, не очень к этому располагала, поэтому в 1922 году в поисках лучшей доли семья переехала в Нью-Йорк, и здесь в 1923 году Милтон поступил в Beaux-Arts Institute of Design, где снова взял классы рисунка и живописи, а несколько позже – скульптуры.

В 1925 году молодой художник получил свой первый приз -Tiffany Foundation Fellowship, что давало возможность провести лето в штаб-квартире организации в Oyster Bay, Long Island, практикуя и развивая навыки лепки, рисунка, а также изучая историю искусств под руководством опытных наставников. На какое-то время он увлекся китайской и японской графикой, что заметно по рисункам того времени. Однако забегая вперед, можно с уверенностью утверждать, что Милтон Хорн почти никогда не поддавался под чье-либо влияние, оставался совершенно оригинален и не примыкал ни к каким художественным группам и течениям.

Однако, время сделать важное отступление, ибо не искусством единым жил Милтон. Холодным осенним вечером 1925 года бедный молодой скульптор натянул легкую тенниску, поверх надел старый мятый пиджак и отправился со случайной подружкой на Манхеттен, где собирался встретиться с друзьями. На вечеринке он неожиданно познакомился с очаровательной и очень уверенной в себе молодой женщиной Эстелл Оксенхорн (Estelle Oxenhorn). Милтон сразу попал под ее обаяние, быстро проводил домой случайную подружку и вернулся к друзьям, чтобы уже поближе познакомиться с прекрасной незнакомкой. Эстелл была из новых эмигрантов, изучала современные танцы и прекрасно говорила по-русски, которым Милтон также неплохо владел. Они легко нашли общую тему для разговора, поскольку оба не представляли свой жизни без искусства. Их пышная еврейская свадьба состоялась через три года в день рождения Милтона. Однако, когда собрались родственники новобрачных, молодых ожидал приятный сюрприз – Милтон и Эстелл оказались дальними родственниками, и только в этот день жених узнал возникновение фамилии Хорн. До приезда в Соединенные Штаты семья носила фамилию Оксенхорн (Oxenhorn), однако на Ellis Island

взедливый иммиграционный офицер поинтересовался у отца художника Пинхуса, что сия фамилия означает, добавив, что в Америке такие «не носят». Пинхус не нашелся что ответить и пришлось фамилию американизировать, сократив до Хорн.

Эстелл стала на всю жизнь музой художника, его фотографом, делопроизводителем и популяризатором. Она фиксировала на камеру каждый шаг создания скульптур от эскиза до законченного произведения.

Но вернемся к творчеству Милтона Хорна, его яркому запоминающемуся стилю, характерному штриху резца и грубоватой лепке.

Мастерство молодого скульптора было довольно рано замечено и оценено, он быстро приобретает известность, и уже в 1927 году получает очень выгодный и престижный заказ на оформление потолка в Lenthéric Perfume Salon в нью-йоркском отеле Savoy-Plaza Hotel.

Еще будучи совсем молодым скульптором, изучая работы древних мастеров, Милтон Хорн понял, что скульптура являлась для античных авторов неотъемлемой частью архитектуры. Это понимание привело его к попыткам интеграции своих произведений в современные архитектурные формы, и вот наконец появилась возможность применить эти знания на практике.

Бордюр потолка салона был выполнен угловатыми архитектурными узорами в стиле арт деко, и Хорну, не любившему этот стиль, удалось его «очеловечить», гармонично вписав свои фигуры и мотивы в

модные узоры, соединив текучие формы своих барельефов с угловатыми элементами арт деко. В этом проекте Хорн впервые в своей практике установил взаимозависимость скульптуры и архитектуры, их взаимопроникновение, чему впоследствии следовал всю свою профессиональную карьеру. Необычное решение не было не замечено критиками. Его впоследствии многократно репродуцировали архитектурные и художественные журналы и изучали специалисты, что создало молодому художнику устойчивую репутацию среди скульпторов и покровителей искусств. К сожалению, в 1940 году отель был снесен и работа Милтона Хорна навсегда потеряна.

Быстрый профессиональный рост скульптора был неожиданно заторможен грянувшей в 1929 году Великой Депрессией. Художники пострадали от нее не меньше остальных граждан страны. К счастью, правительство создало комиссию WPA (Works Progress Administration), организовавшую миллионы мест в общественных секторах работ. Бывшие безработные привлекались к строительству автодорог и зданий для государственных учреждений, благоустройству национальных парков. Не остались без помощи и художники. Очень многие получили государственные заказы – оформляли школы, библиотеки, почтовые отделения, правительственные здания. Хорн оказался включенным в скульптурный сектор вместе с уже известными мастерами Хаимом Гроссом (Chaim Gross, 1904 – 1991) и Уильямом Зорахом (William Zorach, 1889 – 1966).

По программе WPA в 1932-1934 годах Милтон Хорн работал в Бруклинском музее (Brooklyn Museum): составлял каталоги египетских античных скульптур, восстанавливал коптский текстиль и делал пьедесталы для древних египетских скульптур музейной коллекции Уилбур (Wilbur Collection). Хорну повезло также и в творческом плане – в 1935 году комиссия поручила ему создание шести рельефов из красного дерева для одной из городских школ, а в последующие годы – нескольких рельефов для почтовых отделений.

Впрочем, должен сказать, что работа в WPA имела и свою негативную сторону. Творческая среда относилась несколько пренебрежительно к художникам, обратившимся за помощью к государству, поэтому работы Хорна не получали должной оценки достаточно долгое время.

Примерно тогда же Хорн увлекся античными, средневековыми и азиатскими скульптурами. Работая в Бруклинском музее, он завел немало знакомств в кругу художественных дилеров, что позволило

ему со временем собрать уникальную коллекцию скульптур, которая в некоторой степени способствовала выработке Хорном собственного оригинального стиля. На старости, когда скульптор фактически перестал работать, эта коллекция была постепенно распродана исключительно с целью выручить деньги на жизнь.

В 1936 году группа скульпторов решает основать Гильдию Скульпторов (Sculptors Guild). Хорн стал одним из 9 отцов-основателей, а всего на тот момент в организации состояло 57 членов. Первая же групповая выставка в Нью Йорке весной 1938 года вызвала необыкновенный интерес. Несмотря на то, что вход был платным, за месяц ее посетили 40 тыс. человек. Впечатленный таким успехом Бруклинский музей, уже осенью открыл новую выставку гильдии скульпторов, прошедшую с неменьшим успехом.

В конце 30-х начинается один из самых спокойных периодов в жизни скульптора. Carnegie Corporation выделяет Милтону Хорну грант на работу скульптором в Olivet College, Michigan. Мастерство художника было замечено и отмечено, и уже через два года в 1941 году колледж принимает Хорна на должность профессора искусства. В период, когда еще не закончилась Великая Депрессия, но уже началась Вторая мировая война, эта работа оказалась островком стабильности. Хорн преподавал в колледже до 1949 года, то есть до переезда в Чикаго.

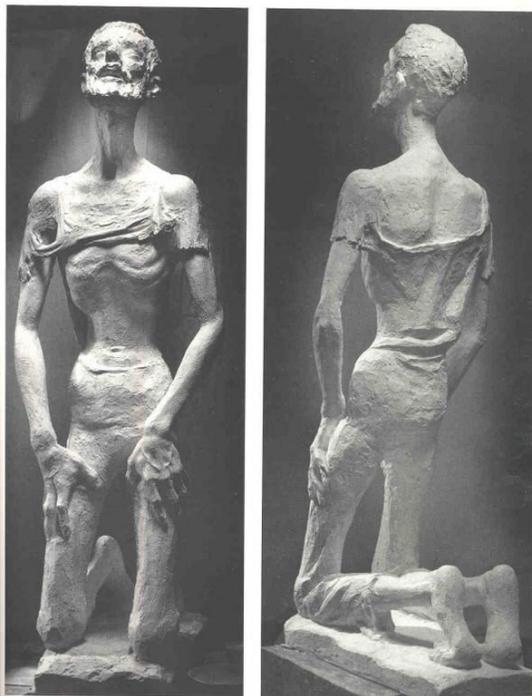
1943 год стал для Милтона Хорна одним из ключевых. Всего в полутора часах езды от Olivet College Фрэнк Ллойд Райт начал проектировать частный особняк для молодой семьи Mr. and Mrs. Carlton David Wall. Здание было необычной октагональной форме, за что впоследствии и получило прозвище «снежинка». Как известно, Райт – величайший зодчий 20-го века – с кем попало не сотрудничал, поэтому то, что он выбрал Милтона Хорна для изготовления панно над камином, говорит о многом. Совместный проект послужил сближению талантливого скульптора с великим архитектором. Райт весьма благосклонно отнесся к теории Хорна о взаимопроникновении скульптуры и архитектуры, и с большим удовольствием занимался с ним определением ритмического потока форм и материалов в пространстве.

Впоследствии Хорн приложил немало усилий для сохранения наследия Райта. В 1957 году, сразу после смерти архитектора, он организовал комитет по спасению знаменитого шедевра Райта Robie House в Hyde Park, который Чикагский университет (Chicago University) собирался снести, чтобы построить на его месте новое

общежитие. Сейчас Robie House один наиболее посещаемых в Чикаго архитектурных музеев.

За годы проведенные в Olivet College Милтоном Хорном было выполнено большое количество работ, но особенно стоит отметить бронзовую коленопреклоненную фигуру Иова, изнуренного многострадального праведника. Голова Иова запрокинута назад, глаза смотрят в небо, внимая несущемуся из вихря голосу бога. По замыслу Хорна, Иов символизирует евреев-жертв второй мировой войны, прошедших через нечеловеческие страдания, но не потерявших своей веры. Эта работа одна из наиболее известных в творчестве Милтона Хорна. Впервые она экспонировалась в 1948-1949 года в Еврейском музее Нью Йорка (Jewish Museum of New York), затем в Филадельфии, Чикаго и снова в Нью Йорке в музее Метрополитэн (Metropolitan Museum of Art).

Наконец, наступает 1949 переломный год. Милтон Хорн принимает важное решение – оставляет колледж и переезжает в Чикаго. К этому времени он уже сложился как большой, уверенный в своих силах и принципах, мастер, но он чувствует, что достаточно узкие рамки

Иов (Job), 1947

работы и отдаленность от крупных культурных центров, сдерживают его дальнейшее развитие.

В Чикаго Хорн создает большое количество произведений – несколько рельефов и скульптур для школ, банков, офисных зданий, парков и даже церквей.

Хорн был убежден, что любое произведение искусства имеет значение в воспитании человека, и каждой своей работе отдавал все силы, вне зависимости от того были это библейские или мифологические сюжеты для синагог, светские символы для города, рельефы для школ и университетов или бюсты известных деятелей. Однако как бы много сил и времени Хорн не отдавал всем своим проектам, была одна тема, которая прошла красной нитью через всю его жизнь. Это была еврейская тема. Она никогда не вытеснялась из его творчества ни богатыми заказами, ни знаменитыми именами соавторов, но только в Чикаго, уйдя на «вольные хлеба» и избавившись от вынужденного преподавания, он смог в нее углубиться, посвятив значительную часть своего времени.

Как выше было сказано, отец Милтона Хорна был ученым-талмудистом, и в юные годы будущий скульптор провел немало времени в беседах с ним о легендах и мифах древних евреев, об их влиянии на искусство. В чикагский период жизни эти беседы легли в основу большого количества работ.

В 1950 году Милтон Хорн получает заказ от синагоги West Suburban Temple Har Zion, расположенной в чикагском пригороде River Forest. Это был реальный шанс выполнить нечто значительное, во что можно вложить душу, профессионализм и глубокое знание еврейской культуры. Более того – это была своего рода авантюра, на которую не был способен ни один американский еврейский художник...

Милтон Хорн создал композицию из известняка, размером 12 X 10 футов (3,6м x 3,04м), в которой изобразил дух-хранитель иудаизма, олицетворяющий божественное присутствие Шехина (Shekhinah), в виде сверхестественного существа, с огнеподобной головой и четырьмя пылающими глазами, держащим в руках скрижали закона с 10 заповедями. Шехина возвышается над чудовищем с головой буйвола – символом звериной сущности и невежества, каким оно описано в Книге Иова. На заднем плане видна часть миноры, с пылающими факелами. В нижней части рельефа пламя пожирает чудовище.

Композицию с левой стороны сопровождает выдержка из книги пророка Захарии «Not by might, nor by power, but by my spirit, saith the Lord of Hosts» (Zechariah, 4:6)

(«Не силой, не мощью, но Духом Моим – говорит Господь»).

В этой работе Хорн впервые задумался, допустимо ли изображение человекоподобной фигуры в синагоге, и решил попробовать – в этом и заключалась авантюра художника.

Рельеф вызвал бурные споры в еврейской религиозной среде. На специально организованном совещании, в присутствии 400 раввинов, Милтону и Эстелл удалось отстоять свои взгляды, работа была принята и консервативная синагога признала допустимость изображения человекоподобной фигуры.

По утверждению специалистов, это первая в мире работа такого типа, появившаяся на стене синагоги в наше время. Для еврейского скульптора 20 века требовалась изрядная отвага, чтобы бросить вызов традиционному запрету на человеческое изображение.

Впечатляющая композиция была высечена из известняка самим скульптором. У него был помощник в работе над эскизом, но он рассчитывал только на себя в тщательной проработке формы и выборе материала, которого требовала концепция. Вырезая непосредственно в камне, Хорн нарушил традицию *Beaux Arts*, согласно которой скульптор создает модель в глине, оставляя резьбу по камню помощникам.

В 1963 году синагога вновь пригласила Милтона Хорна, чтобы почтить память членов синагоги Хэрри и Сэди Ратнер (Harry and Sadie Ratner). Теперь уже скульптор не сомневался в изображении человеческой фигуры и выполнил барельеф, названный им «Вознесение Рабби Иуда» (The Ascension of Rabbi Judah (Rabbi Judah)).

В 1953 году Милтон Хорн в составе группы из 5 известных чикагских скульпторов принимает участие в масштабном городском проекте по увековечиванию памяти ведущих чикагских бизнесменов. Проект был инициирован крупным бизнесменом и политиком, в немалой степени повлиявшим на развитие Чикаго, Джозефом Кеннеди, отцом будущего президента Джона Кеннеди и сенаторов Роберта и Эдварда Кеннеди. 8 бюстов были установлены у крупнейшего на то время в мире бизнес-центра Merchandise Mart. Хорн выполнил два бюста основателей торговых компаний Фрэнка Уинфилда Вулфорта (Frank Winfield Woolworth, 1852-1919 и Аарона Монтгомери Уорда (Aaron Montgomery Ward, 1843 – 1913)).

К середине 50-х годов известность Милтона Хорна достигает всеамериканского уровня, выставки проходят во многих городах, и в заказах нет недостатка.

В 1954 году его приглашает Медицинской центр университета Западной Вирджинии для выполнения пилонов у входа в здание. Хорн выполняет 8 мраморных рельефных панелей размером 3x7 футов (0,92м x 2,14м), посвященных истории медицины – по 2 рельефа на каждый пилон. Эта работа заняла два напряженных года. Сам процесс создания панелей скульптор построил в несколько спиритическом духе. Накрывшись покрывалом при свете лампы, он в полной тайне от посторонних глаз создавал рельефы, в то время как Эстелл читала вслух Библию, как бы усиливая атмосферу таинства. С посетителями велись беседы на темы религии, истории, философии, политики. В таком добровольном «заточении» скульптор провел больше года.

Что же изображено на рельефах, и чему они посвящены? Рельефы прославляют достижения медицины и наиболее выдающихся врачей всех времен. Мы на них видим одного из основоположников современной медицины Гиппократ, отца западной философской мысли Аристотеля, пионера офтальмологии Бенвентуса Грассуса (Benventus Grassus), великого микробиолога Луи Пастера, основателя стоматологии Пьера Фошара (Pierre Fauchard), врача и физиолога, открывшего кровообращение, Уильяма Гарвея (William Harvey), священника и ученого, разработавшего процесс измерения кровяного давления, Стивена Хейлса (Steven Hales), автора первых книг по анатомии Андреа Весалиуса (Andrea Vesalius), основателя

гастроэнтерологии Уильяма Бьюмонта (William Beaumont), первооткрывателя икс-излучения (рентгеновского излучения) Вильгельма Рентгена, гинеколога и хирурга Эфраима Макдауэлла (Ephraim McDowell).

Законченные в 1956 году пилоны с рельефами стали таким же символом нового университета, как и сам университет стал символом города. Установленные у входа они не только украсили новую медицинскую школу, но стали воротами в мир медицины, приветствующими, входящих в мир врачевания студентов. Однако рельефы имеют и собственную художественную ценность. Они привлекают скульпторов со всей страны, как яркий образец изображения в камне как творческих личностей, так и сам творческий процесс.

В 1958 году по заказу Еврейской Федерации Чикаго Милтон Хорн выполняет бронзовый рельеф «Дух еврейской благотворительности». Он до сих пор украшает ее стены, отображает различные виды помощи, осуществляемые федерацией на протяжении многих лет деятельности – забота о детях и стариках, медицинская помощь и помощь в получении образования и научных исследованиях, религиозное обучение, организация развлечений. По замыслу автора даже предметы в рельефе несут в себе определенные символы, в частности расположенная на переднем плане ваза с цветами символизирует душевное тепло, присущее всем службам организации.

Для большего визуального эффекта, рельеф первоначально был установлен на фасаде старого здания федерации на уровне глаз прохожих и вблизи проезжающих автомобилей. Впоследствии федерация переехала в новое помещение, и теперь рельеф находится внутри здания.

Как я уже отметил выше, иудейская вера оставалась едва ли не главной темой творчества Милтона Хорна, причем он и далее продолжал использовать человеческие фигуры для синагог, считая, что только так можно добиться максимальной выразительности.

Помимо описанных мною выше скульптур, им были созданы «Вирсавия и Соломон» (“Bathsheba and Solomon”), «Я не позволю тебе уйти» (“I Will Not Let Thee Go”) и многие другие.

Полностью статью можно прочитать в журнале ЧАЙКА: <https://www.chayka.org/node/9794>

Использованные материалы и библиография:

1. Fred, Haydon, Ellis, Milton Horn, Sculptor, Spertus Museum of Judaica, Chicago 1989
2. Bach, Ira, Chicago on Foot: Walking Tours of Chicago's Architecture, Rand McNally & Company, Chicago, 1979.
3. Bach, Ira and Mary Lackritz Gray, Chicago's Public Sculpture, University of Chicago Press, Chicago 1983.
4. James L. Riedy, Chicago Sculpture, University of Illinois Press, Chicago, 1981
5. Milton Horn
https://en.wikipedia.org/wiki/Milton_Horn
6. Milton Horn
<http://www.ilovefiguresculpture.com/masters/american2/horn/mhorn.html>
7. Milton Horn, 88, A Sculptor Known For Public Artworks
<https://www.nytimes.com/1995/04/07/obituaries/milton-horn-88-a-sculptor-...>
8. Chicago Riverwalk [Merchandise Mart Hall of Fame – by Various Artists]
<http://chicago-outdoor-sculptures.blogspot.com/2007/11/merchandise-mart-...>
9. William Gropper & Milton Horn/Temple Har Zion
<https://art.newcity.com/2008/11/09/review-william-gropper-milton-horn-tem...>
10. Loosing Estelle
<https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-2001-01-21-0101210379-story.html>
11. Milton Horn's Chicago Rising from the Lake
<http://www.connectingthewindycity.com/2011/08/milton-horns-chicago-risin... lake.html>

Илья Марин

Нью-Йорк, США

Фестивальные страсти: Сан-Ремо

В субботу, 9 февраля, мы увидели кульминацию праздника итальянской музыки, длящегося неделю: 69-й фестиваль Сан-Ремо – завершился.

Мое детство проходило в Италии, и я начал смотреть Сан-Ремо еще до того, как открыл для себя Евровидение (в то время итальянцы о нем даже не слышали). В настоящее время я фанат обоих шоу, они, как мне кажется, не сильно отличаются.

Главное отличие в том, что мир Сан-Ремо намного медленнее мира Евровидения. Хозяева Сан-Ремо никогда не спешат, и песни не ограничиваются по времени тремя минутами. Со своими 24-мя конкурсными выступлениями субботнее шоу длилось целых четыре часа и закончилось в час ночи – поздновато даже для меня.

Специальным гостем вечера была Элиза, которая спела «Anche Fragile» («Также хрупкая») из своего последнего альбома и исполнила трогательный дуэт с ведущим праздника Клаудио Бальони.

Каждый год ведущие шоу и их гости вынуждены спускаться на сцену по печально известной крутой многоступенчатой лестнице – основного элемента дизайна сцены. Длинные платья и высокие каблуки мешают артистам с нее спускаться.

Вирджиния Раффаэле, Клаудио Бальони и Клаудио Бизьо на открытии фестиваля

Неоднократно случалось, что певцы спотыкались или на них находил страх и они останавливались в ожидании подмоги. В этот раз лестничный колодец был гораздо менее заметным, его показывали только по мере необходимости, что меня несколько разочаровало.

Соревнование продемонстрировало смесь всех жанров – от баллады до поп-рока и хип-хопа. Выступали музыкальные «легенды», существующие на протяжении десятилетий, такие как Патти Право

(она поет уже лет 50!), и относительно новые «находки», такие как Эйнар.

После выступления всем женщинам-конкурсанткам был вручен букет цветов, что, на мой взгляд, было приятным и чисто итальянским жестом.

Лоредана Берте, известная итальянская певица, выступала в Сан-Ремо в восьмой раз – с песней «Чего ты от меня ждешь?»

Она произвела мощное впечатление на публику своим характерным хриплым голосом, испепеляющим взглядом и неонового-голубыми волосами. Хотя она заняла только четвертое место, многие считали, что она – настоящая звезда шоу, ее выступление было встречено бурными стоячими овациями.

Во время объявления результатов голосования, когда появилась оценка Лореданы, публика начала протестующе свистеть и скандировать ее имя. Такой агрессивной реакции публики на оценки судей прежде в Сан-Ремо я не наблюдал...

Неожиданным победителем фестиваля стал Махмуд, пришедший к победе с ритмичным хитом «Soldi» («Деньги»). Песня рассказывала о реальных отношениях Махмуда с его отцом, который оставил семью, когда сын был еще ребенком. Эта победа вызвала удивление у фанатов Ультимо, ожидавших, что именно он получит трофей.

В то время как Ультимо оказался первым в результате «народного» голосования, Махмуд выиграл голоса экспертного жюри и прессы. Лично я болел за обоих. Победитель Сан-Ремо обычно едет выступать на Евровидение. В этом году конкурс проводится в Израиле. Легко предположить, что песня Махмуда станет хитом и там.

По давней традиции, в воскресенье, после финала, все участники фестиваля появляются на популярном варьете-шоу *Domenica IN*.

Однако, в этот раз пришли не все. Трудно было не заметить, что Лоредана Берте и Ультимо среди гостей отсутствовали, очевидно, недовольные результатами. Интрига продолжилась, когда после конкурса возникли разногласия по поводу подсчета голосов.

Итальянская публика, похоже, больше верит телеголосованию (как в старые добрые времена), чем современной сложной трехступенчатой системе, включающей голоса телезрителей, жюри и прессы.

Изменится ли что-то в будущем? Чтобы это узнать, нам нужно всего-навсего подождать до 70-го фестиваля Сан-Ремо, который состоится в следующем году.

Часть 9. Театр

Карл Брюллов. Всадница, 1832

Борис Голубицкий
Санкт-Петербург, Россия

Письмо Актрисе

Дорогая Вера Кузьминична!

В жизни режиссёра не так уж много счастливых моментов – вечное недовольство собой, разные театральные обстоятельства – ничто в театре не способствует счастью. И всё же они бывают, эти мгновенья...

Я принял Орловский театр имени И.С.Тургенева в ужасном состоянии – он был кандидатом на расформирование. Должно было произойти чудо, чтобы театр ожил. И тут явились Вы. Помню то давнее уже зимнее раннее утро на вокзале, Вы вышли из поезда и сразу объявили: «У меня совсем нет голоса. Как я буду играть сегодня? Надо срочно искать врача». И мы бросились искать врача, нашли. Он помог – вечером Вы играли свою Домну Платоновну, Воительницу, и это было чудо.

С этого дня началась наша творческая дружба. Воительница поселилась на нашей сцене и воевала – за Театр. Помню в Минске на гастролях спектакль посмотрел председатель Белорусского театрального общества, известный драматург. И он сказал: «Какая прекрасная актриса Вера Васильева, как виртуозно она играет! Но ведь Леканидке можно её совсем не бояться – она же сама доброта!» Как он точно угадал. Потому что главным в Вашей роли была Любовь,

любовь к людям. Недавно посмотрел новую постановку «Воительницы» в одном из театров. Там было много выдумки, всякой всячины, без которой не обходятся современные спектакли. Но любви не было...

Вера Васильева //our-russia.com

А потом на сцену вышел Александр Николаевич Островский, великий маг и волшебник Театра. Я знал о Вашей любви к нему – на одном из фестивалей в Костроме мы оказались рядом перед выступлением на конференции. И Вы рассказывали о своей Вышневецкой из того легендарного спектакля Марка Захарова, а я – о своём «Доходном месте», первом моём Островском и вообще первом профессиональном спектакле, поставленном под влиянием Вашего, хоть я и не видел его. Мы так заговорились, что я чуть было не пропустил своё выступление, которое очень смешно было заявлено в программе: «Набойки вместе; блажь». Я должен был говорить о двух постановках – «На бойком месте» и «Блажь». Вас тогда заинтересовала «Блажь», Вы эту пьесу не знали. И вот как получилось – через несколько лет Вы сыграли в ней главную роль...

На съезде нашего театрального союза нас избрали секретарями. Собственно, Вы там всегда были и всегда возглавляли комиссию помощи людям, невозможно сосчитать всех благодарных Вам. А мне достался иностранный отдел, да в это самое время почти вся «иностранный деятельность» прекратилась – границы открылись. И в

перерывах заседаний мы стали обсуждать новую совместную постановку. Выбор пал на пьесу «Без вины виноватые» – Ваша и моя мечта. Началась работа.

Как здесь всё сошлось! « Приезжая знаменитость» и провинциальный театр. Мы не делали акцента на интригах и бездарности плохих актёров, напротив, с появлением Кручининой они все старались показаться с лучшей стороны. Так было и в жизни. С Вашим появлением театр преображался – все хотели соответствовать Вашему уровню. Атмосфера возникала потрясающая. Театр поверил в себя.

Но и враги не дремали. Особенно неистовствовали некоторые чиновники, бывшие партийные функционеры. Им всё не нравилось: и обилие классики в репертуаре, и уникальный театральный фестиваль, и моя персона с пятым пунктом, -- всё. Наш Председатель Михаил Александрович Ульянов даже выступил с большой статьёй в центральной прессе – в защиту театра. А Вы отправились по их «самым высоким кабинетам» воевать за нас, точь-в-точь как Кручинина за Незнамова. И чудо произошло: начальники отступились, нехотя признали линию на создание театрального Дома Тургенева правильной, дали возможность работать. Впоследствии некоторые из них публично каялись в своих ошибках. Но сколько же сил и нервов отняли они у нас тогда...

«А как Вы играли!..» -- восхищается Нил Стратоныч Дудукин актрисой Кручининой. Мы её игры не видели, верим ему на слово. А как Вы играли актрису Кручинину я видел столько раз, сколько шёл спектакль. А он шёл двенадцать лет и играли его во многих городах и странах. Эта роль – исключительно Ваша! Любовь к людям, к Театру, к его людям – Вы всё вложили сюда, осветили Вашим светом. Но было в Вашем исполнении и ещё что-то, чего я не видел ни у одной Кручининой, ни в театре, ни в кино. Мне трудно определить это словами, но одно слово скажу – кручина. Вы не просто любили, Вы кручинились за весь мир, каков бы он ни был. И тут была Ваша тайна, тут было чудо только Вашего создания...

Конечно, я не мог согласиться с тем, что в родном театре у Вас было так мало достойных Вас ролей, но и понять руководителя можно: с его ироничным, язвительным взглядом на жизнь Вы явно не вписывались в эту концепцию. Видимо, под влиянием слухов об успехе нашего спектакля, он пригласил меня для переговоров о возможной постановке. Я назвал пьесу Леонида Андреева «Не убий!» Он засомневался: «Леонид Андреев – не наш автор». А когда я предложил Вас на главную роль, переговоры и вовсе зашли в тупик...

А мы останавливаться не хотели. Возник новый проект, как теперь говорят. Это была знаменитая Филумена. Вокруг буквально закипели «итальянские страсти». Но Вы избрали совсем иной путь, Вы призвали на помощь образу всю свою кротость и даже смирение – и победили. Вы покоряли Доменико Сориано не хитростью и уловками, а любовью и терпением, в этом была Ваша сила. И наша Филумена не походила ни на одну из знаменитых предшественниц. Когда Вы разговаривали с Мадонной и просили её о чуде, зал замирал – Вы сами и были в это время чудом – и слёзы, и радость, надежда и вера сопровождали Вас...

На мой юбилей в Москве Вы пришли вместе с Дашенькой, которую нашли так, как Кручинина нашла сына. И Вы сыграли сцену из «Без вины...» с Антоном Багровым, моим учеником, он приехал из Петербурга, где играет роль Незнамова в одном из лучших театров. По ходу сцены Вы даёте ему деньги на покупку пальто, реквизита не было и Вы дали настоящую купюру. Сцена прошла потрясающе, Антон долго не мог придти в себя. А когда он спохватился и бросился отдавать деньги, Вы уже уехали. Сейчас эта купюра висит у него дома на стене, в рамочке – знак любви к Вам и к Вашему искусству...

Дорогая Вера Кузьминична! Я хочу сказать Вам, что Вы дарите счастье. Вся наша многолетняя дружба – настоящее творческое и человеческое счастье. Мы с женой бесконечно благодарны Вам...

P.S. И вот – чудо. Пишу эти строки, звонок от Вас. И это, конечно, мгновенье счастья...

Ваш Борис Голубицкий

Анна Филиппова

Москва, Россия

Старая новая "Матросская тишина"

Двадцать седьмого января 2019 года в Театре Табакова состоялась грандиозная премьера. Но начну издалека. В 1958 году Александр Галич, потрясающий поэт и драматург с крайне трагичной судьбой, написал пьесу "Матросская тишина". Примерно в то же время открылся "Современник". Группа молодых талантливых актеров театра во главе с Олегом Ефремовым принялась репетировать новую пьесу. "Матросская тишина" всех зацепила, взяла за живое – наверное, в первую очередь, потому что это произведение о любви. Всеобъемлющей. Безусловной. Чистейшей.

Первое действие происходит в Тульчине, мы видим сцены из грустной и веселой жизни Абрама Шварца и его сына Давида. Отец из-под палки учит ребенка музыке. Маленький Давид страдает от суровости и беспринципности своего отца. Проходит порядка десяти лет. Давид живет в Москве и учится в консерватории. Он весел, бодр и настроен на успех. В какой-то момент отец приезжает к нему в гости. Но Давид стесняется своего происхождения и прогоняет его. Однако отец не обижается на сына. Он спокойно оставляет ему накопленные деньги и уходит. И тут становится ясно: все, что делал Абрам, было по любви. Он учил своего сына музыке по любви. Он не позволял ему воровать по любви. Он жестоко с ним обращался по любви. В этом главный контраст пьесы. Тот, кто поначалу кажется странным, диким и даже немного жестоким, любит своего сына абсолютной любовью.

Потом начинается война. Старый мир рушится. А вот удастся ли построить новый, неизвестно. Абрам Шварц является Давиду уже после своей смерти. Его расстреляли. Пораженный контузией Давид лежит в горячке и полубреду. Трансцендентный диалог отца и сына – квинтэссенция любви, чистосердечности, душевности и трагизма. (В пьесе есть еще четвертое действие, но его изначально убрали из инсценировки, что внесло в спектакль таинственность и недосказанность и стократ усилило зрительские эмоции). Эта история затронула как Олега Ефремова, так и актеров. Каждый нашел в ней что-то свое.

В спектакле должны были принимать участие Евгений Евстигнеев, Игорь Кваша и Олег Табаков. Но в самый последний момент случилось непредвиденное: пьесу запретили к показу (согласно одной из версий, потому что Галич в ней преувеличил роль евреев в Великой Отечественной войне). Коллектив театра оказался в безвыходном положении. Решили играть пьесу Розова "В поисках радости". Запрет пьесы "Матросская тишина" стал личной трагедией для каждого, кто был причастен к ее постановке. Для Галича. Для Ефремова. И конечно, для Олега Табакова. С тех самых пор он мечтал поставить "Матросскую тишину".

Прошло тридцать лет. Олег Павлович преподавал в Школе-студии МХАТ. В 1988 году он решает на постановку спектакля по пьесе, затронувшей его душу в глубокой молодости, и отдает роль старого еврея Абрама Шварца тогда еще совсем молодому Владимиру

Машкову. Если честно, я не могу понять, как, каким образом Олегу Павловичу пришло в голову это феноменальное решение. Пожалуй, все дело в том, что он был гениальным педагогом. Он разглядел в своем студенте яркого, характерного актера. Поначалу Машков был в шоке. Ведь как можно в двадцать четыре года, когда в самую пору играть молодых, красивых и дерзких героев, вживаться в роль комичного, малоприятного старика? Но Машков вжился. Потрясающе. Фантастически. Истово. Всей душой. Со временем его увлек не только сам образ Абрама Шварца, но и подбор костюмов, грима, работа над движениями и речью. Олег Павлович с удовольствием принимал участие в процессе удивительного перевоплощения и был невероятно рад успехам своего ученика. Он в него верил.

Спектакль прошел на ура и, спустя пару лет, в тысяча девятьсот девяностом году, перекочевал в уютное театральное пространство на Чаплыгина. Разумеется, роль Абрама Шварца осталась за Машковым. К тому моменту было очевидно, что вряд ли кто-то будет играть ее более рьяно и страстно.

Именно с ролью Абрама Шварца взошла звезда Владимира Машкова. И, пожалуй, именно этот образ вдохновил его на постановку таких вещей, как "Звездный час по местному времени", "Смертельный номер" и "Страсти по Бумбарашу". Роль Абрама Шварца стала для Машкова судьбоносной. Впрочем, и сам спектакль открыл новую веху в истории "Табакерки". Он стал звездным часом (по всемирному времени) не только для Владимира Львовича, но и для всех других, задействованных в спектакле актеров. Яркую и колоритную роль Розы Гуревич мастерски, виртуозно сыграла актриса Ольга Блок-Миримская. Александр Марин предстал в образе молодого, искреннего, немного наивного Давида Шварца (впоследствии его заменил Евгений Миронов). Эпизодическую роль Мити Жучкова великолепно и красочно исполнил Сергей Беляев. Михаил Хомяков был очень убедителен в образе Мейера Вольфа. За всю историю существования спектакля в нем играли десятки артистов (в том числе сам Табаков), и каждый вложил в эту удивительную феерию частичку себя.

С постановки "Матросской тишины" "Театральный подвал" зажил новой жизнью. Случилось чудо. Настоящее театральное чудо. Трудные времена сменил неиссякаемый праздник. Зрители спешили на премьеры, критики писали восторженные статьи, актеры проживали жизни своих героев, с каждым годом Олег Павлович открывал для себя новые имена.

Спектакль играли девять лет. Каждый показ был исполнен энергии, силы, волнения и удивительной теплоты. Зрители теряли дар речи, смеялись и плакали. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Спектакль сняли с репертуара. Он остался главным событием в истории театра и превратился в легенду. Впоследствии Олег Павлович как-то написал: "Наша "Матросская тишина" явно заслуживает жизни, а не забвения". И эта его фраза удивительно точно характеризует судьбу спектакля.

Был и промежуточный вариант «Матросской тишины, где играли Федор Лавров и Павел Табаков, он был довольно живым и органичным, но как-то быстро сошёл со сцены.

Сцена из спектакля. 2019 год. Абрам Шварц в исполнении Владимира Машкова

Прошло еще двадцать лет. В 2018 году, после смерти Олега Табакова, театр возглавил Владимир Машков. Я верю, что с его приходом в истории "Табакерки" начнется новый виток. Нас ждут яркие события и громкие премьеры. Потому что Машков – ученик и преемник великого Олега Павловича. Потому что он талантливый театральный режиссер. Потому что он уникальный человек.

Первое, что решил сделать Машков, став художественным руководителем Театра Табакова, – заново поставить, оживить "Матросскую тишину" и сыграть свою законную, «священную» роль – Абрама Шварца. Я считаю, что это театральное событие года. В каком-то смысле новый спектакль энергетически даже сильнее, чем

старый, поскольку у него очень красивая, очень мощная предыстория.

Впервые сыграв роль Абрама Шварца, молодой Владимир Машков фантастически предстал перед публикой в образе старого еврея. Спустя почти тридцать лет он снова играет ту же роль и делает это так же талантливо, так же ярко, как и тогда, но теперь с большей осознанностью и мудростью. Он же занимался постановкой новой "Матросской тишины". Этот спектакль исполнен трепета. Это дань великому Олегу Табакову, великой пьесе и великой любви. Машков задействовал в спектакле прекрасных актеров. Сергей Беляев (который когда-то исполнял роль Мити) играет Мейера Вольфа, Андрей Смоляков – Чернышева, Яна Сексте – Розу Гуревич, Сергей Угрюмов – Митю Жучкова. Также в спектакле принимают участие молодые, но уже успевшие заявить о себе актеры: Владислав Миллер, Наталья Попова, Никита Уфимцев и др. По правде говоря, я не представляла, каким может быть состав после «легенды», оставившей след в сердцах миллионов. Я ждала этого события несколько месяцев. И вот этот день настал. Волнение. Трепет. Предвкушение чуда. Сказочное фойе с потрясающими, невероятно красивыми витражами. Зал. Приглушенный свет. Все взволнованы. Буквально через несколько минут состоится театральное Событие. И с каждой секундой напряжение все возрастает. Занавес поднимается. На сцене Владимир Машков. Его не было здесь двадцать лет. Но он вернулся. В родной театр, на новую, преображенную сцену. Это счастье, что он снова пришел туда, где его так долго ждали

В пьесе «Матросская тишина» есть несколько ключевых сцен. И в каждой из них задействован Шварц. Абрам Шварц в исполнении Машкова – это стержень спектакля. Все остальные герои выстроены вокруг него. С Машковым этот спектакль заново приобретает особый смысл.

Мейер Вольф изменился. У Сергея Беляева свой Мейер Вольф. Другой. Не такой, как у Хомякова. Более гротескный и более курьезный. И он прекрасен.

Митя Жучков остался таким же простодушным и веселым. Но теперь его играет Сергей Угрюмов. Эта роль его. Он исполняет ее с задором и характером. Хотя она и эпизодическая.

Роза Гуревич осталась Розой Гуревич. Она комична, неистова, энергична и шумна. Эта роль очень подходит Яне Сексте. Она справляется с ней просто блистательно.

Первое действие живо и динамично. Здесь каждая фраза, каждое движение – это маленькая история, анекдот, вызывающий у зрителя непроизвольный смех.

Быстрая смена декораций. Москва. Общежитие. На сцену выходят молодые актеры «Табакерки». Владислав Миллер играет юного Давида Шварца и смотрится на сцене весьма убедительно. Он полон энергии и сил. Именно таким должен быть юный Давид Шварц. К нему захаживает Таня (актриса Ангелина Пахомова). Совершенно внезапно в Москву приезжает Абрам. Ключевой момент спектакля. Шварц проявляет к сыну совершенно искреннюю заботу. Но сын его отвергает. И это первая сцена, выбивающая у зрителя слезу. Абрам потерян, немного смущен, меняется его тон, его образ. Одно остается неизменным: он от всей души желает Давиду счастья. Машков играет эту сцену искреннее, от чистого сердца. Он ее проживает.

И вот война. Поезд. Вагон. Давид ранен. Ему является отец. Тот самый диалог. Развязка спектакля. И здесь просто невозможно не плакать. Это одна из лучших сцен спектакля.

Вот и все. Занавес. Конец. Хотя нет, это только начало. Начало новой жизни, новой эпохи. Нам предстоит пережить еще немало эмоциональных потрясений. И это здорово.

В пьесе Абрам Шварц говорит своему сыну Давиду: "Дальше, милый, начинается твое "дальше"". У спектакля "Матросская тишина" есть свое "дальше". И это "дальше" наступило 27 января 2019 года, в день памяти жертв Холокоста. И я хочу, чтобы это "дальше" длилось долгие годы, чтобы оно было ярким и красивым, чтобы оно приносило артистам воодушевление и восторг, а зрителям – самые яркие, неповторимые, незабываемые эмоции. Думаю, что Театр объедит со старой новой «Матросской тишиной» весь мир. Ее будут играть во многих странах, и каждый раз зрители будут испытывать самый настоящий, самый глубокий катарсис. Когда-нибудь спектакль обязательно доберется и до славных американских городов – и, верю, что вызовет у публики те же эмоции, что и у зрителей «Табакерки»!

Нина Аловерт
Нью-Йорк, США

Юрский – чтец. Отрывок из воспоминаний

Чтецкие вечера Юрского – это был еще один его театр, который он создал, репертуар к которому подбирал, сам режиссировал и сам играл. Стиль исполнения каждого автора, голосовые модуляции, манера поведения на сцене и игра с воображаемым (или реальным) предметом – все это создавало впечатление скорее спектакля, чем чтецкого вечера.

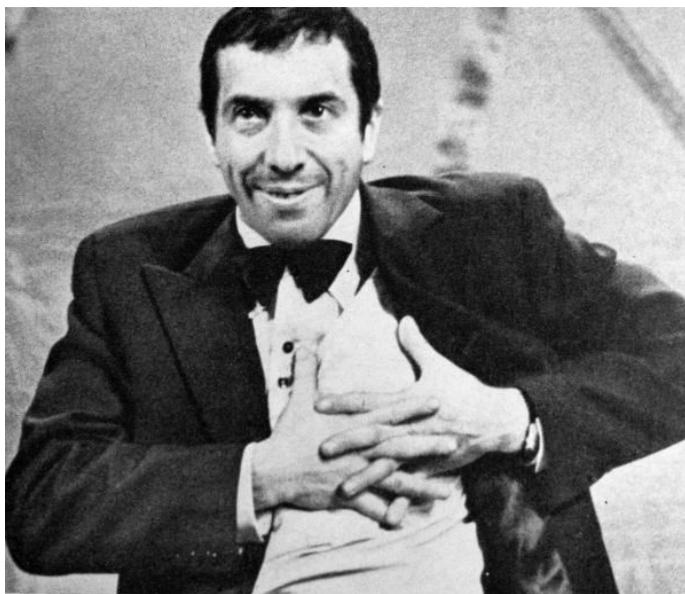
Юрский читал самых разных авторов от Жванецкого до Пушкина и Пастернака. Актер владел разными жанрами.

И поразительно создавал настроение момента иногда только модуляциями голоса.

Так, читал блистательно главу «Нехорошая квартира» из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Был и котом, нацепившим гриб на вилку, и Воландом. Глава подходила к концу. Волшебной силой Воланда директор варьете Степа Лиходеев переброшен из Москвы в Ялту на берег Черного моря. ... И вдруг с интонацией, которую на словах описать не могу, звучит голос Юрского:

«Степа тихо вздохнул, повалился на бок, головой стукнулся о нагретый камень мола». Оказалось, что не заслужил проходимец Степа этой страшной кары, это наказание выше его сил, и он уходит от нас, то ли теряя сознание, то ли в окончательное небытие. И такое впечатление создавалось артистом только изменением интонации, только голосом, звучащим как будто из другого пространства.

Такое же изменение пространства помню во время чтения Юрским «Домика в Коломне» Пушкина.

Сергей Юрский. «Кража». 1972. Фото: Нина Аловерт

Читал он в элегантном палевом энгельгартовском зале – Малом зале филармонии. На сцене стоял рояль. Только что актер оживленно рассказывал веселую историю мнимой служанки, и вдруг – остановка. Вдова с дочерью по воскресеньям ходили к Покрову. Юрский подходил к роялю, становился почти спиной к зрительному залу.

«Туда я помню ездила всегда

Графиня...»

Юрский нажимал на клавишу. Звук. Пауза.

«...(звали как, не помню, право)»

Звук. Пауза.

И зритель понимает: неправда, помню. И не могу забыть.

Режиссерская мизансцена с роялем и актерский голос, лишенным всякой интонации, нарочито безразличный – воссоздают грустное воспоминание о тайной влюбленности. И такая печаль! Такая печаль, которая передается зрителям – как это получается? это уже нематериальная часть актерской профессии.

И вновь актер продолжает веселым голосом рассказчика:

Блаженнее стократ ее была,

Читатель, новая знакомка наша...

Но наиболее памятно мне исполнение Юрским стихотворения Бориса Пастернака «Снег идет», которое я слышала не один раз и в разные годы. Конечно, каждый следующий спектакль отличается от предыдущего. Актер не повторяет себя полностью. Всегда оставалось "распевание" текста и подчеркивание внутреннего ритма стихотворения, которое вызывает зрительное и физическое ощущение медленно идущего снега – крупные хлопья в безветренную черную ночь падают из небесной бездны...и вся космическая картина неба, сходящего на землю, Но принципиально новый смысл окончания этого стихотворения в разные времена кажется мне не случайным.

Сергей Юрский – Онегин. «Евгений Онегин». Начало 1970-х. Фото: Нина Аловерт

В предотъездное время 1977 года я иду на концерт Юрского, как я думаю, – последний раз в моей жизни. В Ленинграде у Финляндского вокзала в большом концертном зале Юрский читает «Снег идет». И

тот же распев, и та же космическая картина мироздания... Тогда, в 1977 году, Юрский на последней фразе, закинув голову, выкрикнул, выдохнул сдавленным голосом: «перекрестка поворот!» И все стало таким понятным: этот напевный голос, эта речевая иллюзия тихой ночи – шаманство, или как теперь бы сказали – медитация оракула, в конце которой он вдруг видит будущее: «перекрестка поворот!». И темная ночь оборачивается «древним хаосом».

В 2017 году, ровно через 40 лет, Юрский выступал в Нью-Йорке в Карнеги Холл с чтецким вечером и читал среди прочего «Снег идет». Последнюю фразу «Перекрестка поворот» сказал твердо, интонационно поставил точку. Нет больше перекрестков. Тупик.

Великие творцы – свидетели настоящего и прорицатели будущего.

На том же вечере в Ленинграде Юрский читал и другое стихотворение Пастернака, «Метель», уже совсем впрямую обращенное ко мне и таким же как я, к нему самому, ко всем, кто оказался на перекрестке. Читал, выражая душевное смятение человека того времени. И так же, как страшно, как о перекрестке, вещал в своем космическом прозрении: «Я тоже какой-то...я сбился с дороги...»

И, раскинув руки: "Не тот это город, и полночь не та".

После окончания концерта он написал мне цитату из "Метели" на афише:

«Послушай, в посаде, куда ни одна / Нога не ступала, одни душегубы, /Твой вестник...»

В тот вечер в 1977 году Юрский «предсказывал» или выражал драматическое предчувствие поворота не только общей, но – прежде всего – своей судьбы. У него самого тогда был тяжелый, даже – страшный период жизни. В театре его положение было трагичным.

Зарина Кушельман
Б. Вашингтон, США

Моноспектакль «В городе Бердичеве» в исполнении Бориса Казинца

...Снится мне: в родную землю
Мы войдем в огнях заката
С запыленную одеждой,
Замедленную стопой...
И, войдя в святые стены,
Подойдя к Иерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благославим...
С. Маршак

Не успел Б. М. Казинец доиграть «Эзопа» по Фигерейдо, как – буквально через несколько дней – позвонил и рассказал о новом замысле: сделать моноспектакль по рассказу Василия Гроссмана «В городе Бердиче». «... Ну знаешь, по которому Аскольдов снял своего «Комиссара». ... Там вроде и играть-то нечего. Может просто прочитать? Сделать литературную композицию, сесть за стол и прочитать...», – делился со мной Борис Михайлович Казинец. На следующий день: «... Нет, все-таки, хочу сделать полноценный спектакль. Такой вот моноспектакль. Вот не знаю, будет ли это

интересно зрителю? Но мне так хочется его сыграть, – делится со мной Казинец. ... – А как ты думаешь?»

Через несколько дней: «...На заднике хочу повесить «Купание Красного коня», – имеет в виду картину художника Петрова -Водкина. – Все-таки Гроссман писал рассказ о революции...».

И я понимаю, что Борис Михайлович уже в творческом процессе, придумывает, сомневается, но текст композиции уже набрасывается.

Опять звонок... Борис Михайлович, без перехода: «... знаешь, чего подумал, текст хороший, но его явно не хватает для спектакля. Там Вавилова практически молчит. Вся тема Вавиловой Гроссманом рассказана. Она думает про себя, внутри себя. Как я ее играть буду?» Тут же сам отвечает: « ...Я ее играть не буду. Я за неё буду читать...»

Борис Казинец. Фото: Алекс Марин

«...Ну, что думаешь? А будет ли интересно? Маленький рассказ. Диалогов почти нет. А какую музыку подложить? Может, пускай будет опять Шнитке, лучше же нет...»

А вот уже в марте получаю пригласительный билет, с афишкой спектакля «В городе Бердичеве». На ней летят шагаловские влюблённые.

На 27-28 апреля 2019 года была объявлена премьера «Театра Русской Классики». Лауреата международной премии «Заезда театрала» в категории «Лучший Русский Театр за рубежом» 2016 года.

Спектакль игрался два вечера в Randolph RD Theatre, где сцена как маленькая арена. Зрители возвышаются полукругом, а внизу под ярким светом играют спектакль. Первый ряд практически на сцене. Актёр не отгорожен. Четвёртой стены нет. Играть сложно. Я об этом писала не раз.

Декорации скупая, минимальная. Деревянный стол, два стула, ширма, а над зрителем на огромном панно высоко летят герои картины Марка Шагала «Над городом».

Может, это маленький жестящик Хаим Магазаник, по прозвищу Тутер, подхватив свою Бейлу, улетает из городка, от всей этой неразберихи, от всей этой революции и контрреволюции, от белых, красных, зелёных, от петлюровцев и денкинцев, от галичан и поляков, от Маруси и банды Тютюника, и ещё бог знает от кого.

Под мелодию поминальной молитвы из мюзикла Журбина «Закат», сыгранной музыкантом и скрипачом Владимиром Гамарником, выходит рассказчик – народный артист Грузии Борис Казинец – и начинается действие. Он рассказывает о событии – незначительном с точки зрения той мировой революции, которую затеяли наши деды – произошедшем в одном из многочисленных южных городков огромной страны, которой уже нет. ...О событии почти библейской значимости.

Борис Казинец рассказывает, танцует, поёт, а перед нами возникают картины местечка, где несмотря на жесточайшую, истребляющую войну, продолжается жизнь.

«...У древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен старые евреи продают мел, синьку, фитили, – евреи с бородами пророков, со страстными лохмотьями на впалой груди... Вот предо мной базар и смерть базара. Убита жирная душа изобилия. Немые замки висят на лотках, и гранит мостовой чист, как лысина мертвеца....Это текст не из рассказа Гроссмана, это мастерски, вплетенный в композицию, отрывок из рассказа Исаака Бабеля «Гедали».

Но и старик Гедали, и жестящик Хаим Тутер со своей Бейлой и семьей ребятишками и старухой матерью, и комиссарша Клавдия Вавилова, которая вздумала рожать, и именно у Хаима Магазаника, – они все оттуда, из далекого времени, и все они оживают перед нами в спектакле, придуманном и сыгранном народным артистом Грузии Борисом Казинцом.

Вот Бейла, которая успела родить семь раз и, к своему ужасу, понимающая, что ничего о том, как рожать, как выхаживать, эта большая Вавилова – 170 см ростом великанша с широкими бёдрами – ничего не знает. И она эта Бейла, рассказывает о нелегком

материнском труде. «...О, это не простая вещь!» Бейла, как старый солдат, рассказывала молодому новобранцу о великих муках и радостях родов. «Рожать детей, -- сказала она, -- вы думаете, что это просто, как война: пиф-паф и готово. Ну нет, извините, это не так просто...» И она рассказывает Вавиловой о том, что они – эти дети – болеют... И о том, что они ещё хотят кушать каждый день... И о том, что ни одного из этих – своих семерых – она не потеряла.

А Вавилова, внимательно слушавшая Бейлу, думает « ...что «впервые за все время её беременности ей встретился человек, который говорит ей об этой тяжелой случайной неприятности, постигшей её, как о счастливом событии, которое будто бы было самым важным и нужным в жизни Вавиловой...»

И мы зрители, участвуем, соучаствуем, переживаем и сокрушаемся вместе с Бейлой – Казинцом и Вавиловой – Казинцом. Как будто перед нами не один актёр, и не скудная обстановка, а целый мир еврейского местечка с его запахами, звуками, шумом.

Это история о евреях, об их доброте, об их высоком, древнем, генетическом понимании, что жизнь должна продолжаться... И относиться к этому явлению, нужно как к чуду. Это о народе, которого истребляли и ещё будут истреблять... Да так, что мир содрогнётся. Ибо такого истребления эта земля ещё не видела.

Василий Гроссман написал маленький, проникновенный рассказ «В городе Бердичеве» в 1934 году, который высоко оценил Максим Горький. Василий Гроссман ещё не ведал, что грядёт другая – большая – война и что он, Гроссман, напишет великий роман-эпопею «Жизнь и судьба» и что этот роман вызовет зоологическую ненависть у чиновников от литературы и органов госбезопасности. Они будут охотиться не только за рукописью, но и за копиркой от рукописи, чтобы уничтожить текст так, чтобы уж ничего не осталось, чтобы и восстановить было невозможно.

А пока мы видим в исполнении Казинца, как Тутер -Магазаник куда-то лезет и достаёт кроватку для ребёнка и корыто, чтобы купать младенца. И видим перед собой краснолицую акушерку Розалию Самойловну, глядя на которую комиссарше Вавиловой казалось, что это приехал в штаб командарм. «...Он тоже был коренастый, краснолицый, сварливый, и приезжал он тогда, когда на фронте бывал прорыв...».

Казинец продолжает повествование... Перед нами ходит по сцене и шумная, краснолицая и грозная акушерка Розалия Самойловна, и маленький Магазаник, который, вернувшись домой, понимает, что роды все ещё продолжаются, а в комнате у роженицы кто-то

произносит такие крепкие, матерные слова, что Магазаник, послушав и покачав головой, плюет на землю: это Вавилова, ошалев от боли, в последних родовых схватках, сражалась с богом, с проклятой женской долей. Вот это я понимаю, – сказал Магазаник – Казинец-, вот это я понимаю: комиссар рождает. Мало мне своего, думает Магазаник, ..так вся партизанская бригада тоже должна в моем доме рожать. И Казинец воздевает руки вверх, и закрывает глаза руками, и покачивается, как покачиваются в молитве евреи вот уже 5 тысяч лет.

Фото: Алекс Марин

Вот точным жестом Борис Казинец провёл по губам, и мы уже видим двух усатых, двух неловких, пропитанных табаком и конским потом, мужиков – Козырева и начальника штаба, – которые вошли как «два скрипящих сапога» и склонились над спящим младенцем, недоумевая, как это Вавилова, которая и на бабу не похожа, все-таки родила. Пришли проведать и сообщить о том, что покидают местечко, так как «поляк прет». Но пришлют двуколку с пропитанием...

В драматургической композиции Казинца рассказ не о революции, а о великой доброте и великом мужестве евреев.

Бейла, у которой семь своих тугерят, решительно сказала: «...О чем говорить. Поляки завтра придут сюда. Так я хочу вам сказать. Поляки,

не поляки, а австрияки, галичане, но вы можете остаться у нас. Кушать вам, слава богу, привезли столько, что хватит на три месяца...»

«Я не боюсь, – сказала Бэйла. – Вы думаете, я боюсь? Дайте мне пять таких, я не испугаюсь. Но где вы видели мать, которая оставляет ребенка, когда ему полторы недели?»

Зрители вовлечены в это великое эпохальное зрелище. Борис Казинец, подняв руки к небу, рассказывает нам, как будто приоткрывает занавес другого пространства. И мы видим южный город, где все вдруг замолкло перед приходом беды... Мы – зрители-вместе с жителями местечка, к своему удивлению, увидели отряд курсантов. ...Они были одеты в белые холщовые брюки и гимнастерки. «Пусть красное знамя собой означает идею рабочего люда», – протяжно и как будто печально пели они.

Они шли в сторону поляков. Почему? Зачем? И с той же интонацией, не меняя ритм, замечательный актёр Борис Казинец продолжает говорить: «..Красивые, во всем красивом, Они несли свои тела, И, дыбля пенистые гривы, Кусали кони удила... А впереди, Как лебедь, тонкий, Как лебедь, гибкий не в пример, На пенящемся арабчонке, Скакал безусый офицер...» Казинец читает стихи Иосифа Уткина «Атака», которые вплеп так естественно в ткань композиции, что никаких сбоев или шероховатостей в повествовании не было. А те, кто не читал Гроссмана, я уверена, и не поняли, что читают стихи.

Не знаю, стоит ли писать об этом, но не могу не написать. Ибо только то, что написано, и будет свидетельством того, что и как было сыграно. Два дня играл спектакль Борис Казинец, и в первый день финал был один, а в другой день – другой. Это произошло случайно, ибо в первый день, когда на стихи И. Уткина включается мелодия «Лехаим», зрители, не выдержав трагического накала, начали хлопать, не дав артисту закончить финальную сцену. Поэтому, первый спектакль не заканчивался так трагически. В первом спектакле, Вавилова продолжает вместе с остальными смотреть на курсантов, идущих в сторону вокзала, там где уже орудуют поляки. Она остаётся со своим Алешенькой.

На второй день финал был гроссмановский, ...

А потом так же буднично, мы слышали, как будто увидели, как большая женщина, на ходу заряжая маузер, догоняла курсантов, идущих на верную смерть, оставив сына Алешеньку на замечательную Бейлу, которая ничего не боится, и ее Магазаника – Тутера. Она не сомневается, что оставляет своего сыночка на верную жизнь...

А над залом ликующе лилась древняя, вечная как этот мир, синагогальная молитва «Лехаим», за Жизнь.

Спектакль закончился. Многие плакали, хлопали, кричали браво и продолжали плакать. А замечательный актёр, народный актер Борис Михайлович Казинец, на поклоне сказал: «.. Я сделал этот спектакль, только из-за одной фразы, которую говорит Старый Гедали у Бабея ... «Мы не невежды. Интернационал... мы знаем, что такое Интернационал. Я хочу Интернационала добрых людей...».

Борис и Светлана Казинцы

Борис Казинец 1930 года рождения. 16 октября он будет отмечать свое 89 – ление. Я не удивлюсь, если завтра же он позвонит и скажет, что ко дню рождению он придумал поставить что-то новенькое, давно уже им задуманное и захочет поделиться замыслом.

Отдельно хочу отметить работу Светланы Казинец – ассистента режиссера, верной подруги и жены Бориса Казинца, великолепную работу звукорежиссура А. Вовк и работу художника по костюмам О. Вовк.

Часть 10. Проза

Павел Федотов. Свежий кавалер (Утро чиновника, получившего первый крестик).
1846

Вера Чайковская

Москва, Россия

Женская натура

Григорий Андреевич Травкин, приехав с женой и дочерью в небольшую свою деревеньку, решил не тратить прекрасного летнего времени даром, а позаниматься живописью. Дома, в Петербурге, не хватало на нее сил — приходилось служить в скучнейшем Департаменте казенного имущества. Но в душе Григорий Андреевич оставался художником, хотя систематического образования по этой части не получил. В юности он много копировал, бегал на уроки к Ивану Макарычу, самоучке-иконописцу, который для денег писал портреты местных питерских купцов, а в особенности купцовых жен и дочек. Макарыч Григория «одобрял», пожалуй, в этом и состоял смысл учения. Даже самые ранние живописные безделки Травкина были не похожи на Макарычевы портреты. Но Макарычу это и нравилось.

Потом Григорий Андреевич посещал приватным образом занятия в Академии художеств. Испрашивал у президента Академии Оленина специального на то разрешения. Чаще всего ходил в натурный класс, где ставились для писания всевозможные античные гипсы, а порой и мужская обнаженная натура. Однажды преподаватель — седой, бородатый, грозного вида академик, подойдя к Травкину, постоял минуты две возле его этюда с натурщика и проговорил отрывисто, как пролаял: «Верно схвачено движение. Bravo».

После этого Григория Андреевича зауважали. Учащиеся Академии все и на вид, и по существу были гораздо его младше. Но был он такой робкий, так тушевался перед теми, кто учился на «законных основаниях», а не как он — с оглядкой и урывками, — что никто его не замечал и не принимал всерьез.

А тут его похвалили гроза всех учившихся в Академии живописцев — сам Квасин! Григорий Андреевич обрадовался и на радостях написал маслом небольшую картинку — девочка завязывает башмак, а из-за приоткрытых дверей за ней наблюдает не то улан, не то гусар. Картину он писал, радуясь всем сердцем, что он не в Департаменте, что девочка похожа на дочку Машу, а улану или гусару (мундир был написан неотчетливо), должно быть, жизнь улыбается. Картинку он с трепетом принес в Академию и показал Квасину. Тот насупил седые брови, побагровел и сказал, что, пожалуй, представит Травкина с этой картиной на ближайшей Академической выставке. Правда, чересчур Травкин прыток — движение движением, но нельзя забывать и о классической законченности. У Травкина же почти сумбур. А вот цвет — восхитителен. Глаз цепкий. Пусть ходит на занятия и пишет еще.

О, Травкин не ходил — летел на занятия в Академию, как школьник на каток. А было ему уже далеко за тридцать, почитай сорок. В канцелярии его давно называли Григорием Андреевичем и ходил он в «стариках». Хорошо, что жена попалась не слишком сварливая, как и он, из бедной дворянской семьи с малюсеньким именем в приданое. Она видела, что занятия живописью приносят ее Грише большую радость и не мешала его вечерним походам в Академию, а порой и тому, что вместо супружеской спальни, ночевал он в небольшом сарае, в котором оборудовал себе мастерскую. Света там было маловато, да и воздуха, простора. Городская удушливая жара или сырость, в сарае еще более непереносимые, чем в комнатах. Потому-то Григорий Андреевич так радовался приезду в деревню, где под мастерскую он выбрал деревянный флигелек со светлой трехконной комнатой.

Успех с «Девочкой, завязывающей башмак», получившей академическую премию, его окрылил. Передавали, что сам государь, Николай Палыч, остановившись перед картиной, осведомлялся, с кого написана девочка, не с танцорки ли кардебалета. Присутствовавший при сем Квасин без запинки сказал, что именно с танцорки. Государь кивнул головой удовлетворенно и пошел дальше.

Эпизод с государем передавался по Академии как анекдот, обрастая подробностями. У Григория Андреевича стали спрашивать, правда ли, что он изобразил Меншову, несколько убавив ей лета. Он путался, смущался, но в конце концов решительно отказывался и говорил, что писал по воображению...

Григорий Андреевич бродил по еще не скошенному лугу родной своей Севастьяновки и думал, что бы теперь ему написать.

Перед отъездом в деревню в Академии он посмотрел несколько этюдов и картин приехавшего из Европы знаменитого Робера Арни, обрусевшего француза, академика живописи. Он преподавал в классе исторической живописи, который Травкин боязливо обходил. Арни встряхивал курчавой рыжеватой шевелюрой и легко, словно танцуя, прохаживался по навощенным полам дворцовой анфилады в своей бархатной синей жилетке и с белым нарядным бантом, ловко раскланиваясь со знакомыми. Воплощенный артист, само изящество. А какой ум, какой полет! Травкин был ему как-то представлен. Квасин отрекомендовал Григория Андреевича как ученика с хорошим дарованием, и Арни благожелательно и чуть отрешенно ему кивнул. Но тут, на своей выставке, он Травкина не узнал, скользнул равнодушным взглядом. А Григорий Андреевич так надеялся, что Арни хоть что-нибудь да скажет ему о его «Девочке». Даже интерес государя значил для него меньше, чем одно словечко Арни. Оно всю жизнь могло перевернуть. Глядишь, Григорий Андреевич и бросил бы свой ненавистный Департамент!

Все этюды Арни были написаны с женской обнаженной натуры. На двух холстах Диана и Афродита — тоже обнаженные. Это было новостью. В Академии женскую обнаженную натуру не ставили, писать — иногда писали, но с античных гипсов. Вероятно, во Франции и в Италии с этим делом было полегче. Да и сам Арни — блестящий, красивый, артистичный, был не чета русским живописцам, еще и от парсуны недалеко ушедшим. Где уж им писать женскую наготу!..

По лугу ходили две крестьянки с берестяными кружками. Собирали землянику. Но когда Григорий Андреевич, улыбаясь, заглянул в кружки, — там ягод было на доньшке. Девки больше ели, чем собирали. Он их обеих знал. Одна, помладше и попроще, была Танька. Другая, уже замужняя, удивляла горделивым точеным лицом, темными соболиными бровями, алым капризным ртом. Ей бы на балах танцевать, а она в его деревне крепостная раба.

Танька и Машка Григория Андреевича вовсе не боялись, знали, что он чудной барин, — все что-то малюет во флигеле. В прошлом году, летом, он сделал поясной этюд с Машки. А зимой написал с него небольшую картинку маслом. Расхрабрившись, показал сие творение Квасину, но вызвал резкое недовольство. А ученикам Академии картинка понравилась очень. К Травкину специально подходили в натурном классе и просили показать его «крестьяночку». Лохматый бурный Кузьмин, взглянув, сильно хлопнул Травкина по плечу и сказал хриплым басом, что нужно бы ему, Кузьмину, бросать Академию. Бежать от этой чумы. Она ему мозги заморочила, глаза

закрyla. А вот у Травкина по этой части все в порядке. А Квасин — старый осел, — присовокупил Кузьмин, что вызвало у Травкина реакцию противоречивую. Тот вроде бы его первоначально поддержал. Но, с другой стороны, картинка с Машкой и самому Григорию Андреевичу казалась живее и ярче всего им прежде написанного...

Теперь, встретив Таньку и Машку на лугу, Григорий Андреевич решил их писать. Он мог даже позволить себе роскошь писать нагую натуру — в конце концов это были его собственные крестьянки, и во всей Европе ничего зазорного не находили в том, чтобы живописец, созерцая нагую женщину, создавал упоительные образцы. Григорий Андреевич восхищался эрмитажной «Данасей» Рембрандта. Видел литографию с Венеры итальянца Джорджоне. Да и теперешние этюды и картины гордеца Арни его подзадорили. И в основном даже — они!

Танька и Машка, хохоча, высыпали из кружек скудный свой сбор прямо в ладони Григория Андреевича. Тот, испытывая удивительную легкость, точно это были не крепостные его девки, а родные младшие сестрицы или даже дочки (по возрасту они ему годились в дочки), съел с ладоней душистую землянику, поблагодарил девок и попросил их завтра прийти во флигель — попозировать. Вдвоем. Оказалось, что завтра им велено косить барский луг. Он пообещал поговорить со старостой, чтобы их отпустили. Это ведь тоже работа. Замечание Григория Андреевича девок развеселило. Танька лузгала семечки, доставая их из кармана холщового сарафана. Машка зыркала на него глазами, совсем так, как во время работы над этюдом. Она и вышла на нем недовольной и своенравной — но красавицей бесподобной. И ничего не пришлось сочинять, все было при ней. Даже нарядная белая рубаха, даже красный сарафан и красная кичка на голове. Так и пришла — нарядная (верно, муж привез с ярмарки), неприступная, чем-то недовольная. И он, обомлев, стал быстро писать этюд, чтобы не забыть этого первоначального изумленного восхищения...

Вечером он с семейством чинно прогулялся к озеру. Шел под руку со своей небольшой кудрявенькой Натальей Петровной, а дочка Машка бежала впереди. Остановились у озера, наблюдая за утками, плывущими одна за другой в красивом порядке. Григорий Андреевич все оглядывался на свою Наталью и думал, почему не даются ему ее портреты. Везде на них скучная и старше своих лет. А ведь мог бы с нее писать нагую натуру, как Рембрандт со своей Саскии. Но почему-то это не представимо. И она откажется. И ему как-то неловко писать ее в виде Венеры или Данаи. Трезвая, будничная, умная и в общем-то хорошая жена, — и вдруг — Венера. Глупо и смешно. Наталья была в

делах гораздо энергичнее и требовательнее него. Управляла старостой, прислугой, крестьянами. Это у нее он отпросил с покоса Таньку и Машку, а вовсе не у старосты.

— Как это не к спеху!

— Только и сказала, выдав тайное свое недовольство его чудаческим увлечением. Особенно ей не нравилось, что он пишет девок. Мог бы писать ее родных, свою мать, дочку да и ее, наконец! Он и писал, между прочим, и свою мать, и жену, и каких-то дальних родственников жены, двоюродных теток и бабок, — писал и никому из своих знакомых по Академии не показывал. Ни Кузьмину, ни Квасину, ни прочим иным. Все это казалось мертвым, уже когда-то кем-то написанным. А вот такую Машку, как на этюде и картине маслом, написал только он. Григорий Андреевич вспомнил вдруг, что завтра будет писать Таньку и Машку обнаженными, как писал прелестных женщин в своей парижской мастерской рыжеволосый красавец Арни, — и ему вдруг сделалось так весело, что он принялся с дочкой взапуски бегать вдоль озера. Разогнали всех уток. Дочка смешно изгибалась от смеха до земли и хлопала Григория Андреевича худенькой ладошкой по животу. У него и в самом деле намечался животик. Дочку это очень смешило. Папенька-бегемотик! Папенька-бегемотик! Его огорчало. Старость что ли подступает? Но кровь бурлила и прилиwała к сердцу и щекам, и безумно хотелось сделать что-то такое, чтобы сам Робер Арни приостановился перед его картиной и чуть-чуть позавидовал: все могу, — а этого не могу!

Вечером он не пошел в спальню, а работал во флигеле — готовил холсты, грунтовал, подбирал кисти и краски. Потом заснул на небольшом, обитом полосатым штофом диванчике, совершенно счастливый, как в детстве, когда ему говорили, что завтра они едут к папенькиному братцу. Алексей Андреевич Травкин был торговцем старинными вещами, в том числе — и картинами. Любимым занятием маленького Гриши было разглядывать эти вещи и картины, заполнявшие коридоры, проходы, кладовки и чуланы дядюшкиного дома. Он про каждую вещь сочинял историю — о ее бывших владельцах, о том, как и кем она была произведена. В кладовках вперемешку стояли старые иконы и портреты новейшего образца, писанные заезжими иностранцами. Иконы пугали, а картины хотелось смотреть и смотреть. Особенно на одну, где юная светловолосая девушка сидела на берегу моря, у скал. Был виден только ее нежный профиль. Зеленое платье, перекликаясь с зелеными оттенками моря, почти касалось воды. Грише хотелось плакать, когда он смотрел на эту картину, на море, на бескрайнее небо и платье у самой воды. Но

плакать не от горя и обиды (он знал в детстве и такие слезы — отец был с ним суров), а от прилива безумной и ни с чем не сообразной нежности к этой девушке, такой печальной и одинокой. От ее красоты. И от чувства ненужности этой красоты. И горячей, жаркой, потаенной ее нужности для тайных, жадных детских взглядов.

Словно бы она была его сестрица или будущая невеста. Первая его любовь.

Он полюбил запах краски. Он выпросил у дядюшки кисти и холст. Он начал сам что-то потихоньку малевать, радуясь, что убегает от судьбы, которая, кажется, что-то другое ему назначила. Впоследствии и в самом деле отец настоял, чтобы шел Григорий служить по чиновничьему ведомству...

Танька и Машка издали видны были в трех окошках флигеля. Григорий Андреевич снял очки, тщательно их протер специальной фланелевой тряпицей и, надев, не отказал себе в удовольствии вновь поглядеть на идущих к нему для позирования девок. На утреннем неярком солнце их нарядные белые рубахи и розовые сарафаны, расшитые бисером, прямо светились. Куда бальному наряду!

Танька шла суетливо, сгибая длинные ноги, а Машка важно и медленно, и ног не сгибала, как танцовка. Издали не видно было их лиц — только нарядные стройные фигуры. Танька покрупнее и повыше, а Машка пониже, но точеней, изящнее, с большей осмотрительностью и любовью вылеплена верховным скульптором. Григорий Андреевич вдруг подумал, что вот сейчас будет писать их обнаженными, и сам себе не поверил — не может быть! Счастье живописи дополнялось тут такой жгучей приправой чего-то, что еще только-только входило в отечественный художественный обиход и, вероятно, еще не скоро станет обыденным явлением. И он, скромный помещик, художник-любитель, Григорий Травкин волею судеб оказывался здесь одним из первых. Рядом с блистательным Робером Арни, пишущим все же не русских женщин, а французских модисток, и за большие, должно быть, деньги. Григорий Андреевич еще не решил, следует ли давать деньги Таньке и Машке после позирования. В сущности, он освободил их от тяжелой работы у него на лугу. А позирование — работа не тяжелая и даже приятная, когда погружаешься в мысли, фантазируешь. Григорий Андреевич словно бы сам переживал эти мысли и фантазии. Он не любил беседовать во время работы. Хотелось полной сосредоточенности на своем деле. И ему казалось, что и натурщикам в момент позирования словно самим Богом даются минуты успокоения и тишины, мыслей и чувств, ни к чему не обязывающих...

Но радостное настроение Григория Андреевича вскоре было несколько омрачено. Когда он сказал девкам, что хочет писать с них античных богинь-купальщиц, — обе страшно взволновались. Он обещал хорошо заплатить. Назвал сумму, действительно солидную и для него несколько обременительную. Незамужняя Танька вроде бы согласилась. Задернула светлые шторы на окнах, Христом Богом попросила никому из крестьян и соседей про это не говорить и, потоптавшись матерчатыми чулками у лавки, тут же стала скидывать свой длинный розовый сарафан. Машка же заупрямилась. Хорошо Таньке, она девка незамужняя, а у Машки муж. Он, если узнает, убьет. Ни за что, Григорий Андреевич, ни за какие деньги, не станет она в таком бесстыдном виде перед ним...

— Да что ты говоришь, глупая? Видала ли ты античных Венер, чудо красоты?

Не видала она этих бесстыжих идолиц и видеть их не желает!

Танька, подрагивая от холода и прикрываясь рубашкой, уселась на скамейке возле окна. Григорий Андреевич, ощущая у себя за спиной жгучий, рассерженный взгляд Машки, попросил Таньку встать. И представить, что она входит в воду, ну, в речку Климовку, что рядом за бугром. Танька испуганно вскочила, хихикнула, выронила из рук рубашку и как-то неловко наклонилась вперед всем туловищем.

Он начал ее писать, не оглядываясь на Машку, которая осталась ожидать подругу. Вся фигура Таньки, полновато-округлая, белая, классических очертаний, съежилась от нестерпимого и непреодолимого стыда. Даже деньги, которые она мечтала получить, чтобы купить собственного телка, не могли умерить этот стыд. Да и сам Григорий Андреевич работал очень нервно, возбужденно, и было ему далеко не так радостно, как он предполагал. Каждая жилка в нем дрожала, в особенности, когда он представлял, что сзади сидит на лавке Машка и могло бы так случиться, что и она бы стояла сейчас рядом с Танькой, краснея и бледнея, пряча глаза, дрожа мелкой дрожью... И он почти радовался, что она заупрямилась.

Акварельный этюд с Таньки он рисовал не более получаса. Потом отвернулся, бросил кисти в стакан с водой и ушел в другую комнату. Возвратившись, застал Таньку одетой и повеселевшей. Отдал ей обещанные деньги и распрощался с обеими девками. На Машку он не смотрел. Христом Богом, — лопотала Танька повеселевшим голо-

сом, — не так уж она была испугана. И барину своему верила — не подведет, не сболтнет лишнего, сам ведь женатый, по вечерам с женой под ручку прохаживаются. А узнать ее на картине-то этой все равно нельзя — чудная, растопыренная, розовая, точно после бани,

баба. Все равно из местных никто не узнает. А в Петербурге пускай видадут, какие бывают в деревне девки, Венеры эти самые, от которых всякие болезни.

Танька ушла, а Машка не уходила, словно ждала чего-то.

—Что, Маша?

Спросил более строгим тоном, чем привык с ней говорить.

— Да я, да я, да я... для вас сделаю все-все, что пожелаете. Это я при Таньке не хотела. Красивее она телом, выше, полнее. Вот мне и не хотелось, чтобы вы нас сравнивали...

Григорий Андреевич не успел опомниться, как она уже стояла перед ним Венерой-купальщицей, и не закрывалась, как Танька, а напротив, словно радовалась, что он видит все ее маленькое худенькое ладное тело, загорелую шею и руки, и молочно-белую грудь, живот... Он не должен был так на нее смотреть! Это было нечестно. Он не для того ее звал, чтобы так смотреть. Она была натурщицей, и все. И важно было сделать быстрый эскиз акварелью, а потом перенести его маслом на холст и показать Роберу Арни. Что скажет маэстро? Григорий Андреевич стоял и смотрел на Машку. Забыл про бумагу и краски. Стоял и смотрел. А Машка закрыла глаза, выпрямилась и чуть-чуть покачивалась, словно пела про себя какую-то песню.

— Одевайся, Маша. Я устал. Сегодня больше не могу.

Он ушел в другую комнату и присел на край дивана. Девичьи прохладные руки вдруг его обвили, нежная Машкина кожа прижалась к его потертой бархатной тужурке, в которой он всегда работал.

— Неужели такпустишь, Григорий Андреевич? Не видишь разве, что сохну по тебе? Муж у меня лютый, изверг настоящий. И не нужна я ему вовсе — девкой меня взял, девкой и оставил. А ведь женаты больше года. Все деньгу добывает. Ездит торговать. И я у него вроде кольца или ожерелья. Поглядит и уедет.

Григория Андреевича уже давно била неостановимая нервная дрожь. А тут он взволновался и застыдился пуще Таньки. Машка захотела снять с него бархатную тужурку. Он встал и осторожно, полуотстраняясь, привлек Машку к себе. Тихо поцеловал в белый гладкий лоб, потом в полные, сладкие губы. Они легли на узкий полосатый диван и немного полежали. И опять он полуотстранялся от прохладной Машкиной кожи. Он хотел было до Машки дотронуться, погладить. Но отдернул руку. Он был женат, предан жене и дочери, и у нее был муж, хоть и изверг, хоть и не любимый ею. Если бы дотронулся — за себя бы не поручился. Машка плакала тоненьким детским голоском. Он встал, принес из другой комнаты ее сарафан. И медленно, с осторожностью, словно боясь навредить Машке, надел на

нее сначала белую рубаху, а потом розовый длинный сарафан. Больше на ней ничего не было, кроме матерчатых разноцветных чунок. Где-то он читал, что древние гречанки носили разноцветную обувь, были «пестрообуты». Она ткнулась ему в грудь, он прижал ее к себе изо всех сил. Поняла ли она, что любима, желанна, обожаема?

Вечером он снова не пошел к себе в дом, а остался ночевать во флигеле. Но ранним утром, часов этак в пять, ворвался, задыхаясь, в свою с женою спальню, переполошив еще дремлющую Наталью. Давненько с ее Андреем такого не случалось. Он исцеловал ей ручки, всю огладил, шептал нежности, — она принимала это в полусне и дивилась. У них нежностей не водилось. Замуж вышла она поздно и успела загодя охладить и закалить сердце, чтобы стерпеться с участью старой девы. И вот эта ее подмороженность не исчезла даже с годами замужества. А Григорий был слишком робок, застенчив, деликатен и смирялся с холодностью жены. Он сам был как «красная девица», его нужно было хорошенько взболтать, как флакон с настойкой, прежде чем пускать во взрослую жизнь мужа и отца. Но Наталье не хватало ни огня, ни темперамента. Супружеская жизнь понималась ею как род некоего служения, где много обязанностей и огорчений. А радостей совсем мало, но это все же лучше, чем жизнь в приживалках или в монастыре. Муж у нее был добрый и спокойный, если бы еще не его увлечение. Впрочем, она в душе была рада, что увлекается он тихим делом — картинами, а не вином и картами, как ее покойный отец. Но тот был богатырь, красавец. А Григорий видом не особенно мужественен. Полноват, рыхловат и росту хотя высокого, но сложением не вышел. Нижняя часть туловища несколько оттопыривалась, да вот еще брюшко намечалось. Это его самого очень огорчало, так как он привык во всем ценить красоту. Лицо же имел бледное, серьезное и улыбался крайне редко. Зато уж если улыбнется, то весь просияет, и сразу видно — добрый барин. Добрый и надежный муж, отец. Честный. Чистый. Ни по чему не было видно, что еще и художник. Ни одной черточки в лице, в манерах. Разве что любил завязывать красивые галстуки и носил жилетки нежных тонов, а также тонкие бархатные тужурки. В нежно-серых жилетах отчаянно голубели его глаза под очками...

Ах, не видный, не видный мужчина был Травкин и жену себе выбрал не по красоте, а по душевной серьезности и сочувствию к его занятиям. Пожалел, что пропадает хорошая девица. И она с таким отчаянием за него ухватилась, что грешно было не оценить. Оценил — жили в мире и согласии. И вот даже через семь лет брака прибежал к жене рано-поздну, чтобы всю ее, сонную, исцеловать. Правда,

прежде за ним такого не водилось. Может, выпил? Или в голову ударил запах красок, который она вообще не переносила, а Григорий почему-то любил? Нестерпимый ужасный запах. И всегда эти крестьянки краснорожие на холстах. Закралось в душу жены какое-то темное сомнение. И уже не спускала она глаз со своего Григория и даже ласковости его не радовалась — что-то тут да не так! Стала торопить его с отъездом. И дровишки у них к зиме не заготовлены, и матушка его ждет не дождется, не заболела бы, ожидаючи...

Григорий Андреевич запирал свой флигель на замок, а в сторонке, прижатый к стенке, стоял на траве увесистый сверток. Этюды этого лета, с которых дома зимой он намеревался писать картины. Мальчик-подпасок в высокой смешной шапчонке, писанный с дворового Ваньки, голубоглазого, бесхитростного паренька. Танька голой Венерой. И едва начатый по памяти этюд с Машей. Этот он особенно сторожил от посторонних глаз и обвязал бечевкой несколько раз. И все думал, оставить ли Машу Венерой или одеть в розовый длинный сарафан. Пусть для него, в воспоминании, она будет Венерой. Но работа над картиной сулила такое наслаждение и похвала Робера Арни представлялась столь отчетливо, что он сомневался, мучился, думал, передумывал, переключивая основное решение на Петербург. На погрудном наброске Машка была совсем не похожа на себя с прежнего этюда. Та смотрела горделивым, насмешливым взглядом, а эта — сама кротость и доверчивость. Линии мягкие, нежные, обволакивающие и краски не смешанные, чистейшие. Нежный поворот загорелой шеи, розовеющие щеки и тоже розовые, прозрачные мочки маленьких ушей с точками голубых сережек. Никто еще так не писал крестьянок. Это он знал. Может, просто не попадались никому такие красавицы?

Он закрывал на ключ свой флигелек, а тут видит — идет издалека Маша, гонит теленка к пастбищу. Теленок худенький, юркий, белый с коричневым пятном на

лбу — загляденье. А Маша в простой серой дмотканой рубашке, рукава закатаны до локтей, руки и ноги блестят от загара, лицо яркое, мокрое от жары, глаза белеют белками — прямо цыганка.

— Маша!

Она приостановилась. Теленок лениво поплелся дальше. Григорию Андреевичу словно бы и сказать больше было нечего.

— А муж твой где?

— Зачем вам мой муж, Григорий Андреевич? Он где и всегда. Вы же сами его в Воронеж торговать отпустили. Не вы, так Наталья Петровна.

— Маша!

Столько он вкладывал в это ее имя. Неужели не чувствовала?

Оглянулась по сторонам и прошептала истово, горячо:

— А я вас ждать буду. Хоть зимой, хоть летом. Одна у меня радость, что вы приедете.

И прошла мимо — тонкая, маленькая, в цветных чуньках.

Я приеду, приеду, Маша. И все будет, как ты пожелаешь. Иначе, зачем мне и жить на свете, если я не приеду? Это он твердил про себя, возвращаясь в дом, где уже были собраны вещи...

Современный исследователь творчества Григория Травкина, сотрудник Русского музея Вячеслав Шумский называл своего подопечного «тихим гением» и ставил в ряд с самыми крупными европейскими мастерами начала XIX столетия. Одна беда — мало написал, да все раскидано по провинциальным музеям, а то и в частных коллекциях. Шумский давно охотился за одним редким этюдом, о существовании которого знал по найденному им списку представленных Травкиным работ для очередной академической выставки. Этюд был к картине, которая Шумскому представлялась малоудачной, но совершенно неожиданной для внешне скромнейшего и тишайшего Григория Андреевича, — впрочем, он потому и был гением, что опровергал все внешние впечатления. Художник изобразил входящую в воду нагую крестьянку, обозвав ее Венерой. Видно, уж очень жаждал академических лавров. Думал, что на «Венеру» академики клонут. Но не преуспел в этом, нет, не преуспел. Правда, некоторый шум вокруг картины в печати все же возник. Некто Кузьмин запальчиво хвалил Травкина за «реализм» (словечко только-только пущенное в ход), а академик Квасин не менее запальчиво хулил за то же самое. Этой работой Травкин был представлен на звание академика, которого так и не получил. В газетах писали, что Николай I, изволивший посетить академическую выставку, долго рассматривал травкинскую картину и вблизи, и на расстоянии, но не проронил о ней ни слова. Видимо, монаршее молчание и решило судьбу академического звания.

Шумскому было любопытно иное. Нагую женскую натуру этот тихоня стал писать одним из первых в русской живописи. Шумский просто бредил этюдом, где, наверняка, будут какие-то первичные импульсы, нервные токи, в картине уже зализанные нарочито академической манерой письма, потерявшие градус.

Один из сотрудников частной фирмы по продаже картин, случайный знакомец Шумского по какому-то застолью, тоже случайно знавший о необъяснимом пристрастии Шумского к

второстепенному, как ему казалось, живописцу прошлого века Травкину, позвонил однажды вечером и бесстрастно сообщил, что этюд с обнаженной купальщицей недавно попал в коллекцию директора крупного банка (была названа фамилия). Шумский обалдел от неожиданности, загорелся, затрясся, взвился и через некоторое время уже сидел в удобном кресле, разговаривая с молодым белобрысым человеком непримечательной внешности. Бросалась в глаза только застылость, какая-то окаменелость черт. Одет он был элегантно, в светлый костюм, и спокойно курил сигарету.

— Нет, не продам.

— Зачем вам этот этюд? Голая крестьянка малоизвестного мастера. Она же плохо нарисована! В любом современном журнале есть фотографии, гораздо более откровенные (Шумский пытался вести разговор на языке «новых русских»).

— А вам зачем?

— Я занимаюсь этим художником профессионально. И уже много лет. Мне каждый клочок его холста интересен. Любой рисунок, этюд. То, что он в корзину выбрасывал, неудачи, брак — все.

Молодой директор, однако, продать этюд наотрез отказался.

— Мало ли кругом на картинках голых баб?

Вячеслав Шумский разгорячился и разозлился не на шутку, тем более, что он видел, как мало этот делец смыслит в искусстве вообще, и в живописи Травкина в частности.

Директор банка хмыкнул, пустил клуб дыма прямо в лицо Шумскому и прищурил непроницаемые глаза.

— Хотите, я вам скажу?

Шумский насторожился. Что же он услышал?

В этюде голая дама, тетка, девка (банкир долго искал слово, но так и не нашел подходящего) страшно стыдится, что ее изображают в таком виде. И художник, возможно, не думая об этом, показал этот ее стыд. Нигде больше владелец этюда такого не видел. Он забыл, как выглядит стыдящаяся женщина. Их нет ни в жизни, ни в журналах, ни на экране. И вот, когда ему хочется вспомнить, как она выглядит, он смотрит на этот, как вы говорите, плохо нарисованный этюд. Он понятно объяснил?

Шумский каким-то новым взглядом окинул белобрысого, невзрачного человека с лицом, словно закрытым железной маской, вежливо попрощался и хотел уже уходить, но, вернувшись, попросил хотя бы показать ему этюд. Директор банка и это сделать отказался. Она слишком стыдлива — понимаете? Боюсь, не выдержит взглядов двух взрослых мужиков. Он громко рассмеялся, с шумом поднялся с

кресла, бросил сигарету в пепельницу, и нашему искусствоведа ничего не оставалось, как уйти...

Яков Фрейдин

США

Машинка с ушами. Из серии «Приключения изобретателя»

Расскажу байку из своей студенческой молодости. Произошло это давным-давно в советские времена, когда я ещё не только не был изобретателем, но даже инженером не стал, а учился на радиотехническом факультете Политехнического института. Меня в те годы занимала не столько наука и техника, сколько кино. В свободное от учёбы время я подрабатывал на телецентре нештатным кино-корреспондентом и бегал по городу, выискивая интересные сюжеты. На студии мне выдавали камеру, плёнку, если надо прикрепляли бригаду осветителей, а потом отснятый мной материал проявляли, монтировали, озвучивали и пускали в эфир в вечерних новостях. Мне платили 10 рублей за сюжет, что по тем временам было совсем неплохой добавкой к моей стипендии, которая была 45 рублей в месяц.

Как-то редактор новостей Лёня Коган спросил:

— У вас там в институте ведутся всякие исследования и разработки. Ты не можешь найти что-то интересное для репортажа?

Я обещал разузнать и направился к своему другу Володе Бочкову. В институте он вёл курс по электронным приборам, а вдобавок,

руководил студенческим конструкторским бюро. Я ему сказал, что ТВ интересуется всякими техническими новинками, и спросил, не подкажет ли он мне что-то интересное для репортажа. Бочков почесал затылок и сказал:

— Да вроде ничего особо захватывающего тут не происходит. Я имею в виду — у нас нечем удивить широкую публику... Впрочем, погоди, погоди... Разве, вот это... Поговори вон с тем рыжим студентом в углу комнаты.

За лабораторным столом, заваленным всяким хламом, упутанным проводами и уставленным пирамидами измерительных приборов, сидел веснушчатый парень лет двадцати, в очках и с наушниками на кучерявой рыжей шевелюре. Он что-то припаивал к странной пишущей машинке без клавиатуры. Сегодня я бы назвал это принтером, но в те античные времена такого слова мы ещё не знали, а поскольку там были молоточки с литерами, то это была всё же пишущая машинка, хотя и без клавиатуры. До персональных компьютеров, мониторов, сканеров, разных приложений и прочих чудес цифровой техники было ещё далеко — лет двадцать. Все инженерные разработки делались только в форме, как сейчас говорят, хардвер: транзисторы, сопротивления, конденсаторы, соленоиды и прочие технические детали. Как их друг с другом спаяешь, как настроишь, так и будет работать.

Я подошёл к парню и тронул его за плечо. Он положил на подставку паяльник, снял наушники, повернулся и вопросительно на меня уставился. Я объяснил, что хотя я тоже студент, но вдобавок ещё и корреспондент с ТВ, и хочу узнать, над чем он работает и есть ли у него что-нибудь интересное для показа в вечерних новостях. Рыжий обрадовался и сказал:

— Ух ты, с телевидения! Ещё как есть! Я тут делаю одну жутко важную штуку. Вот гляди: это микрофон, он подцеплен к схеме, а схема управляет соленоидами, которые толкают рычажки на пишущей машинке. Микрофон — это вроде как ухо, а соленоиды — пальцы, которые печатают. Работает это так. Я говорю в микрофон, схема распознаёт мои слова, разбивает слова на буквы, затем один за другим включает соленоиды для нужных букв. Они толкают рычажки, и машинка на бумаге печатает текст, который я сказал в микрофон. Здорово, правда? Никакие машинистки теперь будут не нужны — диктуй в микрофон, и машинка сама всё напечатает. Только знай — успевай бумагу заряжать!

— И что, эта пишущая машинка с ушами действительно работает? — спросил я.

— Пока ещё нет, но скоро будет. Осталось лишь решить мелкие технические вопросы, но, думаю, где-то через месяц уже начнёт печатать. Над этим сейчас и работаю. Ну, как тебе?

В мою наивную голову тогда не пришла мысль, что этот проект относится к области распознавания звуковых образов — сложнейшая инженерная и математическая проблема. Даже сегодня, более, чем полвека спустя, она ещё только-только выходит из младенчества: смартфоны и компьютеры уже начинают понимать человеческую речь, хотя часто с ошибками. Но в те докомпьютерные времена это было из области научной фантастики. Я попался на удочку веснушчатого супер-оптимиста, поверил ему, что задача почти решена, а потому позвонил в редакцию и сказал: «Лёня, в институте есть интересный сюжет, присылай осветителей».

Через час приехали осветители с софитами, привезли мне 16-мм камеру «Пентафлекс» на треноге и кассеты с пленкой. Рыжий гений расчесал шевелюру, я помог ему навести на его столе хоть какой-то порядок, чтобы всё выглядело более фотогенично, и быстро отснял нужный мне материал про пишущую машинку с ушами, то есть с микрофоном. Отвёз всё на студию, написал для диктора текст, после проявки помог монтажнице склеить фильм на две минуты экранного времени и поехал домой. Вечером включил телевизор и посмотрел в новостях мой сюжет о замечательном достижении в студенческом конструкторском бюро.

На следующий день мне позвонил редактор новостей Лёня и поздравил с интересным сюжетом, сказал, что сам Председатель «Комитета по радиовещанию и телевидению» тоже очень доволен и велел прогнать этот сюжет ещё раз, теперь уже по Всесоюзной программе новостей «Время». Лёня добавил: «Это значит, что мы тебе выпишем не десять рублей, как обычно, а двадцать. Давай, дерзай дальше. Хорошие материалы находишь». На следующий день я с гордостью смотрел мой репортаж в программе «Время».

Через два дня, когда после занятий я пришёл домой, моя мать сказала, что звонили с телецентра и просили, чтобы я срочно туда приехал. «Человек, который тебя искал, был очень взволнован», — добавила она. Я сел на трамвай и поехал на студию. Когда я зашёл в редакцию новостей, все, кто там был, на меня хмуро натопорщились и сказали, чтобы я немедленно шёл на второй этаж в кабинет Председателя. Это был плохой знак — к нему так просто не вызывали, а тем более внештатников. Я побежал наверх, зашёл в приёмную, и секретарша кивнула мне на дверь, обтянутую чёрной кожей: «Идите туда, ждут вас».

В просторном кабинете было пять человек. Насупленный Председатель сидел в центре за массивным письменным столом, а на стульях вдоль боковых стен справа расположились редактор новостей Лёня Коган и толстуха-цензорша из Главлита, а слева у противоположной стены — два товарища неопределённого возраста в одинаковых серых костюмах. У товарищей были невыразительные пуленепробиваемые физиономии и под цвет костюмов серые глаза. Зато Лёня был бледен и явно сильно напуган. Он смотрел не мигая на Председателя, а на меня даже не глянул. Цензорша, наоборот, сидела вся пунцовая и сверлила меня злобным взглядом через толстые стёкла очков, отчего глаза её казались огромными, как у совы. Когда я вошёл, мне сесть не предложили, а Председатель сказал:

— Ну, наконец-то, явился. Вот тут два товарища из комитета государственной безопасности вас дожидаются. Николай Николаевич из главного управления и Василий Васильевич из областного.

Товарищи кивнули.

— Что ж, — промолвил тот, который «Николай Николаевич», уставив на меня свои цепкие серые глазки, — объясните нам, почему вы, молодой человек, решили раструбить на всю страну и даже за границу секрет чрезвычайной государственной важности? Давайте, поделитесь с нами. Мы вас слушаем.

— Я не понимаю, — промямлил я, — это вы о чём? Я не знаю никаких секретов...

— А надо бы знать, — вступил в разговор «Василий Васильевич», — вы вот, понимаешь, учишься на радиоинженера, а не знаете, что перевод речи в печатный текст — важнейшая научно-техническая задача. У нас над этой закрытой тематикой работают исследовательские институты, сотни людей задействованы, понимаешь. Пока безрезультатно. А тут у вас какой-то студент уже оказывается всё сделал! У него автоматическая пишущая машинка вот-вот заработает. Это как? Вместо того, чтобы, понимаешь, сообщить о разработке в первый отдел института, доложить по инстанции, вы тут на телецентре, как курица, которая снесла яйцо, раскудахтались во всю ивановскую, понимаешь!

— Я думаю, Васильвасильич, — строго сказал «Николай Николаевич», — с этим студентом-корреспондентом всё ясно. Непонятно только почему вы, товарищ Коган, — я правильно произношу вашу фамилию? Почему вы, товарищ Коган (он с удовольствием и нажимом повторил фамилию редактора) не проинструктировали как следует людей, которые поставляют вам материалы для новостей. Странно, что вы, товарищ Коган, не

разъяснили им, что можно пускать в эфир, а что нет. И вы тоже хороши, — обратился он к толстухе-цензорше, причём под его строгим взглядом она, мне почудилось, стала распухать ещё больше, а огромные глаза её, казалось, вот-вот выдавят стёкла очков и покатаются на пол, — вы-то куда смотрели? Это же ваша прямая обязанность! Ну ладно, разберёмся. Что касается этого студента (он кивнул в мою сторону), ясно, что он нам ничего добавить не может. Продолжим разговор без него, как вы полагаете, товарищи?

— Идите, — прошипел Председатель, и я вышел вон.

Приехал я домой очень расстроенный. Был зол на себя, что подвёл хорошего человека Лёню. Позвонил сразу Бочкову и рассказал ему, как я опозорился с его подачи. Он мне тут же и объяснил, что веснушчатый гений — оказывается совсем не гений, и всё, что его схема может делать, это отличать звук «а» от звука «е», другие гласные пока не различает, а согласные и подавно. Так что ни о каком распознавании речи просто речи быть не может. Рыжий выдаёт желаемое за действительное. Играет фантазер в бирюльки, что с него возьмёшь?

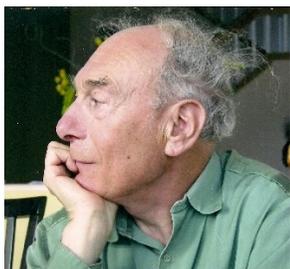
Понял я тогда, что вляпался по своей наивности, да ещё подвёл редакцию. Не разобрался как следует, не проверил материал и заварил эту кашу. Но тут же меня взяла злость: ладно, я дурак, по неопытности поверил рыжему «гению». Лёня — он журналист, не инженер, что с него взять? Но эти-то товарищи из органов, если они курируют закрытую тематику и понимают всю сложность задачи, они-то почему решили, что какой-то студент с веснушками может её в одиночку решить? У них-то откуда такая наивность? Прежде, чем нападать на телецентр и городить сыр-бор, отчего бы этим умникам не выяснить у нас в институте, насколько это всё реально? Сперва проверь факты, а потом устраивай нагоняй, если есть повод. Стало быть, подумал я, они либо болваны и сами не понимают, как им следует делать свою работу, или же с какой-то целью намеренно раздувают несуществующую проблему. Я позвонил Лёне Когану домой чтобы объясниться, но он не захотел со мной разговаривать, лишь сказал, что мою физиономию у себя в редакции он больше видеть не желает.

Я думал, что на этом моя карьера телевизионного корреспондента закончилась. Однако, где-то через несколько месяцев Лёня мне сам позвонил и пригласил зайти. Как оказалось, «товарищи» всё же выяснили, что никаких секретов там не было и в помине, и потому ничего разболтать мы не могли, даже если бы захотели. И вообще, весь этот мой сюжет про самопишущую машинку с ушами не стоил выведенного яйца, а был, как сейчас говорят, невольным «fake news».

Поэтому никого не наказали и всю суматоху быстренько замяли. Думаю, «товарищи» сообразили, что если они будут из мухи делать слона, то сами окажутся в дураках. Так оно и закончилось без последствий, а я снова стал снимать репортажи для вечерних теленовостей.

Геннадий Разумов

Лос-Анджелес, США

Время назад

Можно часы подкрутить назад и стрелки передвинуть в день вчерашний. Но время вспять не заставишь идти. И не вернуть те веселые кучевые облака, которые тогда еще не стали мрачными сизыми тучами, когда раскатами грома сердце не стучало и густой туман не опутывал мозги тревожными мыслями. В те времена еще не случалось просыпаться ночью в холодном поту и страдать от судороги в левой ноге.

Тогда они были счастливы. Легко и свободно летели рядом друг с другом по своей пенсионной жизни. И не ровным строем за вожаком к какой-то цели, как летят большие птицы, журавли, пеликаны, а, как голубь с голубкой, как воробей с воробихой, они беззаботно порхали туда-сюда, сюда-туда. Сегодня на сонаты Брамса и прелюды Шопена, завтра на йогу и в бассейн на плавание, в субботу в ресторан на юбилей двоюродной сестры.

Они любили друг друга. Хотя жили под разными крышами, но просыпались под одним потолком. А, главное, никуда не спешили. Ему не надо было бежать на службу, чтобы не схлопотать втык от начальника за опоздание. Ей не надо было торопиться в свою школу на работу, а потом на кухню чистить к супу картошку и нарезать к

мясу репчатый лук. А если когда-либо у нее и щипало что-то в глазах, то лишь от этого самого лука.

Они гуляли по дорожкам парка, взявшись за руки, и ее острые ноготки шаловливо покалывали его ладонь. Встречные прохожие оглядывались на них с веселой доброй улыбкой. Им хорошо было вместе – легко, интересно, приятно. Если они и отрывались друг от друга, то лишь для того, чтобы удивиться бабочке-шоколаднице на ракитовом кусте, глазастой стрекозе с прозрачными крылышками, ярко-красной бугенвиле, красиво раскинувшейся на зеленом штакетнике забора. Или чтобы восхититься изысканностью ампириного фасада оперного театра и роскошеством припаркованного возле него черно-лакового мерседеса..

Тогда она еще не ошибалась в днях недели, не забывала принимать вовремя лекарства, не путала российские 17 с американскими 7 рм и не ждала его поэтому два часа на автобусной остановке, спрятав от холода нос в сером воротнике своего осеннего пальто. И всегда могла сказать, какое сегодня число, месяц и год.

Он повел ее к знакомому доктору.

- Да, потеря чувства времени – признак начальной стадии этой болезни, – сказал тот, отведя его в сторону. – Ничем помочь, увы, не могу, следует только надеяться на мои таблетки, может быть, они приостановят процесс... Может быть...

Однако неприятные симптомы злосчастного недуга не прекращали своих непрошенных визитов. Особенно досаждали постоянные поиски разных нужных вещей, почему-то вдруг исчезавших. Чаще всего доставалось ключам от квартиры, которые каждый раз где-то пропадали – то в многочисленных отделениях ее сумок, то в карманах курток, платьев, кофточек. Хотя после долгих поисков чаще всего оказывалось, что они никуда не девались, а висели на своем гвоздике в коридоре, где их предательски скрывала старая широкополая шляпа.

А пару раз, уходя из дома, она забывала выключить газовую плиту, где большие куски трески на сковородке перевоплощались в маленькие черные угли, тюлевые занавески на окнах чудом увертывались от огня, и в квартире долго еще гостило тошнотворное амбре горелой рыбы.

Со временем провалы памяти участились и она начала забывать имена даже знакомых людей. «Мы встретились с той дамой на улице, поболтали немного», говорила она о Еве, своей бывшей сослуживице. Или, виновато улыбнувшись, сообщала: «Никак не могла открыть ключом дверь, один человек подошел ко мне и помог». А ведь то был Артур, ее многолетний сосед по лестничной клетке.

Вот так вокруг нее все чаще, все больше, все необратимее стали появляться эти странные дыры, ямы, неосязаемые пустоты, серые пятна, грозившие постепенно слиться в одну сплошную непроницаемую черную стену.

И все-таки, несмотря ни на что, они продолжали радоваться своей прежней плотно скроенной жизни, наслаждались летним пляжным песком и зимней лесной лыжней, ресторанным жульеном в тарталетках и стаканом кефира с ложкой меда перед сном. Радовались, наслаждались. Пока...

Пока не случилось то грозное событие.

Провожать старый и встречать Новый год они решили у него дома. Он купил шампанское, салями, торт, заправил салат майонезом, пожарил котлеты по-киевски, накрыл стол. К 8 часам она обещала прийти. Но вот часы уже показали 8:20, потом 8:40, а ее все не было. Он начал волноваться и звонить ей по телефону, но тот глухо молчал. Мобильный тоже не откликнулся, хотя это как раз можно было понять – она часто, уходя из дома, забывала его с собой взять, а если и брала, то так глубоко засовывала в сумку, что звонка и не слышала.

Тревога не отпускала. Что случилось, не беда ли какая? Длинные, тягучие, низкие гудки... Может, она принимает душ в ванной комнате или гремит кастрюлями на кухне и не слышит звонка, ведь так не раз уже бывало. Он снова и снова набирал ее номер. А, возможно, что-то произошло на линии – перепутались где-то провода или оборвались, и теперь там, на одном из них, на волоске висит их счастье, любовь.

Он не выдержал и позвонил в полицию. Дежурный принял вызов и обещал все выяснить. Через полчаса сообщил:

- На ваш запрос, получен ответ – ни в районные отделения полиции, ни в больницы города и морги женщина с такими данными не поступала. Так что ничем помочь не могу.

Что делать, что делать? Наверно, надо ехать. Он торопливо спустился в гараж, сел в машину и через десять минут припарковался у ее дома. Поднялся на 3-ий этаж, открыл квартиру своим ключом. Навстречу выбежал Гас, он не залаял и не бросился целоваться, как обычно, а только завил хвостом, забил им по полу. Что это, неужели собака что-то почувствовала? Он заглянул во все комнаты, в чулан, на балкон, на кухню, в ванную – нигде никого, всюду пусто.

Присел в коридоре на табуретку – вдруг заломило затылок, так некстати поднялось давление. И сразу схватило сердце, отдалось болью в левом плече, появилась одышка. Надо было срочно принять лекарство, кажется, в бардачке машины лежали таблетки. Немного

отдышавшись, он встал, направился к выходу, но тут Гас требовательно, настойчиво залаял и подбежал.

- Ну, что еще за приставания, не до тебя сейчас, – он решительно отодвинул собаку от двери. Но та, сменив тактику, жалобно заскулила и стала ласково тереться об его ногу. Пришлось уступить. Он снял с крючка на стене поводок и ошейник.

- Ладно, ладно, не клянчь.

Они вышли на лестничную клетку, спустились в лифте на первый этаж, сели в машину.

Совсем уже стемнело, во многих домах светились окна, из них сыпались наружу аккорды гитар и синтезаторов, слышались громкие голоса, ритмы свинга, румбы, вальса. Он вел машину по близлежащим к ее дому уже пустынным в это время улицам, внимательно смотрел по сторонам, пристально вглядывался в скверы, палисадники, газоны.

Несколько раз останавливался, заходил в переулки, подолгу рассматривал уличные тупики, закоулки, благо, оставленный на заднем сидении Гас не вякал и терпеливо его ждал. Они объехали всю округу, проколесили вдоль и поперек множество улиц, иногда по нескольку раз проезжая одни и те же места.

Ее нигде не было.

Прошло минут сорок, и он уже собирался поворачивать назад, как вдруг Гас громко подал голос, завертелся, запрыгал. Вот когда пришлось себе признаться, что не зря взял с собой собаку. Он быстро затормозил, остановил машину и открыл заднюю дверку. Пес тут же выпрыгнул наружу и стремглав бросился назад к какой-то дальней скамейке, стоявшей у калитки одного из небольших частных домов.

Она сидела, склонив к плечу голову, и, кажется, спала, но услышав визг своего любимца, тут же вскочила, огляделась и, широко улыбаясь, пошла к ним навстречу.

- Ой, как я рада вас встретить, – запричитала она, одной рукой подхватив прыгнувшего к ней Гаса, а другой обняв своего друга за шею. – Ты уж меня извини, как-то глупо получилось – я же вышла к тебе пораньше и вдруг подумала, дай немного пройду, пошла, пошла и, видно, заблудилась. Ну, никак не могла найти обратную дорогу – ни улиц, ни домов не узнавала. Устала очень, вот присела на минутку и, кажется, задремала.

Они нежно обнялись, сели в машину и поехали домой, где пили шампанское, ели песочный торт с шоколадным кремом, и Гасу достались вкусные куски сочных киевских котлет.

«Как же хорошо то, что хорошо кончается, – думал он, – пусть, как говорит поговорка, Бог нас пугает, но не наказывает».

Через неделю они опять пошли к врачу. После обследования и проведения тестов тот сказал ему тихо:

- Вы знаете, к моему приятному удивлению, все не так уж плохо, показатели довольно стабильны, во всяком случае, никаких признаков распада личности, какие обычно бывают, я пока не вижу.

«Вот здорово!» – его прежде тревожное лицо засветилось радостью, щеки покрылись румянцем, в глазах загорелись огоньки.

- Ой, спасибо, большое спасибо, – он облегченно вздохнул, улыбнулся, достал платок из бокового кармана, вытер пот со лба, но вдруг на мгновение замер и спросил, с озабоченностью заглядывая доктору в глаза: – А сколько еще времени вы нам даете?

- Трудно сказать, точно сказать не могу, не знаю, – доктор задумался, помолчал, поморщил лоб. – Будем надеяться, годика два, может быть, даже с каким-то хвостиком.

...И вот прошли те два докторских года, завилял за ними обещанный игривый хвостик. Пришлось его поймать, подцепить, схватить за кончик, потянуть и выпрямить. Хвостик медленно, но уверенно стал расти, удлиняться – сначала до трех, потом до четырех, а затем и до пяти лет. Неужели, действительно, свершилось чудо, и время пошло вспять, неужели этот коварный Альцгеймер оказался посрамленным, неужели он притормозил, отодвинулся, остановился? Но как, благодаря чему?

Ну, конечно, благодаря его любви. Это она, напрягая все свои бицепсы-трицепсы, потащила за собой тот временной хвостик – ту тяжелую железную стрелку громоздких неподатливых часов. И они поддались, пошли назад. Внутри них шарики-ролики, колесики-шестеренки закрутились, завертелись, напевая вечную (хотя ведь такую банальную) песенку о преданности и верности, сострадании и сопереживании, о дружбе и любви.

Зоя Мастер

Денвер, Колорадо

Зазеркалье

Окна моей спальни смотрят на прямоугольную коробку школы. Сетчатая ограда за разросшимся кустарником отделяет двор от школьного двора. Я переехал в этот двухэтажный домик в середине лета. Тогда, полгода назад, школьная площадка была пуста; июльский ветер лениво гонял по расчерченному асфальту катыши тополиного пуха. Днём было тихо, зато по ночам в листве беспрерывно стрекотали цикады. Спать стало практически невозможно. Тем не менее, здесь было тише, спокойнее, безмятежнее, чем в даунтауне. За последние годы город сильно изменился: как и в человеческой жизни, старость беспомощно уступила место живущей сегодняшним днём юности. Давнишние, покрытые вьюном кирпичные двухэтажки, обросли надменными бетонно-стеклянными высотками. Напротив моего крыльца взгромоздился исполинских размеров гараж, пасть которого день и ночь поглощала и выплёвывала спотыкающиеся о полосатый шлагбаум машины. В июне не расцвела липа: её серые от строительной пыли соцветия так и не распустились. Я перестал ощущать смену времён года и выставил квартиру на продажу.

В фотостудии я стал бывать редко; налаженный механизм справлялся и без моего присутствия. В принципе, я мог бы назвать себя свободным человеком. Чтобы стать абсолютно свободным, надо было уйти на пенсию. Что я и сделал.

Лето закончилось ранним поздне-августовским утром. Я не понял, от чего именно так резко проснулся, пока не посмотрел в окно и не увидел, откуда исходит шум. Школьная площадка была похожа на разворошенный муравейник: детские фигурки хаотично носились по всей территории, футбольные мячи нещадно лупили сетчатую ограду.

Ровно в полдень пространство вновь огласилось воплями вырвавшихся на свободу школьников. На траве в тени кустарника, практически на моей территории, обосновались группы девочек. Их не оставляли в покое гормонально озабоченные пацаны: словно на петушиных боях, они насакивали на девчонок, визгом и криками симулировавших страх и возмущение. Точно так всё моё детство орали, пищали, вопили, канючили мои младшие сводные братья и сестра, с которыми я вынужден был делить своё личное пространство и время, – с десяти лет и до благословенного дня, когда я наконец-то переселился в студенческий кампус.

Дребезжащий школьный звонок, прерывавший это неистовство бесцельного времяпрепровождения, казался хрустальным перезвоном. Я возненавидел прежних хозяев. До меня дошло почему они продали дом не торгуясь.

В конце августа ночные цикады исчезли. Наконец-то я стал высыпаться, но что с собой делать днём, никак не мог придумать. Я бродил из комнаты в комнату, и всё мне действовало на нервы, отвлекало, мешало сосредоточиться, вызывало досаду и недовольство – прежде всего, собой.

Возможно, причиной была банальная лень, возможно, неумение расслабиться, переключиться на другую волну. Но по привычке я подсознательно продолжал винить женщину, с которой когда-то жил и которая ушла, потому что я не хотел детей в принципе и конкретно того ребёнка, которого она собиралась родить.

Так или иначе, в моей новой жизни с одной стороны дома раздражителем служила школа, с другой – пара пожилых азиатов. Вид из верхней спальни – мельтешение и шум; снизу, из кухни и кабинета – однообразное, монотонное существование этой нелепой семейной пары. С раннего утра и до полудня маленькая сухонькая женщина в мешковатом платье и панаме сидела на траве, что-то из неё выдёргивая. Закончив с травой, она пересаживалась на гравий, которым была засыпана часть двора, и так же размеренно продолжала извлекать видимые ей одной палочки-сорнячки. Изредка она вставала лишь за тем, чтобы напиться воды из стоявшей на земле у крыльца бутылки. Её муж, в майке и неизменных широких джинсах на подтяжках, постукивал молоточком: сбивал деревяшки, клеил, подкрашивал. И всё это проделывалось ежедневно. Иногда они перебрасывались парой слов на своём, похожем на чириканье, языке. Завидя меня в окне или на террасе, муж махал снятой с головы кепкой, жена приветливо кивала головой. Лица её практически не было видно и казалось, панамы кивала сама по себе. После обеда они садились на

деревянную скамейку: женщина перебирала спицами, мужчина читал газеты. Мне было любопытно, что изменится с наступлением осени. Ничего. Кроме кофты поверх платья и ветровки поверх майки. Когда эта идиллическая картинка начала меня угнетать, я стал наблюдать за детьми и со временем нашёл это занятие довольно занимательным.

Первыми на площадку вылетали старшие дети. Побросав курточки на асфальт, они разбежались во все стороны: мальчишки – гонять мяч по траве, девочки – на качели-горки-лесенки. Я уже знал, что первыми на перекладину заберутся две мусульманки. Они любили висеть вниз головой. При этом их многослойные одежды и головные платки свисали, как листья на кукурузе. Младшие школьники играли с другой стороны. За ними наблюдали взрослые. Они периодически покрикивали, пытаясь навести подобие порядка. «Не бегай! Не прыгай! Не толкайся! Осторожно!» С таким же успехом они могли кричать *Happy birthday!* или петь хором. Я уже знал, дети какой группы совершенно неуправляемы, а кто ведёт себя адекватно.

Последней из дверей столовой появлялась вереница детей лет восьми-десяти. Они следовали за молодой, спортивного вида учительницей; сзади эту шеренгу замыкала коренастая, невысокого роста чернокожая женщина. Видимо, помощница. Потом учительница уходила, а помощница оставалась с детьми. За то, как её слушались ученики, как невозмутимо, не обращая внимания на творящийся вокруг бардак, они играли, я бы незамедлительно присвоил этой женщине какое-нибудь высшее педагогическое звание. Со звонком вновь появлялась учительница; привычно выстроившись цепочкой, не суетясь, не толкая друг друга, воспитанники заходили в здание. Может, и было в таком послушании что-то неестественное, но окриков я не слышал. Как профессиональному художнику и фотографу, мне стало любопытно понаблюдать за этими детьми вблизи, разглядеть их лица. У меня даже появилась мысль сделать что-то вроде фотоальбома на тему школы: прошлой, моих лет, и современной. К сожалению, жизнь пенсионера оказалась невзрачной и удручающе примитивной. Конечно, я мог бы придумать какой-то более престижный проект, более интересную тему, чем какие-то непонятные дети и их педагоги – явно неудачники по жизни; ведь по-настоящему талантливый человек не стал бы тратить жизнь, заперев себя в классной комнате; но школа была всего в ста метрах от дома. Так вышло, что, благодаря профессиональному любопытству и врождённой лени, в один из солнечных осенних дней я вошёл в здание школы.

Скуластая приветливая секретарша висела на телефоне.

- Вы чей-то дедушка? Хотите забрать ребёнка? Тогда распишитесь в журнале, – попросила она скороговоркой, на пару секунд отведя трубку от уха.

Судя по всему, у девушки не возникло сомнений по поводу моего возраста, из чего я сделал неутешительный вывод: молодежавым я кажусь только себе, а на самом деле выгляжу на свои шестьдесят семь.

- Мне к директору.

Ею оказалась дама за пятьдесят. У неё было беличье лицо: глубокие носогубные складки надрезали кожу между сдобными щеками, изящным носиком и заострённым подбородком, образуя треугольник. Мне всегда нравились улыбчивые рыжеволосые женщины, а этой, – улыбка, хоть и дежурная, особенно шла, поскольку вытирала скорбные морщинки в уголках красиво очерченных губ. Пожалуй, я бы снял её с боковым освещением, а ещё лучше – на природе, ранним пасмурным утром. Такому лицу нужен мягкий, рассеянный свет.

Естественно, я не знал ни имени учительницы, ни того, в каком именно классе учились заинтересовавшие меня дети. Как мог, я описал внешность обеих женщин, пояснив, что наблюдал за ними из окна спальни. Моя невинная шутка была попыткой наладить контакт. Но по всей видимости, упоминание о спальне директриса восприняла как фамильярность и, наморщив лоб, с удвоенным вниманием стала изучать моё удостоверение.

- И чем же вы занимаетесь? – спросила она

- Я – профессиональный фотограф. На пенсии.

- Замечательно, – многозначительно произнесла директриса, вернув на место улыбку. – Если вам интересно, почему бы нет? Кстати, дети как раз возвращаются в класс. Я предупрежу учительницу, и вы сможете пройти с ними. Думаю, часа вам вполне хватит: посторонние всегда отвлекают внимание от учебного процесса. А этих детей – тем более, поскольку они – особенные.

- В смысле, особо одарённые?

- В смысле, другие. Нестандартные по нашим меркам.

«Надо же, какой специфичный язык, – подумал я. – Учебный процесс! Словно не учат, а что-то там перерабатывают, из личностей фарш делают. Тем более, из нестандартных».

- Фотографировать без разрешения родителей, естественно, нельзя. Вы понимаете, да? – добавила директриса, и я снова поразился феноменальной мимике её лица. Её портрет, безусловно, украсил бы задуманный мною альбом.

Я шёл позади растянувшейся вдоль стены группы детей. Они заметно различались по росту: некоторые выглядели лет на десять, а другим я не дал бы больше семи-восьми. Те, что помладше, особенно один с короткой асимметричной стрижкой, оглядывались, словно проверяя, не ошибся ли незнакомый дяденька в маршруте, не по ошибке ли следует за ними. «Привет», – кивнул я худенькому темнокожему кучерявому пацану, замыкавшему цепочку, но он никак не отреагировал.

Классная комната вызвала ощущение стойкого бардака, под стать учительнице: молодой, мосластой и блядовитой, с наколками на загорелых руках. Её светлые волосы были забраны в конский хвост, крашенная фиолетовая прядь свисала вдоль уха. В мои годы таких девиц не то что преподавать, в школьные уборщицы бы не взяли. Видимо, мисс Рид, – так звали эту молодую особу, – поймала мой неодобрительно-вопрошающий взгляд. Она озадаченно подняла пшеничные совиные брови так, что одна оказалась выше другой, дежурно улыбнулась и молча указала мне на стоящий у стены стол с придвинутым к нему кожаным стулом на колёсиках. Больше за всё время урока она на меня не взглянула. Зато я время от времени посматривал на её выпукло-упругие формы и постепенно пришёл к выводу, что вполне возможно, в молодые годы, когда я ходил на крепких ногах, с такой девушкой было бы круто появиться на студенческой тусовке.

- Берём газеты и режем на полоски, – объявила мисс Рид, – потом обклеиваем ими надутые воздушные шарики. Они лежат перед каждым из вас. Что получаем?

Не дождавись отклика, она ответила сама себе:

- Правильно. Мозги. Вернее, модель мозгов.

Ассистентка стала помогать детям, подсаживаясь к каждому по очереди. Учительница, стоя в центре, наглядно показывала порядок действий, точностью движений и лаконизмом изложения напоминая стюардессу перед началом полёта. Как могли, дети пытались выполнять это незатейливое задание. Шесть мальчиков и четыре девочки, не глядя друг на друга, не перебрасываясь словами, в тишине, нарушаемой только негромкими ободряющими голосами взрослых, с усердием роботов клеили бумажки. Я не увидел удовольствия или воодушевления на их лицах. Я вообще не видел эмоций, но и безразличия тоже не заметил. Правильно было бы назвать их поведение невозмутимо-благодарным. Когда дети закончили конструировать модели, ассистентка, миссис Робинсон, выложила их на залитый осенним солнцем подоконник – подсыхать.

Единственным, перед кем всё ещё лежал лысоватый голубой шарик, был тот самый темнокожий курчавый мальчик, оказавшийся девочкой.

- Фрэнсис, – обратилась к ребёнку учительница, – а ты что же? Может, устала?

- Да, мисс, – апатично ответила девочка, – я, наверное, устала.

Продолжая пожимать острыми плечиками, она натянула на голову кофту.

- Ничего, – мисс Рид погладила её по спине, – мы закончим вместе. Потом. Да?

- Зелёная в полоску голова Фрэнсис согласно закивала; девочка открыла своё круглое, симпатичное лицо только тогда, когда ассистентка раздала каждому ребёнку по яблоку, а учительница пообещала показать фильм о том, какая пища помогает активно жить и хорошо учиться.

Мисс Рид предварила показ фильма коротким предисловием.

- Источником энергии является еда и без неё у вас не получится ездить на велосипеде, бегать и даже ходить. Представляете? – и добавила: «Теперь вы можете есть яблоки, но не забудьте внимательно смотреть и слушать».

На экране сменялись картинки накрытого к завтраку стола, полки продуктового магазина, детей, поедавших полезные продукты и немедленно побеждающих в марафонах. Затем пошли изображения человеческой головы в различных проекциях с мелькающими лампочками, прослеживающими путь прохождения фосфора от яблока к нужным для выработки внимания и улучшения памяти участкам мозга; заботливого малыша, принёсшего страдающей головной болью маме салат и фрукты. Я настолько увлёкся увиденным, что минут на десять перестал наблюдать за детьми, а когда отвернулся от экрана, не сразу смог отделаться от ощущения какой-то нереальности, даже сюрреалистичности происходящего. Я не сразу сообразил, что именно было не так: полутёмная зашторенная комната, силуэты детей в дёрганных бликах экранного света, вкрадчиво-завлекающий голос читающего текст диктора. Приглядевшись, я понял, что никто из этих детей не был в состоянии совмещать две функции. Каждому удавалось делать что-то одно: смотреть фильм, есть яблоко, заниматься собой, просто находиться здесь, в этом месте, но в ином временном пространстве...

Ближе всех ко мне сидела похожая на японскую куклу девочка лет восьми с фарфоровой кожей, смоляными гладкими волосами и сливовыми глазами под очками в сверкающей розовой оправе. Её

звали Лупита. Она сидела, подперев ладонями свою хорошенькую головку, а взгляд её упирался в спину сидящего впереди мальчика. Этот мальчик, его имени я не расслышал, показался мне странным ещё в коридоре. У него был очень низкий, трескучий голос, слишком низкий для ребёнка столь маленького роста. На вид ему было лет девять, не больше. А говорил он мужским, отрывистым голосом – как лаял.

Девочка Лупита жевала яблоко, не отрывая взгляд от спины мальчика-мужчины, а он, повернув голову вбок, неотрывно смотрел на меня: сначала из-под локтя, потом откровенно, как изучают диковинное, малопонятное явление, пытаюсь определить, исходит ли от него опасность. А я почувствовал себя попавшим в зазеркалье чужаком, не владеющим здешним языком взглядов и жестов. В конце концов, устав меня разглядывать, ребёнок свёл глаза к носу и начал рассматривать поднесённые к глазам ладони. Неожиданно он закашлялся – громко, густым трескучим басом. Неслышно, почти крадучись, к нему подошла ассистентка, присела на соседний стул и показала, как надо кашлять в сгиб локтя. Говорила она шёпотом, добродушно, даже ласково. Поднося ко рту согнутую в локте руку, мальчик несколько раз повторил несложный процесс имитации кашля. Кажется, они оба получали удовлетворение: ребёнок – от выученного навыка, миссис Ричардсон – от хорошо выполненной работы, принесшей результат.

Их взаимоотношения, были для меня непостижимы. Не может нормальный человек добровольно наблюдать подобное изо дня в день, в течение многих лет, продолжая реагировать на всё происходящее без тени раздражения, – так, словно сумасшедший дом – не этот класс, а мы, вообразившие себя нормальными.

- Почему ты не съел яблоко? – спросила миссис Ричардсон.

- Мне мешал он, – ответил мальчик, указав на меня пальцем.

На экране шли титры. Мисс Рид подняла жалюзи. Лупита задумчиво раскачивала за палочку черенка обгрызенное яблоко: влево-вправо, влево-вправо.

- Ну что, понравился фильм? – задорно спросила мисс Рид.

- Хороший, – ответила девочка-мальчик Флоренс и неожиданно начала пищать, приговаривая: «Я – комар, я – комар».

Вдохновлённый её ликованием, пухлощёкий мальчик у окна, до этого непрерывно потиравший ладони, стал считать вслух от нуля до десяти. Закончив, он вскочил и радостно захлопал в ладоши. Его беспричинная эйфория ужаснула меня больше, чем всё, что я наблюдал до сих пор. Больше, чем отрешённый взгляд Лупиты,

продолжающей раскачивать обкусанное яблоко в своей изящной фарфоровой ручке, и даже больше, чем вид девяти подсыхающих на подоконнике пустых мозгов.

- Дальше у нас чтение, – обратилась ко мне мисс Рид, – хотите ещё посидеть?

Я встал и вместо того, чтобы ответить, тупо молчал, уставившись на вытатуированную на её плече гитару цвета плесени. Гитара выглядела слегка пузатой. Видимо, её растянули накачанные мускулы предплечий. Я вздрогнул, осознав, что веду себя так же, как Лупита, которую чем-то заворожила спина сидящего впереди одноклассника.

- Нет, спасибо, – ответил я и вышел, поспешно притворив за собой дверь.

Я никак не мог прийти в себя; кружил по коридорам в поисках выхода, не понимая, зачем вообще здесь оказался, пока не наткнулся на появившуюся из-за угла директрису.

- А я вас ищу. Заглянула к мисс Рид, а вы пару минут как ушли. Кстати, она сказала, что вы произвели на ребят хорошее впечатление.

- Мне показалось, на них никто и ничто не может произвести впечатление.

- Это не так. Просто они реагируют по-своему, а мы судим, исходя из наших представлений о единственно верном образце поведения. Знаете, нам всегда нужны волонтеры, тем более соседи. Приходите.

- Э-э, у меня работа, я... работаю над новым фотоальбомом и завтра – никак.

Директриса понимающе кивнула:

- Я не имела в виду завтра. Когда будет время. И желание, – добавила она.

Наконец-то я окончательно пришёл в себя и честно признался:

- Знаете, дети – не моё призвание. У меня вообще на них аллергия. Да, на детей и собак.

- Но вы же пришли...

- Из любопытства.

Мне хотелось сразу поставить всё на свои места, избежать ненужных оправданий. Я был готов принять и переварить слова возмущения, презрительный взгляд: действительно, как можно поставить на одну доску детей и собак! Но директриса лишь пожала плечами:

- Как знаете. Если передумаете, приходите.

Мы вышли на крыльцо.

- Значит, вот там вы живёте, – кивнула она в сторону дома.

- Именно.

- Один?

- Да.

- Не удивлена. Думаю, мы ещё увидимся.

- Вряд ли, – ответил я и с облегчением пожал протянутую мне руку.

Ещё с детства зима была моим любимым временем года. Темнело рано. Соответственно, вся семья укладывалась спать не позже девяти, и я мог спокойно читать принесённые из библиотеки книги, разглядывать альбомы. Я набирал их стопками и засовывал на верх шкафа, туда же, где хранил то небольшое, что мне принадлежало: фотоаппарат, химикаты, краски, готовальню.

Тогда моим любимым цветом был красный: в сочетании с чернотой ванной комнаты он приобретал мистический смысл. Под доносящееся из верхней спальни похрапывание мачехи я колдовал над ванночками с безжизненной субстанцией, наблюдая, как на её поверхности проступали фигуры, лица, предметы – всё, что я снимал камерой, купленной на заработанные в Макдональдсе деньги.

Мне также нравились зимние цвета: лунный, голубеющий или искристый – они ассоциировались с покоем, противостояли суете и хаосу. Я фотографировал носящихся по заснеженной улице неутомимо и остервенело лающих собак. Но на выплывающих из проявителя снимках они были немymi. Чёрное на белом, как и сейчас. Свисающие со школьной крыши пухлые молочные подушки, засыпанный снегом пустынный школьный двор, по которому вздвперёд растерянно мечется чья-то потерявшаяся собака. Мне нет до неё дела, я не хочу думать о том, как её разыскивают нерадивые хозяева, как переживает ребёнок, который успел к ней привязаться.

С другой стороны дома мои соседи-азиаты расчищают дорожку к калитке. Оба – в одинаковых красных куртках и вязаных шапочках. Мужчина раскидывает по сторонам снег громоздкой лопатой, кажущейся несоразмерной его мелкой комплекции. Жена семенит позади, пришлёпывая короткой лопаткой накиданный мужем заборчик сугробов. Они работают синхронно, словно запрограммированные гуманоиды, призвание и смысл жизни которых, – быть вместе и находить счастье именно в таком бессмысленном, на первый взгляд, однообразии существования. А в чём смысл моего существования, мне ещё предстоит понять, если на это будет отпущено достаточно времени.

Школа закрыта на зимние каникулы. Жаль, что они не переходят непосредственно в летние.

Какого чёрта эти собачники, которые, по их собственному признанию, любят животных больше, чем людей, не следят за ними?!

Устав кружить, пёс застыл посреди безжизненной площадки и заскулил. Он явно не знал, куда бежать и своим беспомощным воем признавался в этом всей округе. Не хватало, чтобы это продолжалось и сегодняшней Рождественской ночью. Я раздражённо накинул куртку, спустился вниз, обошёл ограду и, приблизившись, увидел, что это не взрослая собака, а крупный щенок овчарки. Мы смотрели друг на друга, и я мог поклясться, что он не только читал мои мысли, но и предупреждал намерения. Иначе бы щенок не чихнул именно в тот момент, когда я собрался его прогнать. Но он чихнул раз, другой, потом сел на задние лапы и замер, не сомневаясь, что я его позову. Я молча повернулся и пошёл к дому.

Собачьи лапы чавкали вслед по рыхлому снегу.

Михаил Гаузнер

Одесса, Украина

Когда мы были молодые...

Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые
И розы красные цвели.
Юнна Мориц

При подготовке статьи «Поэтический мир стихов и прозы Ивана Бунина», опубликованной в «Чайке», я нашёл забытое мною его стихотворение о крымском водопаде Учан-Су:

Свой лёгкий бег не прерывая,
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая, –
Как тонкий флёр, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной и дождём
Свергаясь в черный водоём,
Бушует влагою хрустальной...

Сразу нахлынули щемящие воспоминания молодости. В те годы я несколько лет весной ходил в походы по горному Крыму. Группа

наша была «схоженная» и «спетая». Не уверен, что эти термины употреблялись тогда нами корректно, но мы ими пользовались без сомнений и даже с гордостью – много раз ходили вместе, доверяли друг другу полностью, с удовольствием пели вечером у костра любимые песни. Я в нескольких походах выполнял обязанности руководителя группы, хотя охотно не отягощал бы себя этими хлопотами и просто наслаждался ожидавшейся всю зиму встречей с природой. Но – ребята так решили...

Той весной мы наметили начать маршрут от упомянутого выше водопада Учан-Су (в переводе с крымскотатарского — «летающая вода»). Это самый высокий водопад Украины и один из самых высоких в Европе, высота падения воды в нём почти вдвое выше, чем в Ниагарском (а видимая – почти впятеро). Поток воды высотой 98 м обрушивается с обрыва, поднятого более чем на 400 м над уровнем моря, и через две расщелины между скал устремляется вниз, разбиваясь там об естественную площадку и образуя водоём с прозрачной водой. Был конец апреля, питающая водопад река, как обычно весной, полноводна, так что его шум был слышен далеко.

Полюбовались водопадом, походили по лесу, наслаждаясь первым в том году впечатлением от настоящей живой природы, от воздуха, наполненного ароматом сосны и неповторимым тонким запахом кустов можжевельника, которых там очень много.

Установили палатки, посидели у костра, переночевали, утром собрались и начали подъём на Ай-Петринскую яйлу (так называют в Крыму горные плато). Мой давний приятель, опытный инструктор по горному туризму, дал мне «кроки» (наброски маршрута) и подробно объяснил, как идти, – «от водопада вверх, потом у сосны-«самолёта» влево, всего километров пять-шесть, подъём не очень крутой, через часа полтора выйдёте на яйлу».

Погода с утра была неплохой, слегка пасмурное небо не настораживало. Мы не знали, что в районе Ай-Петри бывают продолжительные и мощные ветра, и не учли, что в горах погода бывает очень переменчива, внезапно может пойти дождь. Лишь потом нам рассказали местную примету – если вода в водопаде не кристально чистая, можно ожидать в этот день дождь и сильный ветер, но мы об этом не подозревали.

Поэтому когда накануне вечером выяснилось, что завхоз группы забыла дома реп-шнур, который бывал у нас всегда с собой, и взамен купила в Ялте бельевую верёвку длиной 12 м., не сказав мне о своей оплошности, я не особенно переживал – не на восхождение идём, обойдёмся.

Первые несколько километров шли бодро, шутили, «аукали», в общем веселились, как дети. Увидели сосну-«самолёт», но впереди виднелась ещё одна, вроде бы по виду ещё более «самолётная», пошли к ней. Правда, подъём становился всё более крутым, но нерастраченные с утра силы рвались наружу. Выполняя рекомендацию, повернули у этой сосны налево. Погода становилась всё хуже, начал моросить мелкий дождик.

Сначала тропа казалась почти такой же «хоженой», как предыдущая. Потом она стала сужаться и через некоторое время пропала совсем. И подъём закончился, идём вдоль склона почти по горизонтали. А он справа от нас становится всё круче, градусов 40, и мы уже вышли на осыпь, которая при каждом шаге начинает сползать вниз. Повернуть назад не можем – за спинами выпирают назад довольно тяжёлые рюкзаки, страшновато.

Я сказал всем остановиться и по возможности не делать резких движений, а двух ребят, между которыми в «цепочке» шла наша завхоз, попросил подстраховать её, чтобы достать из рюкзака ту самую купленную в Ялте верёвку. Её длины как раз хватило, чтобы все участники обвернули запястья левых рук, обращённых в сторону, противоположную осыпи, ставшей угрожающей, – она просматривалась вниз довольно далеко.

Не был уверен, что это не очень разумное действие помогло бы удержать кого-то из нас, если бы он или она стали скользить по осыпи, но надеялся, что все остальные общими усилиями как-то справятся. О том, что этот один может увлечь за собой всю цепочку, старался не думать, всё равно другого выхода не было.

Предполагая, что выход на плато уже близок, очень осторожно и вразнобой продолжили движение. Вдруг, буквально за несколько минут, на нас напал туман – настолько густой, что каждый видел впереди себя только двоих (обернуться назад никто не решался). Видимо, на склон напозла туча и мы оказались внутри неё. Это был даже не дождь – не было летящих капель, но мы мгновенно вымокли, как говорят, до нитки. Даже дышать этим мокрым воздухом стало трудно.

К счастью, через некоторое время то подобие тропы, по которому мы шли, стало подниматься, и примерно через полчаса, наконец, вышли из тумана на ровное плато. Его поверхность, как ни странно, была почти сухой. Но радость от обретения под ногами твёрдой и ровной земли оказалась преждевременной – там дул сильный и очень холодный ветер, как нам показалось, ледяной. Голая плоскость, укрыться негде. Понимая, что через короткое время все основательно

простудятся, я начальственным тоном скомандовал: «Мальчики направо, девочки налево! Станьте спинами к ветру, разденьтесь догола, разотритесь чем-нибудь и переоденьтесь в сухое!»

По понятным причинам подглядывать никому и в голову не пришло. Правда, кто-то из девушек пискнул «а как же... мы же...», но более опытные быстро их переубедили. Наконец переоделись и двинулись вперёд. Две наименее опытные по части туризма девушки хромали – видимо, у них появилась особенно сильная крепатура мышц ног после непрерывного напряжения на осыпи.

Через несколько сотен метров увидели неглубокую лощинку, где ветер не так ощущался, и обессилено рухнули на чахлую траву. Хромавшим девушкам я сделал массаж спазмированных икроножных мышц, они храбро терпели боль, но сдерживались.

Мы планировали посетить на Ай-Петринской яйле три карстовые пещеры, поглядеть на сталактиты, сталагмиты, летучих мышей и прочий причудливый подземный мир. Но в те минуты мы думали только о том, чтобы найти лощину поглубже, где ветер будет несильным, поставить и укрепить палатки, вскипятить немного воды для чая и забраться в спальные мешки. Это нам удалось, и настроение поднялось.

Всё же молодость – великое благо. Отлежались, отогрелись, выползли из палаток и довольно бодро отправились вниз за хворостом, а заодно и в поисках родника. Видимо, судьба в качестве компенсации за перенесенные передрыги была к нам благосклонна – довольно быстро нашли и то, и другое. Так что под вечер смогли разжечь нормальный жаркий костёр, сварили кашу с тушёнкой, напились вдоволь чаю. Погода полностью наладилась, как будто не было дневных неприятностей. Костёр, как обычно, очаровывал: яркое пламя, иногда – треск поленьев и сноп искр, как выстрел в иссиня-чёрное крымское небо. И под низкими, крупными южными звёздами мы тихо запели нашу любимую:

Дым костра создает уют,
Искры, тлея, в полете тают,
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...

А потом, любуясь до поздней ночи завораживающими огоньками, перебегающими по догорающим углям, затаили другую:

Я смотрю на костер догорающий.

Пляшет розовый отблеск огня.
После трудного дня спят товарищи.
Почему среди них нет тебя?
Ты не знаешь, как часто ночами я,
Придвигаясь поближе к огню,
Так тоскую, тебя вспоминая,
Эту грустную песню пою...

Уснули поздно, до этого долго переговариваясь полусонными голосами. Утром, как обычно, быстро собрались, сняли палатки, позавтракали и вышли на маршрут.

Но нас ожидал ещё один непредвиденный подарок – на закрытой с трёх сторон возвышенностями полянке, мимо которой мы проходили, увидели небольшую, метра три в диаметре, почти круглую площадку, сплошь усеянную нежными лесными фиалками!

Сняли рюкзаки и – кто на коленях, а кто и лёжа, с разных сторон этого чуда стали вкушать их неповторимый аромат. В объектив попала только часть группы, но остальные тоже получали удовольствие, расположившись с разных сторон вокруг площадки.

Старое чёрно-белое фото не даёт представление об этих нежных цветках, поэтому приведу современную цветную фотографию лесных фиалок.

Я рассказал всего о двух днях одного из многих наших неповторимых походов. Прекрасную чушь, которую мы тогда несли, конечно, не вспоминал – это была привилегия молодости. Но водопад, хоть и с натяжкой, попытался ассоциировать с огромным фонтаном, а то, что цвели не розы, а фиалки, навряд ли существенно. Так что эпиграф, которым предварил свой рассказ, вроде бы оправдан.

Прошло уже почти шестьдесят лет, а эти воспоминания продолжают греть душу и напоминать, как здорово было, когда мы были молодые...

Кира Белостоцкая

Москва, Россия

Два рассказа про С. П. Королева

Букет от Королёва

Когда ракета уже стояла на старте и шёл первый стартовый день подготовки к запуску космонавтов Павла Беляева и Алексея Леонова, случилось ЧП. Во время подсоединения к ракете мачты для подключения наземного электропитания, из-за сильного ветра мачта ударила по антенне нашей телеметрической системы. С земли было не видно, то ли антенна была сломана, то ли только смята. Мне было велено взять с собою офицера, ехать на старт и подняться на ракету к антенне, чтобы дать заключение, нужна ли срочная замена.

Находиться на старте женщине, когда на старте уже стоит ракета, было страшным нарушением неписаных правил, установленных Королёвым. Мы хорошо знали об этом королёвском суеверии. Я, конечно, страшно волновалась, но не подъём на ракету на высоту более тридцати метров страшил меня, а то, что на старте я могу встретить СП (так мы, испытатели, называли Королёва). Офицер пытался меня успокоить. Он сказал, что мы подыдем в «газике» прямо к ракете и мне не надо будет ходить по стартовой площадке. Однако водитель обмолвился, что Королёв где-то здесь, на старте, кажется, в бункере. Меня это совсем не обрадовало.

Подкатили к лифту, дежурный офицер надел на нас монтажные пояса, и мы сели в лифт. Приятно было думать, что в этом же лифте завтра будут подниматься космонавты. Лифт остановился, мы вышли и стали спускаться вниз уже по уголкам фермы. Офицер страховал меня, перецепляя цепь монтажного пояса по ферме. Добрались до антенны. Полая трубка антенны была сплюснута, но не сломана. Для пущей уверенности берусь за антенну и подгибаю ноги. Антенна держит меня! Итак, всё в порядке; скорее вниз – и со старта. Поднимаемся по ферме до лифта, «газик» ждёт, и через несколько минут мы уже за стартовой проходной. Докладываю своему начальству, что всё в порядке, с нашей стороны задержки запуска не будет.

На фотографии я средняя из трёх в центре. Девочка справа тоже с цветами

На этом история не закончилась. Скрывать от Королёва любое ЧП было категорически недопустимо, и он, конечно, знал о моём появлении на стартовой площадке. После легендарного полёта с выходом человека в открытый космос Беляев и Леонов, по заведённой традиции, приехали снова на уже опустевшую стартовую площадку, куда пришли и мы – испытатели, готовившие этот полёт, чтобы поздравить их. В руках у космонавтов цветы, они дарят их Королёву и начальнику отряда космонавтов Николаю Каманину. Вдруг Сергей Павлович поворачивается в нашу сторону и протягивает свой букет... мне!

Как я ослушалась Королёва

Случилось это со мною при проведении комплексных испытаний. Комплексные испытания, или «комплекс», как мы его называли, проводится после автономных проверок всех систем. На комплексе поочерёдно на несколько минут включается каждая бортовая системы объекта и ракеты по программе полёта. Работа у меня на комплексных испытаниях несложная: надо измерить напряжение на входе антенн с помощью вольтметра и неоновой лампочки (до сих пор храню её), проверить от них излучение. Выполнить эти измерения надо на антеннах телеметрической системы, установленной на приборном отсеке космического аппарата, а затем на антеннах, установленных на блоке ракеты.

Однажды во время проведения этой операции на космическом аппарате в ту часть зала, где стоял аппарат («шарик»), отгороженный занавесками, вошёл Сергей Павлович. Увидел меня около шарика и спрашивает дежурившего у входа военного: «Что это она там делает?» Дежурный, не подумав, отвечает: «Она там что-то закорачивает», и Королёв чуть ли не бегом направляется ко мне. В результате состоялся такой разговор:

- Чем вы занимаетесь?

Объясняю, что веду проверку работы нашей аппаратуры при включении питания (включение даётся всего на несколько минут).

- Какие у вас дальше дела?

Говорю, что сейчас пойду и то же самое сделаю на блоке носителя.

- Но для этого вам нужно залезть на ракету.

Утвердительно киваю.

- Не надо, не смейте туда лазить, пусть это сделают военные из расчёта, а вы только проконтролируете.

Сказал и ушёл.

Наступает момент проверки систем носителя. СП в зале нет. Объявляют о включении нашей системы. На меня набрасывается наш ведущий по объекту со словами: «Что ты спишь, иди скорее – включение будет всего несколько минут».

- Я не могу, мне Сергей Павлович не разрешил залезать самой на ракету. Ведущий как будто и не слышит, что я ему говорю.

- Кто отвечает за проверку системы? Ты! Вот иди и делай своё дело, а военные пусть помогают.

Оглянулась ещё раз – СП в зале нет – и полезла на хребет блока. Во время испытаний блок лежит горизонтально на рельсовых подставках. По лестнице забираюсь на блок и сажусь на него, как на коня. Все измерения сделала и только ногу с блока спустила, как в зал вошёл СП. Увидел меня верхом на блоке, подошёл к лестнице, стоит и ждёт. Я не спускаюсь. А он не уходит и ждёт. Что мне делать? Деваться некуда. Посидела, вздохнула и спустилась вниз, так как СП явно не собирался уходить.

- Я что тебе сказал?! – он был разгневан.

- Сергей Павлович! Это моя работа, моя обязанность, и я сама за неё должна отвечать. – Говорю, а сама чуть не плачу. Вдруг он берётся за кончики моей косынки, которая была повязана на шее и говорит: – А ты испугалась меня?

- Да, испугалась, – честно признаюсь я, – но всё равно я бы полезла.

- Эх ты, зайчишка, зайчишка.

Отводит меня немного в сторону. И вдруг без всякого перехода:

- Надоело уже, домой, наверное, хочется? Мне самому хочется, а надо будет после пуска ехать в Евпаторию.

Передо мною был совсем другой человек!

В этот момент появилась туча газетчиков и они набросились на Королёва. Но СП сделал ход конём: «Вот познакомьтесь – мой инженер», – улыбнулся и быстро пошёл к выходу из зала. Пожала всем протянутые руки, но это была только дань вежливости с их стороны, я их абсолютно не интересовала, и они бросились догонять Королёва.

Так благополучно сошло для меня моё непослушание. И надолго за мною сохранилось прозвище «зайчишка».

Наталия Замулка-Дюбуше

Франция

Воспитание мужа картофельным пирогом

Мы, вообще-то, умеем слушать советы умных людей? Нет! И я не исключение.

Когда парижские друзья моего будущего мужа предвкушали праздник нашей свадьбы, свидетели с моей стороны советовали: не вздумай человека перевоспитывать! Я удивленно подняла брови.

А дальше жизнь пошла во французском ритме. Свекровь, жившая в другом городе, научила меня готовить любимый ее сыном картофельный пирог. Я внимательно училась.

Картофель чистим, нарезаем кружочками тончайших долек, промываем их в холодной воде, чтобы вышел крахмал/ французы смотрят за своими фигурами/, промокаем в полотенце и выкладываем дольки нахлестом на дно формы, заблаговременно застелив его тончайшим слоеным тестом, которое должно чуть свисать на бортах по кругу. И поколоть вилкой не забудьте тесто, это позволит влаге, оставшейся в картофеле, не оседать на дно, она испарится через «дымоход». А дольки картофеля дружно подрастают от выкладывания аж до высоты формы. Можете пересыпать картофель крупной солью, но не усердствуйте. Пример – как мы солим жареный картофель. Ни много, ни мало, чтобы съедобно было.

/edimdoma.ru/

Нарезаем мелко зеленый укроп или петрушку, опять же, в зависимости от того, какой запах предпочтете, чтобы он исходил от будущего пирога. Посыпаем этой зеленью картошку и закрываем ее новым слоем слоеного теста. Залепливаем кромку пирога, прижимая тесто по верхней части формы. На крышке верхнего теста делаем дырку см 3 диаметром, это и есть «дымоход» через него будет выходить пар.

Последний штрих, удивляющий наших хозяек, французы смазывают пироги жидким кофе, а не желтком яичным, как мы привыкли. При выпекании крышка пирога не подгорит. Духовка уже нагрета до +180 градусов, обозначаем время сидения пирога -40 минут. Процесс пошел.

За это время промываем листья салата, сушим их в центрифуге, такая «кастрюля» пластмассовая с решеткой в середине, с крышкой и ручкой для раскручивания. Несколько быстрых поворотов ручки – и капли воды из листьев салата остаются на дне этой центрифуги для овощей. Мы потом салат выложим в салатницу. Но для того чтобы он заиграл своим неповторимым вкусом, для него готовится соус холодный – из компонентов: оливковое масло 40 мл, белый уксус 9 процентный-15 мл, ложка жидкой горчицы, соль и мелко порубленный чеснок – по вкусу. Все это взбивается любым подручным методом – и получаем плавно текущую смесь. Ею мы потом побрызгаем салат при подаче на стол, но не раньше. Иначе салат утратит свою хрустящую, свежую ломкость, завянет. Все

должно быть в меру в сторону – меньше. Так точно лишних калорий не наберешь.

А наш пирог уже готов. Вынимаем его из духовки, ставим форму на подставку, обрезаем по кругу верхнюю крышку теста с дымоходом и откладываем в сторону. Далее – действие сметаны. Надо покупать средней жирности, но не жидкую. Выкладываем сметану обильно на дымящуюся картошку, ровняем ложкой и закрываем крышкой из теста, которая лежала несколько секунд в ожидании. За минут 5 сметана растает и пропитает пирог.

Накрываем на стол – вносим пирог и салат, не забыв хорошую бутылку красного «Бордо». Ни в коем случае вино не должно быть сладкое! Без вина, французы вкушать пищу не будут. Они и живут, наверное, потому долго, что в умеренных дозах попивают вино в обед и за ужином. По мнению специалистов, вино нейтрализует и расщепляет жир.

Вот так я старалась поддерживать хорошее настроение мужа от вкушения любимого мамино пирога до момента, пока не произошла осечка. Не хватило сметаны.

Не надо забывать, что в семье нашей мы были, по несчастью, два лидера.

Супруг отрезал кусочек пирога, посмотрел в профиль на начинку, сделал вывод что пирог суховат без особого присутствия сметаны и отложил вилку и нож со словами, что ужинать на таких условиях не будет.

Скифские кони в моем воображении начали раздувать ноздри. Меня зашатало от обиды, вспомнилось как я тонко нарезала картошечку и вообще журчала ручейком, играя с этим пирогом. Далёкий совет – не перевоспитывать мужа – вообще утонул в годах, и я... стукнула кулачком по столу.

- Раз так: объявляется мораторий на 3 года, – членораздельно артикулировала чужую речь – пирога больше никто не увидит за это время, пока кто-то очень-очень сильно не попросит его испечь!

Муж с удивлением смотрел на меня. В его глазах отразилась вся тоска мира с угаснувшей надеждой иметь мягкую и послушную жену, о которой он мечтал долгие годы, – и представлял меня именно такой.

Года через два Бог меня благословил на ум. Я, наконец, поняла роль женщины при мужчине-хозяине. Дома эта черта была атрофирована, терпения было мало, а эстафета жизни с препятствиями преодолевалась в одиночку. Следом никто не бежал подменить.

Я снова приготовила долгожданный пирог по всем правилам, торжественно поставила его на стол и посмотрела на мужа. Глаза его подозрительно повлажнели.

Вот так невинный картофельный пирог неожиданно нас обоих перевоспитал.

Часть 11. Поэзия

Федор Толстой. Из изящных натюрмортов

Михаил Рахунов

Чикаго, США

Поэзия

Где быт, суета и короста
Привычек оставили след,
В сетях своего благородства
Живет, задыхаясь, поэт.

В помятом камзоле, при шпаге
Сидит за столом, одинок,
И мысли его на бумаге
Острей, чем у шпаги клинок.

Пусть мимо грохочет эпоха,
Варганя делишки свои,
И с некою долей подвоха
Молчат за окном соловьи,

Но там в нескончаемой выси
Другой на события взгляд —
Там звезды рождаются мыслью
И буквами в небе горят.

Безвучно в мерцающей бездне,
Послушны игре волшебства,
Сплетаются звезды в созвездья —
За буквою буква — в слова.

И стих, бесконечный и тонкий,
Бежит за строкою строка,
Как будто бы острой иглой
Незримая пишет рука.

Так вот почему ты такая,
Поэзия! Вот почему
Мы долго глядим, не мигая,
В бескрайнюю звездную тьму!

И, бредя заведомым раем,
Мы знаем уже навсегда
Какую мы книгу читаем,
Где каждая буква — звезда.

8 декабря 2008

Марина Мичурина
Бостон, США

Стихи рождаются в душе

Стихи рождаются в душе.
То не метафоры и рифмы,
Здесь правила – всего лишь мифы,
Что позабыть пора уже.
И ты не будешь горевать,

Что все придуманы созвучья,
Твой стих, как дар с небесной кручи,
Вдруг снизойдет к тебе опять
Ты будь принять его готов,
Себя открой ему, как другу –
И поведет твою он руку,
Перо схватившую без слов!

Виктор Райзман

США

Нотр-Дам

1.

Собор Парижской Богоматери,
А по-французски Нотр-Дам*.
Подходишь к каменной громадине
И вспоминаешь: «Аз воздам»**.

Готические окна дерзкие
Среди романских галерей.
У статуй лица иудейские,
Их двадцать восемь – королей.

И в откровенности вульгарные,
Весь яд восьми веков вобрал,
Глядят химеры, ведьмы, гарпии,
Не признающие добра.

Послушать только злобных церберов, -
Живёт Париж, всегда греша.
Гудит во все сто тридцать центнеров
Эммануэль***, грехи глуша.

А очередь километровая
Ручьём струится во врата
К прелатам с белыми покровами,
Святым служителям Христа.

За вековым порядком каменным,
Как за началом всех начал,
Следят невидимые камеры.
И Квазимодо – по ночам.

Париж, 2008

2.

Не уследили, эх, проشياпили:
Фитиль в кармане утаив,
Лесов строительные штабели
Поджѣг злокозненный талиб.

А может, «жѣлтыми жилетами»
Подброшен «жѣлтый» факел в храм,
И новой огненной кометою
Взлетел над миром Нотр-Дам?

Что ж, таковы плоды беспечности.
Предположу в скупой строфе,
Что возвратилось человечество
К зловещим аутодафе****...

*Notre Dame

**Ветхий Завет. Пятая книга Моисеева

***главный колокол собора

****в средние века торжественное объявление приговора инквизиционного суда, часто заканчивающееся сожжением осуждённого

Саша Зеленская

Швейцария

Не снимай пальто (дебют)

Памяти Энны Дедовой

Не снимай пальто,
Не включай и свет,
Пусть решат все что
Нас и дома нет.

Посидим в тиши,
Поглядим в окно,
Ближких две души,
Как давным-давно.

А за тем окном,
Где то свет, то мгла,
Как в кино немом,
Наша жизнь прошла.

Людмила Свирская
Прага, Чехия

В Лондоне. Я не сильная женщина

Как жадно солнце иней с крыльев лижет,
Молниеносно сглатывая тьму!
Летела – чтобы стать к тебе поближе.
Казалось: раз – и за руку возьму.
Я в Лондоне? Да ладно! Я ли это?
На Трафальгарской площади стою,
На миг чужой историей задета...
Как будто репетирую свою.

Я в Лондоне? Да ладно! Одолела
Свою мечту в сто сорок этажей!
По городу иду, как королева:
Ты так хотел, о лучший из мужей.
Я в Лондоне! И здесь нельзя иначе.
Диктует королевская земля
Свои законы счастья и удачи.
Я королева. Но без короля.

А ты со мной. Невидим и неслышен.
Как Лондон, ироничен твой прищур.
Туман хвостом цепляется за крыши,
И кажется, что счастья – чересчур
Мне выпало за эти двое суток

(Я от него отвыкла, знаешь ты)...

Здесь главное – не потерять рассудок
От этой невозможной красоты.

Я не сильная женщина, нет, не сильная
(Как и все мы) – здесь нет ни стыда, ни гордости.
Просто в сердце – камера морозильная:
Знай морозь и радости в ней, и горести,
И смешную девочку с белым бантиком,
На меня теперешнюю – похожую,
И любовь, и лирику, и романтику
(Для чего оно – это всё?) заморожу я.

Потому что нет больше сил – оплакивать
И наивно верить, что время вылечит...
Доползу, чтобы счет предъявить оплаченный.
И неважно, кто потом сердце выключит.

Татьяна Белянчикова

Москва, Россия

Ну, бывает. Поиграл и бросил

Ну, бывает. Поиграл и бросил.
Долго ты играл. Не упрекну.
За апрелем наступила осень.
Осень не похожа на весну.
Облака захватывают крыши.
Не просил. Не звал. Не мне судить.
Старая собака воду лижет,
лижет и не хочет уходить.
Дверь моя закрыта для истерик,
я себя, наверное, люблю.
Стал пустым и топким левый берег -
не пристать большому кораблю.

Город полон хмари и металла,
ёжатся дома.
Вроде бы всё только зацвело –
а уже зима.
Лился, вился, бился зимний вечер,
думала – ты мой.
Оказалось – вечер был не вечен,

и пора домой.
Думала, вчера продуло малость,
а в душе дыра.
Вроде бы всё только начиналось,
а уже пора.

Опять замёрзло всё, и дворник
бежит за утренней лопатой.
Жизнь стала правильной и ровной,
не изменить ее, куда там.
Она уверенно-речиста
и ничего, что полосата,
осталось лишь её почистить
от снега, грязи и досады.

Татьяна Парсанова
Наро-Фоминск, Россия

Не цветами – лебедой. Выключаю разум...

Не цветами – лебедой
Зарастает поле.
Стала я твоей бедой,
Милый, поневоле.

Неба ситец голубой
Насурьмился грозно.

Ах, зачем же мы с тобой
Встретились так поздно?!

Мыслей горьких острей –
Никуда не деться.
Спрячу имя я твоё
В тайничок, под сердце.

Сыпет густо на лицо
Мне слезинки лето.
А на пальчик мой кольцо...
Не тобой надето.

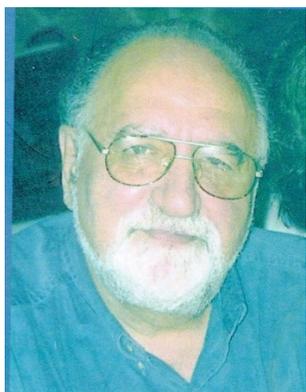
Выключаю разум. Пусть исполнится
Всё, что проклиналось сгоряча.
Примеряю звание «любовница»,
Как одежду с барского плеча.

Распрощалась с гордостью. Покорная...
Эшафот ли... Жизнь ли... Быть... Не быть...
Мне теперь душою обнажённой
В унисон с дождями голосить.

Сердце ранят, как шипы терновника,
Непростые правила твои.

На другой вершине треугольника –
Вне закона...
Просто – по любви.

Ушанги Рижинашвили
Лос-Анджелес, США

Большое Яблоко

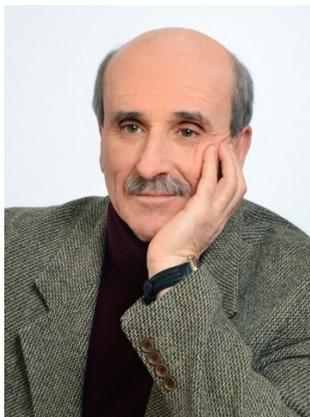
От Смоленского бульвара до бульвара Квинс,
Я доплёлся, дотащился, долетел, как лист,
То ль бумажный, то ль древесный, впрочем,
всё равно,
Долетел и прилепился, залетел в окно.

Город – Яблоко большое – точно, как хурма,
Вяжет рот и водит-сводит день за днём с ума.
Чует сердце, дело худо, попросту труба,
Видно, Яблоко большое мне не по зубам.

Здесьний коп, что мент московский,
Крут, плечист, костист,
Смотрит ласково, по-свойски,
Факен, мол, катись...

И качусь, куда тут деться, яблочком лесным,
По морям и океанам, по путям земным.
Докачусь, дойду до ручки, до карандаша,
Ох, и отведу я душу, где ты там, душа?

Владимир Спектор
Бад-Зоден, Германия

Среди забытых басен и былин

Среди забытых басен и былин,
Среди небрежно отзвучавших песен,
Не раб, по сути, и не господин,
Но, может быть, кому-то интересен.

Возможно, интересен тем, что жив,
Что в памяти – прошедших дней отрава.
А прошлый снег, следы припорошив,
Идёт, как кот, налево и направо...

Зоя Бобкова
Гатчина, Россия

Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек

Зазнобило ветром изо всех-то щелей и щёлочек,
Заплескалось бельё парусом на гудящих распорках.
Вот девчонка, курноса и щербатая,
С разноцветной чёлочкой
Кинулась отыскивать своего милого
По близлежащим моргам.

И тут его нет, и там не заметили,
Значит, живой ещё,
где-то, выходит, мотается,
Время своё заколдованное
проводит с «этими»,
С такими «расхорошими»,
грешит и не кается.

Нету милого, нет!
И весна-то вокруг, не весенняя,
Сердце голубем подбитым
в груди трепыхается,
И растут со дня на день
отчаяние и сомнение.
Двери хлопают. Снова не он.
Как же тут не отчаяться!

Колдовской сумятицей тихий вечер узится...
И, кажется, без милого обрушатся в доме стены.
В первый ты, девочка, оказалась узницей
Крепости измены.

Лариса Миллер

Москва, Россия

Я знаю всё про тут

Я знаю всё про тут,
Про там совсем не знаю.
Я знаю, как цветут
Деревья ближе к маю,
Как шелестит трава,
Как блики веселятся,
Какие здесь слова
Обычно говорятся.
Мне здесь и адрес дан
Земной, понятный, точный.
А там – сплошной туман,
Сплошной туман молочный.

Михаил Синельников

Москва, Россия

Серебряный век

«Печатаю эти мои личные (апрельские, – Ред.) тезисы...»

В.И. Ленин

Кудрявый Бальмонт, Клюев лысый,
Ахматовой суровый взор
И в снежном вихре Блок с актрисой
Несущийся во весь опор.
О, ветер выюжный, нежный, сладкий!
Но резко брошен поперёк
Из гимназической тетрадки
Небрежно вырванный листок.
И эти режущие строки
Апрельского факсимиле
Выносят приговор жестокий
Промчавшимся навеселе.
Давно уж выцвели чернила...
А в чёрный утекло пролом
Всё то, что время осенило
Своим серебряным крылом.
2017

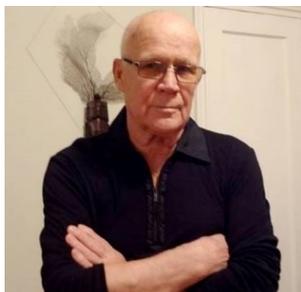
Часть 12. Детский альбом

А. Г. Венецианов «Девушка в клетчатом платке»

Вадим Чирков

Нью-Йорк, США

Три коротких сказки

Волшебное колечко

Это было не так давно – в детстве.

Шёл я как-то, шёл – не помню, откуда, не помню, конечно, куда, не помню уже, зачем – но только увидел вдруг на земле кольцо. Медное кольцо величиной с тогдашнюю мою, пятилетнего мальчишки, ладонь. Игрушка что надо! И стал я играть кольцом так и эдак, эдак и так... И вот догадался бросить его на землю плашмя, как бы целясь попасть на случайный колышек.

Кажется, я произнёс при этом какое-то подсобное слово.

Кольцо послушно упало в трёх шагах от меня. Я подошёл, чтобы взять его, и увидел в середине кольца 15-копеечную монетку. Вот так да! Что бы это значило? И я бросил кольцо ещё раз. И снова в середине его оказалась монетка.

Кольцо волшебное! Ура! Теперь я богач! Брошу его десять, а то и больше раз, и можно будет купить всё, что захочу! Всё, всё, всё! Например, мороженое.

И я кинул кольцо в третий раз. Подошёл к нему – а кольца-то и нет! Нет волшебного колечка. Потерялось!

Искал я его, искал, на коленках ползал, всю траву прошарил, всю землю перерыл, а колечка так и не нашёл. Куда оно исчезло, почему – долго не знал. Думал: раз оно волшебное, могло само по себе

пропасть. Потом как-то подумал иначе: а может, дело вовсе не в кольце? А в том слове, которое я проговорил раз и другой, когда его бросал? А в третий раз поспешил и слова не сказал. А ведь именно оно и могло быть волшебным! И не только монетку мне дать, а что угодно!

И стал я с тех пор искать волшебное слово. Где оно может находиться? Где, скорее всего, скрывается?

Конечно, в сказке! Потому что в сказке всё немного не так, как мы привыкли видеть, а значит, и чудо где-то рядом...

Как ручей простудил горло

Случилось однажды так, что Ручей простудил горло. Может, он хлебнул холодной воды из родника, а может, его прохватил сквозняк. Ручей охрип, осип, стал кашлять и чихать. А остановиться, чтобы полечиться, он, как вы сами понимаете, не мог.

Обвязал Ручей горло лопухом, а лопух тут же сорвало каким-то кустом. И Ручей понесся во всю прыть отыскивать доктора.

Петляет Ручей по лесу, спрашивает у всех про доктора. Припетлял к озеру. А на берегу озера по колено в воде стоит Цапля. Наклонит шею, лягушку – цап! Лягушка – ля! – и нет её.

Ручей остановился, откашлялся, чихнул, фыркнул и спрашивает у Цапли:

-Ты, случайно, не доктор?

-Доктор, – отвечает ему Цапля, – разве ты сам не видишь? Вот мой градусник, – Цапля потрясла длинным носом. – Что с тобой?

-Горло болит. Полечи меня.

-Хорошо, – согласилась Цапля и сунула нос в Ручей.

-Ага, – сказала она через минуту, – у тебя, кажется, простуда. А ну-ка покажи язык!

Ручей высунул язык.

-Все ясно, – сказала Цапля, – я прописываю тебе солнечные ванны и покой...

Ручей поблагодарил Цаплю. Он влился в озеро и разлегся на поверхности, где тепло.

А через три дня он вылезился и побежал дальше.

Слыхали, какой у него снова звонкий голос?

Лысый жёлудь

Жёлудь родился в шапке. Рос Жёлудь, и шапка росла. Вырос он, потрогал шапку, видит – как раз. Будто на него шита. И красивая. Барашковая. Жаль, зеркала нет, поглядеться бы.

Решил Жёлудь прогуляться, чтобы и другие на шапку посмотрели. Только сделал шаг по листу и -ух! – выпал из шапки. Летит вниз.

Бац! – упал.

-Лысый! Лысый! – крикнул кто-то.

Схватился Жёлудь за голову – верно, лысый. Совсем голая голова.

-Кто сказал: лысый? – спросил Жёлудь сердито.

-Я. – на пеньке стоял маленький Жёлуденок в шапке с длинной кисточкой.

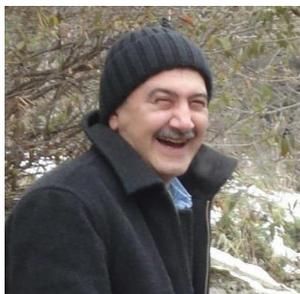
-Друг мой, – наставительно ответил ему Лысый Жёлудь, – вы просто плохо воспитаны. Я пришел в гости, а шапку оставил на вешалке. Гляньте-ка наверх. – И правда, осенний дуб был похож на вешалку – всюду на ветках висели шапки.

-Нас ждут, – крикнул Лысый Жёлудь, – идемте, господа!

Из-под травы и жёлтых листьев встали остальные жёлуди. Они отерли лысины, погладили себя по бокам, взяли за руки и пошли. Не знаю, к кому они направились, но думаю, что тот, кто пригласил их в гости, тоже был очень воспитанный че... я хотел сказать, жёлудь.

Александр Ралот

Краснодар, Россия

Тарелочки

В Краснодаре жаркое лето тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Мы, а это я и мой закадычный друг и сосед Юрка, выпросили у своих мам старые покрывала и прочие тряпки. Знаете, зачем? Да для шалаша, конечно же. Строим его прямо посередине дороги. Потому как удобно. Трава кусачая здесь не растёт. Редкие полторки ездят не по нашей грунтовке, а там далеко. По асфальтированной улице с мудрёным названием Индустриальная. Так что наше сооружение может помешать только конюху дяде Ване. Да и то вряд ли. Даже если добродушный сосед будет возвращаться, как говорит его жена, на

бровях, то бишь спать в бричке, то уж его каурая лошадь Нюрка сооружение заметит и точно и аккуратно объедет. Проверено. Когда наши родители в ночную смену уходят, так и спать в нём остаёмся. Лежим себе, смотрим сквозь дырки в покрывалах на звездное небо и мечтаем. Вот вырастим и все, как один, станем космонавтами или, на худой конец, лётчиками. Будем пролетать над нашими Горогородами и махать сверху таким же, как и мы, пацанам. Здорово.

- Юрка, ты чего такой угрюмый? От мамки подзатыльник поимел? Или школьное задание на лето в заброшенном портфеле отыскал?

- Санька. Я в кино хочу. «Морозко» посмотреть. А ей для родного сына гривенника жалко.

- Так и мне тоже денюжку не дали. Батя сказал, получка только через неделю. Что бы раньше с протянутой рукой на глаза не появлялся. Я же не куксюсь. Терплю.

- А если за неделю все наши киношку посмотрят и её увезут в другой кинотеатр, что делать будем?

- Вот проблема. Значит в него сходим. Что нам стоит!

- Ну, как ты не понимаешь? В «Смене» нас с тобой все тётеньки контролёрши знают. И босиком пускают. А в других кинотеатрах без обуви никак нельзя. Враз заругают. Сам же знаешь, сандалии родители только к школе достанут, чтобы зазря обувь до поры, до времени не убивали.

- Жучка. На, лопай, трудяга, – раздалось из-за плетня. Это моя мать вышла покормить всеобщую любимицу. Старую собаку, исправно с утра до ночи гонявшую воробьёв от кормушки с куриным кормом.

- Юрка! Эврика!

- Что ты такое сказал? Как ты меня обозвал? Это я эврика? А в ухо не хочешь?

- Эх, ты дружан. Не любишь книжки читать. А зря. Потому и не знаешь, что «эврика» по-гречески означает: нашел или придумал. И никакое это не оскорбление. Так сам великий Архимед кричал, когда что-нибудь нужное человечеству изобретал.

- Ну и чё? Ты прямо сейчас что-то гениальное изобрёл? Робота, который вместо тебя бечевку к палке привязывать будет и покрывало натягивать? Вот умора.

- Не Юрка, я не то изобрёл. Я придумал, как нам денег на кино раздобыть.

- Тоже мне придумщик. У меня с утра два «клапана» на щеглов поставлены. Толку-то. Даже если поймаю птицу. Её у меня фиг кто купит. наших городских этим не удивишь. А к «центральному» идти

продавать, так можно и по шее схлопотать и вообще без «клапана» остаться.

- Да знаю я всё это. У меня другая идея сейчас родилась. Слухай сюда.

Стрельбище за шелковой рощей знаешь?

- Ну!

- Да не ну. Совсем даже не ну. Там взрослые дядьки по тарелкам из ружей палят.

Юрка усиленно чесал выцветшую на ярком солнце, не стриженную до осени шевелюру – и ничего не понимал.

- Так вот. Они же не всегда в эти тарелочки попадают. Некоторые целёхонькими улетают в кусты.

- И чё?

-А то. Мы с тобой этих тарелочек наберём.

- И чё?

- У меня Жулька. У тебя Шарик. У Серёги Гарзан. Всем собакам новые миски нужны. Глядишь, кто из пацанов для своего любимца гривенника и не пожалеет. Им красивая чёрная тарелочка, а нам с тобой киносеанс в «Смене». Отец говорит, что за границей это называется бизнес.

- Саня, ты, конечно, пацан башковитый, спору нет. Только больше этого буржуйское слова не произноси. Бо не сдержусь - и в ухо дам. Потому как у меня с этими гадами разговор короткий. Не посмотрю, что ты мне друг. Чё уставился? Пошли не стрельбище. Шалаш никуда не денется. Потом достроим. Мне дюже Шарика порадовать хочется. Из новой тарелки, сам же знаешь, любая похлёбка тройне вкуснее.

«Ружья в пол! Стволы в землю! Я кому сказал! Прекратить стрельбу! Мать вашу! Люди на линии огня! Тащите этих гольцов сюда. Лично уши драть буду!»

Репродуктор на смотровой вышке умолк. На стрельбище наступила не предвещающая ничего хорошего тишина.

- Саня, ну их, эти тарелочки. Бежим отседова. Поймают – уши надерут, это ещё полбеды. А ежели отцам расскажут? Тогда, сам знаешь, есть стоя придётся.

Но было поздно. От старенького, выдавшего виды УАЗика ещё ни одному пацану удрать не удавалось.

- Вам что, жить надоело? Какого... вас под пули понесло?- здоровенный мужик, в линялом военном кителе, держал каждого из нас за шиворот.

- Та, та, тарелочки, – глотая слёзы, пробормотал я. Для со... со... собачек наших. Им есть не из чего. С земли всё подбирают. С пылью, грязью едят.

- Степаныч, ты это слышал? Кабысдохов им жалко. А жизни своей не жалко? Скажите спасибо, что я не ваш батя. – Голос мужика изменился. И мне показалось, что в нём появились какие-то тёплые нотки.

- Значит так, мелюзга! Марш за Степанычем! Он вам выдаст по пачке тарелочек. На всех собак хватит. Но если я хоть раз увижу вас на стрельбище, тогда... Самолично расстреляю, как тарелочки! Понятно? Марш, с глаз моих долой, пока я снова не осерчал.

Мама, смотри, что я нашей Жучке принёс! Дай скорее кусочек хлебца – я её из новой тарелочки покормлю. Глянь, как она хвостом виляет! Понимает. Подарку радуется.

Через час в нашу холобуду ввалился злой как чёрт Юрка. В руках он держал что-то бесформенное, но блестящее.

- На, держи на память. Хорошо, что пацанам не продали. Тогда уж точно огребли бы по полной.

-Юр, что это?

- Та-ре-ло-чка, – нараспев и с издёвкой произнёс дружбан. – Но-ва-я. Хорошо, что вовремя заметил и отобрал у Шарика. Помнишь, ты мне рассказывал про дядюшку Римуса и его сказки? Так вот, ещё немного – и мой пёс, как тот кролик, из-за этой смолы себе всю пасть испоганил бы.

Вечером в импровизированное жилище заглянул мой старший брат Илья, учащийся Фабрично-заводского училища. Из потёртой кожаной сумки достал пару огурцов и ломоть хлеба.

- Лопайте, робинзоны. Чего приуныли? Выкладывайте, в чём проблема?

Хрустя сочным овощем Юрка поведал ему о нашем походе на стрельбище и дальнейших событиях. А как же иначе! Ведь не чужой человек. Не выдаст.

- Значит так, соложата. Есть такая наука химия. Вы её в старших классах проходить будете. В общем тарелочки эти делают из битума, смолы, по-вашему. И ещё обрабатывают чем-то, чтобы хрупкой становилась и на мелкие кусочки разлеталась, когда в неё пуля попадёт. На нашем жарком кубанском солнце смола плавится.

- Как мороженое, – перебил я брата.

- Примерно. Только медленнее, конечно. Короче. Мой вам совет. Отнесите эти ваши тарелочки туда, откуда взяли. Пусть спортсмены на них тренируются и медали для нашей страны завоёвывают.

- А как же кино? «Морозко»? - Юрка не сдержался и хлопнул носом.

Илья полез в карман и достал две монетки. - Держите. Это вам от меня за смелость. Но только помните, что она, без ума, зовётся безрассудством.

Часть 13. Юмор

Павел Федотов. Завтрак аристократа

Договор

Осенним поздним вечером Кувыкин возвращался с работы домой. Только зашёл в полутёмную арку и на тебе – классическая ситуация: двое вальяжных типов преградили ему дорогу.

- Мужик, деньги при себе имеются?- спросил, подмигнув, первый бандюган.

- Не юли, а то карманы оторвём,- пригрозил второй.

- Имеются,- честно ответил Кувыкин.- Восемьсот рублей: пятисотка и три по сто.

- Ну. И чего же ты ждёшь? Отдавай,- снова подмигнул первый.

- А то бить будем,- пообещал второй. И, в качестве аргумента, бандюганы показали свои нехилые кулаки.

- Щас. Разбежался,- вдруг огрызнулся с вызовом Кувыкин.- Почему это я свою честно заработанную заначку должен кому-то отдавать? Завтра суббота, я что – на сухую буду отдыхать? Не отдам.

- Как это... не отдашь?- опешил первый бандюган, беспорядочно моргая на оба глаза.

- Что?! Да мы тебя сейчас тут так укатаем!- взвился второй.

- Давайте. Но несколько фингалов и, возможно, пару переломчиков я вам гарантирую.- Будучи человеком неробкого десятка Кувыкин был настроен решительно, а в качестве контраргумента он вытащил из карманов свои – тоже внушительного размера – кулаки.

- Так, спокойно,- осадил нервного подельника первый бандюган.- Мужик, все мы тут цивилизованные люди. Гони нам пятьсот рубликов и разойдёмся кто куда.

- Не пригону.

- Но мы же не можем тебя просто так отпустить. Подумай, что о нас скажут в нашем бандитском сообществе? Мужик, надо договариваться. Короче, и тебе и нам не резон светить фингалами в темноте, о переломах я вообще молчу. Давай договоримся так – подерёмся, но не сильно. С тебя – триста рублей. И ты не потеряешь к себе уважение, и мы сохраним свой имидж. К тому же, у тебя остаётся пятисоточка – на выходные. Ну, договорились? Мужик?

Кувыкин в раздумье зачесал затылок.

- Ладно. Дерёмся не сильно на... двести рублей, – согласился он, повернув свою поправочку в договор.

- Чёрт с тобой,- вздохнули бандюганы.

И все трое ударили по рукам. Для начала.

Евгений Обухов

Дедовск, Московская область, Россия

Страшное существо

Кот у Евстифеева – просто страшное существо. Не в том смысле, что, например, ночами орёт или всех царапает без разбора. Он наводит ужас на Евсея Игоревича своим даром предсказывать ход мировой истории. Да так, что тот всерьёз считает всех остальных животных созданными на Земле, а вот котиков – космическими пришельцами, тоненькой ветвью какой-то великой внеземной цивилизации... Так врачам и рассказывает.

В общем, как-то раз для общего образования Евсей Игоревич купил в электричке и прилепил на стену в коридоре огромную карту континентов со всеми городами и странами. Мол, сколько раз за день

из кухни в комнаты без пользы хожу – а тут тебе карта. Глядишь, походя самообразуюсь, буду знать, где Белиз находится и велика ли хвалёная пустыня Гоби...

На другой день кот, дефилируя мимо, вдруг встал на задние лапы и царапнул карту в районе Японии, кусочек отодрал. Евстифеев махнул на кота полотенцем, поднял кусочек, чтобы приклеить обратно на место и прочитал: «Фукусима». А вечером по телевизору сообщение...

Евсей Игоревич сперва значения не придавал. Так, хмыкнул по поводу совпадения. Но дня через три эта скотина подпрыгнула и деранула в районе Мексики. И тут же сообщение: землетрясение девять баллов, столько-то жертв, столько-то разрушений. Тогда уж Евстифеев задумался.

А этот злыдень – шмарк в районе Персидского залива. Через час по всем каналам: о-па, война! Выдрал клочок из Большого Барьерного рифа – наутро диктор кадры комментирует: лайнер напоролся и затонул, в воде три тыщи народу. А то подбежал и с самого низа всю Антарктиду когтищами исполосовал. Вечером на экране дядька с бородой: мол, катастрофа, потепление, айсберги тают, пингвинам жить негде, а Европу затопит к чертям собачьим...

Тут-то и дотюмкал Евстифеев: страшная скотина в доме живёт, мистическая. Захотел от греха карту со стены соскрести, так кот увидал и бегом в кабинет, к глобусу. Евсей Игоревич аж передёрнулся весь: брысь! Нет уж, лучше пусть континенты частями, чем планету целиком. Избавиться от кота? Ещё не легче, это хуже десятка Фукусим – скотину ведь тёща для семейного счастья подарила, и если только узнает... Уж лучше пусть торнадо с оползнями, тем более, что они где-то далеко, а эта – в соседнем районе...

Так и терпел Евстифеев, только наблюдал, как безжалостное животное о карту когти точит. А там уж каждый день сыпалось: погода, климат, взрывы, войны, дома рушатся, наводнения пучатся, эпидемии на огромных территориях с три царапки величиной.

Вчера же кот подпрыгнул и когтём точно город Речинск подцепил. Евстифеев аж помертвел весь и говорит Лидке: «Ну, всё. Мы же в Речинске живём!». А котяра уселся перед ними на пол и так с любопытством смотрит: что, мол, предпримите?

А они сами не знают. Сидят растерянные в постели, простынками укрывшись, головами крутят, через окно на улицу выглядывают, прислушиваются. Чего ждать? Газ рванет? Метеорит шархнет? Может, пустоты какие под городом, и время пришло половине улиц провалиться?..

Евстифеев успокаивает: «Ты, Лидочка, если вдруг, то главное – не это... не того... не пугайся!». А у самого руки ледяные...

Так и просидели часа два, как окаменели. И вдруг в двери ключ – шурр, шурр... В общем, жена Евстифеева на два дня раньше из санатория вернулась, не понравилось, что ли, или мистика какая вмешалась... А тут – он сидит в спальне с рыжей с этой, с Лидкой...

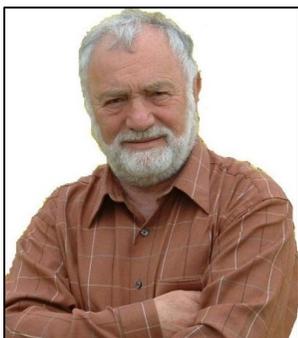
Что там было – куда цунами с землетрясениями, и близко не похоже!

Один кот из спальни на кухню сумел улизнуть, только оглянулся на бегу и посмотрел на хозяина с укоризной: «Я ж тебя предупреждал!»

Вот и лежи, рассуждай про котов, пока из травматологии не выписали...

Александр Матлин

Нью-Йорк, США

Культурное ущелье

В английском языке есть выражение *culture gap*. В буквальном переводе, это «культурная щель», иначе – культурный зазор, пробел, разрыв и т.п. В общем, такое различие в культурах, которое не позволяет людям, выросшим в разных странах, понять друг друга. Если вы, дорогой читатель, иммигрант из России или, не дай Бог, из Советского Союза, вам это не надо объяснять. Мы с вами это хорошо знаем на собственном мучительном опыте.

Считается, что культурный зазор преодолим. Что мы всегда можем столкнуться с американцами, израильтянами, немцами, канадцами, и даже, наверно, с китайцами. Надо только, чтобы стороны проявляли

дружеское терпение и взаимную симпатию. И тогда можно перешагнуть эту проклятую щель и с восторгом проникнуть в культуры друг друга.

Я тоже раньше так думал. И прожив в Америке большую часть жизни, не сомневался, что моя иммигрантская проблема культурной ассимиляции давно преодолена и забыта.. Но однажды эта уверенность предательски пошатнулась. Причиной того стал совершенно пустяковый эпизод, и даже не эпизод, а просто разговор со старыми друзьями, о котором я сейчас случайно вспомнил.

Но давайте с начала.

Началом послужил юбилейный банкет по поводу моего дня рождения. Мне исполнилось что-то такое внушительное с окончанием на ноль. Как вы знаете, дни рождения с окончанием на ноль принято пышно праздновать. Мой банкет удался на славу. Как полагается, гремели тосты в мою честь и, конечно же, извергался нескончаемый водопад стихов в мою честь, поскольку наш брат иммигрант горазд на рифмоплётство. И всё это, признаюсь, было несправедливо по отношению к моим американским гостям, коих присутствовало значительное количество. Они выслушивали эти русскоязычные потоки остроумия с растерянными лицами и при каждом взрыве хохота переглядывались друг с другом и тускнели.

Я тоже не сплеховал и сочинил стих. Он был адресован моей маме. Тогда она была ещё жива, присутствовала на банкете и вместе со всеми хохотала, хлопала в ладоши и произносила тосты, хотя ей было

уже под девяносто. Чувство юмора ей никогда не изменяло, так что моё стихотворение она приняла с восторгом. Стихотворение начиналось так:

Спасибо, мать, что родила,
Что, организма не жалея,
На свет меня произвела,
Простого русского еврея!

Эта первая строфа была встречена смехом и аплодисментами, что, конечно, повергло моих англоязычных гостей в уныние. А тут, как назло, последовала вторая строфа, вызвавшая ещё более бурную реакцию среди русскоязычных гостей и ещё большее расстройство среди американцев:

Спасибо, мать, что в те года,
Когда меня в себе носила,
Ты всё снесла, хотя тогда
Тебя, наверно, мной тошнило.

Я не буду приводить стихотворения полностью. Оно довольно длинное и носит несколько личный характер. Скажу только, что оно было принято с ликованием, хотя сам я не отношу его к числу моих лучших камерных сочинений для друзей и родственников.

На следующий день после банкета меня посетили мои соседи и старые друзья Арни и Вельма. Это были такие близкие друзья, что мы запросто заходили друг к другу без звонка, что в Америке считается недопустимым. Наши дома были рядом, забора между нами не было, и мы ходили друг к другу дворами, прямо по траве, не выходя на улицу. Арни и Вельма, конечно, участвовали во вчерашнем банкете и теперь заскочили, чтобы выразить благодарность и восхищение.

– Кстати, – сказал Арни, – мне кажется, ты написал очень смешное стихотворение, потому что твои гости прямо умирали от хохота. Не мог бы ты перевести его нам или, хотя бы, просто рассказать, о чём оно?

– С удовольствием, – ответил я. – Это стихотворение посвящено моей маме. Давайте прямо по строчкам. Значит, так. Спасибо, мать, что родила... Thank you, mother, for giving me birth.

– Спасибо за что? – не поняла Вельма.

– За то, что она меня родила. Я благодарю свою мать за то, что она подарила мне жизнь.

– Странно, – сказала Вельма. – Разве это не её биологическая миссия?

– Ну почему странно, солнышко? – вмешался Арни. – Я как раз понимаю, что это даже может быть смешно. Алекс благодарит свою мать за своё рождение. Она ведь могла сделать аборт. Ха-ха-ха.

– Дальше, – сказал я. – Что организма не жалея, на свет меня произвела, простого русского еврея... That with no concern about your body, you brought into this world me, a simple Russian Jew. Это понятно?

– Не совсем, – сказала Вельма. – Что эты имеешь в виду, когда ты говоришь, что она не беспокоилась о своём теле? Почему она должна была беспокоиться? Ты намекаешь на кесарево сечение?

– Нет, нет. Просто я хочу сказать, что... знаешь... Наверно, это не так просто – выносить ребёнка. А потом его еще надо родить. И моя мать через всё это прошла. Ради кого? Ради меня. И вот за это я её благодарю.

– Конечно, – согласилась Вельма. – Если уж выносила, надо рожать, никуда не денешься. Я помню, когда я была беременна Джейком...

– Подожди, солнышко – перебил Арни. – Про свою беременность ты потом расскажешь. Меня другое интересует. Вот, Алекс, ты говоришь, что она родила еврея. Какое отношение к её родам имеет твоя религия?

Я почувствовал, что тонкая трещина взаимонепонимания, возникшая пять минут назад, начала угрожающе расширяться.

– Да пожалуй, никакого, – неуверенно промямлил я. – Просто... как бы это объяснить... просто я как бы признаю, что она меня родила. А я как бы еврей. Значит, она родила еврея.

– погоди, здесь что-то не так, – сказала Вельма. – Твоя мать еврейка?

– Еврейка. Папа тоже еврей.

– Папа тут ни при чём.

– Как это ни при чём? – возмутился я. – А кто же тогда при чём? Сосед дядя Вася, что ли?

– Папа ни при чём – решительно повторила Вельма. – Главное – мама. Если она еврейка, значит ты тоже еврей, и никого другого она не могла родить. Почему надо говорить, что она родила еврея?

– Потому что это смешно.

– Что смешного в том, чтобы быть евреем? – спросила Вельма.

– Да, что в этом смешного? – повторил Арни.

– Вы меня неправильно поняли – сказал я. – Конечно, нет ничего смешного в том, что я еврей. Это, даже, наоборот, печально. Но у нас, русских, то есть, я хотел сказать, у людей из России слово «еврей»

считается смешным. Как только скажешь «еврей», так все хохочут прямо до слёз. Вы сами видели.

– Ага, вот в чём дело! – обрадовался Арни. – Теперь понятно, почему они смеялись. Хорошо, что ты объяснил.

– Да, – сухо заметила Вельма. – У русских очень тонкое чувство юмора. Давай дальше.

– А дальше так, – сказал я, с облегчением возвращаясь к основной теме. – Спасибо, мать, что в те года, когда меня в себе носила, ты всё снесла, хотя тогда тебя, наверно, мной тошнило. Thank you, mother, that at those years, when you were bearing me, you endured...

– Стоп, стоп, стоп, – перебила меня Вельма. – Это не правильно. Ты должен сказать «в те месяцы» а не в те года. Детей не носят годами.

– Конечно – сказал я. – Конечно, ты права. Но месяцы тут не при чём. Я говорю, что в те давние годы, когда...

– Ты должен сказать «в те месяцы», а не «в те годы» – отрубил Вельма. – Нормальная беременность продолжается девять месяцев. Даже когда я была беременна Джейком...

– Не отвлекайся, солнышко, – мягко сказал Арни.

– Ах, да пойми же, Вельма... – Я начал чувствовать лёгкое раздражение. – Может быть, я не точно перевёл. Я имею в виду, далёкие, давно прошедшие годы, понимаешь? То есть то время, когда я ещё не родился, а мать меня носила.

– Послушай, – сказала Вельма, начиная чуть-чуть выходить из себя. – Не спорь со мной. Я женщина. Ни одна женщина, даже русская, не может вынашивать ребёнка годами.

Я сделал глубокий вдох и вял себя в руки.

– Конечно, Вельма, – сказал я ласково. – Конечно, ты права. Конечно, я неправильно перевёл. Забудь про года. Это у меня такой корявый английский. На самом деле я написал не «в те года», а «в то далёкое время».

– Ну, тогда другое дело, – сказала Вельма с облегчением.

– Да, совсем другое дело – обрадовался Арни. – Я так и знал, что ты написал очень талантливое стихотворение. Молодец. Вообще, русские люди очень талантливые, правда, Вельма?

– Да, очень талантливые, – согласилась Вельма. – Помнишь, котик, тот замечательный русский фильм, который мы недавно смотрели? Как он у них называется? Леви... Левинский... Левинзон...

– Левиафан?

– Да, он самый. Прекрасный фильм. Жаль только, что они главного героя сделали убийцей.

– Как? – оторопело выдохнул я. – Он не убийца! В этом весь смысл, что...

– Конечно, убийца – Убивает жену из ревности – разъярил Арни.

– Да нет же! Вы не поняли! Его подставили! Это хозяин города, мэр или кто он там, таким образом от него избавляется, потому что...

– Чего тут не понять – сказала Вельма с явным раздражением. – Конечно, этот мэр города – негодяй, но он тут ни при чём. Там суд разбирает дело и признаёт главного героя виновным на основании улики. Суд всегда независим. Так что это ты, наверно, ничего не понял.

Я почувствовал, что культурная щель разверзлась и оказалась глубоким, непреодолимым ущельем, из которого веяло холодом взаимного отчуждения. Видимо, мои друзья тоже это почувствовали.

– Солнышко, нам пора; я забыл свои таблетки – сказал Арни.

Мы расцеловались, не глядя друг на друга. В окно я видел, как они, держась за руки, медленно шли к себе домой, но не через двор, как обычно, а по улице. Похоже, что пропасть между нашими дворами уже нельзя было перешагнуть.

Иллюстрация Вальдемара Крюгера

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

К телу

Поэты всех времён – от Анакреона и Шекспира до Есенина и Бродского с Губерманом – жаловались на собственное старение.

«Поредели, побелели/Кудри, честь главы моей/Зубы в деснах ослабели,

/И потух огонь очей» (Анакреон/Пушкин);
“Облетает моя голова,/Куст волос золотистый вянет”(Есенин)
«В автобусе на девушку посмотрел/она мне молча место уступила»
(Губерман)

и т.д.

В основном, поэты сетовали на конкретные признаки старости – старение отдельных частей тела, выпадающие зубы, лысеющую голову, сердцебиение. Пойдя по этому же пути дальше, я решил обратиться ко всему телу, «интегрально». И вот что получилось

1. Тело, моё тело,
Тело дорогое,
Ты недавно, тело,
Было молодое!

2. На тебя гляжу я...
Что с тобою стало?
Прямо скажем, тело,
Ты меня достало.

3. Дышишь затруднённо,
Держишься не прямо...
На лице унылом -
Жизненная драма.

4. Ты признайся, тело,
Чем ты недовольно?
Может, что-то съело?
Может, где-то больно?

5. Не печалься, тело,
Хоть и пожилое,
Ты живи, покуда
Ты ещё живое!

6. Ты, смотри, не падай!
Двигайся по свету!
А другого тела:
У меня и нету.

Сведения об Авторах

Валентина Агафонова. Родилась, росла, училась, работала - учила, родила, воспитывала. С 2000 года - в Испании. Вместе с тульским художником Владимиром Тарунтаевым, пишущим картины левой ногой, открыла интернет-сайт «Грани преодоления» для таких же художников на территории бывшего СНГ. Живет в Каталонии.

Лейла Александер-Гарретт (р. Узбекистан). Писатель, переводчик со шведского и английского. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М, Аст, «Астрель», 2009). Живет в Лондоне.

Нина Аловерт (р. Ленинград). Окончила исторический факультет Ленинградского университета. Специалист в области балета и балетной фотографии. С 1977 года живет в Америке. Внештатный балетный критик и фотограф журналов Dance Magazine, Ballet Review, Point, журнала «Балет» (Москва), русскоязычных газет в Америке. Принимала участие в составлении «Международного балетного словаря» (Лондон, «Сент-Джеймс Пресс», 1994), справочника «Кто есть кто в современном мире», Москва, 2003. Автор книг и альбомов о Довлатове, Юрском, Эйфмане, ленинградских театрах... Имеет международные премии и награды.

Семен Белкин. Окончил Ленинградский институт иностранных языков и Ленинградский кораблестроительный институт. Более 40 лет проработал в институте по проектированию рыболовных судов. Неоднократно выходил в море на промысловых судах, участвовал в длительных рейсах в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Автор более десяти книг о кораблях и море. В ЧАЙКЕ публикуется как писатель-маринист и историк морского дела. С 2008 года живет в США.

Кира Белостоцкая (Москва). Окончила Радиотехнический факультет Московского Энергетического института. С 1958 года работает в ОКБ МЭИ. Защитила кандидатскую диссертацию. Прошла все должности от инженера до начальника лаборатории. Имеет почётные звания: «Заслуженный создатель космической техники», «Заслуженный испытатель космической техники», «Ветеран космонавтики России». Живет в Москве.

Татьяна Белянчикова. Родилась и живет в Москве. Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской Государственной Библиотеки. С 1990 г. живет в Лос-Анджелесе. Автор 7 книг и многочисленных публикаций. Зам. главного редактора журнала

«Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика».

Зоя Бобкова (Чита) Поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение) и член Союза журналистов СПб и Ленобласти. Главный редактор газеты «Приневский край» Ленобласти. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Автор надписи на памятнике «Примирение», установленном в Санкт-Петербурге. Печаталась во многих изданиях и коллективных альманахах. Лауреат фестиваля песни «На берегах Невы» и к 300-летию СПб. Живёт в Гатчине.

Александр Булгаков (1961, Челябинск). Окончил Челябинский политехнический институт, инженер-технолог машиностроительного производства. Публиковался в журналах: «Родина», «Уральский следопыт» и «Край Смоленский». Член Международной гильдии писателей. Живет и работает в Челябинске.

Анатолий Валюженич Заслуженный энергетик СНГ, почетный энергетик и ветеран энергетики Казахстана. С середины 1960-х гг. углубленно занимается литературной темой «Маяковский и его окружение». Автор книг «О.М.БРИК: Материалы к биографии», «Лили Брик – жена командира. 1930 – 1937», двухтомника «Пятнадцать лет после Маяковского», библиографического романа «Феномен Лили Брик». Живет в Казахстане.

Игорь Волошин (р. 1955, Киев). Окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. В 1991 году эмигрировал в США. Периодически публикуется в русскоязычных изданиях с очерками о национальных парках Америки, о Чикаго и о малоизвестных, но необычных личностях в истории США. Работает инженером. В ЧАЙКЕ публикует очерки о забытых еврейских художниках Чикаго. Живет в Чикаго.

Михаил Гаузнер (р. 1936, Одесса). После окончания Одесского политехнического института проработал 42 года в крупном конструкторском бюро станкостроения, был его ведущим, затем главным специалистом, имеет 20 авторских свидетельств СССР и патенты шести ведущих стран мира. Более 20 лет публикуется в одесских и зарубежных газетах, а также альманахах и сборниках. Автор трёх книг прозы, в 2017 г. стал лауреатом литературного конкурса им. Паустовского. В ЧАЙКЕ публикует рассказы, воспоминания. Живет в Одессе.

Сергей Голлербах (р. 1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г. был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. Член Американской академии художеств. Автор книг: «Заметки художника» (1983), «Свет прямой и отраженный» (2003), «Нью-Йоркский блокнот» (2013). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Летом 2018 года стал дипломантом журнала ЧАЙКА за серию мемуарных очерков. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке.

Борис Голубицкий. Режиссер, заслуженный деятель искусств России. С 1987 по 2012 художественный руководитель Орловского Государственного академического театра имени И.С.Тургенева. Преподает в Российском Государственном институте сценических искусств (С.-Петербург). Живет в Санкт-Петербурге.

Лев Гуревич (р. 1945, Москва) Публиковался в журналах «СЛОВО/WORD», «Эмигрантская лира», «Гостиная», «Кольцо А», «МИШПОХА», русскоязычных газетах Германии. В ЧАЙКЕ публикует очерки о интересных судьбах художников и ученых. Живет в Германии.

Наталья Замулка-Дюбуше. Писатель, поэт. Во Франции работала переводчиком, функционером муниципальной службы, сейчас на пенсии. Книги стихов «Мартовская метель», «Берег памяти», «Журавли родной земли». Книги прозы - «Билет на французский корабль», «Чужая нация», «Граница дождя». С 1990 года живет во Франции.

Саша Зеленская (р. Ленинград). С 1990 года живет за пределами России - сначала в Швеции, а затем в США и Швейцарии. Окончила Стокгольмский Университет по специальности «радиационная биология», защитила диссертацию по медицине в Каролинском университетском госпитале в Стокгольме. В настоящее время работает в фармацевтической промышленности. Дебютировала со стихами в журнале ЧАЙКА. Живет во Франции.

Борис Левит-Броун (р. 1950, Киев). Поэт, прозаик, художник. Сфера его творческих интересов: поэзия, проза, религиозная философия, графика, художественная фотография. Член Союза Писателей России (2010). Публикуется в периодических изданиях: «Крещатик», «Футурум Арт», «Дети Ра», «Зинзивер», а также в интернет-изданиях: «Зарубежные Задворки», «PERSONA plus», «Релга». С 1996 г. живет в г. Верона (Италия).

Даша Кашина (Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Лауреат журнала ЧАЙКА за 2018 год в номинации «журналистика». Живет в Киеве.

Алекс Клевицкий. В настоящее время на пенсии. Интересуется русским зарубежьем. Работы были опубликованы в сборнике «День Поэзии» (Ленинград), «Новом Журнале», газете «Новое Русское Слово», журнале «Третьяковская Галерея». Живет в штате Массачусетс, США.

Ксения Кривошеина. Художник, публицист, исследователь творчества Матери Марии (Скобцовой). Автор многочисленных публикаций во французских и российских изданиях. Редактор православного сайта «Parlons d'Orthodoxie». Живет в Париже.

Зарина Кушельман (Москва), Филолог, преподаватель, специалист по русской литературе (МГУ). В Америке с 1990 года. Работала преподавателем в нескольких университетах Мичигана, вела классы по русскому языку и по истории русской литературы (University in Ann Arbor,

Wayne State University of Detroit, Mersy University). Публикации в газете «Каскад», «Большой Вашингтон», журнале «Чайка» и др. Живет в Б. Вашингтоне.

Сергей Линков (р. 1935, Москва). В 1959 году окончил историко-филологический факультет МГПИ, в 1968 году — Высшие курсы сценаристов и режиссёров. Был вторым режиссёром на фильме «Дворянское гнездо», а также ассистентом режиссёра при создании документального фильма «Обыкновенный фашизм». Соавтор сценария фильма «Тимур и его команда». Автор документального фильма «Толя Якобсон из Хлыновского тупика». Живет в Бостоне.

Элеонора Мандалян (Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор. Кандидат наук. С 1994 - в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Лос-Анджелесе.

Илья Марин. Мэнеджер. Окончил Массачусетский университет. Живет и работает в Нью-Йорке.

Зоя Мастер (Кишинев). Писатель и журналист. По образованию - музыковед. Автор сборника рассказов «Учитель музыки» и сборника интервью с российскими знаменитостями «Встречи во времени и пространстве». В 2017 вышла её первая двуязычная книга для детей «Two Cat Tales – Две кошачьи истории». Живёт и работает в Денвере, Колорадо.

Александр Матлин. Инженер-строитель, специалист по морским портам. В этом качестве проработал почти 40 лет в Америке. Печатается в сетевых журналах «Заметки по Еврейской истории» и «Семь искусств», в еженедельниках «Панорама» (Лос-Анджелес) и других русскоязычных газетах и журналах Северной Америки и Израиля. В 2010 году Москве, в издательстве «Вагриус», вышла книга «На троих с ЦРУ – полное собрание из бранных рассказов и стихов». В апреле 2014 года в Нью-Йорке, в издательстве «MIR Collection» вышла ещё одна книга рассказов «2 = 1». Живет в Нью-Йорке.

Лариса Миллер (Москва). Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Постоянный участник Альманахов журнала ЧАЙКА. Живет в Москве.

Марина Мичурина. Работала в проекте «Английский нового тысячелетия» (New Millennium English) - учебник английского языка для российских школ, 1999-2005 годы. Стихи публиковались в электронном журнале «Кругозор», в журналах «Контакт» (Бостон) и «Веселые картинки». Издала два сборника поэзии – «За алым парусом вдогонку» и «Дорога в ноябрь». Живет и работает в Бостоне.

Евгения Народицкая, журналист, редактор, живет в Рок-Айленде, США.

Евгений Обухов (р.1954). Автор семи сборников прозы, трёх сборников стихов, составитель (либо участник) более сорока коллективных сборников, участник поэтических антологий. Был спецкорреспондентом журнала «Крокодил» (1990-е гг.), ведущим телепередачи «Вокруг смеха» (2002 – 2003 гг.), Главным администратором «Клуба 12 стульев» (т.е., зав. отделом юмора) 16-й полосы «Литературной газеты» (1999 – 2005 гг.). С 2005 до настоящего времени – главный редактор журнала «Филателия». Живет в г. Дедовск Московской области.

Татьяна Парсанова (р. хутор Рябовский Волгоградской обл.) Автор сборника стихов «В унисон с дождями» (Редакционно-издательский дом «Российский писатель» 2018г.). Стихи публиковались в интернет альманахах и журналах: «День и Ночь», «45-я Параллель», «Сетевая словесность», «День литературы», «Артбухта», «Топос», «Великороссь» «Дарьял», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США), «Созвучие», «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и др. В настоящее время живет и работает в Наро-Фоминске.

Анатолий Петрушин (Ленинград). В 1989 году окончил Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта с присвоением квалификации преподавателя-тренера по боксу. Организовал первый в СССР клуб «Сават». Преподавал айкидо, ударные единоборства, фехтование на канн и бато. В 2006 г. опубликовал книгу «Французский бокс сават – техническая, тактическая и психологическая подготовка». Дебютировал в журнале «Чайка» (рассказ «Явка с повинной»). Живет в С.-Петербурге.

Григорий Писаревский (Харьков). Инженер-электрик. В Америке с 1988 года. Около 25 лет работал в крупных американских компаниях в области информационных технологий. Живет в Нью-Джерси. Является одним из основателей и членом правления клуба «Русских Американцев» в своем городке. Печатался в интернет-журнале «Беркович-Заметки», калифорнийском интернет-журнале «Кстати», «Еврейском Мире» и местной газете «Concordian» (на английском языке). Также на английском языке под псевдонимом «Jeff Pierce» опубликовал на Амазоне политический триллер «Hallways of Deception» (Коридоры Обмана). Пишет для ЧАЙКИ полемические статьи на политические темы. Живет в США.

Олег Пряничников (р.1969). Служил в армии, затем освоил множество профессий. Работает на предприятии ВСМПО-АВИСМА. Впервые опубликовал свои юморески в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», в 1986-ом году. Затем были публикации в журналах «Крокодил», «Чаян», «Вокруг смеха», «Начинающий писатель», «ЛитОгранка», «Союз писателей», в газетах «На смену!», «Уральский рабочий», «Литературная Россия». Автор книжки «Игра длиной в жизнь». Живет в России.

Элиэзер Рабинович (Москва). Окончил Московский химико-технологический ин-т им. Д.И. Менделеева по специальности «Технология силикатов», кандидат наук. В 1974 году с семьей эмигрировал в Израиль и работал в Израильском Институте Керамики и Силикатов до 1981 года,

после чего был приглашён в Bell Laboratories, штат Нью-Джерси, США. Автор и соавтор около ста научных статей и патентов по основной специальности. В ЧАЙКЕ публикует статьи на социальные и политические темы. Живет в Нью-Джерси, США.

Виктор Райзман (р. 1934, Одесса). Инженер-металлург, доктор технических наук. В 1991 году эмигрировал в США. Стихи публиковались в альманахах и различных периодических изданиях. Финалист конкурсов поэтов Русского Зарубежья «Пушкин в Британии-2009» (Лондон) и «Эмигрантская лира-2010» (Брюссель).

Публикует в ЧАЙКЕ стихи и переводы. Живет в Санта-Монике, США.

Александр Ралот (Александр Петренко). Прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Все они озвучены профессиональными артистами различных театров СНГ. Член Союза писателей России и межрегионального союза писателей, член правления Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов». Живет в Краснодаре.

Геннадий Разумов. Ученый, специалист в области инженерной гидрогеологии, автор более 110 научных трудов, среди которых монографии и изобретения. В течение многих лет работает в области журналистики и литературы. Им опубликовано 13 научно-художественных, научно-фантастических, мемуарных и детских книг, изданных на нескольких европейских языках. Живет в Лос-Анджелесе.

Михаил Рахунов (р. 1953, Киев). Спортсмен (русские шашки), международный гроссмейстер, поэт и переводчик. В 2008 г. опубликовал в Чикаго сборник стихотворений «На локоть от земли». С 2009 года занимается переводами англоязычной поэзии. В 2012 году издательство Водолей (Москва) выпустило книгу стихотворений поэта «Голос дудочки тростниковой». В 2016 году в Чикаго, США вышла книга стихотворений «Бабочка в руке». В 2018 году издательство «Aletheia», Санкт-Петербург, издало книгу избранных стихотворений «И каплет время...». Живет в Чикаго.

Семен Резник (р.1938, Москва). Писатель, журналист, историк. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», в которой вышли его первые книги. Биография академика Н. И. Вавилова была признана «идеологически вредной», только вмешательство крупнейших ученых и международная огласка спасли книгу от уничтожения. Исторические романы «Хаим-да-Марья» и «Кровавая карусель» – о кровавом навете на евреев и Кишиневском погроме – вообще не могли быть изданы, что заставило писателя эмигрировать в США в 1982 году. Автор фундаментальных книг о Вавилоне и Солженицыне. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Большом Вашингтоне.

Ушанги Рижинашвили. Писатель, переводчик, издатель, доктор философии, член Международного Пен-клуба, лауреат ряда литературных премий. Его перу принадлежат пятнадцать книг стихов и прозы, а также две монографии. Произведения Ушанги Рижинашвили переведены на многие

языки, в том числе на английский и иврит. Член редколлегии журнала СЛОВО/WORD. В настоящее время живёт в Лос-Анджелесе.

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Пишет мемуарную прозу. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Иерусалиме.

Людмила Свирская (р. Алматы, Казахстан). Окончила Алтайский Государственный Университет, факультет филологии и журналистики. Автор 7 стихотворных сборников, изданных в России и Чехии, и многочисленных публикаций в различных изданиях. Стихи переведены на чешский, украинский, английский и каталонский языки. Финалист Всероссийского Тургеневского конкурса (2018), призер международных литературных фестивалей: «Эмигрантская лира», «Русский стиль», «Ганноверские дни поэзии». Победитель конкурса «Пушкин в Британии» - 2018. С 1999 г. живет в Праге.

Александр Сиротин (Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер, радиожурналист. Мама Александра Нехамы Сиротина играла в ГОСЕТе Соломона Михоэлса. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва-Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2019 год. Живет в Нью-Йорке.

Роман Солодов (р.1944, Москва). Окончил МАИ, затем ВГИК. В России занимался научно-популярным кино, сценарист. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радиостанции «Свобода», получил профессию технолога по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов в семи книгах, повестей, рассказов и многочисленных статей. Постоянный автор ЧАЙКИ. Ведет в ЧАЙКЕ раздел политики и социологии. Живет в Нью-Джерси.

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Известный московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий. Академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии. Лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских и еще ряда российских и иностранных премий. Стихи переводились на многие иностранные языки и отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии. В ЧАЙКЕ ведет свой «поэтический» блог. Живет и работает в Москве.

Валерий Скобло (р. 1947, Ленинград). Поэт, прозаик, публицист. Окончил матмех Ленинградского ун-та. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной

математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной литературной периодике. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 г. (номинация «Поэзия» журнала «Юность»). Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» – 2013 г. (журнал «Иные берега»). Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Санкт-Петербурге.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях в своей постоянной рубрике «Записки на коленке». Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). Автор 25 изобретений. Работал журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». Член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА.

София Тучинская. Родилась и выросла в Ленинграде. С большим трудом и по абсолютному недоразумению окончила там один из технических вузов. В прежней, доэмигрантской жизни, – инженер-электрик. Первые годы работала в Jewish Vocational Services. Потом, в погоне за длинным рублем, перешла в software industry. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского – в «Звезде», «Неве», «22», «Нота Бене», «Лехаиме», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире», «Форвартсе», на сетевом Портале «Заметки по еврейской истории» Берковича, включая сайт «7 Искусств». Последние 25 лет живет в Сан-Франциско.

Анна Филиппова (Москва). Окончила Российский государственный гуманитарный университет. По образованию лингвист. Пишет пьесы, романы, повести и рассказы. Публиковалась в русскоязычной газете Чикаго "Земляки". Живет в Москве.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». Недавно опубликовал дебютную книгу художественной прозы на основе рассказов, напечатанных в журнале ЧАЙКА. Постоянный автор журнала. Лауреат премии журнала ЧАЙКА в номинации «художественная проза» за 2017 год. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Юрий Хейфец (творческий и артистический псевдоним Борис Берг) (р. 1953, Свердловск). Закончил Свердловский медицинский институт. В 2004 году получил второе высшее образование, закончив факультет психологии МГУ. В настоящее время работает врачом в Москве. Стихи и песни пишет с 14 лет, известен в кругу любителей авторской песни. Автор романа «Эпитафия», изданного в 2008 году в виде аудиокниги. Стихи впервые были напечатаны в журнале ЧАЙКА. Также в журнале печатались интервью с ним. Живет в Москве.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. Автор многих книг. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Лауреат премии журнала ЧАЙКА за 2018 год. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Автор художественных альбомов и книг о художниках (Брюллов, Тышлер). В 2019 году изданы две ее книги: «Дух подлинности. Соцреализм и окрестности», (М., Искусство-21 век) и «Анекдоты из пушкинских времен и другие новеллы» (М., Буксмарт). Живет в Москве.

Ирина Чайковская (Москва). Писатель, критик, публицист, драматург, кандидат педагогических наук. Область исследований последних 20 лет: Тургенев и его эпоха. Автор тринадцати книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Вадим Чирков. В прошлом житель Молдовы (Кишинев), детский писатель: сказки, рассказы, приключенческие и фантастические повести. Член СП бывшего СССР, лауреат конкурса им. Марка Алданова «Лучшая повесть Русского Зарубежья», «Новый журнал» (Нью-Йорк), 2011, «Белогвардеец». С 2000 года живет в Нью-Йорке.

Виталий Шрайбер (р. 1944, Ленинград). Окончил физический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. Доктор физ-мат наук. В качестве приглашенного исследователя работал в университетах Польши и Германии. С 2004 года живет в Калифорнии. Работает в одной из компаний Силиконовой Долины.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80-е годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University (С.-Льюис) и Saint Louis University, (Миссури, США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Постоянный автор журнала ЧАЙКА и участник Альманахов. Живет в Сент-Луисе, США.